

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

3 (190)

Июль—Август—Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937

Редакционный Совет

Акад. *Б. Б. Пиотровский* (председатель), д. филол. н. *В. И. Абаев*,
акад. *В. П. Алексеев*, член-корр. АН Азерб. ССР *И. Г. Алиев*,
д. и. н. *О. Д. Берлев*, акад. *Т. В. Гамкрелидзе*, д. и. н. *И. М. Дьяконов*,
акад. АН Арм. ССР *С. Т. Еремян*, д. филол. н. *Вяч. Вс. Иванов*,
д. и. н. *Ю. К. Колосовская*, д. филол. н. *В. А. Лившиц*,
акад. АН Тадж. ССР *Б. А. Литвинский*, д. и. н. *И. Л. Маяк*,
акад. АН Груз. ССР *Г. А. Меликишвили*,
акад. АН Узб. ССР *Г. А. Пугаченкова*, д. и. н. *Е. М. Штаерман*

Редакционная коллегия

Г. М. Бонгард-Левин (главный редактор),
С. С. Аверинцев, *Ю. В. Андреев*, *Е. В. Антонова*, *Л. С. Баюн*,
Ю. Г. Виноградов (ответственный секретарь), *М. Л. Гаспаров*,
Г. Г. Гиоргадзе, *В. А. Головина*, *Е. С. Голубцова* (зам. главного
редактора), *М. А. Дандамаев* (зам. главного редактора),
И. С. Клочков, *Г. А. Кошеленко*, *М. В. Крюков*, *В. И. Кузищин* (зам.
главного редактора), *Л. П. Маринович*, *А. И. Павловская*,
А. В. Подосинов, *Г. Х. Саркисян*, *В. М. Смирин*, *М. К. Трофимова*,
Э. Д. Фролов, *В. И. Уколова*

Заведующая редакцией *И. К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),
Yu. Andreyev, *Ye. Antonova*, *S. Averintsev*, *L. Bayun*, *M. Dandamayev*,
E. Frolov, *M. Gasparov*, *G. Giorgadze*, *V. Golovina*, *Ye. Golubtsova*,
I. Klochkov, *G. Koshelenko*, *M. Kryukov*, *V. Kuzishchin*, *L. Marinovich*,
A. Pavlovskaya, *A. Podosinov*, *G. Sarkisyan*, *V. Smirin*, *M. Trofimova*,
V. Ukolova, *Yu. Vinogradov*

Consultative Council

B. Piotrovsky (Chairman), *V. Abaev*,
B. Alexeev, *I. Aliev*, *O. Berlev*, *I. Diakonoff*, *T. Gamkrelidze*,
Vyach. Vs. Ivanov, *Yu. Kolosovskaya*, *B. Litvinsky*, *V. Livchits*,
I. Mayak, *G. Melikishvili*, *G. Pugachenkova*, *Ye. Shtaerman*, *S. Yeremyan*

Head, Editorial Office *I. Malkova*

Наши поздравления

«Вестник древней истории» сердечно поздравляет с избранием народными депутатами СССР известных исследователей древней истории и культуры, членов Редакционного Совета, Редколлегии и постоянных авторов журнала члена-корреспондента АН СССР Сергея Сергеевича Аверинцева, д. и. н. Владислава Григорьевича Ардзинба, академика АН СССР Тамаза Валериановича Гамкрелидзе, д. фил. н. Вячеслава Всеволодовича Иванова.

Доверие, оказанное избирателями,— не только признание личных качеств ученых, их гражданской позиции, но и свидетельство глубокого интереса в нашей стране к исторической науке о древности. Мы надеемся, что участие представителей советской науки в высшем органе власти поднимет ее авторитет, будет способствовать ее дальнейшему развитию, даст новый импульс и деятельности журнала.

Ю. Я. Перепелкин

ЖРЕЦ ЦАРЯ ВО ГЛАВЕ ГОСУДАРСТВА *

По принятому обычаю у Амен-хотпа IV было два «правителя», т. е. верховных сановника фараоновского государства, на средневековый лад — два «везира». Оба они вместе изображены в Ах-йот в гробнице П-рен-нуфе при VI солнечном титуле (см. § 39; EA VI:IX = X) и в гробнице домоправителя Ми-рэ при поздних солнечных кольцах

* Многоотомный труд Ю. Я. Перепелкина, посвященный преобразованиям Амен-хотпа IV, остался незавершенным. Предлагаемая вниманию читателей часть должна была начинать книгу пятую второго тома. По причине установленного в конце 70-х годов ограничения объема книг Ю. Я. Перепелкин убрал этот раздел из второго тома и, судя по ссылкам на публикации источников, не работал над ним. Само же написание раздела можно датировать 1966 годом.

За прошедшие почти четверть века появилось много публикаций новых источников и новых исследований, но труд Ю. Я. Перепелкина не устарел ни в одной своей части. Более того. Он настолько оригинален по методике, по глубине мышления и проникновения в материал, что в сущности лишь сейчас по-настоящему начинает осваиваться мировой египтологией. В свое время перевод его «Тайны золотого гроба» (Persepelkin G. The secret of the gold coffin. М., 1978) вызвал сначала, мягко говоря, сдержанный прием (см. рецензии: van de Walle B. // CdE. 1980. N 109—110. P. 136—140; Reeves C. N. // Bi Or. 1981. V. XXXVIII. № 3/4. P. 293—297), однако по мере освоения результатов его исследования этот прием сменился полным признанием приоритета Ю. Я. Перепелкина (Helck W. // OLZ. 1983. 78. Jg. № 6. S. 544 f.; idem. Kijè//MDAIK. 1984. Bd 40. S. 159—167). Э. Хорнунг (Hornung E. Tal der Könige: Die Ruhestätte der Pharaonen. 3. erweiterte Auflage. Zürich, München 1985. S. 217) вообще перечеркивает другие исследования, оставляя только публикацию источников и исследование Ю. Я. Перепелкина. См. также: Munro I. Zusammenstellung von Datierungskriterien für Inschriften der Amarna-Zeit nach J. J. Persepelkin «Die Revolution Amenophis' IV». Teil I (russ.). 1967 // Göttinger Miszellen. 1986. Ht 94. S. 81—91); Bi Or. 1987. V. XLIV. № 1—2. P. 137—143. Несмотря на явное усиление интереса к личности исследователя и предметам его изысканий, несмотря на все увеличивающийся поток литературы, ныне в известной степени повторяется история с Кэе и «Тайной золотого гроба»: то, что удалось установить Ю. Я. Перепелкину в предлагаемой статье, является абсолютно новым и неожиданным. Ю. Я. Перепелкин имел обыкновение писать очерками, постепенно рассматривая крупную проблему то с одной, то с другой стороны (в данном случае том должен был освещать все окружение фараона-реформатора), а затем соединять очерки в книгу. Это позволяет каждый отдельный очерк воспринимать как самостоятельную, внутренне законченную работу, хотя сам автор много времени тратил на переработку будущих глав в цельную монографию и вообще для себя не признавал статью как форму исследования.

Ссылки в тексте на параграфы без указания книги подразумевает монографию Ю. Я. Перепелкина «Переворот Амен-хотпа IV» (Ч. I—II. М., 1967—1984). Поскольку в книге Ю. Я. Перепелкина «Кэе и Семнех-ке-рэ. К исходу солнцепоклоннического переворота в древнем Египте» (М., 1979), являющейся третьим томом той же монографии, нумерация параграфов издательским редактором устранена, ссылки на нее даны в подстрочных примечаниях, как и на прочие исследования.

Оригинал хранится в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР, фонд № 148, опись № 1, ед. хр. № 33.

Материал подготовил к печати Е. С. Богословский.

Евг. Богословский

(EA II:XXXIII = XXXV). Имеется и косвенное указание на двойственное число правителей. Вместе с Бенре-мут, сестрою царицы Нефр-эт, в составе царского сопровождения не раз изображены два шутовских правителя, два колченогих карлика, одетых в служебный наряд правителя и названных каждый «правителем» (EA II:V два раза, VII, VIII; EA VI: XVII, XXVI, XXVIII).

В течение первых пяти лет царствования Амен-хотпа IV «правителем» в столице, Нэ, был Ра-мосе, унаследованный молодым царем от своего отца. Как известно, Ра-мосе занимал должность правителя в 30 году Амен-хотпа III (JNES X:48 VIII 92; DAeAe III:LXXXIIIb), так что ко времени воцарения Амен-хотпа IV «правительствовал» уже не менее восьми лет. Великолепная гробница Ра-мосе в Нэ была высечена и в значительной мере отделана при Амен-хотпе III (TVR: XIII = U18D: 1778). Бесспорно времени того же фараона две надписи Ра-мосе на скалах в области первых порогов (MDREN: LXX 2I = CMIEA: 90 97, 103 5I = U18D: 1791).

Возможно, самых первых лет Амен-хотпа IV изображения и надписи Ра-мосе над внутренней дверью его гробницы (TVR: XXVIII + 36(1), см. § 67). В ней же при строчном имени, когда слово «ликующий» в нем писали буквами и знаком свитка, следовательно, в 4-ом году царствования Амен-хотпа IV (см. § 10), Ра-мосе приветствует царя, будучи по-прежнему «распорядителем (стольного) города (и) правителем» (FTEQ: XVI + XXVII = EW:XVI + XXVII = TVR:XXIX — XXXI = L — LI, отчасти ZAeSA XXI:129 = TTA:138 CXXVI, U18D:1780). В той же должности он появляется в своей гробнице и на изображении награждения его царем при I солнечном титуле (см. § 34; TVR:XXXII — XXXVIII), притом по провозглашении царя «живущим правдою» (TVR:XXXVI), значит примерно в 5-ом году царствования (см. § 64). Никакого умаления Ра-мосе при новом фараоне не заметно, напротив, его положение по-видимому, сильно возросло. Прежде Ра-мосе величался, как многие другие вельможи, «повелителем-князем» (обычно переводится «наследственный князь»; в гробнице — TVR:XVIII = U18D:1779, TVR:XIX = U18D:1790, TVR:XXVIII = U18D:1789, TVR:XXXIX = U18D:1789, TVR:XL = U18D:1777, строки 1 и 9; на изваянии — RTRPhAEA XXIX:142 = U18D:1790, в наскальной надписи — MDREN:LXX 2I = CMIEA: 90 97, 103 5I = U18D:1792); так величался он, возможно, и в начале царствования Амен-хотпа IV (TVR:XXVIII, см. § 67). Но при I солнечном титуле (см. § 34) Ра-мосе в той же своей гробнице не менее двух раз назван просто «повелителем», как величались престолонаследники или вельможи, приравненные или почти приравненные к ним по положению (TVR:XXXIV = U18D:1781 — 1782 два раза; наверное, еще третий раз TVR:XXXVI согласно вполне основательному восстановлению В. Хелка U18D:1782). Последнее обстоятельство позволяет, быть может, отнести ко времени Амен-хотпа IV и так называемые «гробничные конусы» Ра-мосе (CIEFC I:№ 132 = CIEFC I:№ 133 = U18D:1791); надпись ни в чем не противоречит такому приурочению: «Славишь ты Рэ по утрам — повелитель, друг (царев) единственный, предводитель, предстоящий великим, распорядитель (стольного) города, правитель Ра-мосе, правый голосом (т. е. покойный)». В надписях в гробнице, величающих Ра-мосе просто «повелителем», за этим саном неизменно следовало тоже «друг единственный».

После переименования царя из «Амен-хотпа Нуте-хок-висе» в «Эх-не-йота» уже больше ничего не слышно о Ра-мосе. Отсюда однако не сле-

дует, что он пал жертвою царской немилости. Его гробница подверглась впоследствии придиричивому просмотру с целью истребления имени Амуна и даже слова «боги», но ни изображений, ни титула самого Ра-мосе не тронули. Это тем показательнее, что в соседних гробницах Саха и П-рен-нуфе, впавших под конец в немилость у царя, имена владельцев безжалостно уничтожались (Сах — ASAE XLII:460 — 461 семь раз, 462, 464 — 466, П-рен-нуфе — JEA IX:137 — 138 многократно, XXIII два раза, XXV два раза; см. также 136; ср. XXIV 2 + 140 и XXVII v; у Саха истреблялось даже его изображение — JEA IX:135). Заметим также, что племянник Ра-мосе Апи, сын его брата великого домоправителя царя в Мэнфе Амен-хотпа (TVR:IX, XI — XII, XIX = U18D:1785 — 1786, TVR:IX = U18D:1786; TVR:IX = U18D:1784; U18D:1812; Aegy XIV:34 = 35 + 36 = U18D:1807 — 1808, КИДВ:№ 3 = ИИЦ:XXXV = ВДИ. 1974. № 2: 97 — 106 = U18D:1812), унаследовавший отцовскую должность, процветал при Амен-хотпе IV не только до его переименования в «Эх-не-йота» (HPRG:XXXVIII), но и после того. У Апи в новой столице был дом, отделявшийся при IV — VI солнечном титуле (KEA II:XIII = AeISMB II:399 = RKA:LV = TTA:158 CLXXI = MDIAeAK IX:XXa = SchNSch:против 17 = RSch:против 17), а также гробница, высеченная в скалах за городом, которую отделявали еще при V (см. § 38) солнечном титуле (MSECAE I 87—92, XXXVIII — XL, EA IV:19—20, XXX — XXXIII, XLIII — XLIV). Таким образом, нет никаких оснований предполагать, что Ра-мосе мог плохо кончить. Тем не менее, в новой столице мы застаем уже иных лиц в должности правителей.

От одного из них мы имеем незаконченную гробницу с чернильными набросками надписей на косяках двери (RTRPhAEA XV:38 = MSECAE I:81 = EA V:12 — 13, XIV). Кроме двери и входа ничего в сущности не было высечено, так как работа над внутренним помещением, скромным по сравнению с большими вельможескими гробницами, была только начата. Н. де Г. Дэвис допускает, что непритязательные размеры гробницы могли быть вынужденными ввиду «плачевного качества скалы в этой точке»¹. Но как бы то ни было, ни они, ни приостановка работы в самом начале не свидетельствуют о влиятельности хозяина, хотя был он «повелителем, начальником, казнохранителем...», «правителем». Звали его — (Не)шт-п-йотом. Точных указаний на время гробницы остатки надписей не сохранили, однако в ее принадлежности поре ранних солнечных колец вряд ли приходится сомневаться. Первая из трех стоячих строк по каждую сторону двери кончалась словом «вековечность», перед которым слева читалось еще слово «вечность». Так как сочетание «вечность вековечность» — в противоположность сочетанию «вековечность вечность» — свойственно титулам солнца, царя и царицы (см. § 55), первая строка должна была и по другую сторону двери заключать эти титулы²; остальные строки содержали молитвы и титулы вельможи. Но так устроены надписи на косяках: бывают только при ранних солнечных кольцах (см. третью часть настоящего исследования). Исключение — гробница Маху (EA IV:XXVII, XXVIII), но Маху подражает в соответствующих надписях соседним, более ранним гробницам (см. § 40, 108, 109, 114).

К той же поре ранних солнечных колец надо отнести и другого известного нам по имени правителя. Его звали Нашт, но дошла от него до нас не гробница, а развалины городского дома с обломками надписей,

¹ de Garis Davies N. The rock tombs of El Amarna. Pt. 5. L., 1908. P. 13.

² Ibid. P. 12.

некогда его украшавших (CA I:5 — 9, 143—146, III—V, VII 4, 6, VIII, I, XXXV 10). К сожалению, остатки солнечных колец, о существовании которых можно заключить из описания, не были изданы. Однако употребление слова «бог» применительно к фараону («бог, творящий людей», CA I:VII 6 = TTA:174 CСIII) не позволяет приурочить отделку дома ко времени более позднему, чем самое начало поры поздних солнечных колец (см. § 114). Если бы слово «шов» на одном из обломков было из солнечного имени, принадлежность дома поре ранних солнечных колец была бы сама собой очевидной, но только вряд ли это «шов» из солнечного кольца (CA III:XXXV 10). С другой стороны, дом отделявали и не раньше, как при III солнечном титуле, поскольку царица уже «[Нефр]-нефрейот Нефр-э[т]» (CA III:XXXV 10).

Дом Нашта выделяется своей величиной и великолепием, и кажется странным, что такому богатому городскому жилищу не соответствует столь же роскошное вечное место обитания на кладбище: гробницы на имя Нашта там не обнаружили. Однако вполне возможно, что Нашту принадлежала какая-нибудь из незаконченных безымянных гробниц. На южном кладбище, где большинство гробниц отделано при ранних солнечных кольцах, имеется одна, почти готовая, но лишенная каких-либо изображений и надписей. По своему утонченному великолепию она превосходит все прочие гробницы на южном кладбище, а по величине приближается к гробнице Туту, уступая одной лишь гробнице Аяа. Такая усыпальница была бы достойна верховного сановника.

Но что, если Нешт-п-йот и Нашт одно и то же лицо? Оба правители, и слово «нешт/нашт» имеется в имени каждого. Тогда скромная гробница на имя Нешт-п-йот была бы местом вечного упокоения Нашта, обладателя роскошного дома в городе живых. Несоответствие между тем и другим сооружением, конечно, разительно, да и имена у правителей все-таки разные. Мысль о возможном тождестве обоих приходила на ум уже первоиздателям жилища Нашта, но была тогда безоговорочно отклонена. Все же есть обстоятельства, заставляющие отнестись к такой возможности более внимательно. Дело в том, что оба правителя, в сущности, одновременно. Оба, как мы видели, приходятся на последние годы ранних солнечных колец. Надписи на косяках гробничной двери были не совсем обычны, судя по тому, что уцелело на левом из них. Вместо того, чтобы каждой стоячей строке составлять самостоятельную надпись, третья строка представляла прямое продолжение второй, причем в этой последней заключены были как молитвы, так и начало вельможеского титула, продолжавшегося и завершавшегося в третьей строке справа — «(1) — — — ежедневно пока не достигнет (3) — — — (Не)шт-п-йот», слева — «(2) — — — он (или: его) повседневно повелителем, начальником, казначейщиком (3) — — — правителем (Не)шт-п-йотом». И вот сходное необычное строение оказывается и у трехстрочной надписи на косяке городского дома: «(1) — — — в пожалованиях, владыка обеих земель, зиждущий лица все (т. е. всех людей). (Да) даст он (2) — — — жалуюм[ому] владыкой своим, творящ[ему] сказанное, обучен[ому] владыкою обеих земель касательно (?) (3) — — — письмо на камне, распорядител[ю] (стольного) города Нашт[у], прав[ому] голосом» (CA I:VII 4 + 145 = TTA:173 CCI). Но могут ли эти обстоятельства перевесить несоответствие между скромной гробницей и притязательным жилищем и особенно различие имен? Первое, быть может, не является решающим, но различие имен составляет такое препятствие, какое преодолеть трудно. Добро бы краткое «Нашт» стояло в чернильных наброс-

ках будущих надписей, но оно и притом оно одно стоит в завершенных надписях на дверях и стенах дома. По имеющемуся описанию дома царь был изображен там почитающим солнечные кольца (CA I:7), а вот в имени хозяина наименование солнца зачем-то повсеместно вдруг было бы выкинуто! Подобное сокращение представляется невероятным. Оно тем более невероятно, что имя «Нешт-п-йот» в полном, несокращенном виде употребительно в ту пору: помимо хозяина гробницы его носит владеец «ответчика» (AeP:210 9) и некое должностное лицо в производственной скорописной пометке (CA III:LXXXVIII 84). Родственное имя «П-йот-нашт» («Йот крепок») выписано тоже полностью в скорописном счете на черепке (CA III:LXXXIV 5; ср. также «[П(?)]-йот-нахт» в скорописной пометке CA I:LXIV 40).

Одновременное или почти одновременное появление в Ах-йот двух правителей Нашта и Нешт-п-йота объясняется, возможно, очень просто. Не приходится сомневаться в том, что великолепный «распорядитель города (и) правитель Нашт» был главным или верховным правителем. Необыкновенный дом в подведомственной столице и звание «распорядитель работ в [Ах]-йот» (CA I:145, восстановление Б. Ганна — на стр. 146) подходят к тому как нельзя лучше. С скромный Нешт-п-йот мог бы быть низовым правителем. На изображении в гробнице П-рен-нуфе в Ах-йот времени VI солнечного титла представлены два правителя, но в то время, как один из них стоит впереди всей толпы сановников и обращается с речью к фараону, другой совсем теряется в ней, занимает в ней предпоследнее место, будучи отделен от первого тремя вельможами. Можно полагать, что второй, скромный, правитель — верховный сановник Низовья. Другой раз, в гробнице домоправителя Ми-рэ в Ах-йот, оба правителя изображены рядом (EA II:XXXIII = XXXV, пора поздних солнечных колец). Что низовые сановники обзаводились жилищами и местами погребения в Ах-йот, тому доказательство дом (AeISMB II:399 = KEA II:XII = ARK:LV = TTA:158 CLXXI = MDIAeAK IX:XXa = SchNSch:против 17 = RSch:против 17) и гробница (MSECAE I:87—92, XXXVIII—XL = EA IV:19—20 + XXX—XXXIII + XXXIX + XLIII—XLIV) «распорядителя дома (т. е. царского хозяйства) Мэнфе» Апи и дом «великого (среди) видящих Йота в доме Рэ (очевидно, в Оне)» П-воха (MDOGB XLVI:18 = AeISMB II:126 = TTA:172 CXCVIII = MDIAeAK IX:XXI).

Второй правитель появляется только у П-рен-нуфе и Ми-рэ домоправителя, в других гробницах мы находим всегда одного правителя, легко узнаваемого по своему своеобразному наряду. Несомненно, это столичный правитель. В гробнице Маху это следует из самого содержания изображений и надписей. На правителе как градоначальнике столицы лежит верховный надзор за ее безопасностью, и вот он стоит во главе «сановников больших фараона — жив, цел, здоров! — (и) предводителей войска, которые стоят пред величеством его», а «начальник мэджа (т. е. стражи) Ах-йот Маху» представляет трех окованных мужчин для допроса (EA IV:XXVI — отчасти XLI). В другой раз «правитель (и) распорядитель города [Ах-йот (имя-рек)]» прибыл в само расположение стражи на подступах к Ах-йот и, стоя у костра, принимает доклад ее начальника (EA IV:XXIV). Царская чета прямо из храма едет осмотреть столичные заставы, и верховный сановник устремляется туда же бегом впереди царской колесницы (EA IV:XX). А когда царь с царицей и дочерью отбывают прочь, правитель почтительно провожает их вместе с Маху и его подчиненными (EA IV:XXI—XXII = отчасти XII).

Чаще всего мы застаем правителя, а то и двух правителей, в толпе

вельмож, присутствующих при награждении царем их собрата. И такие изображения имеются одинаково как в более ранних, так и в более поздних гробницах Ах-йот: при VI солнечном титуле (см. § 39) у П-рен-нуфе (EA VI:IV = X, два правителя), у Туту (EA VI:XVIII, XX), у Айа (EA VI:XXIX = XLIII); при VII солнечном титуле (см. § 40) у Ми-рэ жреца (EA I:VI = VIII, XXV = XXX), у Ми-рэ домоправителя (EA II:XXXIII = XXXV, два правителя). Когда царскую семью постигает большое горе — кончается вторая царица, правитель уж тут как тут и принимает живейшее участие в оплакивании почившей (MSECAE I:VII = IX; вероятно, также MSECAE I:VI = ИДЕ:141 = ИДЕг:367). И это изображено внутри самой царской гробницы.

Глядя на все эти изображения, видя, как часто на них появляется правитель — на заставах столицы и в ее правительственном средоточии на царских выходах и в личных покоях царской семьи, было бы естественно заключить, что правитель и в Ах-йот оставался самым влиятельным сановником фараона. Однако такое заключение было бы ошибочным.

ЗАГАДОЧНЫЙ САНОВНИК

Да, высшие сановники страны, верховный и низовой правители, особенно первый из них, изображаются на стенах гробниц в Ах-йот. Совершенно верно. Но только всегда ли при этом оказывалось должное внимание к высокому сану правителя?

Настораживает уже появление в царском сопровождении двух шутовских правителей. На царских выходах сестру царицы Нефр-эт, юную Бенре-мут, обыкновенно сопровождают два колченогих карлика, наряженных в облачение, присвоенное одним правителям: рубашку на лямках, спускающуюся от середины груди до середины голени (EA II:V два раза, VIII, ср. VII, EA V:III, EA VI:XVII (?), XXVI, XXVIII). Карлики именуются: «Правитель жены царевой Энэх („Вековечность“») и «Правитель матери его (т. е. царя) Рэ („Солнце“»)» (EA II:V два раза, EA VI:XXVI, XXVIII).

Но и сами настоящие правители бывают показаны так, что трудно не подметить: главный сановник фараона не правитель, а какое-то другое лицо.

Когда царь награждает П-рен-нуфе, впереди присутствующих вельмож стоит один из правителей, и он же обращается с речью к фараону (другой правитель затерян в сановой толпе, EA VI:IV = X). Равным образом, оба раза, когда царь осыпает своими милостями Туту, правитель опять-таки оказывается впереди вельмож (EA VI:XVIII, XX). Но этим не исчерпывается число изображений, на которых правитель предстает перед царем впереди остальных сановников.

Когда фараон награждает Айа, правитель возглавляет их толпу, но впереди него самого стоит еще какой-то сановник (EA VI:XXIX = XLIII). Когда награды получает домоправитель Ми-рэ, во главе придворных чинов стоят оба правителя, но впереди них стоит то же загадочное лицо (EA II:XXXIII = XXXV). При возведении царем другого Ми-рэ в сан верховного жреца солнца за ним, коленопреклоненным, толпятся придворные во главе с правителем, но впереди правителя все тот же неведомый вельможа, и именно он обращается с приветствием к фараону (EA I:VI = VIII). Когда же царь одаривает Ми-рэ золотом, внизу изображен правитель небольшого размера впереди писцов, ведущих запись, в самом верху представлены придворные чины и воины-опахалоносцы,

а посередине показан крупно другой правитель, но впереди него стоит еще один вельможа (ЕА I:XXV = XXX). На первый взгляд может показаться, что у начальника стражи Маху загадочный сановник, наконец, уступает первенство правителю. Царь с женою и дочкою едет на столичную заставу, а перед его колесницею бежит правитель, и на этот раз за ним, а не впереди поспешает некий вельможа (ЕА IV:XX). Однако первенство правителя здесь только кажущееся: тот вельможа бежит непосредственно перед царской колесницей, а правитель — на большем от нее расстоянии за меньшим, чем он, лицом — начальником стражи Маху. Что незнакомец важнее, подтверждает со всей желательной наглядностью другое изображение у Маху: с отбывающим царем говорит тот сановник, а правитель — куда меньшего размера — стоит позади; за правителем стоит тот же Маху (ЕА IV:XXI + XXII). И все это в гробнице начальника столичной стражи — лица, подчиненного по службе правителю!

Таинственный сановник во всех случаях с бритой головой, в длинной складчатой одежде с рукавами, перехваченной посередине пышным передником (ЕА I:XXV = XXX уцелели только голова и плечи). У Аяа (ЕА VI:XXIX = XLIII) и жреца Ми-рэ (ЕА I:XXV = XXX) голову этой особы обвивает еще повязка.

Возможно, что великий сановник был изображен в самой царской гробнице. В числе оплакивающих во дворце только что почившую вторую дочь фараона стоит очень скромно, совсем в стороне правитель, а впереди него — трое мужчин с бритыми головами и в длинных одеждах с рукавами, перехваченных передниками. У первого мужа на голове повязка. По воспроизведению от руки она имеется и у третьего мужчины (MSECAE I:VII), однако на снимке (MSECAE I:IX) ее нельзя распознать. Естественно предположить, что первый муж, стоящий к тому же несколько особо от двух других, все тот же великий безымянный сановник. Те двое могли бы быть верховными жрецами главного храма солнца: «великим (среди) видящих Йота в доме Йота в Ах-йот» и «рабом первым Йота в доме Йота в Ах-йот» (см. § 211). Но всего скорее они были вместе со своим старшим товарищем «теми, кто в хант», поскольку эти сановники тоже ходили с бритой головою и одежда на них бывала такая же и могло быть их несколько.

Кто же этот вельможа из вельмож, первенствующий сановник фараона, затмевающий самого правителя? Конечно, это не Аяа, нареченный свойственник фараона. «Отец божий» нигде и никогда не появляется с непокрытой бритой головою, да и при награждении его царем толпу вельмож возглавляет не кто иной, как сам загадочный незнакомец (ЕА VI:XXIX = XLIII). С бритой головою ходят жрецы солнца; на одном изображении у его верховного жреца Ми-рэ даже повязка вокруг головы (ЕА I:XXV = XXX). Но великий сановник явно не верховный жрец Йота, потому что присутствует при возведении Ми-рэ в верховные жрецы (ЕА I:VI = VIII) и при награждении того за попечение о храме (ЕА I:XXV = XXX). Второстепенные жрецы солнца вроде Пи-нхаса (ЕА II) или Пенчев (ЕА IV) явно не стояли бы впереди всех сановников, в том числе правителей.

Но есть еще вельможи, не покрывавшие бритых голов накладными волосами. Таковы царский стольник П-рен-нуфе и «тот, кто в хант» Туту. Первый ходил с голой головою (ЕА VI:III = VIII, IV = X, ср. II, V, VI) в видах опрятности, так как прислуживал царю за едою (ср. ЕА VI:VI), второй был царским жрецом (см. § 213). Но у обоих, помимо бритых голов, есть еще одна общая черта. Только в их двух гробницах из числа всех тех, где во главе сановников стоит правитель, впереди него не видно никого еще более первенственного (ЕА VI:IV = X, XVIII, XX). Хотя

голова у П-рен-нуфе в одном случае даже обвита повязкою (изображение, впрочем, повреждено, EA VI:V), тем первенственным сановником он быть не может: для этого размеры его гробницы слишком скромны (EA VI). Ну, а как Туту? Может быть, он тот сановник? Ведь у него не один раз, как у П-рен-нуфе, а целых два (EA VI:XVIII, XX) впереди правителя нет никого более важного? Не потому ли и нет никого, что тот великий сановник и есть сам Туту, при награждении которого присутствуют прочие вельможи во главе с правителем?

Туту по большей части в том самом наряде, который носит и великий сановник: в длинной складчатой одежде с широкими короткими рукавами, перехваченной посередине пышным передником (EA VI:XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX); в таком же переднике, но без рубашки, обнаженный по пояс (EA VI:XII два раза, XIV, MSEC AE I:LVI, LIX), но все эти воспроизведения, особенно два последние, желательно было бы проверить; верхняя часть туловища обнажена, но передник как будто не был пышным (EA VI:XV); как и EA VI:XII, XIV, последнее изображение небольшого размера. Подобно таинственному вельможе Туту всегда с бритой головой (EA VI:XII два раза, XIV, XV два раза, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX). Единственные исключения, если положиться на издание, не всегда слишком точное (MSEC AE I:LV и LIX), где в первом случае у Туту накладные волосы, а во втором голова не то коротко стрижена, не то обтянута плотно облегающим ее чепцом (в обоих случаях на темени укреплен так называемый жировой конус).

Стоит, быть может, упомянуть и то, что гробница Маху, где великий сановник особенно бурно развивает служебную прыть (EA IV:XX, XXI + XXII), соседит с гробницей Туту (EA IV:XIII).

Все, что можно возразить против тождества загадочного вельможи с Туту, сводится к отсутствию на его изображениях головной повязки, которую мы трижды видим у того сановника: в гробнице Айна (EA VI:XXIX = XLIII), в гробнице жреца Ми-рэ (EA I:XXV = XXX) и в царской гробнице (MSEC AE I:VII = IX). Но в остальных случаях — а их все-таки большинство — голову великого сановника никакая повязка не обвивает: в гробнице того же Ми-рэ жреца (EA I:VI = VIII), в гробнице домоправителя Ми-рэ (EA II:XXXIII = XXXV) и дважды в гробнице Маху (EA IV:XX, XXI + XXII). В этих случаях ничто не отличает великого вельможу от Туту.

Однако одних внешних признаков никоим образом не достаточно для отождествления загадочного сановника с Туту. У Туту, бесспорно, была большая богатая гробница, одна из самых видных на кладбище в Ах-йот, но было ли его положение в государстве настолько высоким, что он оказывался стоящим выше самого правителя? Кто был Туту?

ВРЕМЕНЩИК ТУТУ

Из клинописных писем, которыми обменивались египетский двор и подвластные ему царьки Сирии — Палестины, давно и хорошо известно имя некоего сановника, на клинописный лад «Дуду», оказывавшего заметное влияние на взаимоотношения Египта и его сиро-палестинских подданных. Обыкновенно это влияние расценивается как зловещее и роковое для египетского господства на севере, поскольку перед «Дуду» заискивали как раз те круги, чье двуличное поведение вело к отложению севера от Египта и переходу под власть Хатти.

Г. Штейндорфф³ в 1890 г., Н. де Гарис Дэвис в 1908 г.⁴ и затем в 1920 г. Х. Ранке⁵ показали тождество этого Дуду с известным вельможею Амен-хотпа IV Туту, которого богатая гробница еще в прошлом веке была обнаружена в скалах за солнцепоклоннической столицей. Основанием для отождествления послужила незаконченная надпись во внутреннем помещении гробницы (EA VI:XIX). В ней, действительно, ясно и определенно говорится о деятельности Туту по части иностранных дел, тогда как в гробницах других вельмож о подобной деятельности ничего не сказано. Вот эта надпись:

«Тот, кто в хант (об этом важнейшем звании Туту см. ниже — Ю. П.), Туту, рассказывает: „О, [руководители (?)] ока всякого (т. е. всех людей), писцы, [знающие] службу свою, (жрецы —) очистители большие дома Йота, (жрецы-)раб[ы] Йота, сановники — — — царя (?), которых сердца искушены в жизни, хотящий всякий достичь старости, соединения (с) землею, погребения добрым (образом), (когда) бывают сыты жизнью! Послушайте себе (на пользу)! Войдите во двор мой (т. е. в мою гробницу), поглядите (на) большое, сотворенное мне! Я — раб Ва-н-рэ, властителя, живущего правдою. Сопровождал я его, когда утренивал он (т. е. поднимался рано), чтобы пожал[овать] меня, потому что творил я вышедшее из уст его. Не скрывал я (чего-либо) про случай неисправности в поручении всяком величеств[а] его. Был (я) устами верховными (т. е. верховным распорядителем) земли до края ее в войске, работах, ремеслах, оке всяком живом равно, как и мертвом (?), т. е. во всех решительно людях), — — — уполномоченные нагорий (т. е. чужеземных стран) всяких, я — докладывавший слова их во дворец, (когда) был я в — — — повседневно. [Вых]одил я к ним как уполномоченный царя с распоряжением всяким величества [его]. [Руководил я (?)] работами над [памятниками его, (когда) был я первым в должности того, кто в хант, будучи чист для Ва-н-рэ — — —“».

Заведывание сношениями с иноземцами отмечено в надписи настолько ясно, что сомневаться в тождестве Дуду и Туту, разумеется, не приходится. О тождестве свидетельствует и необыкновенно высокое положение того и другого. Ведь неспроста сирийский владетель уничижался перед египетским вельможею, величая его «отцом»: он уповал на него, на его всемогущее заступничество. И действительно, значение Туту согласно египетской надписи далеко не сводилась к посредничеству в иностранных делах: он был «устаи верховными земли до края ее (т. е. всего Египта) в войске, работах, ремеслах, оке всяком живом, равно как и мертвом (т. е. решительно во всех людях)». Ничего подобного не сообщает о себе никто другой из сановников Амен-хотпа IV, никто из них не величает себя «устаи верховными» страны. Подобные «уста» могли, конечно, ходатайствовать пред царем даже за владетеля, чья верность Египту вызывала сомнения.

Обозначение «уста верховные земли до края ее» не представляло обобщения отдельных званий Туту. Среди его должностей только три имеют отношение к управлению страной в целом: «распорядитель приказаний всех владыки обеих земель» (EA VI:XV), «распорядитель работ всех величества его» (EA VI:XV), «распорядитель серебра (и) золота владыки обеих земель» (EA VI:XV). Должность «распорядителя дома белого — — —

³ Steindorff G. Die keilschriftliche Wiedergabe ägyptischer Eigennamen // Beiträge zur Assyriologie. Bd I. 1890. S. 331. Anm. *

⁴ de Garis Davies. Op. cit. Pt. 6. L., 1908. P. 14.

⁵ Ranke H. Keilschriftliches // ZAeSA. 1920. Bd 56. S. 69—71.

солнца в доме солнца в [Ах-]йот» (ЕА VI:XII + 15) имела, очевидно, отношение лишь к хозяйству главного храма столицы — к его хранилищу всякого рода ценностей. Но и из трех общеегипетских должностей последняя вряд ли имела прямое касательство к обозначению Туту «устаи верховными земли до края ее», так как означала только заведование серебром и золотом. Такое касательство могли иметь две другие общеегипетские должности: «распорядитель приказаний всех владыки обеих земель» и «распорядитель работ всех величества его», но, видимо, Туту не придавал им большого значения, потому что каждая засвидетельствована в его гробнице всего лишь по разу, несмотря на то, что титула его в ней представлены в избытке. Да и сама должность распорядителя всех работ не превращала еще ее носителя в «уста верховные» всей страны, не исключая войска. Майа величался «распорядителем работ всех царя», может быть, даже «распорядителем [работ] в (?) земле до края ее» (ЕА V:II, ср. 5), однако его начальство над войском выражало другое его звание: «распорядитель войска владыки обеих земель» (ЕА V:II один или два раза, IV три раза). Равным образом в надписи подле Хине, повествующей о сооружении «солнечного столпа большого» новому богу, сказано о распоряжении «согнать работы все, начиная от Йэба (на крайнем юге страны) вплоть до Перамуна (на крайнем севере), (и) предводителей войска», т. е. отдельно рабочих и отдельно воинов (DAeAe III:CXi = ASAE III:263 = TTA:144 CXXXVII = U18D:1962). Вряд ли также должность распорядителя работ сообщала власть над ремеслами. Что ее обозначало другое полурасушенное звание Туту, тоже невозможно утверждать, так как восстановить поврежденное слово, следующее за званием «распорядитель», в смысле «ремесла», «ремесленники» «распорядитель [ремесел]» или «распорядитель [ремесленников]», с уверенностью нельзя (ЕА VI:XII).

Нет, в звании «уста верховные земли до края ее» не были обобщены или подытожены отдельные должности Туту. Это звание выражало какое-то совсем особое его положение в государстве. Вот Майа был и «распорядителем работ всех царя» и «распорядителем войска владыки обеих земель», но стоит сравнить его жизнеописание с приведенным рассказом Туту о себе, чтобы почувствовать, как далеко было Майа до Туту: Майа — благоденствующий сановник, Туту — повелитель Египта (жизнеописание Майа переведено в другой работе; к сожалению, конец жизнеописания, замазанного после падения Майа, не был расчищен).

Понять, насколько исключительным было положение Туту в государстве, помогает речь царя, к несчастью сильно поврежденная, при награждении Туту доходами с различных чинов царства: с сановников, военачальников, жречества.

«Сказанное царем, живущим [пра]вдою, владыкою обеих земель [Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ санов]ник[ам] (и) предводителям войска, которые стоят пред фараоном — жив, цел, здоров! — : „Сердце мое (желает) сотворить случай выделяющийся пожалования... — — — людей. Не слышал он [по]жалования (?) его, сотворенного другому сановнику его. Сотвор[ено(?)] тому, кто в хант, Туту, из любви (к) нему фараона — жив, цел, здоров! —, его владыки. Вот я даю, (чтобы) — — — начальники луков (т. е. полков), распорядители коней, писцы цареви, распорядители войска, распорядители (воинских) частей всех нагорий (т. е. иноземных стран) всех, [прово]жатые домов фараона — жив, цел, здоров! —, раб йотов всякий Йота (т. е. все жрецы Йота) в — — — всяк — — — Верховье (и) Низовье. Приказал фар[аон] — жив, цел, здоров! —, его владыка добрый, (чтобы) давали сановники все большие (?) земли до края [ее] даваемое

ему: [се]ребро, золото, — — — одежды, сосуды из меди. Будут они на в[а]с, как определенное (?) — — — замысел, который [фа]ра[он] — жив, ц[ел], здо[ров]! — сотворил для раба большого фараонова — жив, цел, здоров! Не знал сановник сотворенн(ого?) им его товарищу. Нашли его супротив(?) его в — — — Услышат это (?), говоря (? — читай: на (говорении)?): "Глядите, фараон — цел, жив, здоров! — его владыка [до]б-рый, дал (указание) своим сановникам большим, равно как и сановнику всякому, созданному фараоном — жив, цел, здоров! — в земле до края ее, давать ему (т. е. Туту) серебро, золото, одежды, сосуды из меди, скот (?) каждый год²⁻⁷» (EA VI:XVII + 11 + MSECAE I:LX = отчасти 120).

Среди внешнеюющих царской речи изображены правитель (верховный сановник), высокие придворные чины — носители веера, бритоголовые жрецы. Тут же на царский двор ведут быков, несут сосуды и другое добро. Затем, уже вне дворцового двора, Туту обращается с речью к толпе должностных лиц, в то время как к нему, теперь в направлении от дворца, ведут быков, несут сосуды, ларец и другие вещи. К сожалению, и эта речь тоже повреждена.

«Тот, кто в хант, Туту, рассказывает он — — — всем, — — — дома всякого (?) — — — фараон[a] — жив, цел, здоров! —, начальникам луков (т. е. полков), распорядителям коней, распорядителям — — —, рабу всякому (в подлиннике ошибочно „твоему“) йотову Йота (т. е. всем жрецам Йота) — — — в земле до края ее — — — дома Йота, людям — — — фара[он] — жив, цел, здоров! — мой [владыка] — — — большое, пожалование [Нефр-шепр]-рэ В[а-н-рэ] своему рабу большому (?) (в подлиннике „[е]го“?), который слушал [е]го поучение доброе жизни. (Что) до вещей, данных им (?) [мне] (?) как подать на — — —, чтобы выделить меня пожалованиями супротив жалуемого его всякого» (EA VI:XVIII + MSECAE I:LXI).

Может быть, Амен-хотп IV передал Туту часть своих поступлений с гражданских, военных и храмовых должностных лиц. На это могло бы указывать трудно объяснимое иначе появление быков, утвари и т. п. на царском дворе, а также учет четырьмя писцами в присутствии царя, видимо, этих самых ценностей: такие писцы ведут как раз запись наградам, отпущенным вельможам царем из своего имущества (EA I:VI = VIII, XXV = XXX, EA II:XXXIII = XXXV, XXXVII = XXXVIII, EA III:XVI, EA IV:VI, VIII = IX, EA VI:IV = X, XVIII, XX, XXIX = = XСIII).

Положение Туту в государстве было необыкновенным. Наименование «уста верховные земли до края ее» выражало то вполне определенно, однако оно не было должностным званием. Туту обозначен так в ходе повествования о себе, наименование находится в составе не титула, а поветствовательного предложения, и употреблено не самостоятельно, а в связи с последующими словами: «Был (я) устами верховными земли до края ее в войске, работах, мастерах, оке всяком (т. е. всяком человеке), живом, равно как и [мер]твом». Титул в гробнице множество, но ни в одном из них Туту не назван «устами верховными земли до края ее». Да и употреблено это обозначение в его гробнице всего один раз.

Наименование «уста верховные земли до края ее» не было должностным званием Туту. Его же управленческие звания ни в коей мере не были такими всеобъемлющими и, видимо, не слишком ценились их носители. Ведь не более как по разу употреблены в гробнице эти звания: «распорядитель приказаний всяческих владыки обеих земель», «распорядитель работ всех величества его», «распорядитель серебра (и) золота владыки

обеих земель», «распорядитель дома белого (т. е. казнохранилища) — — — Йота в доме Йота в [Ах-йот]» (ЕА VI:XV, XII + 15). Но тогда какое же должностное звание отражало необыкновенное положение Туту, какая должность сообщала ему подобное положение? Очевидно, та самая, которую он особенно гордился, которую он неустанно называет в своей гробнице.

В четырех титулах и дважды вне титул Туту объявляется верховным жрецом царствующего фараона: «раб (бок) первый Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в [ла]д[ье] (?) в доме Йота в Ах-йот» (ЕА VI:XX), «раб [пе]рвый Нефр-шеп[р]-рэ [Ва-н-рэ в ладье в доме Йота в] Ах-йот» (ЕА VI:XX), «раб первый [Нефр-шепр]-рэ [Ва-н-рэ] [в ладье в до]м[е] [Й]ота в Ах-йот» (ЕА VI:XIX), «ра[б] первый Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в ладье» (ЕА VI:XIV), «раб первый Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в [ладье в (?)] дом[е] Йота в Ах-йот» (ЕА VI:XV), «раб первый [царя (и) государя, владыки обеих земель (?)] Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» (ЕА VI:XVII). Туту придавал большое значение этому своему сану. Получение его от фараона он изобразил в гробнице рядом с представлением ему царем доходов с государственных и храмовых чинов, притом не менее, если только не более обстоятельно (ЕА VI: XIX — XX). К Туту, которого увешивают наградными золотыми ожерельями, царь обращается из дворцового окна с установленной речью: «[Сказанное царем (и) государем], живущим правдою, владыкою обеих земель [Нефр-шепр]-рэ [Ва-н-рэ] тому, кто в хант, Туту: „Вот, я даю тебя мне в раба первого [Нефр-шепр]-рэ [Ва-н-рэ] [в ладье в до]м[е] Йота в Ах-йот. Твор(ю я) это те(б)е из любви (к) теб(е), сказывая:“ Ты — мой послушатель зова (т. е. слуга) большой, который слушает поучение, что (относится) к (этому). Поручение всякое, которое ты творишь, сердце мое удовлетворяется им“. Даю я те(б)е должность сказывая: „(Да) ешь ты пищу фараона — жив, цел, здоров! — твоего владыки, в доме Йота“» (ЕА VI:XIX). Обращение совершенно такого же рода⁶ вложено в уста царю на изображении назначения Ми-рэ верховным жрецом солнца (ЕА IV = VIII, 22(2)). При выходе из дворца Туту принимает приветствия подчиненных, к которым в свою очередь обращается с речью: «Прославление — — — царя (и) государя Нефр-шепр-рэ В[а-н]-рэ тем, кто в хант, Туту, назначенным рабом первым Нефр-шепр-рэ В[а]-н-рэ в [ла]д[ье] в доме Йота в Ах-йот. Сказано тем, кто в хант, Туту, своим твердым (людям, т. е. доверенным) большим: „Взгляните (на) добро, (на) то, что сотворил мне фараон — жив, цел, здоров! — мой владыка. — — — [я(?)] сказыва[л](?) правду, не доставлялась (т. е. не доносилась?) урезка (т. е. неисправности?) в поручении всяком моего владыки касательно (?) того, с чем был послан я. (Я) творил согласно вышедшему из уст его“» (ЕА VI:XX).

Таким образом Туту подвизался на царской службе еще до назначения верховным жрецом царя. Это назначение было наградой за нее. Туту ценил свою верховножреческую должность выше своих управленческих должностей. Если те упомянуты в его гробнице не более как по одному разу каждая, то «рабом первым» царя Туту назван четыре раза в составе титул и два раза вне их. Тем не менее не эта должность была главной у Туту.

В гробнице насчитывается тридцать титул Туту, и в двадцати семи из них Туту величался «тем, кто в хант» (ЕА VI:XII два раза и, несомненно, еще раз в разрушенном виде, XIII четыре раза, XIV четыре раза, XV пять раз, XVI один раз, XVII два раза, XVIII один раз, XIX три раза, XX три

⁶ de Garis Davies. Op. cit. Pt. 6. P. 12. № 3.

раза, XXI один раз). В девятнадцати случаях одно это звание только и предпослано имени (EA VI:XIII четыре раза, XIV два раза, XV четыре раза, XVI один раз, XVII один раз, XVIII один раз, XIX три раза, XX два раза, XXI один раз). В четырех случаях званию «(тот), кто в хант» и имени предшествует еще звание «раба первого» фараона (EA VI:XIV XVII, XX), в одном случае — почетное обозначение «жалуемый бога доброго» (EA VI:XIV); в двух случаях и, несомненно, еще в одном звании «(тот), кто в хант» само предшествует одному из управленческих званий (EA VI:XII). И только три титула обходятся одним управленческим званием и именем без упоминания должности «(того), кто в хант», однако и тут последующие три соседних титула содержат все перед именем одно только звание «(тот), кто в хант» (EA VI:XV).

Таким образом, звание «(тот), кто в хант» было главным должностным обозначением Туту. Но что означало это звание?

Оно засвидетельствовано начиная со времени Старого царства вплоть до поздних времен, но нельзя сказать, чтобы смысл его был ясен. Здесь не место исследовать судьбы этого звания на протяжении долгих веков до и после Амен-хотпа IV, но на употреблении его при царе-солнцопоклоннике необходимо остановиться.

Туту не был единственным носителем загадочного звания при солнцопоклонническом дворе. На обломке из солнечного храма в Нэ, найденном в Але, частично уцелели четыре стоячие строки с титулами трех таких должностных лиц, составлявшие, несомненно, приписки к их изображениям: «[Тот, кто] в хант, [Нефр]-шеп[р-энэх (?)]», «Тот, кто в хант, Амен — — —», «Слуга божий первый (т. е. верховный жрец) [Нефр-шеп[р]-рэ [Ва-н-рэ] — — — (?), тот, кто в хант, Амен — — —» (ASAE XXXV:45). О двух последних сановниках в дальнейшем ничего более не слышно, но первый может быть тождественным с «тем, кто в хант, Нефр-шеп[р]-энэх», упомянутым в качестве управляющего «[мясозаготовительным заведением Йота] на сосуде с заготовками из Ах-йот (CA III:XCI 188).

Возможно, что второй или третий сановник — одно лицо с деятелем конца предшествующего царствования «(тем), кто в хант, Па-амуном», названным на сосуде с мясными заготовками от 37 года царствования Амен-хотпа III (JNES X:XII 164). «Тем, кто в хант» был также Пенчев, «писец царев, кто в головах (у) царя, раб (т. е. жрец) первый Йота во дворе Йота в Ах-йот, великий (среди) врачей», чья скромная гробница дошла до нас в скалах позади солнцопоклоннической столицы (звание «тот, кто в хант» — EA XV:II два раза, IV). Но имя «Пенчев» не могло быть сокращением какого-либо имени в честь Амуна.

Трудно себе тоже представить, чтобы имя «Туту» могло быть сокращением имени, заключающего в себе слово «Амун». Вдобавок и некоторые скорописные написания имени «того, кто в хант, Туту» отнюдь не благоприятствуют признанию в этом имени сокращения. Правда, в одних случаях имя сановника передано в скорописи так же, как в надписях, одними буквами: t-w-t-w (CA II:LVIII 51, CA III:XCI 189, ср. CA III:XCV 262, а также имя некоего [Т]уту, возможно, того же сановника, CA I:LXIV 39). Зато в других случаях за буквами следует определитель силы — мужчина с палкой, так что имя сановника, видимо, осмыслялось как производное от какого-то, ближе нам не известного глагола (CA III:XCI 185, 186 с пропавшими третьей и четвертой буквами, 187, где буквы разрушены, но от знака бьющего мужчины остались следы). Таким образом, в Туту никак нельзя видеть одного из двух сановников с именами в честь Амуна, упомянутых на обломке из Але. Впрочем, вторым из них Туту не мог быть

и потому, что тот был не только «(тем,) кто в хант», но и верховным жрецом фараона, тогда как Туту получил подобную должность уже «в доме Йота в Ах-йот» (см. выше).

Но если должностных лиц со званием «(тот), кто в хант» и в начале царствования и позже могло быть несколько и некоторые из этих лиц явно не занимали такого положения, как Туту, не следует ли отсюда, что своим положением он был обязан не этому званию? Однако такой вывод не может быть правильным. Не только Туту пользуется этим званием как главным и часто единственным своим должностным обозначением, но и сам царь во вложенной ему в уста речи к сановникам величает обогащаемого за их счет Туту только «(тем,) кто в хант» (ЕА VI:XVII, см. выше). Видимо, именно это звание предоставляло возможность головокружительного возвышения. Спрашивается только, каким образом?

Судя по изданному по сию пору скорописным пометкам на посуде с заготовленным впрок мясом и жиром, заведениями ахе («небосклонами»), занимавшимися такими заготовками, ведали три или четыре вида сановников: «великий (среди) видящих Йота» (ТЕА:XXIII 47, СА III:XCII 210, XCIII 231, XCIV 249); разноименные «писцы царевы» — Ах-мосе (ТЕА:XXIII 44), Аниа (ТЕА:XXIII 56), Б (?) — — — (СА III:XCIV 251), — — — (СА III:XCIV 252); «отец бога», т. е. Айа, молочный «отец» фараона (в качестве мужа кормилицы парицы Нефр-эт; СА III:XCII 196, 197); «(те,) кто в хант», — Туту (ТЕА:XXIII 48, СА III:XCI 185, 186, 187, где от имени уцелел один знак бьющего мужчины, да и то в более чем поврежденном виде; должно быть, также СА III:XCIV 262 и — с пропавшим названием заведения — СА III:XCII 189), Нефр-шепр-энх (если восстановить «[ах]е Йота» — от «ахе» уцелел знак дома, СА III:XCII 188). Возможно, что «отца бога» не следует выделять особо, а надобно причислить к «писцам царевым», так как Айа много охотнее, чем свои воинские звания, прилагал к себе обозначения «писец царев исправный, возлюбленный его» (ЕА VI:XXIV шесть раз, XXV пять раз, XXXI три раза, XXXII шесть раз, XXXIII два раза, DAeAe III:CV d = DAeAeT II:143, AeISMB II:268 = TTA:176 CCVI два раза, ср. JEA XVIII:52).

Что все это не случайность и управление мясозаготовительными заведениями действительно сосредоточивалось в руках вышеупомянутых сановников, подтверждают другие производственные пометки, не сохранившие названия заведения, но явно относящиеся к мясным заготовкам. Чаще всего тут бывает назван «великий (среди) видящих» или — полнее — «великий (среди) видящих Йота» (ТЕА:XXV 99, СА II:LVIII 33, СА III:XCII 193, 195, 209), но упоминаются также «писец царев П — — — » (СА III:XCIII 190a) и «отец бога» (СА III:XCIV 253).

При этом поручение управления «небосклонами» (ахе) царским писцам и «тем, кто в хант», было не нововведением солнцепоклоннического царствования, а наследием последних лет Амен-хотпа III. По скорописным пометкам на заготовках мяса и жира, найденным во дворце этого царя в Чэме «небосклонами» (ахе), заготавливавшими впрок жир и мясо, управляли «писцы царевы»: Майа (JNES X:X 130), Амен-мосе (JNES X:X 132), Хее (JNES X:X—XII 140, 160, 161), Хайа, сын Хитаа (JNES X:X 142), «(те,) кто в хант»: Тхут-мосе (JNES X:X 131, 158), Па-амун (JNES X:XII 164), Пай (JNES X:XII 163), — — — (JNES X:X 123), в одном случае, если верить передаче издания, некий «мастер» (читай: «стольник»?) П-нуфе (JNES X:XII 159). К «писцам царевым» надо отнести, вероятно, еще управляющего «небосклоном» Ах-мосе, чье звание разрушено (JNES X:X 134), а также «писца царева Ах(?)-мосе» (JNES X:

XI 143) и «писца царева Хайа, сына Майа» (JNES X:XII 143 A), чьим титулам предшествует странное написание, которое, надо полагать, читалось «небосклон» — «ахе». С «(тем,) кто в хант, Тхут-мосе» двух вышеназванных пометок несомненно тождествен управитель «небосклона» Тхут-мосе, поименованный без звания в другой пометке (MMA EE 1916—17:8) из того же дворца Амен-хотпа III, от того же 34 года его царствования, притом вместе с тем же резником Кайа, что и одной из них (именно JNES X:XII 158). Впечатление от сравнения пометок обоих царствований еще усилится, если мы привлечем пометки из дворца Амен-хотпа III последних его лет, относящиеся к заготовкам жира, но не называющие заведения ахе. В трех случаях мы найдем на положении управителей этих заведений все тех же «писцов царевых» (Хревеф — JNES X:50 X 121, Райа — JNES X:XII 136, Ч — — — JNES X:XII 139) и один раз даже «великого (среди) [видящих]» (?) (JNES X:40 XI 124), однако последнее совпадение не более как случайность: верховный жрец солнца в столице Амен-хотпа III совсем не представлял той хозяйственно-управленческой величины, какую являлся в солнцепоклоннической столице верховный жрец Йота.

Что верховный жрец в Ах-йот — «великий (среди) видящих Йота» — заведовал заготовлением впрок мяса, было в порядке вещей, потому что хозяйство солнца было подведомственно его верховному служителю (EA I:XXV = XXIX—XXXII). «Писцов царевых» мы встречаем на положениях управляющих и в другой отрасли хозяйства: в садоводстве — виноделии (Ах-мосе — СА III:LXXXIX 128, Хайа, сын (?) Хее (?) — СА III:LXXXVI 48, LXXXIX 123). При этом один из них — Ах-мосе, наверно, тождествен с одноименным «писцом царевым», ведавшим мясными заготовками (TEA:XXIII 44). Однако «(тех,) кто в хант» на положении хозяйственных руководителей из числа сотен и сотен изданных пометок называют лишь те, что относились к заготовкам мяса и жира. И это справедливо как для времени Амен-хотпа IV, так и для последнего десятилетия царствования его родителя. Вино, растительное масло, мед, ладан и ряд других припасов заготавливались при Амен-хотпе IV впрок вообще без указания в производственных пометках особого назначения. Напротив, в пометках на мясных и жировых заготовках всюду, где сохранность надписаний позволяет суждение, такое назначение бывает указано. И предназначаются эти мясо и жир чаще всего для «праздника Йота, именно рождения Йота», но также для «праздника вечности» (СА III:XCI 185, ср. XCII 193), «праздника вековечности» (СА III:XCII 196, ср. 198), «праздника длительности» (СА III:XCII 197) или просто для «службы постоянной (т. е. ежедневной)» (СА III:XCII 204, 206, ср. 205, ср. также TEA:XXIII 48).

Таким образом участие занимающих нас сановников — «тех, кто в хант» в хозяйственной жизни, в той мере, как она отражена в пометках, ограничивалось при Амен-хотпе IV надзором за заготовкою мяса и жира для храмовых праздничных и повседневных служб. В отличие от «писцов царевых» «те, кто в хант» ни разу не названы в качестве лиц, ответственных за виноградарство/виноделие, произведения которого предназначались не только для храмовых служб. Мне, по крайней мере, неизвестно ни одной пометки, где вино было бы заранее предназначено для храмовых праздников или служб, и огромное количество винных пометок было обнаружено вне храмовых построек. Не означает ли все это, что сановники Амен-хотпа IV в качестве «тех, кто в хант» действовали по храмовой части, были должностными лицами, в этом своем звании тесно связанными с храмами?

И действительно, стоит им появиться на изображениях в солнцепоклонническом храме Нэ, как они обязательно окажутся участниками не каких иных действий, как именно храмовых обрядовых шествий.

На камне JEA V:VIII = SPAW 1919:477 из солнечного храма в старой столице фараон слева приносит жертву многорукому лучистому солнцу, а справа шествует в его лучах. Солнце снабжено уже титулом II вида (см. § 35), но царя все еще называют «[Амен-хотп] Нуте-[ху]к-[висе]»⁷. Он оба раза в своеобразном облачении «празднества тридцатилетия». Справа царю предшествуют, глубоко склонившись, двое мужей, из которых первый — «[великий среди видящих Ра-Хар-Ахта, ликующего] в небосклоне [в имени своем как Шов, который (есть)]Иот, в доме [Рэ]»⁸ в Оне Верховья»⁹, а второй — «установщик („тот, кто со свитком“) главный — — — (?) [владыки] обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ — — — (?) [владыки] венцов [Амен-хотпа] Нуте-[ху]к-[висе]». За царем следует, тоже глубоко склонившись, «тот, кто в [хан]т, слуга божий (т. е. жрец) первый Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ». Как оба раза у царя вокруг его белого венца, так и у установщика и «того, кто в хант» вокруг голов повязка со свешивающимися сзади концами (голова верховного жреца солнца разрушена). Однако у установщика она повязана поверх (накладных) волос, тогда как «тот, кто в хант» с бритой головою. И одет он только в короткое опоясание с передником, в то время как на установщике еще рубашка с рукавами (верхняя часть туловища «великого (среди) видящих» пропала). Тем самым «тот, кто в хант» имеет куда более жреческий вид, чем сам главный установщик. Однако то, что несет в руках «тот, кто в хант», придает ему с его бритой головой и обнаженной верхней частью туловища скорее вид слуги: в правой руке у него палка с надетою на нее обувь (надо полагать, царскими сандалиями), в левой — ларчик или скамеечка. Установщик держит только свиток. Заметим, что «(тот,) кто в хант» даже идет позади царя, как следовало слуге, несущему за хозяином его дорожные принадлежности.

Остатки сходных изображений сохранились на двух камнях из пригорода Нэ (RFM 1932:24, 26 = 62). На них за царем, шествующим в лучах многорукого солнца и облаченным в одежду «празднества тридцатилетия», следовал опять-таки «тот, кто в хант». На первом камне его изображение частично уцелело: он и здесь с бритой головою, без рубашки, со скамеечкой в руках и идет тоже глубоко нагнувшись. На другом камне уцелела разве лишь часть его бритого темени. Надпись над царским провожатым сохранилась на первом камне полнее: «Тот, кто в хант, слуга божий (т. е. жрец) первый Нефр-[шеп]р-[рэ] Ва-н-рэ»; на втором камне имя царя отбито. Следовательно, надпись над сановным провожатым была точь-в-точь та же, что и на камне JEA V:VIII. Совпадение изображений и надписей на нем и на камнях из пригорода позволяет с полной уверенностью отнести эти последние к тому же времени. «Исказительный» способ изображения царя (см. § 103), не доразвившийся еще, однако, до полного «обезображения» царского лица (RFM 1932:26), говорит о том же.

Можно думать, что к изображению царского «празднества тридцатилетия» относился и камень из Апе (ASAE XXXV 45). Уцелели остатки двух поясов изображений стоящих или шествующих сановников. В нижнем

⁷ Schäfer H. Die Anfänge der Reformation Amenophis' IV // SPAW. 1919. S. 477—484; ср. добавление F. Ll. Griffith к статье: Weigall A. The mummy of Akhenaten // JEA. 1922. V. 8. P. 199—200.

⁸ Schäfer. Op. cit. S. 477.

⁹ Dorette M. Les temples atoniens de la région thébaine // Orientalia. 1955. V. 24 (n. s.) P. 123—126.

поясе сохранились верхи стоящих строк над полностью пропавшими изображениями трех сановников: «[Тот, кто в] хант, [Нефр]-шепр[-энех (? — см. выше)]», «Тот, кто в хант, Амен — — — —», «Слуга божий первый [Нефр-шепр]-рэ [Ва-н-рэ], тот, кто в хант, Амен — — — —». В верхнем поясе видны лишь остатки трех ног и имя одного из их обладателей — «Ми-рэ».

Таким образом, не подлежит сомнению, что «те, кто в хант» в последнее время пребывания двора в старой столице имели прямое отношение к обрядам, связанным с особою фараона. Один из них, состоявший одновременно его верховным жрецом, принимал самое деятельное участие в фараоновском «празднестве тридцатилетия», занимавшем такое видное место в тогдашних представлениях о солнце и его сыне ¹⁰. Бритая голова этого сановника и скромный наряд соответствовали его жреческому званию, но могли бы быть поставлены в связь и со служительскими обязанностями этого лица при особе царя во время праздничного шествия (ношение скамеечки и обуви): слуги ведь тоже брили голову и довольствовались опоясанием без рубашки (главный уставщик на камне JEA V:VIII, хотя и жрец, но с длинными накладными волосами и в рубашке). Однако вряд ли следовало бы противопоставлять или разграничивать тут обрядово-служительское и жреческое: служительски простые наряды и по-служительски — опрятности ради выбритые головы были свойственны жрецам как раз как слугам своего божества. Высокопоставленные жрецы солнца в новой столице ходили с бритой головой и во храме и вне его (единственное исключение — EA II:XXIII, где «раб первый солнца в доме Йота в Ах-йот Пинхас» представлен за трапезой в семейном кругу с накладными волосами на голове). Но если они не правил храмовую службу, они появлялись в рубашках с рукавами, как другие вельможи (Ми-рэ — EA I:VI = VIII, XXV = XXX, XXXIV, XXXV, XXXVII, XXXVIII, XXXIX, XLI; Пинхас — EA II:IV, V, VII, VIII, X, XI, XXI, XXII, XXIII; Пенчев — EA IV:II, III, IV, VII, VIII, IX). Готовясь же править службу солнцу, храмовые сановники облачались в складчатое опоясание, составляя верхнюю часть туловища обнаженной (Ми-рэ — EA I:XXII, ср. XXV = XXVII, X A = XIV; Пинхас — EA II:XII, XX, ср. XVIII; сомнительное исключение — при встрече царя во храме — в гробнице Пенчев EA IV:VI). Ср. также жрецов, встречающих прибывающего в храм царя (EA III:VIII = X, XXX, MSEA I:I = ИДВ I:310 = ДМ I:5 = VMPH:104).

В новой столице «тот, кто в хант», Пенчев, состоял также «рабом первым Йота во дворе Йота в Ах-йот» (EA IV:II два раза, III, IV, VI, VIII) и «великим (среди) врачей» (EA IV:II три раза и один раз в поврежденном месте, III, IV, VIII в поврежденном виде). Таким образом, Пенчев был тоже жрецом — правда, главным жрецом солнца, а не царя, но зато в личном храме царской семьи ¹¹, полном ее изваяний (CA III:185—187). Кроме того, Пенчев как «великий (среди) врачей» был еще получародеем и, надо полагать, при особе фараона — в качестве главного царского врача.

Итак, «те, кто в хант» ведали заготовками мяса и жира для того или иного храмового праздника солнца, один из них был даже его главным жрецом; они самым деятельным образом участвовали в обрядах царского «празднества тридцатилетия», притом в жреческом наряде и с бритой го-

¹⁰ См. *Перепелкин*. Кэе и Семнех-ке-рэ. С. 258—271.

¹¹ *Pendlebury J. D. S. The city of Akhenaten. Pt. 3. V. I: Text. L., 1951. P. 86.*

ловою, поставляли из своей среды верховных жрецов царской особы; иными словами, это были сановники, связанные с храмами и обрядовым служением фараону.

Но именно таким и предстает перед нами сам Туту. Большинство пометок на мясных и жировых заготовках для праздников и службы солнца связано с его именем. О его участии в «празднествах тридцатилетия» ничего, правда, неизвестно, но в жреческом обличье он постоянно появляется в своей гробнице. Он всегда или почти всегда с бритой головою (EA VI:XII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX, MSEC AE I:LIX; единственные два исключения — MSEC AE I:LV, LIX, однако издание не всегда отличается точностью). За отправлением храмовой службы Туту в гробнице, естественно, не показан, потому что он был жрецом фараона, а не Йота, а в гробницах Ах-йот изображали лишь царское служение солнцу. При желании об облачении Туту во время служения его владыке можно умозаключить по изображениям в гробницах других высокопоставленных жрецов — Ми-рэ и Пи-нхаса. Однако Туту сам позаботился представить себя в жреческом виде. В отличие от тех трех своих сановников сотоварищей Ми-рэ, Пи-нхаса и Пенчев он изобразил себя даже вне храмовой обстановки в одном опоясании без рубашки (EA VI:XII, XIV, XV), что, конечно, не мешало ему тут же по соседству изобразить себя в полном вельможеском наряде (EA VI:XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX; вероятно, также MSEC AE I:LVI, LIX). Наконец, сам Туту недвусмысленно говорит о своей службе «тем, кто в хант» как о священной деятельности: «Был я первым в должности (того), кто в хант, будучи чист для Ва-н-рэ» (EA VI:XIX, стк. 10). Ср. слова собственного славословия царя его солнцу, имеющиеся в списке в гробнице Туту (EA VI:XVI, стк. 11—12): «Сын твой чист, творя жалуемое тобою (т. е. служение тебе), Йот, живой в явлениях своих!» (EA IV:XXXII).

Будучи «тем, кто в хант», Туту стал верховным жрецом особы фараона в главном солнечном храме. Но эта его жреческая должность нуждается в изучении не меньше, чем его более частое звание «тот кто в хант».

В самом деле, что значило звание Туту «раб (бок) первый Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в ладье в доме Йота в Ах-йот», которое полностью восстанавливается из четырех надписей в гробнице (EA VI; XIV, XIX, XX два раза)? В какой такой ладье воздавал Туту поклонение своему повелителю в главном храме солнца в новой столице? На изображениях этого храма в гробнице самого Туту никакой ладьи не видно (EA VI:XX). Не видать ее и на изображениях главного храма в гробницах его верховного жреца Ми-рэ (EA I:X A = XI + XII, XXV = XXVI + XXVII + XXVIII + XXXIII) и его старшего жреца Пи-нхаса (EA II:XVIII, XIX). Не заметно ее также на изображениях того же храма в царской гробнице (MSEC AE I:I = ИДВ I:340 = ДМ I:5 = VMPH:104) и в гробнице Ахмосе (EA III:XXX). Да и раскопки громадного храма в самом сердце солнцепоклоннической столицы не обнаружили ничего похожего на ладью (CA III). Тем не менее местом жреческой службы Туту был именно большой храм солнца — «дом Йота в Ах-йот», как то со всею определенностью следует из самого звания Туту и как то наглядно представлено в его гробнице: по назначению его царем своим первым жрецом, Туту отбывает из дворца на колеснице в главный храм солнца, где его ожидает торжественная встреча (EA VI:XIX—XX).

Итак, на изображениях главного храма солнца в Ах-йот нельзя обнаружить никакого подобия ладьи, ни в отдельности, ни в связи с царскими изваяниями. Ее нет даже на изображении храма в гробнице самого вер-

ховного жреца «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в ладье» Туту, притом на изображении, где он как раз направляется в храм отправлять свою новую должность! Но в таком случае «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в ладье», может быть, вовсе не предполагает ни подобия ладьи, ни изваяния в ладье, а является лишь образным обозначением фараона в каком-то его особом свойстве? Нет ли чего еще о фараоне в ладье в солнцепоклоннической письменности помимо верховножреческого звания Туту?

Памятники солнцепоклоннического времени не раз упоминают «дом Неб-ма-рэ», т. е. храм умершего царя Амен-хотпа III. Военачальник Ра-мосе величает себя в своей гробнице в Ах-йот «распорядителем д[о]мовым (т. е. домоправителем) [до]ма Неб-ма-рэ» (ЕА IV:XXXV). За этим званием следует имя Ра-мосе, так что никакого определения за «Неб-ма-рэ» не было. Этого нельзя утверждать о производственных пометках из Ах-йот, сделанных на сосудах с видом «Дома Неб-ма-рэ». Пометки почти все отбиты после «Неб-ма-рэ» — непосредственно за ним или за многолетием «жив, цел, здоров!» (ТЕА:XXII 4, 7; СА III: LXXXV 17). Однако пометка, возможно, другого храмового хозяйства, сохранила продолжение и читается так: «[Год царствования] 10. Вино дома Неб-ма-рэ в ладье (wj') — — — [po]t[o]k[a] западн[ого] (т. е. западного рукава Нила). Начальник [сада (такой-то)]» (СА III: LXXXV 16). Таким образом, не только сам Амен-хотп IV, но и его отец Амен-хотп III получали храмовое почитание в качестве находящихся «в ладье». Уразуметь смысл последнего выражения помогают печати производств, отиснутые на глиняных закупорках винных сосудов, найденных в том же Ах-йот.

На печати (ТЕА:XXI 22) надпись сохранилась полнее всего. Вверху сложный знак, изображающий сидящего с подобранными коленями длинноволосого мужчину с пером правды в руке и солнечным кругом над головой, заходящий в пространство между носом и кормом плывущей по воде ладьи. Ниже слова: «вино д[о]ма»; лежащая черта, уцелевшая под n (j), прилагательным принадлежности, несомненно верх знака «дома». Следовательно, речь шла о вине храма того египетского божества, которого обозначением служил сложный знак, вынесенный из почтения вперед (наверх). Этот знак, составленный по способу так называемого «загадочного» или «играющего» письма, можно прочесть с полной уверенностью. Мужчина в плаще — *ниб* «владыка», перо в его руках — *мэ* «правда», солнце — *рэ* «Рэ», все вместе — «Владыка правды — Рэ», т. е. «Неб-ма-рэ» — престольное имя Амен-хотпа III. Знак впущен в ладью, находится в ладье, иными словами, «Неб-ма-рэ в ладье». Следовательно, перед нами печать уже известного нам храма, только то, что в пометке (СА III: LXXXV 16) было написано по-обычному, в печати передано наполовину «загадочным» способом: «Вино дома Неб-ма-рэ в ладье». Так же как на печати ТЕА:XXI 22, «Неб-ма-рэ в ладье» написано на печатях СА III: LXXXII («Вино [дом]а Неб-ма-рэ») и СА III: LXXXII 75 («Ви[но дома] Неб-ма-рэ в ладье»); единственное отличие — борода у «владыки», которой на печати ТЕА:XXI 22, по меньшей мере, в издании не заметно. На печати СА III: LXXXII 77 («Вино [дома] Неб-ма-рэ в ладье») «владыка» тоже держит в руке перо и имеет как будто бороду, но голова у него в издании такая огромная, что это явно не голова, а солнечный круг, возможно, со свешивающимся спереди аспидом («бороною»). Настоящая голова, очевидно, «плечи», а излишние «ручки» под ними спереди — борода, а сзади — волосы. Так же надобно истолковать причудливого «владыку» с пером в руке и огромной расщепленной головою на печати СА III: LXXXII 78 («Вино [дома] Неб-ма-рэ»). На печатях СА I: LV, L, K, СА

III:LXXXII 74 «владыка» в ладье изображен с бородою и солнцем над головою, но в руке не перо, а знак жизни. Тем не менее, читать все три печати надо несомненно так же, как предыдущие: «Вино [дома] Неб(-ма-)рэ». Вместо длинных волос у «владыки» (CA III:LXXXII 74) царский чепец, что, конечно, вполне подходило к Амен-хотпу III. «Владыка» (CA I:IV K) с длинными волосами, но у него (CA I:IV L) с головы сзади не свешиваются ни длинные волосы, ни кончик чепца. Чепец или округлый затылок без длинных волос наблюдается и у «владыки» в ладье на обломке печати ТЕА: XX 57; солнце над головою отбито, а в руке торчит лишь черточка от пера или значка жизни («[Вино дома] Неб-[ма(?)]-рэ»).

Не приходится сомневаться в том, что «играющее» написание «Неб-ма-рэ в ладье» изобразительно представляло человекоподобного египетского бога солнца с солнечным кругом на голове, плывущего в своей небесной ладье. На деле же то был Амен-хотп III в образе плывущего по небу солнца.

Имеется еще одна любопытная печать, найденная также в Ах-йот и подтверждающая, как нельзя лучше, только что сказанное — CA III:LXXXII 64. Вверху ее плывущая по водам ладья, а в ней круглое солнце и в нем сидящий с подобранными коленями мужчина (в плане) над лежащей черточкой. Мужчина очень похож на «владыку» с печати CA III:LXXXII 74: знак жизни, противно обыкновению, держится не на коленях, а у живота, бородка очень короткая, а на голове, по-видимому, чепец, а не длинная прическа. Две составные части «играющего» написания «Неб-ма-рэ» налицо: владыка, солнце; при желании можно даже усмотреть слово *мэ* «правда» в черточке под мужчиною. Однако, несмотря на все сходство со сложным знаком на печатях CA I:LV K, L и особенно CA III:LXXXII 74, сложный знак на печати CA III:LXXXII 64 нельзя читать «Неб-ма-рэ в ладье». И вот почему.

Ниже сложного знака на печати читаются слова: «блистательный», «вино Потока Западного»; самый низ печати отбит. Не может быть сомнения в том, что мы имеем дело с разновидностью хорошо известной печати: «Вино [дома] Йота блистательного Потока Западного» (низ печати, где должно было стоять слово «дом», повсеместно отбит — ТЕА:XXI 24, CA II:LVII E, CA III:LXXXI 61, 62, LXXXII 63). Что слово «дом» входило в название хозяйства, доказывают скорописные пометки на сосудах, найденные в Ах-йот и относящиеся, несомненно, к тому же установлению: «Год царствования 9. Вино доброе, доброе Потока [Западного] дом[a] Йота блистательного. Начальник сада Пее-шед[ев]» (CA III:XCIV 237), «Год царствования 14. Вино дома Йота блистательного Поток[a] Запади[ого]. Начальник поливного хозяйства Дейе—» (CA II:LVIII 15). Слово «поливное хозяйство» в последней пометке вместо слова «сад» (см. § 113), равно как и кольца при слове «Йот» в первой пометке и дужка кольца перед тем же словом во второй пометке (см. § 16) доказывают, что годы царствования в обеих пометках, как и следовало ожидать, не Амен-хотпа III, а его сына. Обозначение солнца в обеих пометках выписано полностью и звучит «Йот», а не «Рэ», как можно было бы читать на печатях, где оно написано, видимо, за скудостью места или довольно частому по обыкновению еще предыдущего царствованию одним изобразительным знаком солнца. Таким образом, занимающую нас печать CA III:LXXXII 64 мы должны читать так: «Вино Потока Западного (следовательно, из западного Низовья) [дома] Йота блистательного».

Если бы речь шла о Йоте как солнцепоклонническом божестве, то было бы очень трудно представить себе, чтобы внутри солнечного круга помес-

тили человекообразное его изображение, притом в обличье, сильно смахивающем на фараоновское (короткая борода, похожий на чепец головной убор). Сходство этого солнечного человека, плывущего в ладье, с солнечным же Неб-ма-рэ в ладье на других печатях делает несомненным, что человек внутри солнечного круга в ладье не кто иной, как тот же Амен-хотп III. Тем самым подтверждается мнение К. Зете ¹², еще не всеми разделяемое, что «Йот блистательный» в надписях времени Амен-хотпа III — он сам, а не небесное светило. Способ передачи на печатях сочетания «Неб-ма-рэ в ладье» и слова «Йот» в наименовании «Йот блистательный» приводит также на память, что имя «ладьи царя», в которой Амен-хотп III обновил искусственное озерко — «Йот блистательный внутри ее» — Х. Шефер ¹³ и К. Зете ¹⁴ относили к плывущему в ладье «солнцу» — Амен-хотпу III (заметим, что на некоторых из этих жуковиков «ладья царя» написано «полуиграющим» способом: «царь — знак ситовника» — плывет в ладье, U18D:1737).

Выходит, что обозначения «Неб-ма-рэ в ладье» и «Йот блистательный» как обозначения Амен-хотпа III имели в виду фараона в образе солнца, плывущего в своей ладье по небесным водам, т. е. фараона, отождествленного с солнцем в небе.

Такой смысл должно было иметь и наименование «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в ладье», известное нам по титулу Туту. Солнцепоклонничество последних лет царствования Амен-хотпа IV не терпело знаков, изображавших человекоподобного египетского бога (см. § 115). Потому печати, на которых солнце так или иначе наделялось его обличьем, были вырезаны не позднее первого времени после переделки солнечных колец из ранних в поздние. Титула Туту, содержащие его звание «раб первый Нефр-шепр-ре Ва-н-рэ в ладье в доме Йота в Ах-йот» — все времени до переделки солнечных колец. Но из этого нисколько не следует, что знание должно было быть впоследствии отменено. Надо полагать, что «играющее» написание наименования «Йот (блистательный)» в виде солнца с человечком внутри, плывущего в небесной ладье, было упразднено тогда же. Однако обозначение «Йот блистательный» для Амен-хотпа III не отпало с упразднением знака человекоподобного бога. Как мы видели, «дом Йота блистательного» упоминается в пометке 14 года царствования Амен-хотпа IV, следовательно года на два позже переделки солнечных колец (см. § 25).

Но может показаться, что представление о солнечной ладье несовместимо с развитым солнцепоклонничеством, и не только таким, каким оно стало после переделки солнечных колец, но и таким, каким оно было до того при раннем их виде.

Печати, на которых Неб-ма-рэ был представлен в образе прежнего человекоподобного бога солнца, плывущего в своей небесной ладье, не древнее первого времени после переделки солнечных колец из ранних в поздние: прошло ведь не так уж много времени после нее, и знак человекоподобного бога был удален из письма (см. § 115). Также несомненно, что лучистое многорукое солнце Амен-хотпа IV ни разу не помещено на столичных изображениях в ладью. Только на плите, которую держит изваяние шминского князя Нехт-мина, еще многобожеской, хотя и близкой к «искажительному» искусству второй четверти царствования (см. § 103),

¹² *Sethe K. Beiträge zur Geschichte Amenophis' IV // Nachrichten von der K. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Klasse. 1921. B., 1921. S. 105. Anm. 3.*

¹³ *Schäfer H. Altes und Neues zur Kunst und Religion von Tell el-Amarna // ZAeSA. 1918. Bd 55. S. 27. Anm. 4.*

¹⁴ *Sethe. Op. cit.*

князь и княгиня молятся солнечному кругу (без лучей!) в ладье с солнечным младенцем на носу (HTES VIII:XLIV; подробнее об этом памятнике см. § 119, № 35). При этом солнце так и названо по-старинному «Ра-Хар-Ахтом, что в сердце ладьи своей», несмотря на то, что в сочетании «Ра-Хар-Ахт» здесь и во второй строке нижней надписи «Ахт» передано двумя знаками небосклона со значком жизни, подвешенным к нижнему, т. е. на солнцепоклоннический лад — так писали «Ра-Хар-Ахт» при ранних солнечных кольцах (см. § 19).

Тем не менее, несмотря на почти полное исчезновение из изобразительного искусства солнечной ладьи, древнее представление о плавании солнца по небу не было полностью изжито. На более поздней плите князя Нешт-мина (времени IV—VI солнечного титула, см. § 37—39, как показано в § 119) говорится о том, что Рэ постоянно «с ветром», а также о ночной солнечной ладье (ZAeSA LXIV:IV = 113 = TTA:144 CXXXVIII). Но и эта плита, хотя и много сильнее затронутая царским солнцепоклонничеством, чем более ранняя, все же еще многобожеская. На основании известного места в большом славословии солнцу в гробнице Айна — «Ты далек, (хотя) лучи твои на земле, ты перед лицами (т. е. на виду у всех), (хотя) не [зна]ют хождения (т. е. движения) твоего» (EA VI:XXVII, стк. 3) — можно было бы заключить, что строгое солнцепоклонничество полностью исключило представление о небесном плавании солнца, притом не позже времени V солнечного титула (см. § 38), значащегося в начале этого славословия (EA V:XXVII, строка 1). То, что в славословиях вечернему солнцу в гробницах Ах-мосе (EA III:XXVIII, стк. 1) и Пенчев (EA IV:IV, стк. 1) читаются слова «переплываешь [ты] небо в мире», «переплываешь (с определителем ладьи, разрушенным у Ах-мосе) ты небо», само по себе еще немного значило бы. Надписи у Ах-мосе и Пенчев, несмотря на верноподданническое солнцепоклонничество первого и жреческое звание второго, хотя в общем и выдержаны в духе своей поры — последних лет ранних солнечных колец, то все же несколько старообразны. Что Хайа переписал в своей гробнице оба эти славословия, ничего не изменив в соответствующих местах («переплываешь» оба раза с определителем ладьи, EA III:XXXVII, стк. 1 = 31, EA IV:IV, стк. 1), можно тоже считать не слишком доказательным; хотя надписи начертаны при поздних солнечных кольцах, домоправитель вдовствующей царицы Тэе не был свободен от некоторого пристрастия к старине. Но вот когда сам верховный жрец главного столичного храма — «великий (среди) видящих Йота в доме Йота в Ах-йот» Ми-рэ воспроизводит в своей гробнице в своем вечернем славословии солнцу (EA I:XXI, стк. 1—3) соответствующее место из славословия Ах-мосе, притом не совсем дословно, а с изменениями, но не в занимающем нас месте, становится невозможным отрицать приемлемость представлений о плавании солнца по небу даже для исключительного солнцепоклонничества последних лет Амен-хотпа IV (данное славословие не первых дней поздних солнечных колец, когда верховный жрец звался еще Хитайа, EA I:XXXIV).

Ах-мосе

«Пересекаеш[ь] т[ы] в[ы]сь в мире — обе земли (т. е. Египет) сплошь в восклицновении пред тобой,
(воз)давая хвалу образовавшему их...»

Ми-рэ

«Перэсекаеш ты высь в мире — обе земли сплошь на восклицновении [пред] [тобой],
[(воз)да]вая хвалу при восходе тво-
ем...»

(определитель ладьи, разрушенный у Ах-мосе, имеется у Ми-рэ).

Но для нас, пожалуй, еще существенней, что сходным образом выражается сам Туту в своем славословии солнцу (ЕА VI:XV, стк. 4): «Пересекаешь ты небо, а око его (т. е. фараона) на доброте твоей, ликующего радостно при виде тебя, Йот живой» (определитель к слову «пересекать» и здесь ладья; надпись — времени IV солнечного титла (см. § 37), поскольку такое титло значится на противоположной стене входа).

Итак, образ солнца, пересекающего в ладье небесные выси, не был чужд даже строгому солнцепоклонничеству. Небесному существу в солнечном круге в своей ладье уподобляли Амен-хотпа III как «Йота»; в образе солнечного бога в ладье, плывущей по небесным водам, представляли себе «Неб-ма-рэ в ладье» и, очевидно, также «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в ладье». Объявляя фараона плывущим в солнечной ладье, его приравнивали к солнцу в небе и тем самым к солнцу как предмету почитания в его доме на земле. Фараон в ладье, т. е. образ небесного солнца, разделял с ним почитание в самом его храме.

Как верховный жрец особы солнцеподобного властелина Туту не мог не стоять к нему в самых близких отношениях. *Солнцепоклонничество и царепоклонничество, переходящее одно в другое, пронизывающее одно другое, неотделимые одно от другого, — не это ли сама душа, самое существо фараоновской солнечной веры Амен-хотпа IV?* Но Туту стал верховным жрецом царя во храме солнца, будучи уже «тем, кто в хант». Уже как таковой он был причастен к храмовому хозяйству солнца, к обрядовой стороне царства, к служению особе фараона на положении и в облике жреца. Близость к царю на этой почве была достигнута уже до возведения в сан верховного жреца в главном храме солнца; этот сан явился лишь увенчанием достигнутого. Нельзя забывать слов Туту: «был я первым в должности того, кто в хант, будучи чист для Ва-н-рэ» (ЕА VI:XIX, стк. 10). Мы видели, что кроме Туту было еще несколько «тех, кто в хант». И если сама должность обеспечивала близость к царю, Туту сумел быть *первым* из всех, кто ее занимал. Величие Туту, его власть и влияние зиждились на его отношении к фараону, а не на высоком сане в государственном управлении.

Когда началась величие Туту и когда оно кончилось? Гробница Туту — одна из самых внушительных на вельможеском кладбище в Ах-йот. Издатель отметил «смелость» ее замысла и выполнения, не только изнутри, но и снаружи¹⁵. Гробница была уже отчасти высечена в скале, когда приступили к ее отделке. Одна из древнейших ее частей, несомненно, вход; он был отделан еще при IV солнечном титле (ЕА VI:XVI, см. § 37). Таким образом, гробницу начали высекать одною из первых, вскоре после вторичных и третичных пограничных плит, которые все — времени III солнечного титла (см. § 36), точнее — 8 года царствования (см. § 41). Отделка продолжалась при VI (см. § 39) солнечном титле (ЕА VI:XIX—XX) и далее при VII (см. § 40), т. е. после переделки солнечных колец из ранних в поздние (VMPH:XVIII, ЕА VI:XII, XIV, XIX — жизнеописание этого времени ввиду пространного написания слова «справда» в обозначении «властитель, живущий правдою» в строке 5, см. § 108; ЕА VI:XXI — того же времени ввиду буквенного написания слова «мать» в строке 2, см. § 109). Однако эта гробница, как и почти все вельможеские гробницы в Ах-йот, осталась незаконченной. Отделка ее прервалась, видимо, в ближайшие годы после переделки солнечных колец: в самой длинной надписи, уже времени поздних солнечных колец (ввиду буквенного написания слова «мать», см. § 109, ЕА VI:XXI, стк. 2), употреблены еще знак

¹⁵ de Garis Davies. Op. cit. Pt. 6. P. 7.

человекообразного солнца (см. § 115 и знак *usr*, см. § 112; оба в строке 1). Из этого, разумеется, никак не следует, что с Туту тогда что-то случилось. Великолепная гробница нареченного «отца» Амен-хотпа IV Ая на том же южном кладбище была покинута рабочими еще раньше, но Ая не только не погиб, но всплывает при Тут-анх-амуне уже на положении верховного сановника с тем, чтобы по смерти юного фараона самому усесться на египетском престоле. К тому же гробницу Туту отделявали еще при поздних солнечных кольцах, тогда как отделка гробницы Ая была прекращена при VI солнечном титуле (см. § 39). Да и вообще ни одна гробница в скалах Ах-йот, ни на этом, ни на северном кладбище, за исключением разве лишь гробницы Хайа, не была отделана до конца, хотя над некоторыми гробницами на севере работали еще значительное время после того, как работа в гробнице Туту была приостановлена. Как трудно уmozаклю-чать по состоянию отделки гробницы о судьбах ее владельца, доказывает лучше всего гробница самой царской семьи в глухом ущелье позади вельможеских кладбищ. Царскую гробницу отделявали в течение непродолжительного времени после переделки ранних солнечных колец в поздние. VII титул солнца было тогда еще настолько малопривычным, что мастера ухитрились дважды снабдить лучистое солнце поздними кольцами с прозваниями из III солнечного титула, оказавшегося под руками, на устарелой плите-прописи (см. § 40). Более четырех царевен (см. § 94) в гробнице нигде не изображено, хотя случаев для изображения царской семьи в полном составе было сколько угодно. Сочли нужным повторно изобразить даже грудного младенца — царевну на руках у кормилицы (MSECAE I:VI = ИДЕ:141 = ИДЕг:367 = ВНЕф:82, MSECAE I:IX), но ни пятой, ни шестой царевны (см. § 95) в гробнице не видно. И никаких более поздних следов работы над отделкой гробницы указать нельзя, хотя после рождения четвертой царевны до конца царствования протекло немало лет.

Итак, Туту сохранял свое выдающееся положение при дворе и в государстве, достигнутое им еще до переделки солнечных колец из ранних в поздние и после этого события. Его величественная и своеобразная гробница стала отделяться еще при IV солнечном титуле (см. § 37). Не позже, как при VI солнечном титуле (см. § 39), Туту был возведен в сан верховного жреца солнцеобразной особы своего повелителя (EA VI:XIX) и вознесен превыше всех остальных гражданских, военных и храмовых сановников, обязанных уплачивать ему ежегодно налог со своих доходов золотом, серебром, медью, одеждами и скотом (EA VI:XVII). И при поздних солнечных кольцах (см. выше) Туту говорил о себе не только как о посреднике между царем и подвластными тому чужеземными владельцами, но и как об «устах верховных земли до края ее — в войске, работах, ремеслах, оке всяком, живом, равно как и мертвом» (EA VI:XIX).

Таким своим положением Туту был обязан не той или иной должности, связанной с управлением государством, а своей полужреческой службе при особе земного солнца, своей обрядовой близости к нему. Туту был временщиком, и временщиком всемогущим, в течение значительной части царствования Амен-хотпа IV.

Если только у Туту мы читаем о даровании вельможе налога со всех сановников царства, то лишь у него одного мы находим и длиннейшую надпись, толкующую о кровавых расправах, чинившихся фараоном над своими слушниками. Эта надпись (EA VI:XXI) была начертана при поздних солнечных кольцах, как о том свидетельствует написание слова «мать» в строке 2 буквами *m* и *t* (см. § 109), однако не под конец царствования,

как то показывают знаки человекообразного солнца (см. § 115) и длинношейей звериной головы *u3r* (см. § 112) в строке 1. Очень прискорбно, что эта примечательная надпись дошла до нас в крайне поврежденном виде, так что значительная часть ее не поддается связному переводу. Но и уцелевшего достаточно, чтобы уразуметь положение в стране в последнюю треть царствования Амен-хотпа IV. По роду своему надпись представляет прославление фараона как благодетеля египетской державы и послушливых вельмож и одновременно как грозного карателя ослушников. Числа в скобках означают строки.

«(1)» — — — [во]сход — — — от[ро]к (т. е. сын) Йота, Рэ живой, великий любовью (т. е. тот, к кому питают великую любовь), (такой, что) живет земля по приказу его. Отверзаешь ты очи твои — богатеет (2) земля вещами... Ты — мать, родившая всех, возраставшая тысячи тысяч питанием т[во]им. Величие твое — стена из меди, (такая, что) в ней тысяча тысяч локтей. Окружил ты земли силою своею до предела лучей Йота, (3) [цар]ь (?) (и) [государь (?) Нефр]-шепр-[рэ Ва-н-рэ], властитель, любимец, большой чудесами, (пре)подобный добротой своею. Цвет плоти твоей, что луч(ей) отца твоего, (когда) он восходит, Йот [жи]вой, (и) [осве]щается (?) [сот]воренное (?). [Ты (?) по образу его. Вышел [ты [из] него, [произвел (?)] он тебя и[з] себя] самого, подобно тому как пригледен он в мясе своем. — — — (Как) пребывает он, (так) пребываешь (и) ты вековечно. Йот — ты (?) [сын его], возлюбленный его. Ты что образ его. Ликуют о тебе до неба (5) — — — [больш]ой (?) [по (?) веку] своему (?). Дает он тебе (быть) вековечно — пребудешь ты вечно, сотворишь празднества [тридцатилетия]. Рождает тебя Йот каждый раз, как воссиявает он. Восходит он на небе, чтобы осветить тебе — — — (6) [Сирия] вместе с Кошем (т. е. Эфиопией) привлечены к тебе склоненными в Ах-йот, южане, как северяне. Они обоняют пред тобой землю (т. е. поклоняются тебе), творят они хвалу — — — (7) — — — родивший тебя, Рэ, владыка (пред)определения (т. е. судьбы), творящий век (жизни), [Нефр]-ше[пр-рэ Ва-н-рэ]! Небо с Йотом живым, дыхание в нем (т. е. в небе) — даешь ты его (т. е. дыхание) в ноздри жалюемых твоих (8) — — — Йо[т] (?)... страх твой (?) — т. е. перед тобою?)...».

THE KING'S PRIEST AT THE HEAD OF THE STATE

G. Ya. Perepelkin

The paper is a chapter from the uncompleted third volume of «Amenhotep IV's Revolution» (Perevorot Amen-hotpa IV), which it was proposed to devote to the great reformer's immediate circle and opponents.

Amenhotep IV flouted the traditional public institutions, depriving the viziers (*ḥtjw*), who were also the supreme judges, of their place in government, and making them an object of derision and mockery. In his court «viziers» were called dwarf-clowns.

The promotion of Tutu was determined by his personal closeness to the person of the pharaoh as the first of the *jmjw-ḥnt* or «Kammerherren». He became a real favourite (*r' brj* «supreme mouth»), but of course to the extent that one could become a favourite under a despotic ruler. The appointment of Tutu as high priest of the royal cult crowned his closeness to the pharaoh, but was not a source of power.

Tutu not only conducted foreign policy, as can be concluded from the Amarna correspondence, but also managed all the internal business of the state. Nevertheless he cringed slavishly before the pharaoh, who kept control over real power in his own hands.

Ю. В. Андреев

МИНОЙСКИЙ ДЕДАЛ

Открытие древнейших цивилизаций Эгейского мира было воспринято в свое время как своеобразное овеществление греческого «героического века» или «мифической эры», до этого момента остававшейся неким подобием царства теней, вернуть жизнь обитателям которого, да и то лишь на время, могли только мощные разряды творческой энергии, заключенные в произведениях эпических и трагических поэтов. При взгляде на извлеченные из-под земли усилиями нескольких поколений археологов развалины дворцов и цитаделей, стенные росписи, диковинки ювелирного искусства и многие другие памятники эпохи, долгое время считавшейся доисторической, невольно возникла мысль (сейчас уже трудно установить, кто высказал ее впервые), что именно к этому времени, или к бронзовому веку, восходит вся та невероятно богатая и многообразная мифологическая традиция, которая впоследствии непрерывно снабжала сюжетами античную литературу и искусство. Эту идею, в то время казавшуюся совершенно неоспоримой, последовательно развил и аргументировал в своей книге «Микенское происхождение греческой мифологии» известный шведский исследователь античной религии М. Нильссон. Уже этот автор обратил, однако, внимание на одно достаточно странное обстоятельство, находившееся в явном противоречии с его основными положениями: сюжеты и персонажи даже наиболее популярных греческих мифов в микенском, а тем более в минойском искусстве, за крайне редкими исключениями, практически не встречаются¹. Стремление как-то заполнить этот вакуум вызвало в свое время появление целой серии подделок, среди которых наибольшей известностью пользовались золотые перстни с печатями из так называемого «клада в Фисбе», на которых были изображены отдельные сцены из мифов об Эдипе и Оресте².

Нельзя не согласиться с В. В. Ивановым, заявившим в одном из своих недавних выступлений, что «античную мифологию следует интерпретировать как новую жизнь архаических мифов — как переложение (и одновременно переосмысление) последних, как вторичное воссоздание архаических мифов, по большей части не сохранившихся»³. Действительно, теперь становится все более очевидным, что дистанция, отделяющая хорошо известные каждому по литературе и произведениям искусства

¹ Nilsson M. P. The Mycenaean Origin of Greek Mythology. Berkeley etc., 1972. P. 32 f. Весьма скептически оценивают возможности выявления сюжетов классической греческой мифологии в минойско-микенском искусстве такие авторитетные специалисты, как Л. Банти и Э. Вермел (*Banti L. Myth in Pre-Classical Art // AJA. 1954. 58. № 4. P. 507 ff.; Vermeule E. Introduction // Nilsson. The Mycenaean Origin... P. IX f.*). Ср., однако: Webster T. B. L. From Mycenae to Homer. L., 1964. P. 41 ff.

² Vermeule. Op. cit. P. X.

³ Иванов В. В. Античное переосмысление архаических мифов // Ермолаев Н. А., Захаров А. А. Миф и мифологическое сознание // ВФ. 1986. № 7. С. 150.

греческие мифы от их далеких микенских и минойских прототипов, была намного длиннее, чем это представлялось первоначально. Вероятно, именно этим и объясняется чрезвычайная трудность распознавания привычных мифологических сюжетов в искусстве эпохи бронзы. В тех пока еще крайне редких случаях, когда в произведении критского или микенского художника все же удается угадать хотя бы отдаленный прообраз знакомого мифического персонажа или первичную схему знакомой мифической фабулы, почти всегда приходится делать поправки на самую радикальную трансформацию, пережитую данным персонажем или данным сюжетом в позднейшей мифологической традиции. Более того, следует признать, что без таких поправок едва ли может состояться и само угадывание первоисточника классического мифа.

Эти общие положения мы попытаемся теперь проиллюстрировать, взяв в качестве примера историческую судьбу такого популярного героя греческих мифов, как Дедал. Древние считали Дедала такой же исторически реальной личностью, какими были для них и многие другие герои мифов. Его многочисленные творения, а также творения его сыновей и учеников бережно сохранялись во многих городах Греции, Сицилии и Италии (Diod. IV.78; Apollod. II.6.3; III.15.8'; Paus. VII.35.2; IX.11.4; 40.2), являясь как бы наглядным подтверждением реальности своего создателя. Античных авторов, повествующих о приписываемых Дедалу диковинных постройках, изваяниях богов и всяких иных произведениях искусства, по-видимому, не особенно смущало то, что в большинстве своем эти сооружения и изделия были отделены от предполагаемого времени жизни самого их творца, по крайней мере, несколькими столетиями (об этой хронологической неувязке они, вероятно, просто не догадывались, так как еще не умели датировать хотя бы приблизительно древние памятники архитектуры и искусства). Не смущало их также и то, что среди этих достопримечательностей встречались явные подделки, как, например, бронзовый кратер с греческой надписью: «Дедал дал меня как дружеский дар Кокалу», посвященный знаменитым Фаларидом, тираном сицилийского города Акраганта, в храм Афины Линдии на о-ве Родос ⁴.

Современные ученые по-разному оценивают образ прославленного мастера. Одни вслед за древними готовы видеть в нем реально существовавшую историческую личность — то ли гениального критского зодчего, построившего грандиозный дворец в Кноссе (прототип мифического Лабиринта), то ли жившего совсем в иные времена основателя афинской школы ваяния. Другие настроены более осторожно и, хорошо сознавая величину дистанции, отделяющей миф от истории, считают Дедала фигурой скорее символического плана, воплощением пытливой человеческой мысли, мастерства и изобретательности. «Леонардо да Винчи бронзового или железного века» назвал Дедала А. Ф. Лосев ⁵, очевидно, полагая, что образ великого искусника может в равной степени восприниматься как символ технического прогресса и выдающихся художественных

⁴ Jeffery L. H. *Archaic Greece. The City-States c. 700—500 B. C. L.*, 1976. P. 197.

⁵ Лосев А. Ф. *Античная мифология в ее историческом развитии*. М., 1957. С. 211. См. также: Becatti C. *La Leggenda di Dedalo* // *Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Instituts. Rom. Abt.* 1953/54. 60/61; Willets R. F. *Cretan Cults and Festivals*. L., 1962. P. 18, 101; Schachermeyr Fr. *Die minoische Kultur des alten Kreta*. Stuttgart, 1964. S. 311 f. Во многом спорной представляется нам последняя (по времени выхода в свет) большая работа о Дедале, написанная французским исследователем Фронтизи-Дюкру (Frontisi-Ducroux F. *Dédale. Mythologie de l'artisan en Grèce ancienne*. P., 1975). Внутренний смысл мифа сведен в ней к целому набору структуралистских оппозиций.

открытий крито-микенской эпохи и более позднего периода «архаического ренессанса». В такой трактовке Дедал превращается в «ближайшего родственника» титана Прометея, благодетеля человечества, жестоко поплатившегося за свои благодеяния, и других «культурных героев», которыми столь богата греческая мифология.

На самом же деле сходство это чисто внешнее. По своей внутренней сути Дедал — персонаж совсем иного плана, весьма далекий от стандартной фигуры культурного героя. Правда, разнообразные произведения искусства (в основном скульптуры) и памятники архитектуры, приписываемые отчасти самому Дедалу, отчасти его ученикам, как будто дают основание говорить о его то ли вымышленных, то ли действительных заслугах перед греческой культурой. Похоже, однако, что все эти постройки и изваяния, подлинное происхождение которых было просто забыто за давностью времен, были внесены в перечень творений афинского мастера, так сказать, уже задним числом, поскольку никакой иной более подходящей кандидатуры на роль их создателя найти не удалось. В развитии мифического сюжета, т. е. в самом рассказе о приключениях Дедала в Афинах, на Крите и в Сицилии, они не играют сколько-нибудь заметной роли и, стало быть, могут быть с полным основанием отнесены к наиболее поздним вторичным его элементам. Лишь три творения Дедала, бесспорно, принадлежат к первоначальному структурному ядру мифа, которое без них просто не смогло бы существовать и распалось. В это число входят, как нетрудно догадаться, деревянная корова, которую Дедал смастерил для похотливой супруги Миноса царицы Пасифаи, Лабиринт, выстроенный по распоряжению самого Миноса, и, наконец, чудесные крылья, с помощью которых Дедал и Икар сумели бежать от грозного владыки Крита. Каждое из этих трех творений Дедала по-своему уникально и предназначено для какой-то одной совершенно конкретной цели, от осуществления которой прямо и непосредственно зависит развитие сюжета. В то же время все они несут на себе ясно выраженную печать сказочной фантастики и характеризуют своего создателя скорее как мага и чародея, чем как гениального зодчего или ваятеля. Важно также и то, что эти чудесные изобретения Дедала, резко выделяющиеся среди всех прочих приписываемых ему произведений искусства и архитектурных сооружений, тесно связаны именно с Критом, а не с какой-нибудь другой областью греческого мира.

Критское или, еще точнее, минойское происхождение мифа о Дедале сейчас уже не вызывает особых сомнений и вряд ли может стать предметом серьезной дискуссии⁶. Два основных аргумента, на которые опирается более ранняя версия, казалось бы, прочно связавшая Дедала с Афинами: во-первых, будто бы греческое имя героя и, во-вторых, его афинская родословная, которой единодушно придерживается вся античная традиция, не отличаются особенной убедительностью и при желании могут быть легко парированы с помощью самих простых контрдоводов. Так, имя *Δαίδαλος* обычно считается производным от глагола *δαιδάλλω*, что значит «искусно отделывать», «украшать» и вообще «быть искусным»

⁶ Willetts. Op. cit. P. 18; Schachermeyr. Op. cit. S. 311; Webster. Op. cit. P. 50, 118. Некоторые авторы, как было уже сказано, видят в Дедале реального критского архитектора — строителя кносского Лабиринта, или «дворца Миноса» (см., например, Graham J. W. The Palaces of Crete. Princeton, 1972. P. 226, 229), но эта догадка столь же наивна и недоказуема, как и предпринимавшиеся в разное время попытки объявить Дедала историческим родоначальником афинской или, по другой версии, критской школы ваятелей (ср. Becatti. Op. cit. P. 24 sgg.; Kaulen G. Daidalika. Werkstätten griechischer Kleinplastik des 7. Jh. v. Chr. Munchen, 1967. S. 163 ff.).

в каком-то деле. Однако реальная зависимость здесь вполне могла быть обратной: можно предположить, что глагол и некоторые другие слова (существительные и прилагательные) от того же корня были образованы от уже существовавшего негреческого имени «великого искусника», а может быть, негреческой была вся эта группа слов в целом⁷. Что касается афинской родословной Дедала, то она в том ее виде, в котором мы находим ее у таких поздних авторов, как Аполлодор, Диодор, Павсаний (Apolloclod. III.15.8; Diod. IV.76; Paus. IX.32), носит явно искусственный характер, поскольку в ней преобладают имена с весьма прозрачным значением: все они так или иначе характеризуют центральную фигуру — самого Дедала как искусного мастера (прием, широко практиковавшийся при составлении мифических генеалогий)⁸. Ничего не доказывает также и существование в Аттике дема Дедалидов.

С другой стороны, очень многое связывает Дедала с Критом. Здесь локализованы центральные эпизоды мифа, составляющие его основное структурное ядро. В некоторых из них еще довольно ясно звучат reminiscences минойских религиозных обрядов. Так, история с деревянной коровой Пасифаи, явно низводящая миф на уровень вполне рационалистически трактованного скабрезного анекдота, тем не менее может быть интерпретирована как своеобразная профанация древнего минойского ритуала так называемого «священного брака» божественного быка с божественной коровой⁹. С минойскими верованиями и культом тесно связано и самое знаменитое из созданий Дедала — таинственный Лабиринт. Даже если отказаться от принятого многими авторами прямого отождествления этой загадочной постройки с открытым А. Эвансом Кносским дворцом¹⁰, остается неоспоримым фактом догреческое, скорее всего минойское происхождение самого слова «лабиринт», которое нередко и, видимо, оправданно связывают с также догреческим названием двойной секиры — «лабрис»¹¹ (как известно, этот предмет был важным культовым символом в религии минойского Крита¹²).

⁷ Schachermeyr. Op. cit. S. 311. В пользу негреческого происхождения имени Дедала говорит зафиксированный на самом Крите (Steph. Byz. S. v.), а также в Малой Азии — на границе Карии и Ликии — топоним Дедала (Liv. XXXVII. 22; Strabo. XIV. C. 651, 664; Plin. NH. V. 131). Вместе с тем нельзя признать особенно успешными попытки ряда лингвистов установить индоевропейскую этимологию имени Δαίδαλος и других родственных ему слов греческого языка, связав их с корнем del, означающим «рубить», «рассекать», «резать» и т. п. (см., например, Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. I. P., 1968. P. 246). Такого рода этимология не вяжется с поистине универсальной одаренностью мифического Дедала, в числе талантов которого талант резчика по камню, кости или дереву занимает далеко не самое первое место.

⁸ Cp. Toepffer J. Attische Genealogie. B., 1889. S. 166.

⁹ Frazer J. G. Golden Bough. Pt III. The Dying God. L., 1912. P. 71; Cook A. B. Zeus. V. I. Cambr., 1914. P. 521 ff.; Willetts. Op. cit. P. 110.

¹⁰ Это мнение восходит к самому Эвансу (Evans A. Mycenaean Tree and Pillar Cult // JHS. 1901. 21. P. 109 ff.).

¹¹ Само слово «лабиринт» в этом случае можно перевести как «дом или святилище двойного топора», хотя это мало приближает нас к пониманию его подлинного значения. См. Nilsson M. P. Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion. Lund, 1927. P. 189 f.; idem. Geschichte der griechischen Religion. Bd I. München, 1976. S. 276 f.; Schachermeyr. Op. cit. S. 305; Rose H. J. Griechische Mythologie. München, 1974. S. 175; Graham. Op. cit. P. 28; Лосев. Ук. соч. С. 215. Cp. Kerényi K. Labyrinth-Studien. Amsterdam — Leipzig, 1941. S. 42; Picard Ch. Les Religions préhelléniques (Crète et Mycènes). P., 1948. P. 105; Гундин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967. С. 160 слл.

¹² Evans A. Palace of Minos at Knossos. V. IV. Pt 1. L., 1935. P. 342 ff.; Nilsson. Minoan-Mycenaean Religion. P. 194 ff.; Picard. Op. cit. P. 190 suiv., 199 suiv.; Schachermeyr. Op. cit. S. 161 f.

В одной из табличек кносского архива (KN Gg 702) упоминается богиня, имя которой заменено загадочным эпитетом «владычица лабиринта» (*dapuritojo potinija*). Кто бы ни скрывался за этим обозначением, ясно одно: по крайней мере в конце XV в. до н. э. (время, которым обычно датируется архив Кноссского дворца) Лабиринт был уже известен на Крите как некое культовое сооружение, хотя о том, что конкретно он представлял собой в это время, пока можно лишь гадать¹³. Древнейшее из известных сейчас графических изображений Лабиринта относится к несколько более позднему времени — концу XIII в. до н. э. Оно было вычерчено на оборотной стороне одной из табличек, найденных в архиве так называемого «дворца Нестора» в Пилосе¹⁴. Наконец, оставил свой след в письменных текстах II тыс. до н. э. и сам создатель Лабиринта Дедал, но не в качестве человека-зодчего, а скорее в качестве какого-то неизвестного нам божества. В одном из документов все того же кносского архива (KN Fr I.X.723), содержащем перечень приношений масла различным божествам, среди которых встречаются как знакомые, так и совершенно незнакомые нам имена, прочитаны слова *dedarejode*, что, следуя законам фонетики микенского диалекта греческого языка, можно понять как *Daidaleionze*, т. е. «в Дедалейон» или «в святилище Дедала». Поскольку в конце XV или начале XIV в. до н. э. в Кноссе существовало некое святилище Дедала¹⁵, мы вправе предположить, что сам он в это время был еще местным критским божеством, отнюдь не афинским архитектором и ваятелем, по прихоти судьбы заброшенным на Крит, как об этом рассказывается в позднейших мифах.

Но что можно сказать о характере и функциях этого божества, о его месте среди других богов минойско-микенского пантеона? Так как кроме только что упомянутой кносской таблички никаких других сообщений о Дедале или его святилище в критской и вообще эгейской эпиграфике II тыс. не сохранилось, основные надежды остается возлагать на богатейший иконографический материал, которым нас снабжает критское искусство этой эпохи. Правда, до сих пор ни одна из попыток найти изображение предполагаемого пра-Дедала среди всевозможных божеств, гениев и

¹³ Скорее всего, правы те авторы, которые сближают Лабиринт в его древнейшем минойском варианте с так называемыми театральными площадками, открытыми в Кноссе и Фесте в непосредственной близости от дворцов и, по всей видимости, служившими своего рода оркестрами или аренами, на которых исполнялись различные культовые церемонии и танцы (так, уже *Frazer*. Op. cit. Pt III, P. 77; *Cook*. Op. cit. V. I. P. 491, также *Willets*. Op. cit. P. 102 f. Ср. *Лосев*. Ук. соч. С. 214 сл.). В этом случае древнейшим упоминанием о Лабиринте в греческой литературе, по-видимому, может считаться известный пассаж в гомеровском описании щита Ахилла (II. XVIII. 590—592), где изображенный Гефестом *χόρον ποικίλλε* (что можно понять с учетом всего контекста этого места как «замысловато устроенная площадка для танцев») сравнивается с тем, который некогда Дедал в Кноссе «искусно сработал для прекрасноволосой Ариадны». В свою очередь это дает основание для сближения мифической царевны Ариадны с упомянутой в кносской табличке безымянной «владычицей Лабиринта» (вероятно, одно из древних минойских божеств плодородия) — см. *Kerényi K. Herkunft der Dionysosreligion // Arbeitsgemeinschaft Nordrhein — Westfalen. 1956. 58; Webster*. Op. cit. P. 49 ff.; *Schavernoch H. Die Krone der Ariadne // Antike Welt. 1983. Bd 14. Ht 3. S. 48.*

¹⁴ *Schachermeyr*. Op. cit. S. 308. Abb. 160. Впрочем, лабиринтообразный орнамент в форме свастики или меандра встречается на критских печатях, датированных еще РМ III периодом, а также на одной из фресок Кноссского дворца, относящейся к СМ III периоду (*Evans*. Palace. V. I. L., 1921. P. 121 f., 357. Fig. 256).

¹⁵ *Wentris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. Cambr., 1959. P. 128, 306; Webster*. Op. cit. P. 50; *Palmer L. R. The Interpretations of Mycenaean Greek Texts. Oxf., 1963. P. 236; Stella L. A. La Civiltà Micena nei documenti contemporanei. Roma, 1965. P. 253.*

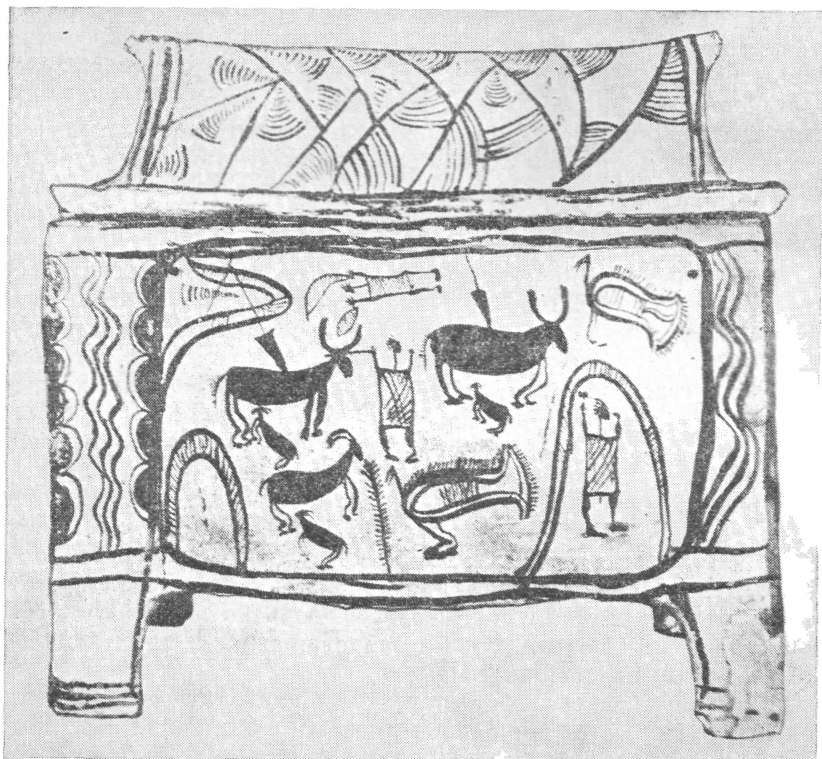

Рис. 1. Ларнак из некрополя в Армении (Крит)

демонов, широко представленных в минойско-микенской глиптике, мелкой пластике и других видах и жанрах искусства, не увенчались успехом. Среди этих порождений изощренной фантазии критских мастеров мы видим немало различных монстров мужского и женского пола, например, минотавров, странных существ с козлиными или птичьими головами и человеческим туловищем и т. п. Многие из них снабжены крыльями, но на этом их сходство с Дедалом, собственно говоря, и кончается ¹⁶.

Единственное произведение критского искусства эпохи бронзы, дающее, как нам думается, некоторую основу для реконструкции древнейшего прообраза Дедала, представляет собой довольно примитивную роспись на стенке ларнака (рис. 1), найденного в конце 60-х гг. при раскопках некрополя в местечке Армении близ Ретимна (западный Крит). Как и весь некрополь, ларнак датируется концом IIМ III периода, или XIII в. до н. э., т. е. относится ко времени окончательного вырождения и упадка минойской культуры. Одну из его продольных стенок украшает роспись, изображающая «сцену охоты», по определению сделавшего это открытие греческого археолога Дзедакиса. Сцена эта, бесспорно, заслуживает самого внимательного изучения ¹⁷. В ее центральной части сразу же бросаются

¹⁶ Ср. *Evans. Op. cit. V. I. P. 709; Schachermeyr. Op. cit. S. 311.*

¹⁷ Как это ни странно, но не считая краткой публикации самого Дзедакиса (*Tzedakis I. Λάρνακες οστεοφυλάκων νεκροταφείου Ἀρμενίων // AAA. 1971. 4. S. 218*) и нескольких случайных упоминаний в работах других авторов, мы не можем пока назвать ни одной специальной работы, которая была бы посвящена этому интереснейшему образчику позднеминойского искусства.

в глаза резко выделяющиеся на светлом фоне темные фигуры двух крупных травоядных животных, скорее всего оленей. Немного ниже мы видим еще одно животное несколько меньших размеров, чем два первых. Судя по форме рогов, это дикая коза или серна. Во всех трех случаях изображены матки с детенышами. В спины оленей или олених всажены непропорционально большие наконечники не то копий, не то стрел, что, собственно, и дает основание предполагать, что изображена именно сцена охоты. Однако сразу же вслед за этой первой и как будто правдоподобной догадкой перед нами один за другим встают вопросы, на которые не так-то легко найти ответы.

Если внимательно взглядеться в рисунок, вся сцена производит впечатление какой-то странной фантазмагии. В самом деле, почему вроде бы уже пораженные охотником или охотниками животные тем не менее продолжают стоять на ногах и как будто бы даже движутся в таком необычном положении? Делая скидку на крайнюю примитивность и обычную в искусстве того времени условность и приближительность изображения, все же нетрудно догадаться, что копыта или стрелы, вонзенные в спины животных, должны означать, что они поражены насмерть или по крайней мере тяжело ранены. Во всяком случае, человек, помещенный в центре композиции (вероятно, это и есть сам удачливый «охотник»), явно ведет за собой одну из «убитых» им олених с помощью привязанной к ее рогам веревки или ремня.

Неясно, далее, какая роль во всем происходящем отведена художником еще двум изображенным им участникам этой сцены. Один из них помещен в правом нижнем углу композиции, обрамленном изогнутой и заштрихованной полосой, образующей какое-то подобие дверного проема или окна. Этот персонаж, так же как и тот, кого мы условно признали «охотником», простирает вверх обе руки, причем в правой он сжимает двойной топор — знаменитый минойский лабрис, присутствие которого в этой сцене едва ли случайно. Но самой загадочной кажется третья человеческая фигура, изображенная почему-то в горизонтальном положении, благодаря чему она производит впечатление как бы парящей в воздухе над местом предполагаемой «охоты». В обеих вытянутых вперед руках эта фигура держит какие-то странные предметы, на первый взгляд напоминающие большие листья какого-то растения, может быть пальмы. Отношение этого персонажа к тому, что происходит под ним, т. е. к самой «охоте», если предположить, что он действительно летит, остается опять-таки неясным, точно так же как и в случае с человеком или божеством с двойным топором в руке. Трудно объяснить также и присутствие на месте «охоты» двух больших птиц, может быть павлинов, изображения которых, впрочем, всегда весьма далекие от оригинала и сделанные скорее понаслышке, встречаются и на других критских ларнаках того же времени. Быть может, их фигуры выполняют чисто декоративную функцию, заполняя пустые места в композиции, хотя, с другой стороны, можно видеть в них и одну из деталей в целом весьма скупо поданного ландшафта, который приобретает в этом случае явно фантастический характер, так как на Крите павлины не водились даже в древности.

Семантическая наполненность всей этой «загадочной картинки», однако, во многом проясняется, если вспомнить о назначении предмета, который она украшает. Поскольку ларнаки использовались преимущественно в захоронениях как вместилища человеческих останков, логично было бы предположить, что перед нами сцена из «загробной жизни», чем и объясняется, в первую очередь, несомненно, заключающееся в ней ощущение

ирреальности всего происходящего. Догадку эту подтверждает прежде всего такая существенная деталь ландшафта, как река, изображенная в виде заштрихованной полосы, образующей несколько крутых изгибов. По всей видимости, это та самая река (впрочем, она же может в иных случаях оказаться морем или даже океаном), которая в представлении многих древних, да и не только древних народов отделяет мир мертвых от мира живых. Минойцы в этом отношении отнюдь не были каким-то исключением. Судя по некоторым данным, они верили, что умершего ожидает на его пути на «тот свет» некая водная преграда, и поэтому заботливо клали в могилы своих покойных сородичей глиняные или же изготовленные из более дорогих материалов, например из слоновой кости, модели кораблей или лодок (иногда их находят при раскопках некрополей)¹⁸. Большая модель корабля изображена в числе других приношений духу усопшего в известной сцене заупокойной церемонии, представленной на саркофаге из Агия Триады¹⁹.

Тема «охоты» принадлежит к числу типичных сюжетов из «жизни» загробного мира в искусстве позднеминойского Крита²⁰. Во всяком случае, мы встречаем ее в разных вариантах еще на нескольких саркофагах, относящихся приблизительно к тому же времени, что и ларнак из Армении. Такова, например, довольно сложная композиция, украшающая не только стенки, но и крышку ларнака, найденного при раскопках некрополя в Эпископи (Восточный Крит). Она разделена на несколько эпизодов-картинок, несомненно, тесно связанных между собой тематически (рис. 2)²¹. На одной из этих картинок охотник ведет на поводке, привязанном к шее, очевидно, уже «убитое» им животное (видимо, и в этом случае олсниху с олененком, сосущим материнское вымя).

Бесконечная охота, в которой каждая выпущенная из лука стрела или брошенное копьё непременно попадает в цель, составляет обычное времяпрепровождение духа умершего в потустороннем мире в верованиях многих народов, живущих хотя бы частично за счет промысловой охоты. Такого рода представления засвидетельствованы, например, у целого ряда индейских племен Северной Америки, у народов Сибири и крайнего севера Евразии и некоторых других стоящих примерно на том же уровне развития²². Непременным условием такой охоты в мире духов нередко считается чудесное возвращение к жизни всей добытой охотником дичи, чем собственно и обеспечивается бесконечность всего процесса. Известный исследователь жизни чукчей В. Г. Богораз писал, что, согласно представлениям этой народности о потустороннем мире, обитающие там души мертвых охотятся на моржей. При этом «люди и моржи забавляются веселой игрой — моржи выпрыгивают из воды и снова ныряют, в то время как люди стреляют в них. Когда какой-нибудь морж застрелен, его вы-

¹⁸ *Schachermeyr*. Op. cit. S. 172.

¹⁹ *Ibid.* См. также: *Vermeule E.* Aspects of Death in Early Greek Art and Poetry. Berkeley etc., 1979. P. 68. Not. 51.

²⁰ Как указывает Э. Вермел (*ibid.* P. 66 f.), охота в таких сценах в известном смысле приравнивается жертвоприношению: «Животное играет здесь в некотором роде двойственную роль. Хотя и признанное священным, оно должно быть тем не менее убито, как это было, например, в аттических Буфониях».

²¹ Одна из этих «картинок» изображает переправу группы мертвецов через некую водную преграду (судя по мелькающему в волнах осьминогу, на этот раз имеется в виду море, а не река), но не на корабле, а в волшебной колеснице.

²² *Пронн В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 290; *Токарев С. А.* Ранние формы религии и их развитие. М., 1964. С. 204.

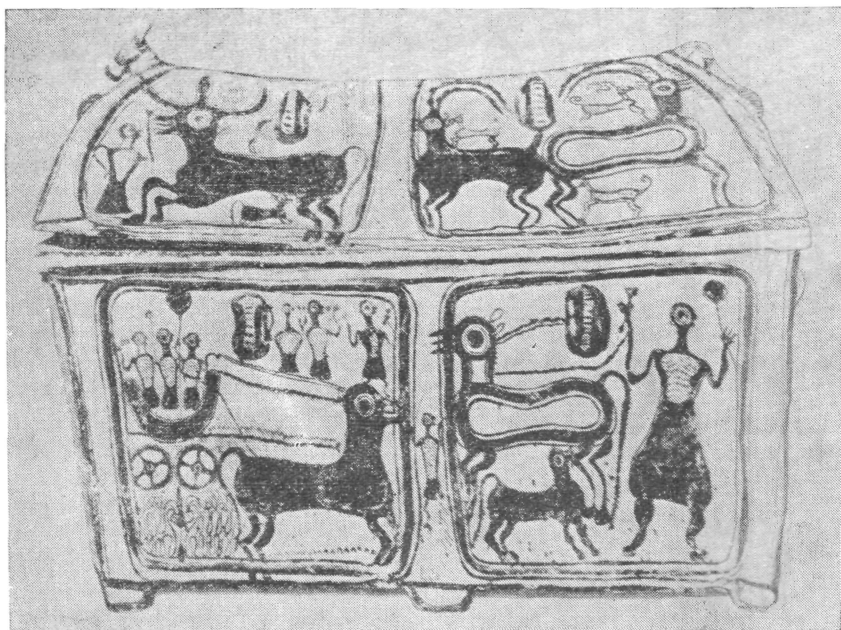

Рис. 2. Ларнак из некрополя в Эпископи (Крит)

таскивают на берег и съедают, затем кости бросают в воду, и морж опять оживает»²³.

Три человеческие фигуры, изображенные безвестным критским живописцем в росписи ларнака из Армени, вероятно, каким-то образом связаны между собой, хотя их роли в представленной здесь сцене из «загробной жизни» явно не одинаковы. Центральная фигура, держащая на привязи пораженного стрелой (или копьем) оленя, это — как было уже сказано, наверняка, сам покойник, наслаждающийся успешной охотой, или, что менее вероятно, какой-нибудь служебный персонаж (нечто вроде «егеря» владыки царства теней). Сам этот владыка (или, может быть, владычица, хотя, судя по довольно короткой одежде, такой же, как и у двух других участников этой сцены, — это все же существо мужского пола), скорее всего, изображен в правом нижнем углу росписи внутри излучины, образуемой течением подземной реки. Двулезвийная секира или лабрис, сжатая в правой руке этого персонажа, считалась у минойцев символом магической власти. Связь этого символа с заупокойным культом достаточно ясно выражена в критском искусстве. В уже упоминавшейся сцене погребальной церемонии, изображенной на стенках саркофага из Агия Триады, хронологически самого раннего из всей серии минойских расписных ларнаков и самого роскошного из них, мы видим лабрисы, водруженные на высоких мачтах-подставках, причем на каждом из них сидит какая-то крупная птица, — вероятно ворон.

Относительно имени персонажа с двойным топором в руке можно строить лишь более или менее вероятные предположения. Весьма заманчивой кажется мысль о его близком родстве с позднейшим Хароном. На это как будто указывает само местоположение этой фигуры в излучине,

²³ Богораз В. Г. Чукчи. Ч. II. Религия. Л., 1939. С. 45.

образуемой руслом подземной реки, уже как бы на другом ее берегу. Кроме того, в некоторых произведениях греческого, а также этрусского искусства Харон появляется с неким подобием лабриса, который он держит в руках или несет на плече²⁴. Но энергичный жест поднятых кверху рук, по всей видимости, выражающий готовность принять вновь прибывшего в обитель мертвых под свою власть и покровительство для Харона вовсе не характерен (чаще всего он имеет угрюмый и равнодушный вид человека, занятого тяжелой и монотонной физической работой). Существует, однако, и другая возможность решения этой загадки, если предположить, что фигура с лабрисом изображает главного героя критского цикла мифов — царя Миноса. Его появление в ситуации, на первый взгляд столь необычной, не должно нас удивлять. Согласно позднейшим греческим мифам, этот царь, прославившийся при жизни как мудрый и справедливый законодатель, после смерти стал главным судьей над душами умерших в Аиде. В этом своем качестве он появляется впервые уже в гомеровской «Одиссее» (XI.568 сл.). Однако реальная последовательность в развитии этого образа была, скорее всего, прямо противоположной. Первоначально почитавшийся как местное критское божество, в каких-то отношениях, возможно, аналогичное египетскому Озирису, как повелитель преисподней и вместе с тем верховный судья, от решений которого зависела дальнейшая участь всех, кто попадал в царство теней, Минос на каком-то этапе развития мифа в результате его переработки в рационалистическом (евгемеристском) духе стал царем и законодателем²⁵.

Остается третий, пожалуй, наиболее загадочный из участников этой сцены, изображенный, как было уже замечено, по всей видимости, в состоянии свободного полета. Но для полета нужны крылья. Автор росписи не забыл о них, но изобразил их (это сразу бросается в глаза) как-то странно. Они явно не похожи на обычные птичьи крылья и никак не могут считаться «частью тела» летящей фигуры. Именно это обстоятельство резко выделяет ее среди множества других крылатых существ, чьи изображения можно встретить в искусстве не только минойского Крита, но и позднейшей античной Греции и всего вообще древнего мира. У таких широко известных персонажей греческой мифологии, как, например, Эрот, Ирида, Ника, Танатос, всевозможные крылатые гении и демоны, крылья обычно изображаются либо за спиной, либо на плечах и предплечьях и так или иначе уподобляются птичьим крыльям. Летящая фигура, которую мы видим на стенке ларнака из Армени, явно держит свои крылья в руках, хотя вполне возможно, что они, кроме того, еще привязаны к кистям или запястьям, и машет ими в воздухе, как большими листьями или веерами, что заставляет воспринимать их как какое-то искусственное приспособление для полета, а отнюдь не как обычные птичьи крылья, тем или иным способом прилаженные к телу человека или животного.

Это — первое, что заставляет нас вспомнить о Дедале, единственном из всех крылатых персонажей греческих мифов, который изготовил крылья собственными руками. Правда, на более поздних как греческих, так и римских скульптурных и живописных изображениях этого героя его

²⁴ Это оружие Харона иногда называют «молотом», хотя не совсем понятно, для чего он мог бы понадобиться демону смерти и перевозчику душ умерших (*Mavleev E. Charon // LIMC. V. III. I. München, 1986; Rose. Op. cit. S. 86. Cp. Cook. Op. cit. V. II. P. 641*).

²⁵ Уже Э. Бете заметил, что участие Миноса в суде над душами мертвых «указывает на его старую божественность» (*Bethe E. Minos // Rheinisches Museum. NF. 1910. 65. S. 217. Cp. Poland Fr. Minos // RE. 1932. Bd 15. Sp. 1922 ff.; Picard. Op. cit. P. 105; Schachermeyr. Op. cit. S. 302*).

летательный аппарат устроен гораздо более рационально, отдаленно напоминая современный дельтоплан: крылья с помощью сложного переплетения ремней закреплены на груди, спине и плечах Дедала или его сына Икара и, видимо, приводятся в движение взмахами всей руки, а не одной только кисти²⁶. Но для нашего живописца такое решение задачи, вероятно, было сопряжено со слишком серьезными техническими трудностями, к борьбе с которыми он был явно не подготовлен и поэтому предпочел более простой, хотя, конечно, достаточно наивный выход из положения. Создается впечатление, что автор росписи стремился во что бы то ни стало дать понять зрителю, что нарисованные им крылья — не настоящие, а так сказать, «механические», искусно изготовленные из какого-то материала (может быть из кожи), но каким иным способом это можно было сделать, он просто не знал.

Важно также и то, что перед нами — явно человеческая фигура. Художник не наделил ее никакими териоморфными признаками, и это опять-таки ставит ее в особое положение среди всяких иных крылатых существ, с изображением которых нам приходится сталкиваться в микенско-микенском искусстве, особенно в глиптике и скульптуре. Все они, как уже говорилось, помимо крыльев, наделены также и другими характерными чертами, сближающими их с различными животными и птицами. Можно предполагать, что среди этих фантастических гибридов человека и животного многие, если не все они вместе взятые, были так или иначе связаны с загробным миром, воплощая в своем лице всевозможных гениев или демонов смерти, иногда злобных, иногда, наоборот, благодетельных. Примером могут служить хотя бы многочисленные терракотовые статуэтки женщин-птиц, изображающие, по мнению одних авторов, душу покойного, по мнению других, некую богиню-покровительницу (обычно их находят в микенских могилах и святилищах XIV—XIII вв. до н. э.²⁷ — см. рис. 3).

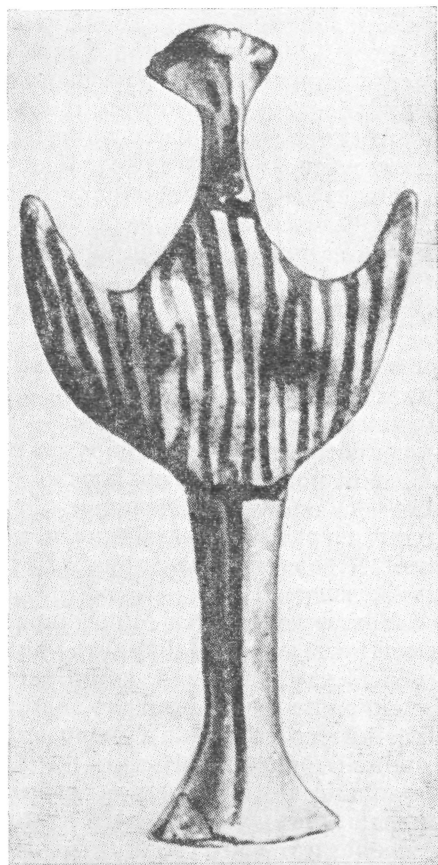

Рис. 3. Микенская терракотовая фигурка

²⁶ Впрочем, впервые все эти детали появляются лишь в позднесантичном искусстве. Древнейшее из всех известных до сих пор изображений полета Дедала в греческой вазописи на чернофигурной котиле из Танагры (*Rayet O. Thésée et le Minotaure — La Fuite de Dédale // Gazette Archéologique. 1884. IX. Pl. 2*) дает возможность разглядеть большие крылья, закрепленные на спине героя, хотя каким образом ему удавалось манипулировать ими во время полета, остается неясным. Ср. *Nyenhuis J. E. Daïdalos et Ikaros // LIMK. V. III. 1. München, 1986. P. 313—321.*

²⁷ *Vermeule E. Greece in the Bronze Age. Chicago, 1966. P. 291; Hood S. The Arts in Prehistoric Greece. Harmondsworth, 1978. P. 110.*

На первый взгляд, появление фигуры Дедала, если, конечно, это и в самом деле он, в столь специфическом «контексте» кажется странным и неожиданным. Ведь в дошедших до нас мифах о прославленном скульпторе и зодчем как будто нет ни прямых указаний, ни даже косвенных намеков на какую-то его связь с потусторонним миром. В действительности такие намеки все же существуют. И прежде всего здесь следовало бы напомнить о том, что самое замечательное из всех творений Дедала — Лабиринт — нередко и, надо думать, не без оснований интерпретируется в современной научной литературе как своеобразная «модель» обители мертвых или же, что еще более вероятно, как схема ведущих туда путей²⁸. Если эта догадка справедлива, то, двигаясь дальше в этом же направлении, можно предположить, что представление о Дедале — архитекторе и строителе Лабиринта — вполне могло возникнуть в результате произвольного рационалистического переосмысления первоначальной основной функции этого древнего критского божества — функции, как говорили греки, психагога или проводника душ в царство мертвых. Нам кажется, что только таким образом может быть объяснено его участие в сцене, изображенной на ларнаке из Армени. Очевидно, Дедал только что доставил на «тот свет» душу очередного покойника и теперь делает «прощальный круг» над местом, которое по всем признакам может считаться чем-то вроде минойского Элизидума.

В мифе о Тесее и Минотавре Дедалу отведена особая роль. Он — не только создатель Лабиринта, но и единственный человек, владеющий его тайной, т. е. знающий, как в него проникнуть и как потом из него выйти. Именно он вручил Ариадне знаменитый клубок нитей, с помощью которого Тесей и его спутники сумели выбраться наружу после победы над Минотавром (Apollod. Epit. I.8—9). Чудесная нить еще раз появляется в одном из эпизодов, связанных с пребыванием Дедала в Сицилии. Минос, разыскивая повсюду бежавшего от него Дедала, предлагает каждому, кого он подозревает в сокрытии беглеца, попытаться пропустить нить через внутреннюю извилину морской раковины. Когда этот фокус удается, наконец, проделать Кокалу, царю сицилийского города Камика, Минос сразу понимает, что Дедал находится именно у него (Apollod. Epit. I.14—15). Этот эпизод показывает, что древние связывали с образом великого зодчего не просто постройку Лабиринта, но в первую очередь саму его идею, которая могла быть воплощена и в каких-то иных, не архитектурных формах. Так, по сообщению одного из схолиастов гомеровской «Илиады» (Schol. A. V. II. XVIII.590) именно Дедал обучил Тесея и сопровождавших его молодых афинян священному танцу, который воспроизводил их блуждания по бесконечным переходам Лабиринта²⁹.

Между прочим, активное участие Дедала в центральном эпизоде мифа о Тесее и Минотавре позволяет предположить, что его минойско-микенский прототип играл достаточно важную роль не только в сфере заупокойного культа, но также и в тесно связанной с ней сфере переходных обрядов или инициаций. Чудесное спасение Тесея и прибывших вместе с ним на Крит афинских юношей и дев, их возвращение из заколдованного обиталища Минотавра, откуда еще никто и никогда не возвращался, — сам этот сюжетный мотив архетипически несомненно восходит к обрядам именно

²⁸ Обзор основных мнений, высказанных по этой проблеме, см. в статье: Mehl E. Troiaspiel // RE. Supplbd 8. 1956. Sp. 890 ff., а из более новых работ: Schavernoch. Op. cit. S. 48.

²⁹ Согласно сообщению Диксарха (Plut. Thes. XXI), на Делосе, где Тесей и его спутники впервые исполнили этот танец, он назывался «я-уравлем».

такого рода. Сообразно с этим и сам Лабиринт может быть интерпретирован в духе гипотезы К. Кереньи³⁰ как путь к перевоплощению и к вечной жизни (идея, лежащая в основе различных видов и форм инициаций, а на более высоком уровне развития религиозного сознания также и мистерий). Заметим также, что эта гипотеза не столько вытесняет объяснение, принятое нами первоначально (Лабиринт как путь на «тот свет»), сколько логически его дополняет и придает ему необходимую законченность: как известно, в переходных обрядах идеи смерти и возрождения к новой жизни обычно очень тесно между собой переплетаются. Таким образом, весьма возможно, что в древнейшем прообразе Дедала, который мы пытаемся здесь реконструировать, функции психагога были соединены с функциями мистагога.

И еще одно ответвление того же круга религиозных представлений и связанных с ними обрядов отразилось, как нам думается, в дошедших до нас греческих мифах о Дедале. Мы имеем в виду бытовавший в некоторых местах еще в I тыс. до н. э. обычай ритуального самоубийства. В биографии Дедала мы находим, по крайней мере, два драматических эпизода, в которых еще угадываются отголоски обрядов такого рода. Это, во-первых, убийство Талоса, племянника Дедала, которого он столкнул с вершины афинского Акрополя, позавидовав необычайному искусству и изобретательности, которые этот юноша успел проявить в различных видах ремесленной деятельности (некоторые авторы приписывают ему изобретение топора, бурава, пилы, циркуля и гончарного круга — см. *Diod. IV.76; Ovid. Met. VIII.247 sqq.; Hyg. Fab. 274; Serv. ad Verg. Georg. I.143; Id. ad Verg. Aen. VI.14*), и, во-вторых, трагическая гибель сына Дедала Икара во время их совместного перелета с Крита в Сицилию (или, по другому варианту мифа, в Афины)³¹. В свое время К. Кереньи вполне оправданно сравнил низвержение Талоса с вершины Акрополя с практиковавшимся на острове Левкада в святилище Аполлона Левката обрядом сбрасывания приговоренных к смерти преступников со знаменитой Левкадской скалы в море³². Иногда эту жертву подземным или, может быть, подводным богам добровольно совершал кто-нибудь из жрецов святилища или же специально с этой целью прибывших сюда паломников³³. Известная легенда о самоубийстве Сапфо, бросившейся в море с Левкадской скалы, позволяет предположить, что именно такова была первоначальная форма этого обряда. Обычай такого, как называет его тот же К. Кереньи, «культурного полета»³⁴ был известен и за пределами Греции, например, среди

³⁰ *Kerényi. Labyrinth-Studien. S. 55 ff. Cp. Willetts. Op. cit. P. 124 f.; Schaver-noch. Op. cit. S. 48. Об отголосках посвяtitельных обрядов в мифе о Тесее см. Jean-maire II. Couroir et Courètes. Lille, 1939. P. 227 suiv.*

³¹ С этими двумя мифами можно сравнить миф о Дедалионе, брате Кеикса (сходство этого имени с именем Дедала, видимо, не случайно): узнав о гибели своей дочери Хионы, пораженной стрелой Артемиды за то, что она осмелилась равняться в красоте с самой богиней, он бросился с одной из скал Парнаса, но был спасен Аполлоном, который превратил его в ястреба (*Ovid. Met. XI. 294 sqq.; Hyg. Fab. 200*). Также и Талос во время своего падения с Акрополя был, по одной из версий мифа (*Ovid. Met. VIII. 250 sqq.*), в последний момент превращен в куropатку.

³² *Kerényi. Labyrinth-Studien. S. 53. По свидетельству Страбона (X. С. 452), люди, приговоренные к казни такого рода, обычно избегали смерти благодаря тому, что перед «прыжком» со скалы их обвязывали птичьими перьями или даже привязывали к ним (живых?) птиц, чтобы таким образом замедлить и смягчить падение. В этой мере можно видеть известное смягчение первоначальной жестокости обычая. Более вероятно, однако, что именно такова и была его древнейшая форма, поскольку падение жертвы со скалы в море приравнивалось ее мистическому полету в «мир иной».*

³³ *Kerényi. Labyrinth-Studien. S. 53.*

³⁴ *Ibid.*

фракийского племени гетов, которые, по свидетельству Геродота (IV.94), время от времени отправляли к своему богу Залмоксису (божество явно хтонического характера) так называемых «посланцев», сбрасывая их с высоты на подставленные копыя.

Факты такого рода дают основание для того, чтобы интерпретировать и убийство Талоса, и гибель Икара как переосмысление обычая сакрального самоубийства, конечной целью которого могла быть, с одной стороны, добровольная жертва богам преисподней, с другой же, вечная жизнь самоубийцы в загробном мире. Дедал в каждом из этих двух случаев мог первоначально выступать в роли проводника и наставника неопита, хотя позднейшая явно сильно переработанная мифологическая традиция превратила его в истории гибели Талоса в злобного завистника и убийцу, не пощадившего даже кровного родича, в рассказе же о смерти Икара в несчастного отца, дорогой ценой заплатившего за свое дерзкое изобретение.

Предпринятая на этих страницах попытка реконструкции древнейшего прообраза или архетипа Дедала приводит нас к достаточно парадоксальному заключению: оказывается, что в своей глубинной основе, восходящей, по крайней мере, ко II тыс. до н. э., образ этого божества, ставшего впоследствии, как и многие древние боги и богини, героем, стоит, пожалуй, ближе к образу «вестника богов» Гермеса, нежели к образу бога-кузнеца Гефеста, в котором до сих пор усматривали его ближайшего «родственника»³⁵. С Гермесом пра-Дедала сближает не только свойственная им обоим функция проводника душ, но и некоторые общие черты характера, прежде всего необыкновенное хитроумие. Гермес, как и Дедал, — мастер на все руки, о чем может свидетельствовать хотя бы искусно изготовленная им из панциря черепахи лира (Hymn. Hom. III. 40 sqq.). Существует и важный внешний признак сходства, указывающий опять-таки на давнее и очень глубокое родство этих двух, казалось бы, столь далеких друг от друга мифических персонажей. Как было уже замечено, от всех прочих крылатых существ, фигурирующих в греческой мифологии, Дедала отличает то, что его крылья, слепленные из птичьих перьев, представляют собой всего лишь искусственное приспособление для полета, отнюдь не интегральную часть его тела, как, например, крылья Эрота или Горгоны, причем эта особенность запечатлена, хотя и достаточно наивными средствами, уже на древнейшем его изображении, дошедшем до нас, — в росписи ларника из Армени. Но то же самое можно сказать и о крылатой шапке, сандалиях, или (в первоначальном варианте) сапогах-скороходах и кадуцее Гермеса³⁶. В большинстве случаев он изображается в греческом искусстве, так сказать, «во всеоружии», т. е. со всеми этими атрибутами (это относится, в частности, и к тем сценам, где он выступает в роли проводника душ в Аиде), хотя в некоторых достаточно известных скульптурных произведениях (примером может служить хотя бы знаменитая статуя работы Праксителя из Олимпии) Гермес предстает перед нами в облике совершенно обнаженного прекрасного юноши с босыми ногами и непокрытой головой.

Обычно волшебные крылья Дедала, так же как и волшебный головной убор, обувь и кадуцей Гермеса, воспринимаются как типичные порожде-

³⁵ Robert C. Daidalos // RE. 1901. Bd IV. Sp. 1995; Becatti. Op. cit. P. 24; Rose. Op. cit. S. 264.

³⁶ См. о них Raingeard P. Hermès. Psychagogue. Essai sur les origines du culte d'Hermès. P., 1935. P. 384 suiv. Также и Аполлон иногда изображается в вазовой живописи восседающим на волшебном крылатом треножнике (Nilsson. Geschichte... S. 617. Anm. 6).

ния народной сказочной фантазии, хотя в действительности у них мог быть вполне реальный вещественный прототип в виде ритуального одеяния колдуна-шамана ³⁷. Согласно широко распространенным среди примитивных народов представлениям, такие одеяния, как правило, бывают наделены особой магической силой. Как известно, основное «амплуа» шамана чаще всего сводится к весьма ответственной, по понятиям первобытного человека, роли посредника между миром людей и миром духов. С этой ролью непосредственно связана другая важная функция шамана — его деятельность в качестве проводника душ умерших на «тот свет», характерная, например, для подавляющего большинства сибирских и дальневосточных представителей этой профессии ³⁸. Необходимым условием успешного общения шамана с духами как «верхнего», так и «нижнего мира» во время сеансов так называемого «камлания» считалось наличие специального магического снаряжения, в состав которого входили прежде всего бубен с колотушкой и ритуальный костюм. Как отмечают этнографы, специально занимавшиеся этим сюжетом, в большинстве случаев шаманское одеяние соединяет в себе черты зверя: оленя, лося, медведя и т. д. с чертами птицы ³⁹. Сходство с птицей шаману должны были придавать такие детали его костюма, как кожаная бахрома, нашитая на рукавах, подоле, спине и, конечно, достаточно условно воспроизводящая птичьи перья, железные пластины, закрепленные на рукавах и груди и, очевидно, соответствующие костям крыльев птицы или же ее маховым перьям. Иногда эти пластины заменялись частями настоящего птичьего скелета или же настоящими птичьими перьями и крыльями. Только с помощью всех этих приспособлений шаман, магически уподобившийся птице, мог совершать далекие и опасные полеты в обители духов, расположенные либо на небесах, либо под землей, во время которых он, в частности, выполнял и свои обязанности проводника душ умерших в места, отведенные для их загробной «жизни».

Все эти сведения, почерпнутые из этнографических описаний современного шаманизма, делают достаточно правдоподобной высказанную

³⁷ Элементы так называемого шаманизма выявлены в греческой религии и мифологии уже давно. Однако их происхождение все еще остается во многом неясным. Большинство исследователей, так или иначе касавшихся этой проблемы, связывает распространение шаманских верований и обрядов в Греции с открытием греками варварского мира Северного Причерноморья, в жизни которого шаманизм играл особенно важную роль. При этом одни авторы относят само это открытие к VII—VI вв. до н. э., другие — к гораздо более раннему времени, полагая, что шаманские ритуалы и связанные с ними мифы могли проникнуть в южные области Балканского полуострова еще в эпоху бронзы. См. *Meuli K. Scythica* // *Hermes*. 1935. 70; *Dodds E. R. The Greeks and the Irrational*. Berkeley etc., 1956. P. 142; *Butterworth E. A. S. Some Traces of the Pre-Olympian World in Greek Literature and Myth*. B., 1966. P. 135 ff. Ср. *Nilsson. Geschichte...* S. 164. Anm. 5. Диффузионистское решение вопроса о происхождении эгейского шаманизма, однако, едва ли следует считать единственно возможным. Учитывая широкое распространение верований и обрядов, близких к шаманским, среди различных народов нашей планеты, обитающих за пределами арктической и субарктической зон, где шаманизм представлен в его, так сказать, «классической форме» (*Hermanns M. Schamanen — Pseudoschamanen, Erlöser und Heinbringer. Teil 1—3. Wiesbaden, 1970; Closs A. Interdisziplinäre Schamanismusforschung an der indogermanischen Völkerguppe* // *Anthropos*. 1968/69. 63/64. Fasc. 5—6. S. 969—973), нельзя исключить и спонтанное возникновение аналогичных форм религиозного сознания на греческой почве.

³⁸ *Hermanns. Op. cit.* T. 1. S. 238 ff.; *Sikala A. L. The Rite Technique of the Siberian Shaman*. Helsinki, 1978. P. 264 ff.

³⁹ *Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири* // *Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX в. Л., 1971. С. 8; Басилов В. Н. Избранные духов. М., 1984. С. 99 слл.*

выше догадку о том, что важнейшие атрибуты двух божественных патронов «цеха» колдунов-психагогов — Дедала на Крите и Гермеса в материковой Греции — восходят к неким реальным земным моделям или прототипам, пока еще недоступным непосредственному изучению. Разумеется, сказанное вовсе не означает, что крылья Дедала, так же как и летательные приспособления Гермеса, были прямо и непосредственно скопированы с действительно существовавших в эту эпоху особых шаманских одеяний. Скорее облачения такого рода послужили лишь первым толчком, пробудившим игру религиозной фантазии, в которой постепенно сформировались образы этих двух божеств ⁴⁰.

Изготовление волшебных крыльев в истории Дедала дает основание предполагать, что черты шамана — проводника душ — уже изначально были органически слиты в его образе с чертами искусного мастера — изобретателя всяких диковинок, в основном предметов, наделенных особой магической силой и потому необходимых в шаманском обиходе. Вообще хорошо известно, что в примитивном обществе работа любого высококвалифицированного ремесленника ценится не просто по приносимой ею материальной пользе. «Непосвященные» видят в ней своего рода волшебство, веря, что мастеру помогают в его работе духи-покровители, владеющие секретами того или иного ремесла, которых он должен призывать себе на подмогу при помощи магических заклинаний и задабривать обильными жертвами. Особым почетом, благоговением и даже страхом окружены в первобытной общине кузнецы и златокузнецы как люди, постигшие тайны обработки металлов, подчинившие себе коварную стихию огня и прямо связанные с грозными и зловещими божествами подземного мира, хозяевами залежей железа и меди, золота и серебра.

Любопытные примеры своеобразной вражды-соперничества между шаманами и кузнецами, не исключаяющей тем не менее тесного родства этих двух категорий «избранников духов», приводит М. Элиаде ⁴¹. По его словам, у многих народов Сибири репутация кузнеца как лица, пользующегося особым покровительством духов и благодаря этому владеющего различными тайными знаниями, не только недоступными, но даже запретными для простого человека, была почти столь же высокой, как и авторитет шамана. Об этом свидетельствует, например, якутская пословица: «Кузнец и шаман — из одного гнезда». Некоторые народности даже отдавали кузнецам предпочтение перед шаманами. Так, долганы верили, что шаман не может проглотить душу кузнеца, так как она хранится в огне,

⁴⁰ Любопытно, что изображения одного из основных атрибутов Гермеса — его крылатых «сапог-скороходов» — появляются в греческом искусстве задолго до первых изображений самого «вестника богов». В микенских могилах XIII в. до н. э. на территории Атики были найдены две пары терракотовых сапожек с рисунком, создающим видимость рудиментарных крыльев, закрепленных на задней части сапога. И по форме, и, видимо, также по своему назначению эта «обувь мертвых» почти ничем не отличается от волшебных сапог Гермеса, в которых он предстает перед нами на аттических чернофигурных вазах VI в. до н. э. (Vermeule. *Aspects of Death*... P. 63 ff.). Но как могли попасть эти, по выражению Гомера, «крылатые подошвы» в самые заурядные (на первый взгляд) захоронения неизвестных нам жителей Атики бронзового века? Не означают ли эти находки, до сих пор известные всего лишь в двух экземплярах, что люди, похороненные в этих могилах, считались при жизни как бы дублерами божества в одной из наиболее существенных его функций — функции психагога, т. е. проводителя вереницы теней, покидающих землю в поисках своей последней загробной обители? Быть может, крылатые сапожки, сделанные из обожженной глины, считались основным элементом того, что может быть названо «профессиональным реkvизитом» таких проводников душ, и именно по этой причине должны были сопровождать их также и в их последнем странствии в потусторонний мир.

⁴¹ Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 176 слл.

кузнец же, напротив, может завладеть душой шамана и сжечь ее в том же огне. Согласно верованиям якутов, само кузнечное ремесло обязано своим происхождением злему божеству Кыдаай Максину, главному кузнецу нижнего мира. Это божество живет в железном доме среди непрерывного шума и грохота и занимается тем, что чинит сломанные или отсеченные части тела героев. Кыдаай Максин участвует также в посвящении знаменитых шаманов, души которых он закаляет в пламени своего горна, как железо. Очевидно, минойский пра-Дедал в обеих своих основных ипостасях: и в ипостаси шамана-психагога, роднящей его с Гермесом, и в ипостаси великого искусника и умельца, безусловно, сближающей его с Гефестом, был божеством, тесно связанным с нижним, т. е. загробным миром. Косвенное подтверждение этой догадки приходит из довольно-таки неожиданного источника. Мы имеем в виду древнеисландскую «Песнь о Вёлюнде», вошедшую в состав «Старшей Эдды»⁴². По своему сюжету это произведение может быть воспринято почти как «дословное» повторение греческого мифа о Дедале. Его главный герой — сын конунга финнов, искусный златокузнец, попадает в плен к владыке ньяров Нидуду. Чтобы лишить своего пленника возможности побега, Нидуд приказал подрезать ему сухожилия под коленями и поселить на пустынном острове вдали от людей, где он должен был создавать все новые и новые украшения для самого Нидуда, его жены и детей. Однако Вёлюнд сумел перехитрить своего врага. Он изготовил из птичьих перьев чудесные крылья⁴³, на которых поднялся в воздух и покинул место своего заточения, предварительно обезглавив обоих сыновей Нидуда и изнасиловав его дочь. Эта изощренная месть, пожалуй, выглядит еще эффектней, чем жестокая расплата Дедала с царем Миносом, хотя в остальном образы обоих искусников — греческого (минойского) и скандинавского — очень между собой схожи⁴⁴. В «Песни о Вёлюнде» главный герой назван «властителем альвов». В исландской или, если брать шире, древнескандинавской мифологии «альвами» обычно именуются волшебные существа, живущие либо под землей, либо высоко в горах и невидимые для человеческого глаза, если они сами не хотят, чтобы их увидели⁴⁵. По своим повадкам и образу жизни исландские альвы довольно близко напоминают гораздо шире известных эльфов германских и кельтских сказаний (оба эти слова, несомненно, одного происхождения). В некоторых поздних вариантах мифа о Вёлюнде, дошедших до нас в прозаической переработке, он сближается с так называемыми «черными альвами» или «цвергами», которые в скандинавских мифах обычно изображаются как искусные кузнецы и хранители подземных кла-

⁴² Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / Пер. А. И. Корсуна. М. — Л., 1963. С. 68—72.

⁴³ В самой «Песни о Вёлюнде» происхождение его крыльев остается неясным. Но в более поздней, зато более подробной норвежской саге на тот же сюжет мы узнаем, что Вёлюнд сам сделал свои крылья из перьев птиц, которых убивал для него его брат чудесный стрелок Эгиль. Любопытно, что этот же герой становится затем жертвой волшебного изобретения Вёлюнда, так как тот предлагает ему первым опробовать свой летательный аппарат и это приводит к его гибели, что невольно вызывает в памяти трагическую спену смерти Икара. (Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968. С. 272).

⁴⁴ В одном из норвежских сказаний упоминается также Лабиринт, который назван здесь домом Вёлюнда (Стеблин-Каменский М. И. Комментарии // Старшая Эдда. С. 233). Такое близкое сходство двух мифов заставляет думать, что скандинавский вариант был лишь переработкой греческой истории чудотворного мастера, хотя при этом сохранил или же восстановил некоторые из присущих ему первоначально, но потом утраченных сюжетных мотивов.

⁴⁵ Мелетинский Е. М. Альвы // Мифы народов мира. Т. I. М., 1980. С. 63.

дов и вместе с тем как злобные и опасные колдуны, враждебные людям ⁴⁶. Итак, мы располагаем достаточным количеством фактов, чтобы предполагать, что в своей древнейшей основе образ чудесного кузнеца Вёлунда был тесно связан с подземным или, что то же самое, загробным миром. В гораздо более ранней хронологической версии того же мифического сюжета — греческом предании о Дедале — эта важная черта в образе главного героя уже отсутствует. Восстановить ее удастся лишь с помощью такого уникального образчика позднemiнойского искусства, как ларнак из Армении.

MINOAN DAEDALUS

Yu. V. Andreev

One can now say with confidence that the well known image of Daedalus, the great architect, sculptor, and inventor, «the Leonardo da Vinci of the Bronze or Iron Age» (A. F. Losev), is the result of a comparatively late rationalist reworking of an original version of the myth that has not come down to us. The mention of a shrine of Daedalus (Daidaleion) in one of the tablets of the Knossos archive allows us to suppose that he was originally a divinity of the Minoan-Mycenaean pantheon, although the character and main functions of this deity have not yet been determined.

Analysis of the painting of a Late Minoan sarcophagus from a necropolis in Armeni (Western Crete) presents new opportunities for reconstructing the oldest prototype of Daedalus and the place he might have occupied in the system of the population's religious notions at that time. A portrayal of a flying human figure, which can very probably be identified with Daedalus, is included in the composition of this painting, which clearly reproduces a typical episode from the «life» of the other world.

The appearance of the figure of Daedalus in so specific a «context», at first glance paradoxical, is logically justified when we remember that, according to the late Greek myths, he was the builder of the Labyrinth, in which many modern scholars see a kind of model or scheme of the way to the other world, or (if we take the more complicated version of the same hypothesis proposed by K. Kerényi) the way to transformation and a «new life». The ancient Minoan-Mycenaean prototype of Daedalus apparently played an important role at the same time in two, closely interlocked spheres of the cult, namely that of the post-death ritual and the beliefs connected with it, and that of transition rites or initiation. That suggestion makes the deep organic link of the two main elements of the myth comprehensible: the building of the Labyrinth and Daedalus' flight, which are usually mechanically 'adapted' to each other as manifestations of the great architect's superhuman talent. The participation of the «proto-Daedalus» in the scene depicted on the sarcophagus from Armeni clearly shows that the image of the builder of the Labyrinth was preceded in the evolution of the main mythological subject by a rationalistically rethought image of the psychagogue, i. e. of the guide of souls in the realm of the dead, seemingly similar, in many ways, to the image of Hermes, the main performer of this function in the Olympian religion.

Fig. 1. A larnax. The necropolis of Armeni (Crete)

Fig. 2. A larnax. The necropolis of Episkopy (Crete)

Fig. 3. A Mycenaean terra cotta statuette

⁴⁶ *Он же*. «Эдда»... С. 278.

Д. Б. Шелов

ТАНАИС — ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД

Древний Танаис занимает особое место среди античных городов, возникших в Причерноморье в результате греческой колонизации. Он был самым северо-восточным пунктом античного мира, далеко заброшенным в варварские степи. В то время как все остальные греческие апойки располагались более или менее тесно по берегам Черного моря, он был территориально оторван от других античных городов и находился в окружении скифских, меотских и сарматских племен, господствовавших в приазовских и донских степях. Возникший много позднее большинства античных городов, только в начале III в. до н. э., Танаис до начала эллинистической эпохи не прошел того длительного пути развития архаического и классического полиса, который был характерен для других припонтийских центров. К тому же в отличие от них Танаис был основан не греками, прибывшими из бассейна Эгейского моря, а греками с Боспора, которые к моменту его основания сами уже испытали значительное воздействие окружающей варварской среды. Понятно, что все эти обстоятельства не могли не отразиться на особенностях демографического, социального и политического развития Танаиса, не придать своеобразия его культурной жизни. В то же время многие соображения позволяют рассматривать Танаис первого периода его существования как самостоятельный социально-экономический и политический организм с отчетливыми чертами эллинистического полиса. Именно эта сторона жизни города явится предметом рассмотрения в настоящей статье.

О возникновении Танаиса нам известно очень немного: Страбон упоминает (XI.2.3), что город был основан боспорскими греками, археологический материал с несомненностью определяет время этого события — начало III в. до н. э.¹ С этого момента начинается тот первый период жизни Танаиса, который может быть назван эллинистическим. Он завершился разгромом города боспорским царем Полемоном ок. 8 г. до н. э., о котором сообщает тот же Страбон (XI.2.3).

Долгое время разрушение города Полемоном представлялось настолько полным, что считалось возможным восстановление его в I или во II в. н. э. на другом месте². С. А. Жебелев, наоборот, предположил, что

¹ Шелов Д. Б. О времени основания Танаиса // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 300—309; он же. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970. С. 15—25.

² Леонтьев П. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // Проципен. 1854. IV. С. 505 сл.; Веселовский Н. И. Танаис Младший // Гермес. 1909. № 6. С. 246 сл.; Ильин А. М. Передовая фактория Танаиса // ЗРОИИД. 1914. II; Миллер А. А. Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК. 1910. 35. С. 124; он же. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг. // СГАИМК. 1927. 1. С. 101; Лукин Б. В. Очерки истории Подонья — Приазовья. Ростов-на-Дону, 1949. С. 56 сл.

Полемон вообще не разрушал Танаиса, а ограничился его разграблением³. Археологические исследования Недвиговского городища показали ошибочность обеих этих крайних точек зрения. Разрушение Танаиса в конце I в. до н. э. все же имело место, хотя и не было столь тотальным, как представлялось ранее⁴. Оно обозначает несомненный рубеж между двумя периодами в истории древнего города.

К сожалению, у нас нет никаких прямых свидетельств о статусе Танаиса и о его истории в эллинистическое время. Источники сообщают только о двух упомянутых событиях: об основании города боспорцами и о разрушении его Полемоном. Несмотря на почти полное отсутствие конкретных сведений о ранней истории города, в современной научной литературе сложилось определенное представление об основных моментах этой истории. Согласно ему, Танаис с самого своего возникновения входил в состав Боспорского царства в качестве опорного пункта Спартокидов на крайнем северо-востоке их владений. Временами, когда Боспор был ослаблен, город проявлял некоторые сепаратистские тенденции и отказывался повиноваться Спартокидам. Боспорские цари со своей стороны старались подавить стремление Танаиса к независимости. В этом особенно преуспели цари I в. до н. э. Фарнак, Асандр, Полемон. Как раз, подавляя очередной мятеж танаисцев, последний и подверг город разрушению или разграблению⁵. Этой концепции нельзя отказать в стройности и логичности, однако она не обоснована какими-либо бесспорными данными. Прежде всего, если не переносить в эллинистическое время ситуацию, сложившуюся в первых веках нашей эры, нет никаких свидетельств подчинения Танаиса в III—I вв. до н. э. царям Боспора. Более того, есть веские основания полагать, что этот город в эллинистическое время прочно сохранял свою самостоятельность в отношении метрополии.

Убеждение в изначальной принадлежности Танаиса Боспору основано на двух неправильно толкуемых замечаниях Страбона. Одно из них — уже упоминавшееся свидетельство об основании Танаиса боспорцами. Вряд ли следует доказывать, что сам по себе факт основания города эллинами с Боспора не может предопределять дальнейшее подчинение его державе боспорских Спартокидов, тем более что мы не знаем, было ли основание Танаиса государственным мероприятием или оно явилось результатом частной инициативы какой-то группы боспорцев, например купцов, торговавших с племенами Подонья⁶. Второе замечание Страбона, привлекаемое в этой связи, вообще не имеет никакого отношения к городу Танаису, в нем речь идет о подчинении боспорским правителям меотских племен на азиатской стороне Боспора (XI.2.11). Таким образом, у Страбона нет никаких сведений о принадлежности Танаиса Боспору. Наобо-

³ Жебелев С. А. Боспорские этюды // ИГАИМК. 1935. 104. С. 37—45 = СП. С. 195—204.

⁴ Шелов Д. Б. Полемон и Танаис // КСИА. 1969. 116. С. 70—75; Болтунова А. И. Был ли Танаис разрушен Полемоном? // ВДИ. 1969. № 2. С. 56.

⁵ Жебелев. Ук. соч. С. 42 сл. = СП. С. 200 сл.; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949. С. 229 сл.; он же. Боспор и Танаис в доримский период // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.—Л., 1963. С. 302 сл.; Gajdukevič V. F. Das Bosporanische Reich. Berlin — Amsterdam, 1971. S. 251 f.; Болтунова А. И. Ранний Танаис (III—I вв. до н. э.) // Археологические раскопки на Дову. Ростов-на-Дону, 1962. С. 94.

⁶ Город вполне мог быть основан группой частных лиц, не связанных с официальными властями. И. С. Каменецкий даже предполагал, что это были политические беглецы с Боспора или какая-то группа, оппозиционная Спартокидам (Каменецкий И. С. Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1965. С. 19), но ни для подтверждения, ни для опровержения этой догадки нет никаких данных.

рот, древний географ упорно исключает Танаис и всю область Нижнего Подонья из понятия «Боспор» и прямо противопоставляет Танаис и Боспорское государство как два независимых друг от друга организма (XI.2.3—4).

Не находим мы никаких указаний о принадлежности Танаиса Спартокидам и в боспорских эпиграфических источниках, которые никогда не упоминают этого города или района Нижнего Дона вообще. Особенно показательное отсутствие таких упоминаний в титулатуре боспорских Спартокидов. Название племени танаитов впервые появляется лишь в титуле Аспурга (IOSPE.II.36 = КБН. 40), несомненно уже владевшего Танаисом и Нижним Подоньем. Наконец, анализ археологического материала с Недвиговского городища также говорит не в пользу существования тесных и постоянных связей Танаиса допалеонтологического времени с центральными областями Боспора.

Все сказанное приводит к неизбежному выводу, что в первые века своего существования Танаис не был зависим от Боспорского царства. Независимость установилась, видимо, сразу после основания города и просуществовала едва ли не до времени Полемона⁷.

Если Танаис в III—I вв. до н. э. не входил в состав Боспорского государства, то каков был его политический статус? Судя по всему, он представлял собой независимый греческий политический организм, противостоящий окружающим варварским племенам. Археологические исследования показали, что Танаис с самого начала развивался как городской центр. В нем со времени возникновения существовали развитые ремесло и торговля, причем торговля несомненно была его основной, «базовой» функцией⁸. В этом отношении археологические материалы подтверждаются данными Страбона, подчеркивающего торговое значение Танаиса (VII.4.5; XI 2.3; XI. 2.11). Сравнительно большое число жителей, характер и плотность каменной городской застройки с наличием элементов коммунального благоустройства, возведение мощных оборонительных стен и башен — все позволяет видеть в Танаисе эллинистического времени античный город⁹. В то же время в Танаисе отсутствуют некоторые очень характерные для автономного города элементы: нет собственной монетной чеканки, практически остается совершенно неразвитым денежное обращение¹⁰, отсутствует обычай высекать на камне надписи государственного или общественного характера. Эти особенности жизни раннего Танаиса еще ждут своего объяснения.

Признавая Танаис греческим городом, мы можем предположить, что в интересующее нас время он имел полисную организацию. Как известно, город и полис отнюдь не равнозначные понятия; город мог развиваться (или не развиваться) внутри уже существующей полисной структуры и, наоборот, только что возникший город может усвоить и использовать типично полисные институты¹¹. Но какой еще организацией, кроме полис-

⁷ Шелов Д. Б. Боспор и Танаис в III—I вв. до н. э. // ВДИ. 1967. № 4. С. 36—46; он же. Танаис и Нижний Дон... С. 196—201; ср. Болтунова. Был ли Танаис разрушен Полемоном? С. 59.

⁸ О «базовых» функциях городских центров см. Брашинский И. Б., Марченко К. К. Елизаветовское городище на Дону — поселение городского типа // СА. 1980. № 1. С. 212—214.

⁹ Шелов Д. Б. Экономическая жизнь Танаиса // Античный город. М., 1963. С. 116—119; он же. Танаис и Нижний Дон...; Болтунова. Ранний Танаис...

¹⁰ Шелов Д. Б. Денежный рынок Танаиса // ЗОАО. 1960. 1/34. С. 133.

¹¹ Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 5—17; он же. Полис и проблемы развития экономики // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 236—238.

ной, могла обладать колония, выведенная греками в III в. до н. э. и существовавшая в качестве независимого политического организма, не входившего ни в какие другие объединения, почти три столетия? Если в соответствии с воззрениями самих греков видеть в полисе прежде всего коллектив свободных людей, гражданскую общину с принадлежащими ей материальными средствами и условиями существования¹², это как нельзя лучше подойдет к раннему Танаису, созданному группой боспорских греков для освоения торговых связей на Дону. Отчетливые следы полисно-общинных связей и институтов прослеживаются в памятниках позднейшей танаисской эпиграфики, в надписях первых веков нашей эры.

Наибольшие трудности вызывает вопрос о земельных отношениях во вновь организованном полисе. Как известно, классический полис первоначально строился как гражданская община прежде всего земельных собственников и владение земельным наделом было неременным условием для каждого ее члена. Мы не располагаем данными о поземельных отношениях в раннем Танаисе; можно полагать, что ближайшие к городу земли, образовывавшие танаисскую хору, составляли сельскохозяйственную основу поселения и были поделены между горожанами. Исследование вопроса о характере этих земель никогда не проводилось, но наличие в раннем Танаисе собственного зернового хозяйства засвидетельствовано находками на Недвиговском городище обгорелого зерна, сельскохозяйственных орудий и больших зернохранилищ, вырытых в глинистом грунте или вырубленных в материковой скале¹³. Впрочем основание Танаиса произошло достаточно поздно, когда сам греческий полис в процессе своего развития подвергся значительной деформации и когда земельные отношения перестали играть определяющую роль в его структуре.

У нас нет прямой информации об организации танаисского полиса в до-полемоновскую эпоху. Древние авторы не сообщают об этом, памятники же лапидарной эпиграфики Танаиса эллинистического времени полностью отсутствуют. Однако для решения поставленного вопроса могут быть привлечены свидетельства косвенные, а именно данные более поздних посвященных и строительных танаисских надписей первых веков нашей эры. В надписях упоминаются, как известно, две группы населения города — эллины и танаиты, каждая из которых управлялась своими собственными должностными лицами — эллинархами и архонтами танаитов¹⁴. Этим группам в литературе уделено много внимания, причем исследователи, пытаясь усмотреть в них не столько этнические, сколько социальные градации, часто приходили к необоснованным, а иногда и невероятным толкованиям¹⁵. Между тем в обеих этих группах следует ви-

¹² Он же. Древнегреческий полис // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 9 сл.

¹³ Шелов. Экономическая жизнь Танаиса. С. 128 сл.; он же. Танаис и Нижний Дон... С. 181 сл.; Болтунова. Ранний Танаис... С. 87; Наливкина М. А. Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960—1961) // Древности Нижнего Дона. М., 1965. С. 133—137.

¹⁴ IOSPE. II. 423. 427. 428. 430. 431. 431 bis. 432. 434 = КБН. 1237. 1242. 1243. 1245. 1246. 1247. 1250. 1251. 1251-а. 1256. 1257.

¹⁵ Леонтьев. Ук. соч. С. 432; Помяловский И. В. О танаитских коллегиях // Тр. VI АС. Т. II. Одесса, 1888. С. 25; Латышев В. В. Краткий очерк истории Боспорского царства // ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 128; Minns E. H. Scythians and Greeks. Cambr, 1913. P. 615; Lemann-Hartleben K. Die antiken Hafenanlagen des Mittelmeeres // Klio. 1923. Beiheft XIX. S. 30; Ziebarth E. Das griechische Vereinwesen. Lpz, 1896. S. 27; idem. Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland. Hamburg, 1929. S. 140; Колобова К. М. К вопросу о судовладении в древней Греции // ИГАИМК. 1933. 61. С. 69; Жебелев. Боспорские этюды. С. 43 = СП. С. 201 сл.; Книпович Т. Н. Танаис. М.—Л., 1949. С. 98; Гайдукевич. Боспорское царство. С. 343.

деть только две самоуправляющиеся разноэтничные общины, одновременно существовавшие в городе и вместе составлявшие его население.

Что же скрывается за этими названиями? В отношении эллинов вопрос решается довольно просто: это, очевидно, боспорские колонисты, основавшие Танаис, и их потомки, считавшие себя эллинами, хотя ни по крови, ни по культуре они чистыми греками, конечно, уже не были. Противопоставление в надписях эллинов и танаитов заставляет предполагать, что под термином «танаиты» подразумевалось все негреческое население города, обладавшее гражданскими правами. Вряд ли это население могло на протяжении ряда веков сохранять свою этническую однородность: известно, например, что во II в. н. э. в состав танаисского гражданства вошла мощная сарматская струя¹⁶. Поскольку эти новые пришельцы никак не могли быть зачислены в группу «эллинов», они, видимо, пополнили собой число «танаитов». Но первоначальное значение этого последнего термина было, конечно, не столь широким, он обозначал определенную этническую общность. Именно в качестве совершенно конкретного этноса танаиты упоминаются некоторыми древними авторами (Plin. HN. VI. 22; Ptol. III. 5.10) и, главное, в тексте царской титулатуры Аспурга (IOSPE. II. 36 = КБН. 40).

Почти все исследователи, признававшие эллинов и танаитов двумя этническими группами населения города, отмечали, что во II—III вв. н. э., к которым относятся рассматриваемые танаисские надписи, такое деление вряд ли было реально возможно ввиду большой этнической смешанности обитателей Танаиса. Особенно внимательно рассматривала этот вопрос Т. Н. Книпович, которая на основании всего известного ей археологического материала, просопографии танаисских надписей, сведений о деятельности архонтов танаитов и эллинархов пришла к выводу, что во II—III вв. н. э. никакого реального деления горожан на две обособленные этнические группы существовать не могло¹⁷. О том же говорят и археологические материалы раскопок последних десятилетий как на Недвиговском городище, так и на его некрополе. Остается предположить, что деление граждан на эллинов и танаитов было чисто условным, отражающим традиции более раннего времени, когда обе общины в действительности могли существовать в какой-то мере обособленно и дать названия двум группам граждан.

Это умозрительное предположение, неуверенно высказывавшееся и ранее¹⁸, получило неожиданное подтверждение в материалах археологических исследований Недвиговского городища Нижне-Донской экспедицией. Раскопки показали, что в допалеолитическое время город занимал большую территорию, чем в первые века нашей эры. Помимо основного восточного района города, огражденного мощным квадратом каменных стен с башнями, существовал еще один район, примыкавший к нему с запада, также укрепленный, но отделенный от первого оборонительной стеной. При этом культурно-этнический облик обеих частей города был несколько различен. Внимательное изучение материалов III—I вв. до н. э., полученных из обоих районов Танаиса, обнаруживает, что западный район города имел гораздо более варваризованный характер, чем восточ-

¹⁶ Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса // МИА. 1961. 98. С. 93; *он же*. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II—III вв. н. э. по данным танаисской ономастики // ВДИ. 1974. № 1. С. 80 сл.; *он же*. К этнической истории Нижнего Подонья // ИСКНЦВШ. Серия общ. наук. 1974. № 3. С. 41 сл.

¹⁷ Книпович. Танаис. С. 98—100.

¹⁸ Колобова. К вопросу о судовладении... С. 71; Книпович. Танаис. С. 101 сл.

ный. Это проявляется в составе керамических находок (значительно больший удельный вес негреческой и лепной посуды), в наличии разных бытовых предметов, свойственных не греческому, но варварскому образу жизни, в отсутствии регулярной планировки построек, несовершенстве и примитивизме каменных кладок и даже оборонительных сооружений и т. п.¹⁹

Если еще вспомнить, что оба района города были с самого начала разделены оборонительной стеной, наружная сторона которой была обращена в сторону западного района, придется признать сосуществование в дополемоновском Танаисе двух обособленных разнотнических общин.

Первоначально возник основанный боспорскими греками восточный участок города в виде прямоугольной каменной крепости, в которой и обитали преимущественно «эллины», т. е. боспорские колонисты и их потомки. Почти одновременно или чуть позже около города стали селиться окрестные варвары-танаиты, избравшие местом своего основного поселения участок к западу от четырехугольника крепости и в свою очередь укрепившие его оборонительной стеной, правда, менее мощной, чем стены основной крепости. Это деление города на два района существовало уже в III в. до н. э.

Первоначально сосредоточенные в разных городских районах этнические группы жили двумя самоуправляющимися общинами, каждая со своей администрацией. Но постепенно различие между ними стиралось, и к тому моменту, когда термины «танаиты» и «эллины» получили отражение в городских надписях, оно стало уже чисто условным²⁰. Этому, вероятно, способствовало и то обстоятельство, что после разгрома Танаиса Полемоном западный «танаитский» район города восстановлен не был и все жители города (как «эллины», так и «танаиты») были сосредоточены в пределах крепости, располагавшейся на территории прежней восточной («эллинской») части Танаиса²¹.

Каковы были связи и отношения между двумя танаисскими общинами — неизвестно. Т. Н. Книпович полагала, что дуалистическая организация танаисской администрации была результатом компромисса после длительной борьбы за господство внутри города между выселившимися с Боспора греками и высшими слоями местного населения²². А. И. Болтунова считала, что община танаитов не входила в состав полиса, объединявшего только основателей города и их потомков, «эллинов»²³. В. Ф. Гайдукевич предложил в архонтах танаитов видеть вообще не городских магистратов, а управляющих жителями городской округи — танаитами²⁴. Однако все эти гипотезы встречают серьезные возражения. Деление на две разнотнические общины относится еще к начальному периоду жизни Танаиса²⁵, а весь контекст танаисских надписей свидетельствует о сомнительной принадлежности «танаитов» к жителям самого города и о наличии у них примерно равных с «эллинами» гражданских прав. О том же говорит и деятельность должностных лиц танаитов.

Наличие в Танаисе таких должностей, как архонты танаитов, эллинар-

¹⁹ Болтунова. Ранний Танаис... С. 93; она же. К истории Танаиса (По данным эпиграфики) // Кlio. 1965. 42. С. 197; Шелов. Танаис и Нижний Дон... С. 214—219.

²⁰ Ср. Книпович. Танаис. С. 101 сл.

²¹ Шелов. Полемон и Танаис; Болтунова. Был ли Танаис разрушен Полемоном?

²² Книпович. Танаис. С. 101.

²³ Болтунова. Ранний Танаис... С. 93.

²⁴ Гайдукевич. Боспор и Танаис. С. 304.

²⁵ Ср. Болтунова. Ранний Танаис... С. 93.

хи, простаты и просодики (о которых также упоминают надписи)²⁶, развитие в городе обычая эпимелей, охватывающего и «эллинов» и танаитов. — все это говорит о том, что члены обеих танаисских общин рассматривались как полноправные граждане единого полиса.

Интересно упоминание в одной из танаисских надписей лохага танаитов. Опубликовавшая эту надпись А. И. Болтунова справедливо заметила, что наличие в Танаисе такой должности заставляет предполагать существование там же параллельной должности лохага эллинов и особых воинских подразделений танаитов и эллинов во главе с соответствующими лохагами²⁷. Это наблюдение заставляет вспомнить, что известное совпадение политической и военной организации было одной из характерных черт греческого полиса вообще²⁸. И в этом отношении Танаис эллинистического времени отвечал полисным нормативам, несмотря на необычную двойственность своей структуры.

Все вышеизложенное позволяет видеть в Танаисе допелемоновского времени (несмотря на некоторые особенности его развития, явившиеся следствием внешних условий его существования) самостоятельный политический организм с достаточно ощутимыми чертами полисной структуры. Как во всех эллинистических центрах, в Танаисе III—I вв. до н. э. были чрезвычайно сильны «сочетание и взаимодействие эллинских и местных элементов экономического строя, социальных и политических отношений, учреждений, обычаев, представлений и верований»²⁹. Более того, в Танаисе в силу целого ряда обстоятельств греко-варварский синкретизм проявился особенно выпукло. Он проступает во всех аспектах городской жизни, материальной и духовной культуры, начиная от системы каменного строительства и городской планировки и кончая языком танаисских официальных надписей. В историографии существует много работ на эту тему³⁰, и здесь этот вопрос не должен рассматриваться, так как он заслуживает специального и подробного исследования.

THE HELLENISTIC CITY OF TANAIIS

D. B. Shelov

The first period in the existence of Tanais lasted from its foundation in the early third century B. C. to its destruction by king Polemon of Bosphorus at the end of first century B. C. This interval may be called the Hellenistic period of Tanais.

Although it was founded by Bosphoran Greeks, it apparently did not, contrary to the commonly accepted view, form part of the Bosphoran Kingdom before Polemon, but was an independent socio-political entity that embraced the city proper and its immediate agricultural periphery.

²⁶ В том, что все эти должности существовали еще в эллинистическую эпоху, а не возникли в первые века нашей эры, вряд ли можно сомневаться. См. *Шелов. Танаис и Нижний Дон...* С. 264—268.

²⁷ *Болтунова. Из черновики В. В. Латышева // ВДИ. 1951. № 2. С. 125.*

²⁸ *Кошеленко. Древнегреческий полис. С. 24 сл.*

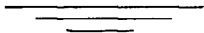
²⁹ *Зельин К. К. Основные черты эллинизма // ВДИ. 1953. № 4. С. 147.*

³⁰ См., например, *Шелов Д. Б. Эллинские и варварские элементы в Танаисе в свете новых данных // Griechische Städte und einheimische Völker der Schwarzmeergebietes. В., 1961. С. 112—122 (и приведенную там литературу); он же. Некрополь Танаиса // МИА. 1961. 98; *Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. М., 1977; Древности Нижнего Дона. М., 1965; Античные древности Подонья — Приазовья. М., 1969; Шелов. Танаис и Нижний Дон... и др.**

Judging by certain indirect data, Tanais then had the status of an independent polis in which there were at least several typical polis institutions, for instance, the archontate.

A feature of the Hellenistic period of Tanais history was a peculiar dualism, the coexistence of two different ethnic communities, each with its own administration and its own territory within the limits of one polis.

The syncretism of Greek and barbarian cultural phenomena typical of the Hellenistic time in general, had a particularly clearly expressed character in Tanais, being manifested in all spheres of its material and cultural life.

Н. П. Гуляева

БРОНЗОВЫЕ КУВШИНЫ ИЗ ПОМПЕЙ

Государственный Эрмитаж обладает обширной коллекцией бронзовых античных сосудов, изготовленных в Италии. Широкое бытование подобных предметов на огромной территории, в частности и нашей страны, быть может, сделает данную публикацию полезной для археологов и историков. Мы остановимся только на трех группах одноручных ваз, устанавливая их отличие от других похожих групп. В нашем собрании имеются восемь хорошо сохранившихся кувшинов и семь отдельных ручек.

Интересна история их появления в музее. Николай I, путешествуя по Италии и будучи гостем неаполитанского короля, 10 декабря 1845 г. посетил древние Помпеи. После прогулки по городу и осмотра окрестностей гости проследовали к перекрестку около храма Августа, где в их честь «проведены были новые поиски. Вскоре раскопали несколько лавок, где изготовлялись и продавались домашняя утварь и кухонная посуда из бронзы... Кругом находились разные железные и бронзовые вещи — сосуды, тарелки и т. п... Поиски увенчались счастливым успехом, к полному удовольствию августейших посетителей»¹. На следующий день неаполитанский король подарил Николаю I все те предметы, которые были найдены в его присутствии.

Совершенно очевидно, что эти раскопки были проведены по заранее разработанному сценарию, а вещи предусмотрительно отобраны и спрятаны в тех местах, где они потом были якобы обнаружены. Безусловно, это были найденные ранее подлинные античные изделия. Скорее всего организатором «поисков» был министр внутренних дел Сантанджело, заслуживший благодарность Николая I как искусный проводник и распорядитель помпейских раскопок. Среди предметов, подаренных русскому императору столь изящным способом, были два одноручных кувшина (В. 260, В. 659).

В 1873 г. в Эрмитаж поступили еще три сосуда, найденные во время раскопок в Помпеях при схожих обстоятельствах (В. 654, В. 657, В. 658). Одна ручка попала в музей в составе коллекции итальянского хирурга Пидатти в 1851 г. (В. 166). Два кувшина (В. 405, В. 427) и отдельная ручка (В. 452) были проданы музею в 1852 г. наследниками графини А. Г. Лаваль. Такое происхождение предполагает их приобретение в Италии, откуда происходит большая часть коллекции Лавалей. Две ручки от сосудов такого типа находились в частной коллекции и были куплены в 1928 г. у Е. М. Боткиной (В. 1965, В. 1966). Еще три ручки были переданы в Эр-

¹ ЖМНП. Ч. XLIX. СПб., 1846. С. 2, 3.

митаж в 1930 г. из Музея Общества поощрения художеств (В. 2157, В. 2164, В. 2166). Происхождение одного кувшина не установлено (В. 1382).

Таким образом, из рассматриваемых 15 изделий девять происходят из Италии. Остальные шесть настолько близки к ним, что не приходится сомневаться в идентичности их происхождения. Попытаемся доказать возможность изготовления всех этих предметов в Южной Италии в I в. н. э.

Группы бронз, в которые входят и экземпляры из Эрмитажа, изучаются давно. Первым, кто попытался рассмотреть эти сосуды на широком историко-культурном и художественном фоне, был Теодор Шрайбер². В своей книге, опубликованной в 1894 г., он приписал их кругу александрийской торевтики. Согласно концепции Т. Шрайбера, под воздействием александрийских мастеров эпохи Птолемеев обретают свою характерную форму не только данные группы, но и многие другие типы римских бронзовых ваз. Несколько забегая вперед, следует сказать, что концепция Т. Шрайбера сформировалась под влиянием хронологии, разрабатанной наукой того времени. Разумеется, не следует отрицать александрийское влияние на римскую торевтику само по себе. Но в таком случае вопрос стоит о художественном влиянии, о восприятии Италией культурного наследия Птолемеевского Египта. Это отдельная тема, не являющаяся целью данной работы. В своем труде Т. Шрайбер приводит и эрмитажный кувшин с зайцем как пример того, что ручки бронзовых кувшинов украшались серебряными накладками³. При этом он ссылается на статью Г. Кёлера⁴. Следующей этапной работой по этой группе становится исследование А. Радноти римских бронзовых сосудов, найденных на территории римской провинции Паннонии⁵. Ей удалось правильно локализовать рассматриваемые памятники и привязать их к определенному кругу реалий. Наконец, С. Тассинари подробно рассмотрела отдельную группу кувшинов, состоящую из 69 целых экземпляров и отдельных ручек, найденных при раскопках Помпей, Стабий и Геркуланума⁶. Эти кувшины находятся в Национальном музее Неаполя и в музеях на местах раскопок.

Интерес отечественных специалистов к рассматриваемым группам предметов проявился в основном в связи с погребальными комплексами и при рассмотрении итальянского импорта в Западную и Восточную Европу и древнюю Иберию. Таковы работы О. Д. Лордкипанидзе⁷, В. В. Кропоткина⁸, Б. А. Раева⁹, Д. Б. Шелова¹⁰.

Все эрмитажные изделия этого вида делятся на три группы, связанные между собой общей технологией производства. Тулово выковывалось,

² Schreiber Th. Die Alexandrinische Toreutik // Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wiss. Bd XIV. Lpz, 1894.

³ Ibid. S. 379.

⁴ Köhler H. K. E. Description d'un vase de bronze et d'un tableau d'Herculanum // Gesammelte Schriften. Im Auftrage der Kaiserlichen Akad. der Wiss. Bd VI. St. Petersburg, 1853. S. 103—123.

⁵ Radnoti A. Die römischen Bronzegefäße von Pannonien. Budapest, 1938.

⁶ Tassinari S. Pots à anse unique // Cronache Pompeiane. Napoli, 1975. № 1.

⁷ Лордкипанидзе О. Д. Итальянские бронзовые изделия, найденные на территории древней Грузии // СА. 1964. № 1. С. 199—220; он же. Античный мир и древняя Иберия. Тбилиси, 1968.

⁸ Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.) // САИ. Д 1—27. М., 1970.

⁹ Раев Б. А. К хронологии римского импорта в сарматских курганах Нижнего Дона // СА. 1976. № 1. С. 123—134. Автор указывает места находок аналогичных сосудов во всех европейских провинциях Римской империи.

¹⁰ Шелов Д. Б. Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе // СА. 1983. № 4. С. 57—69.

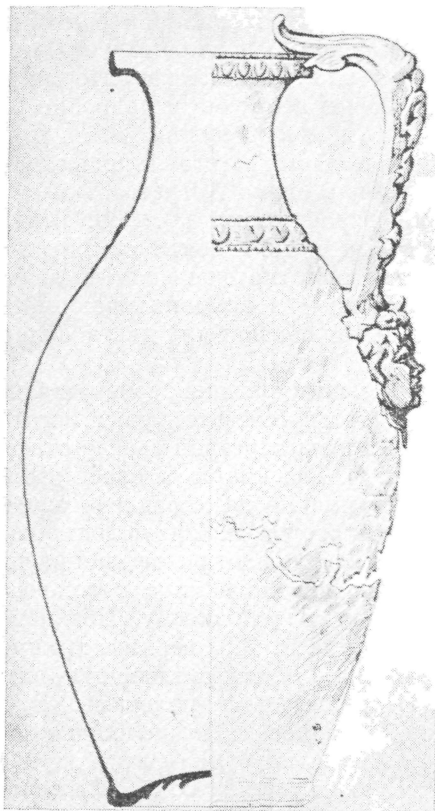

Рис. 1. Кувшин веретенообразный. В. 405

Рис. 2. Ручка кувшина В. 405

а затем обрабатывалось на токарном станке, на что указывают полосы на внутренней поверхности сосуда, т. е. след вращения станка. Ручки отливались в форме и припаивались верхним и нижним концами к тулову.

Первая группа — это сосуды с туловом веретенообразной формы. Она представлена кувшином В. 405¹¹ (рис. 1). Сосуд имеет отогнутые наружу края венчика, орнаментированное овами удлиненное узкое горло. На плечиках — рельефный поясok киматия между нитей жемчужинка. Овальная в сечении ручка в верхней части изогнута под прямым углом. Она словно бы разделяется на три части, и это разделение подчеркнуто декором (рис. 2). Первая часть — выступ для упора большого пальца руки, выполненный в виде листика, и два выступа, в данном случае обломанные, которые охватывали венчик сосуда. Вторая часть — непосредственно ствол ручки. На нем рельефно изображен обнаженный мальчик, повернувшийся направо. Он стоит на утке. Под уткой, запрокинув голову, идет фламинго. Третья часть — атташ, нижнее окончание ручки. Он представлен маской молодого сатира с остроконечными ушами. Уложенные прядями волосы перевиты цветами и листьями плюща. Под подбородком — две волюты. Дно сосуда тяжелое, слегка выпуклое, в наружной поверхности снабжено концентрическими кругами в высоком рельефе.

¹¹ Античная художественная бронза. Каталог выставки. Л., 1973. № 250.

Подобные сосуды, хранящиеся в Париже, Лионе, Болонье, Национальном музее Неаполя, описаны Т. Шрайбером¹². Найденные в Паннонии такие кувшины А. Радноти датирует I в. н. э.¹³ На территории Советского Союза идентичные вазы были найдены в Грузии и подробно рассмотрены О. Д. Лордкипанидзе. Анализируя декор ручек, О. Д. Лордкипанидзе приходит к выводу, что эти произведения изготовлялись в начале — первой четверти I в. н. э. и относятся к эпохе Августа¹⁴.

Вторая группа — это изделия биконической формы (В. 260, В. 427, В. 657, В. 1382). Четко выраженная форма тулова почти симметрична (рис. 3). Поверхность ровная. Таких бронз известно очень много. Основная масса их была найдена в Италии, многие — в римских провинциях. Б. А. Раев приводит схему, на которой четко обозначены места обнаружения подобных сосудов¹⁵.

Ручки таких кувшинов отличаются большим разнообразием и более всего подвержены изменениям. Это объясняется тем, что ручки изготавливались художниками с различными вкусами и мастерством соответственно общепринятым традициям своего времени. С. Тассинари в своей работе классификацию подобных предметов строит именно на характере изменения декора ручек¹⁶. Верхняя часть ручки сосуда В. 260 моделирована в виде лепестка между птичьих голов. Вдоль ствола идет рельефная раздвигавшаяся линия. Атташ выполнен в виде женского лица с волосами, расчесанными на прямой пробор и уложенными в прическу. Под подбородком — две волюты (рис. 4а). На ручке сосуда В. 1382 верхнее прикрепление представляет собой стилизованную спираль, напоминающую витые рога барана. Боковые выступы покрыты рельефными полосами. Ручка заканчивается мужской головой с повязкой на волосах. Под подбородком — пальметка, направленная вниз (рис. 4б). Аналогии ручкам этих двух сосудов можно найти в музеях Венгрии¹⁷. Ручка кувшина В. 657¹⁸ не имеет никакого декора, лишь выступ-бугорок в верхней части. Атташ напоминает гладкий листок (рис. 5). С. Тассинари ссылается на кувшины с подобными ручками, хранящиеся в Национальном музее Неаполя¹⁹. Они, как и ручка эрмитажного кувшина, практически не имеют декора. То же самое можно сказать о кувшине из Боскореале, описанном в статье Е. Перниса²⁰.

Последний кувшин группы — В. 427, лучший в эрмитажной коллекции (рис. 6), был издан в свое время Г. Кёлером²¹. К сожалению, сосуд испорчен тем, что на его тулове выгравирован новый рисунок, скопированный с помпейской фрески. Ручка сосуда имеет богатый декор с серебряной инкрустацией. В верхней части ручки находятся два выступа в виде бараньих голов, один из них утрачен и, как отметил еще Г. Кёлер, был заменен подобным уже в древности²². Между выступами расположена скульптурно исполненная фигура сидящего зайца. На изгибе ручки изображены три рельефных валика, под ними — серебряная инкрустация

¹² Schreiber. Op. cit. S. 354—357.

¹³ Radnoti. Op. cit. S. 165.

¹⁴ Лордкипанидзе. Итальянские бронзовые изделия... С. 200—203; он же. Античный мир... С. 129.

¹⁵ Раев. Ук. соч. С. 130.

¹⁶ Tassinari. Op. cit. P. 162.

¹⁷ Radnoti. Op. cit. S. 165. Taf. XLIII, 3a.

¹⁸ Стефани Л. Древние бронзы и терракоты. СПб., 1883. № 338h; Античная художественная бронза, № 245.

¹⁹ Tassinari. Op. cit. P. 211, 182. Fig. 10 i.

²⁰ Pernice E. Bronzen aus Boscoreale // AA. 1900. Bd XV. S. 189. Fig. 17.

²¹ Köhler. Op. cit. S. 103—123.

²² Ibid. S. 106.

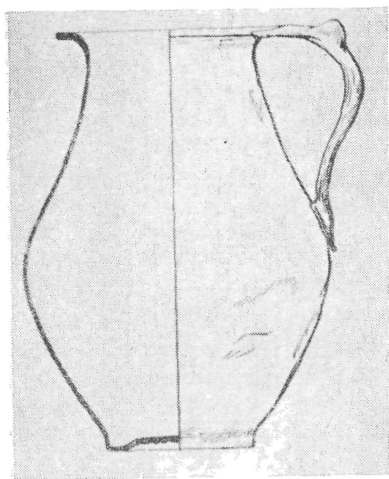

Рис. 3. Кувшин биконический.
В. 657

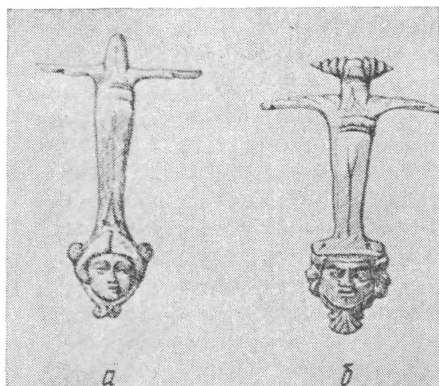

Рис. 4. Ручки биконических кувшинов:
а — В. 260; б — В. 1382

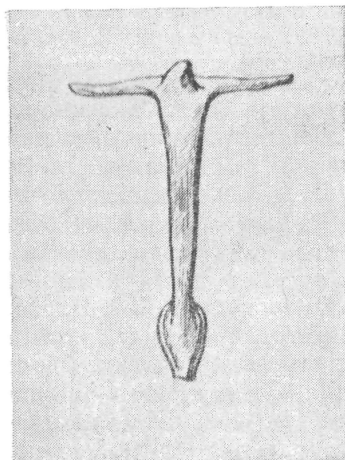

Рис. 5. Ручка кувшина В. 657

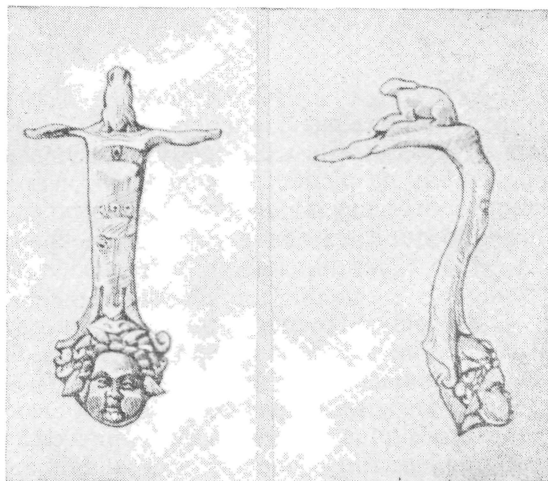

Рис. 6. Ручка биконического кувшина. В. 427

в виде колечка. Ниже — затертая гирлянда и широкая корзина с фруктами, выполненными из серебра. Под корзиной — еще одно серебряное колечко. Атташ представляет собой детскую маску, обрамленную волосами, перевитыми листьями.

Два сосуда, на ручках которых находятся фигуры зайцев, хранятся в Национальном музее Неаполя²³. Там же есть ручка с атташем в виде лица ребенка²⁴. С. Тассинари показывает разные варианты корзин и гирлянд на ручках сосудов²⁵. Все эти предметы отличаются деталями декора: это обуславливается тем, что они отливались по разным моделям.

²³ *Tassinari. Op. cit.* P. 170, 194. Fig. 16a, c.

²⁴ *Ibid.* P. 192, 169. Fig. 4e, f.

²⁵ *Ibid.* P. 181 200. Fig. 17e, f.

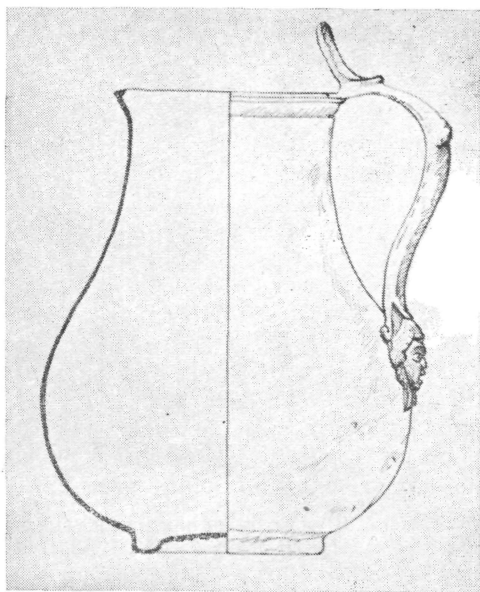

Рис. 7. Кувшин грушевидный. В. 658

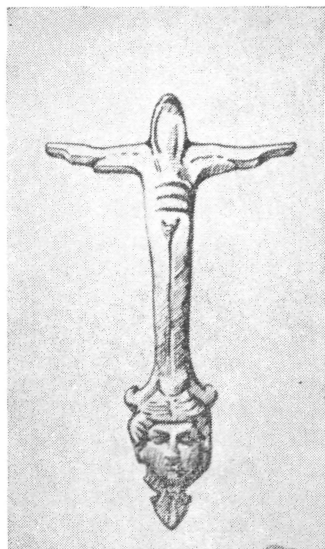

Рис. 8. Ручка кувшина В. 654

Интересно отметить, что среди 69 бронз, рассмотренных С. Тассинари, нет двух одинаковых. Даже при совпадении иконографии сюжетов в изображениях на ручках не совпадали некоторые детали. Большая часть би-конических сосудов найдена в Помпеях. Поскольку признано, что они более поздние, их можно датировать временем не позднее третьей четверти I в. н. э. К такому выводу склоняется абсолютное большинство исследователей.

Следующую группу составляют три грушевидных сосуда: В. 259, В. 654, В. 658 (рис. 7). Верх ручки сосуда В. 654²⁶ изготовлен в виде листика между птичьих голов (рис. 8). На изгибе — три рельефные полосы. Вдоль ствола ручки проведена раздвоенная сверху линия. Здесь атташ — в виде женского лица с уложенными в прическу волосами, разделенными на прямой пробор. Под подбородком — направленная вниз пальметка. Ручки такого типа известны²⁷. Верхняя часть и ствол ручки кувшина В. 658²⁸ сильно затерты. Средний выступ, видимо, был оформлен в виде большого пальца руки в обрамлении рельефного валика. На изгибе ствола — три полосы. Атташем служит мужская голова, покрытая поверх волос повязкой, концы которой ниспадают по обе стороны ниже подбородка (рис. 9). Аналогичные ручки хранятся в Помпеях²⁹.

Грушевидные сосуды могли иметь другой тип ручки. Ствол ее изгибался петлей, высоко поднимавшейся над краем кувшина, боковые выступы располагались поверх венчика. Этот тип хорошо представлен нашим экспонатом В. 259 (рис. 10). Его ручка имеет гладкий ствол с тремя рельефными линиями вдоль него. Атташ представляет собой театральную маску

²⁶ Стефани. Ук. соч. № 338 f; Античная художественная бронза, № 246.

²⁷ Menzel H. Die römischen Bronzen aus Deutschland. Bd II. Mainz, 1966. S. 102. № 254. Taf. 75.

²⁸ Стефани. Ук. соч. № 338 g; Античная художественная бронза, № 247.

²⁹ Tassinari. Op. cit. P. 192 sq., 178. Fig. 8 f, g.

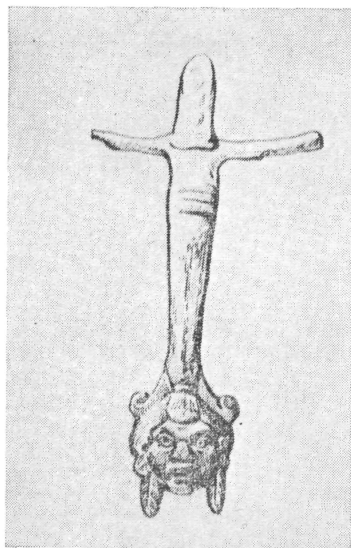

Рис. 9. Ручка кувшина В. 658

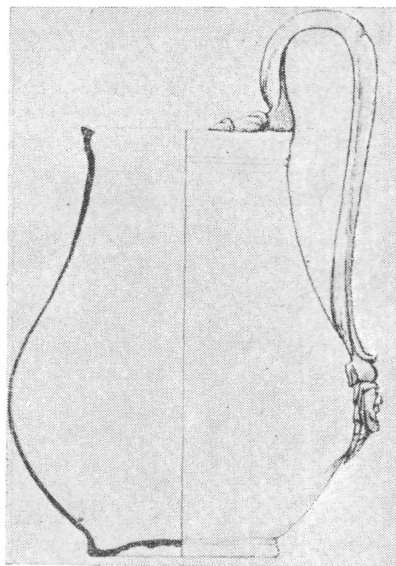

Рис. 10. Кувшин грушевидный. В. 259

с широко открытым ртом (рис. 11). С внутренней стороны в месте прикрепления ручки к венчику находится изображение цветка. Боковые выступы выполнены в виде бутонов (рис. 12). Такие ручки для грушевидных сосудов приведены у Т. Шрайбера³⁰ и А. Радноти³¹.

Подобными ручками в некоторых случаях могли снабжаться и биконические кувшины, как, например, сосуд, найденный в Ольвии в 1900 г.³² Полагают, что он итальянского происхождения и датируется I—II вв. н. э.

Помимо целых сосудов в эрмитажной коллекции хранятся семь отдельных ручек. Каждая из них, очевидно, служила или могла быть ручкой кувшина нашего второго или третьего типов. Ручки по оформлению атташей можно условно разбить на три группы. Первая — маски различных персонажей, вторая — бюсты и третья — фигурные сцены. К первой группе мы относим пять ручек (В. 166, В. 452, В. 1966, В. 2164, В. 2156), ко второй (В. 2157) и третьей (В. 1965) по одной. Ручка В. 452 имеет упор для большого пальца в виде листа. Один из уцелевших боковых выступов — в виде птичьей головы (рис. 13). Рельеф на стволе затерт. Атташ выполнен в виде головы Медузы с маленькими крылышками в спутанных, извивающихся наподобие змей волосах. Аналогии можно найти на ручках кувшинов, хранящихся в Национальном музее Неаполя³³ и в Геркулануме³⁴. Вдоль ствола ручки В. 1966, вплоть до места прикрепления к горлу кувшина, тянется выполненное в высоком рельефе изображение змеи (рис. 14а, б). На месте изгиба ручки змея свивается узлом. Атташ — в виде бородатой мужской маски в полосатой конусовидной шапке, напоминающей фригийский колпак. Ручка В. 166 для упора большого пальца имеет листок. На стволе можно различить под неясным изображением вверх

³⁰ Schreiber. Op. cit. S. 353 f.

³¹ Radnoti. Op. cit. S. 166 f. Taf. LIII, 4.

³² Гропомкин. Ук. соч. С. 97. № 841. Рис. 54, 1.

³³ Tassinari. Op. cit. P. 222, 167. Fig. 3a—c.

³⁴ Ibid. P. 185, 167. Fig. 3 d; P. 175. Fig. 7 b.

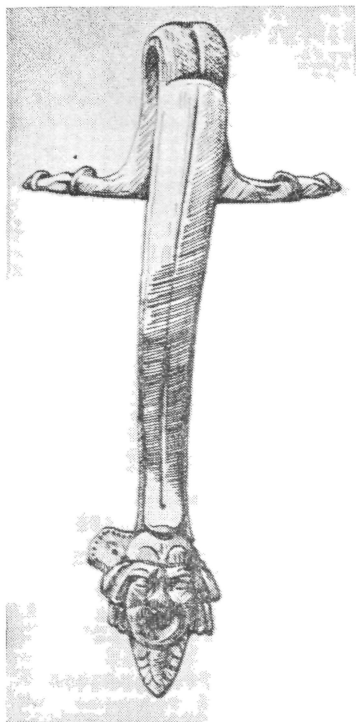

Рис. 11. Ручка кувшина В. 259

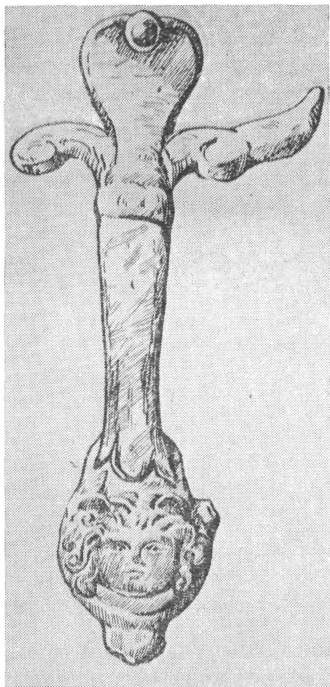

Рис. 13. Ручка. В. 452

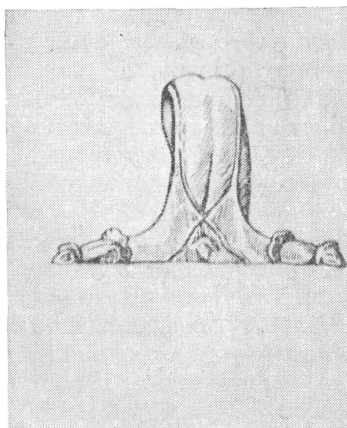

Рис. 12. Внутренняя сторона ручки кувшина В. 259

маску в профиль налево. Маска с пышной шевелюрой, волосы закрывают уши и падают на шею. Под ней — высокая корзина. Ручка заканчивается бородатым мужским лицом. Волосы надо лбом расчесаны на прямой пробор.

Мы объединяем две последние ручки на основании того, что их атташи моделированы одинаково. Волосы исполнены широкими рельефными линиями, черты лица детально и скрупулезно показаны. Экземпляр со

змеей хранится в Помпеях³⁵. Ручки с изображениями корзин и масок можно видеть в Национальном музее Неаполя³⁶.

Ручка В.2164 в верхней части несет на себе не лист, а большой палец руки между птичьих голов (рис. 15). Ствол ребристый, в середине покрыт косыми рельефными линиями. Атташем является маска сатира с наморщенным лбом, сросшимися дугообразными бровями, остроконечными ушами. Нос курносый. Волосы надо лбом короткие, лежат ровно, по бокам — всклокочены. Усы и борода вьются густыми прядями. Все детали тщательно проработаны. Аналогии этой ручке обнаруживаются в югославском музее Иоаннеум³⁷, в Лувре³⁸, в Национальном музее Неаполя³⁹, в музеях Венгрии⁴⁰.

У ручки В.2166 лист и концы боковых выступов в верхней части утрачены (рис. 16а). По стволу ручки, изогнувшись, спускается дельфин. Под дельфином — чапа. В нижней части ствола ручки изображены три ребристые листка. Хвост дельфина, рельефный узор на чаше и верхние концы листьев имеют одинаковый профиль, напоминающий трезубец. По краю ствола выбиты точки. На атташе изображена мужская голова с пышной шевелюрой, расчесанной на пробор, с бородой и усами. Брови нахмурены. На голове — венчик из тех же листьев, что и на стволе ручки. Под венком, из волос выглядывают собачьи морды, обращенные друг к другу. По мнению С. Тассинари, такие атташи являются одним из вариантов изображения Тритона⁴¹.

Боковые выступы ручки В.2157 не сохранились (рис. 16б). Средний выступ — в виде листа. Ствол затерт. На атташе представлен бюст молодой женщины, скорее всего менады, в хитоне из листьев. Хитон застегнут на правом плече, левое плечо и грудь обнажены. Голова менады слегка повернута вправо. Волосы уложены валиком поверх головы, одна прядь спускается на левое плечо. Аналогичных бюстов менад мы пока не знаем, хотя подобные украшения ручек встречаются довольно часто, например, муза Талия из Лувра⁴² или бюст Африки из Муниципального музея во Вьенне⁴³.

Поскольку верхняя часть ручки В.1965 утрачена, сразу перейдем к рассмотрению изображений на ее стволе и нижнем окончании (рис. 16а). Ручка сильно потерта, однако можно отметить, что все детали на ней некогда были довольно тщательно выполнены. На стволе помещена стоящая крылатая женская фигура в длинной одежде, возможно Ника. На атташе в отличие от всех имеющихся в нашей коллекции ручек изображена не маска, а целая сцена. На спокойно стоящем большерогом олене боком сидит Артемида в длинном хитоне, застегнутом на плечах. В левой руке богиня держит лук, правой достает из запячного колчана стрелу. Известна ручка, полностью идентичная нашей, которая была найдена в Помпеях и сейчас находится в Неаполитанском музее. Однако трактовка Т. Шрайбером изображенных на ней персонажей отличается от той,

³⁵ Ibid. P. 170, 178. Fig. 8 f.

³⁶ Ibid. P. 181 sq., 201 sq. Fig. 17 g, h, i, j.

³⁷ Breščak D. Antično bronsato posodje Slovenije. Ljubljana, 1982. S. 25, 58—59. № 155. T. 16, 27.

³⁸ Ridder A. Les bronzes antiques du Louvre. P., 1915. T. II. P. 119—120. № 2803—2808. Pl. 101.

³⁹ Tassinari. Op. cit. P. 190, 178. Fig. 8 a, c.

⁴⁰ Radnoti. Op. cit. Taf. XLIII, 4.

⁴¹ Tassinari. Op. cit. P. 185, 178. Fig. 7 f, g.

⁴² Ridder. Op. cit. P. 119. № 2800. Pl. 101.

⁴³ Boucher St. Vienne. Bronzes antiques. P., 1971. P. 144—145. № 277.

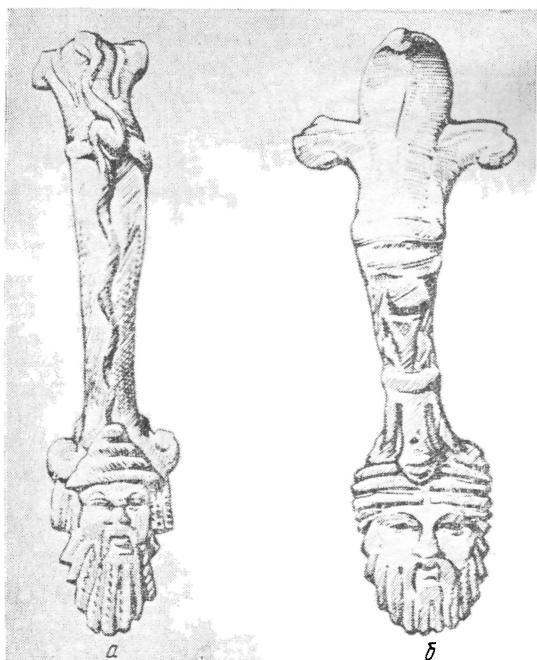

Рис. 14. Ручки. *а* — В. 1966; *б* — В. 166

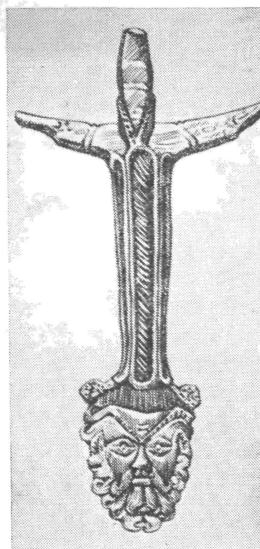

Рис. 15. Ручка. В. 2164

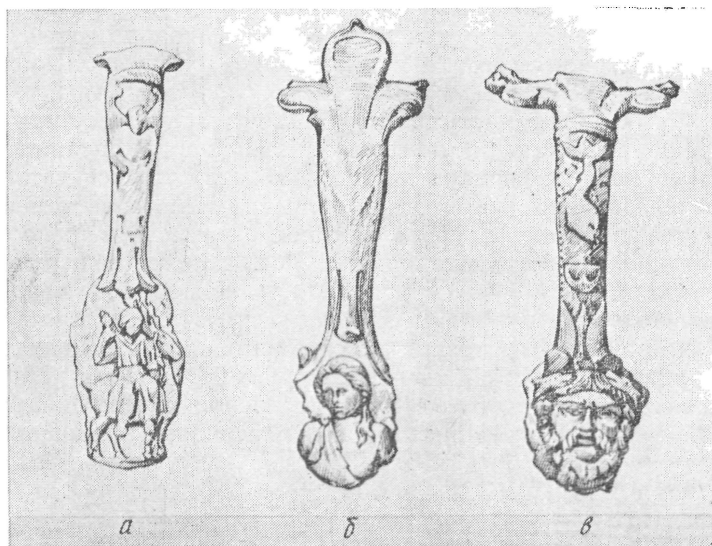

Рис. 16. Ручки. *а* — В. 1965; *б* — В. 2157; *в* — В. 2166

которую предлагает С. Тассинари. Т. Шрайбер считает, что Артемида сидит на козле ⁴⁴, а С. Тассинари полагает, что на ручке изображена не Артемида, а Вакх на осле ⁴⁵. Такая интерпретация сюжета нам представляется неверной, поскольку на эрмитажном экземпляре четко обозначены рога оленя. Необходимо особо отметить этот пока единственный случай полного совпадения изображений на ручках сосудов. Он безусловно говорит в пользу того, что эрмитажный экземпляр происходит из той же мастерской и тоже мог быть найден в Помпеях.

Мы рассмотрели три группы одноручных кувшинов, которые хорошо датируются. Как уже говорилось, веретенообразный кувшин В.405 относится к первой четверти I в. н. э. Биконические и грушевидные сосуды — к третьей четверти I в. н. э.

Такие сосуды могли употребляться в самых разных случаях. Вероятно, они использовались для воды ⁴⁶, вина ⁴⁷, может быть, в каких-то особых торжественных семейных церемониях и религиозных ритуалах. На их употребление указывает и декор ручек. Еще Т. Шрайбер ⁴⁸, а вслед за ним и С. Тассинари ⁴⁹ обратили внимание на то, что символы, появляющиеся на сосудах, распадаются на две большие группы — морские божества и вакхический corteж. С. Тассинари также заметила, что элементы декора на каждой отдельной ручке имеют единую сюжетную линию. И в том случае, когда изображения не затерты, сюжет выявляется ⁵⁰. Действительно, украшения на ручках на первый взгляд не связаны между собой. Однако в совокупности подобных рельефов заметна единообразная семантика. Например, ручка с зайцем. Заяц — символ плодородия, связан с лесными божествами, Артемидой. Корзина с плодами фигурировала в религиозных церемониях культов плодородия. Наконец, маска юного сатира, несомненно, тяготела к аналогичным представлениям.

Водные божества представлены ручкой с головой Медузы, а также с маской Тритона, дельфином, чашей и листьями. Можно предположить, что у римлян один взгляд на эти изображения вызывал цепь определенных ассоциаций, о которых мы сейчас можем только догадываться. Однако расшифровка семантики сюжетов требует отдельного исследования.

Раскопки Помпей помогли приоткрыть стороны будничной жизни античной городской общины. В настоящей работе сделана попытка на примере эрмитажных кувшинов в какой-то мере создать представление о некоторых видах бронзовой посуды, использовавшихся жителями Помпей в повседневном быту. Поскольку основная масса известных нам подобных изделий была найдена в Помпеях, можно сделать вывод, что этот небольшой, но зажиточный городок оказался традиционным потребителем достаточно дорогой посуды. Такими сосудами пользовались зажиточные слои населения. По цене это нечто среднее между глиняной и деревянной посудой бедноты и роскошной — из золота и серебра, употреблявшейся элитой общества. Обилие бронзовых ваз может быть косвенным подтверждением численного роста и экономического укрепления средних слоев населения. Обращает на себя внимание возросший экспорт, в частности

⁴⁴ Schreiber. Op. cit. S. 371. № 148.

⁴⁵ Tassinari. Op. cit. P. 204, 173. Fig. 6 f.

⁴⁶ Radnoti. Op. cit. S. 165; Лорджипанидзе. Античный мир... С. 123.

⁴⁷ Tassinari. Op. cit. P. 222.

⁴⁸ Schreiber. Op. cit. S. 457.

⁴⁹ Tassinari. Op. cit. P. 183.

⁵⁰ Ibid. P. 222.

экспорт одноручных бронзовых кувшинов рассматриваемых групп по всей территории империи и за ее пределами⁵¹.

Концентрация памятников в ограниченном пространстве вокруг Помпей позволяет предположить, что они могли быть исполнены если не непосредственно в Помпеях, то где-то поблизости, скорее всего в Капуе, где в то время были сосредоточены мастерские по производству бронзовой посуды. Капуя — город с необычайно развитыми ремесленными традициями, а время изготовления ваз характеризуется развитием экономики римских городов, связанным со стабилизацией политической жизни на полуострове.

BRONZE EWERS FROM POMPEII

N. P. Gulyaeva

The author publishes three groups of single-handled bronze vessels, consisting of eight ewers and seven separate handles, of the first century A. D. Such vessels were widely used by the well-to-do both in Italy and in many of the provinces of the Roman Empire. The paper attempts to give an idea of certain types of bronze vessel used by the inhabitants of Pompeii in everyday life.

Fig. 1. A spindle-shaped jug. B. 405

Fig. 2. A handle of a jug. B. 405

Fig. 3. A biconical jug. B. 657¹

Fig. 4. Handles of biconical jugs. *a* — B. 260; *б* — B. 1382¹

Fig. 5. A handle of a jug. B. 657

Fig. 6. A handle of a biconical jug. B. 427

Fig. 7. A pear-shaped jug. B. 658

Fig. 8. A handle of a jug. B. 654

Fig. 9. A handle of a jug. B. 658

Fig. 10. A pear-shaped jug. B. 259

Fig. 11. A handle of a jug. B. 259

Fig. 12. The inner part of a jug's handle. B. 259

Fig. 13. A handle. B. 452

Fig. 14. Handles: *a* — *б*. 1966; *в* — B. 166

Fig. 15. A handle. B. 2164

Fig. 16. Handles: *a*—B. 1965; *б*—B. 2157; *в*—B. 2166

⁵¹ Раев. Ук. соч. С. 131. Рис. 5.

В. Зундерман*

ЕЩЕ ОДИН ФРАГМЕНТ ИЗ «КНИГИ ГИГАНТОВ» МАНИ

Фрагменты «Книги гигантов», одного из канонических произведений Мани, были собраны В. Б. Хеннингом и опубликованы с комментарием в 1943 г.¹ В то время о литературных источниках и идейной подоплеке этого произведения было лишь известно, что оно возникло в кругу иудейско-апокрифических сочинений Еноха и имеет общие черты с «Книгой стражей». От доманихейской «Книги гигантов» (Γραφή τῶν Γυγάντων) сохранилось лишь название. П. Альфарик идентифицировал это сочинение с Liber de Ogia nomine gigante, о содержании которого сообщает одна фраза в Decretum Gelasianum².

В настоящее время благодаря текстам, найденным близ Мертвого моря, создалась совершенно иная ситуация. Среди находок пещеры Кумран-4 имеются не только многочисленные фрагменты «Астрономической книги», «Книги стражей», «Книги грез» и «Эпистол Еноха», но и остатки шести экземпляров одного сочинения, которые не имеют соответствий в христианских версиях литературы Еноха и которые И. Т. Милик считает частями иудейской «Книги гигантов», написанной по-арамейски³, т. е. того сочинения, которое должно было ближе всего стоять к «Книге гигантов» Мани. И. Т. Милик приходит к такому выводу, основываясь на сравнении текстов некоторых манихейских и древнееврейских фрагментов⁴, а также исходя из близкого сходства таких имен, как арам. 'hy', hhyh = ср.-перс. 'hy', парф. 'hy', согд. 'ху'; арам. 'why', 'whyh = ср.-перс. 'why', парф. 'why', согд. [wɣy]; арам. mhyw = ср.-перс. m'hwu, m'hwy, согд. m'h'wu; арам. hwbbs = ср.-перс. hwb'byš. Из этого И. Т. Милик делает заключение, что «Книга гигантов» Мани очень точно следовала древнееврейскому образцу: «Он (= Мани) удовлетворился переделкой, которая кажется мне весьма незначительной: иногда почти дословный перевод, иногда — резюме повествовательных частей, в некоторых случаях — небольшие изменения»⁵.

Сравнительные исследования приводят И. Т. Милика к некоторым поправкам манихейского текста. Так, он исправляет имя гиганта 'hr.[

* Профессор Института древней истории Академии наук ГДР.

¹ Henning W. B. The Book of the Giants // BSOAS. 1943. V. XI. P. 52—74.

² Das Decretum Gelasianum de libris recipiendis et non recipiendis / Hrsg. von E. von Dobschütz. Lpz., 1912. S. 54.

³ Milik J. T. Turfan et Qumran. Livre des Géants juif et manichéen // Tradition und Glaube. Festgabe K. G. Kuhn zum 65. Geburtstag. Ed. G. Jeremias, H. W. Kuhn, H. Stegemann. Göttingen, 1971. S. 117 ff.; *idem*. The Book of Enoch. Aramaic Fragments of Qumrân Cave 4. Oxf., 1976.

⁴ См. *idem*. The Book... P. 300 ff., 334 f.

⁵ *Idem*. Turfan et Qumran... P. 126; *idem*. The Book... P. 310.

в 'hdq[согласно 4 QEn Géants⁶: 'dk ol⁶, а также правильно интерпретирует ср.-перс. txtg как «доска, дощечка» (прежде понималось как личное имя)⁷. Все эти результаты подтверждают высказанное уже ранее В. Б. Хеннингом⁸ предположение, что «Книга гигантов» Мани непосредственно восходит к прототипу, написанному по-арамейски⁹. Они дают возможность проследить, каким путем иудейский трактат о гигантах попал к Мани. По-видимому, популярность трактата и его распространение в иудейско-есейском кругу¹⁰ способствовали знакомству с ним и в той эльхасанитской баптистской общине, в которой вырос Мани. Допустимо предположение, что «Крестители Мани», говоря словами Л. Кёнена, «представляли собой позднюю ветвь того самого древа, к которому восходят и ессеи, и что ессеи оказали влияние на цепь традиции, в которой находились „Крестители Мани“»¹¹.

Число фрагментов манихейской «Книги гигантов» после публикации В. Б. Хеннинга увеличилось только за счет трудночитаемого среднеперсидского отрывка М 5900¹², в котором, по-видимому, говорится с божьей каре, постигшей (посредством Rufa'el?) стражей и гигантов. Если содержание текста М 8280, как я предполагал ранее, также связано с мифом о гигантах¹³, то в этом случае М 8280 близок по типу к тексту М 291а¹⁴. С другой стороны, мне представляется недоказуемым, что опубликованный мною обширный космогонический текст 1¹⁵ также относится к «Книге гигантов».

Существенно обогащает наши знания о «Книге гигантов» неизвестный до сих пор среднеперсидский фрагмент SI⁰₁₂₀, хранящийся в Институте востоковедения АН СССР в Ленинграде (далее мы обозначаем его как L) и состоящий из двух листов. Публикация этого важного фрагмента оказалась возможной благодаря великодушному разрешению дирекции Института востоковедения АН СССР и бескорыстной помощи В. А. Лившица, который был инициатором моей работы над этим текстом¹⁶. Я благодарен ему также за следующее краткое сообщение (в письме от 25.06.1979 г.) о происхождении фрагмента: «Насколько я мог выяснить, об этом фрагменте известно только, что он был найден экспедицией С. Ф. Ольденбурга (поэтому шифр О) и имеет инвентарный номер 4253. Никаких других сведений о его происхождении я, к сожалению, пока не нашёл». В. А. Лившиц взял на себя также труд проверить мое чтение по оригиналу. В приводимой ниже моей транслитерации текста фрагмента частично или полностью дополненные буквы соответственно заключены в круглые или квадратные скобки согласно его указаниям. За перевод этой статьи на русский язык я благодарен М. Вайнрайху.

⁶ *Idem.* Turfan et Qumran... P. 125; *idem.* The Book... P. 311.

⁷ *Idem.* The Book... P. 334 f.

⁸ *Henning.* Op. cit. P. 53 f.

⁹ *Milik.* Turfan et Qumran... P. 121; *idem.* The Book... P. 303.

¹⁰ *Idem.* Turfan et Qumran... P. 126; *idem.* The Book... P. 309.

¹¹ *Koenen L.* Manichäische Mission und Klöster in Ägypten // *Aegyptiaca* Treverensis. Mainz. O. J. S. 104.

¹² *Sundermann W.* Mittelpersische und parthische kosmogonische und Parabeltexte der Manichäer. B., 1973 (Berliner Turfantexte IV). S. 77 f.

¹³ *Ibid.* S. 76 f.

¹⁴ *Henning.* Op. cit. P. 73.

¹⁵ *Sundermann.* Op. cit. S. 11 f.

¹⁶ Публикуемый здесь русский текст статьи содержит ряд исправлений и дополнений сравнительно с немецким ее вариантом: *Sundermann W.* Ein weiteres Fragment aus Manis Gigantenbuch // *Orientalia J. Duchesne-Guillemin emerito oblata.* Leiden, 1984 (*Acta Iranica. Hommages et opera minora.* V. IX). S. 491—505.

Я хотел бы поблагодарить также Л. Кёнена (Анн Арбор, Мичиган), от которого я получил книгу И. Т. Милика «The Book of Enoch», Д. Н. Маккензи (Гёттинген), с которым я мог обсудить чтение и перевод фрагмента, и мою жену, которая оказала мне помощь в вопросах синологии.

Фрагмент L (см. рис. 1, 2) представляет собой верхнюю часть двойного листа бумаги, сохранившуюся почти полностью — исключение составляют несколько дыр. Нижняя часть оборвана; какое количество текста здесь уничтожено, точно сказать нельзя, однако утрата кажется значительной, так как страницы книги, к которой принадлежал фрагмент L, очевидно, были намного больше по высоте, чем по ширине. Предполагать наличие второй (или третьей) колонки текста на каждой странице нет оснований, поскольку на I и II Verso полностью сохранились заглавия листов. Язык фрагмента — среднеперсидский, дукт отчетливый, однако несколько тяжеловесный, орфография не безошибочна. Среди других фрагментов «Книги гигантов» данного отрывка нет; формат и дукт рукописи не позволяют заключить, что L принадлежит к одной из хранящихся в Берлине рукописей «Книги гигантов».

О том, что публикуемый здесь текст (по крайней мере, первая его страница) сюжетно связан с «Книгой гигантов», я предполагал уже в 1984 г.¹⁷ При этом я считал, что отрывок I R 12—13: 'с gw(yš)[n] ('y[lg m'zyndr'n g'y], если только он восстановлен правильно, связан в контексте со словами Шахмизада (Šahmizād) и содержит тему послания Еноха. Однако если приведенные слова являются только подзаголовком¹⁸ и означают соответственно «из речей о демонах»¹⁹, то в этом случае придется считать, что данный текст является сравнительно поздним (об этом могут свидетельствовать и лингвистические особенности, ср. слитные формы претерита 'mdym в I R 7 вместо 'md hym; xwptynd вместо xwpt hund) и представляет собой всего лишь собрание выдержек из «Книги гигантов» Мани.

Лист, обозначенный мною условно как первый (I), содержит описания земных событий из истории стражей и гигантов. Он, несомненно, относится к «Книге гигантов» Мани. Второй лист (II), напротив, посвящен каким-то догмам, литературное происхождение которых точно установить невозможно.

Лист I

Многие детали, присутствующие в тексте I R, неясны, однако основные описываемые события не вызывают сомнений. Перед предводителем стражей Шахмизадом, его сыном Самом (Sām) и группой гигантов появляется некто с двумя исписанными каменными плитами. Гиганты, по видимому, ждали его с нетерпением и беспокойством — они устремляются к пришельцу и бешено мечутся вокруг него. На одной из принесенных им плит написано послание пророка Еноха; по приказанию Шахмизада пришелец читает текст этого послания гигантам. Был ли он ранее по чьему-либо поручению у Наримана (Narimān), другого сына Шахмизада? Была ли одна из плит предназначена для Наримана, а другая для Шахмизада, Сама и других гигантов? И кем является сам принесший плиты? Все эти вопросы в нашем тексте остаются без ответа. Наиболее вероятным кажется отождествление доставщика посланий (или послания) Еноха

¹⁷ Sundermann. Ein weiteres Fragment...

¹⁸ См. об этом ниже, прим. 38.

¹⁹ Там же.

с гигантом Махаваем (Māhawai), сыном Вирогдада (Wirōgdād), упоминаемым в V 5. Древнетюркский манихейский фрагмент T. M. 423d²⁰ описывает словами самого Махавая его путешествие на небо к отрешившемуся от мира Еноху. По словам Махавая, прежде чем он увидит приказа, какой-то голос требует, чтобы он вернулся обратно и передал приказ Еноха. Возможно, что I R связан с этим рассказом о путешествии Махавая; в таком случае I R 1 nyp t'yyu можно было бы восстановить как совет, который подает этот голос: «Возвращайся, прежде чем взойдет солнце! Ты можешь спастись, если ты не будешь больше находиться здесь». Далее в I R 1—3 следует приказание доставить гигантам и стражам послание Еноха, причем конкретно называются две плиты текста. Однако не исключена возможность того, что, как и в есеейской книге Еноха²¹, крылатый Махавай посылался к Еноху и возвращался от него несколько раз, так что непосредственной связи с древнетюркским текстом здесь может и не быть.

Примечательно, что указания на небесное путешествие Махавая, а также на две (или более?) плиты с посланиями Еноха встречаются также в есеейских фрагментах «Книги гигантов»²². Во фрагменте 4 Q Ep Géants^a 8 упоминается «копия (pršgn) второй таблички (lwh' tny[n]) письма (y[grt'])...», написанного собственной рукой (bktb yd; ср. L. I R 11 dst nbyg) Еноха, выдающегося писца (spr prš[]), и описывается содержание текста таблички, включающего обвинительную речь против рода гигантов и угрозу наказать их²³. Можно предположить, что и в «Книге Еноха» Мани, а именно в рассказе Махавая, содержится такое же или аналогичное описание. Тогда резюме письма Еноха (на одной плите?) — обвинение против исполинов и гигантов — должно было содержаться в нижней части I R. Результат послания описан в I V: гиганты расстроены и подавлены, у них даже пропал аппетит. Напрасно Сам пытается подбодрить их. Между тем Махавай отправляется к Атамбишу (Atambiš), уже известному по фрагменту M 5900²⁴. Возвратившись к Саму, он видит его как будто спящим. Сам также видит тревожный сон, который, несомненно, требует толкования.

Представляется возможным также расположить содержащийся в L I рассказ в рамках других фрагментов есеейской «Книги гигантов». В них сообщается о предвещающих недоброе снах, которые одновременно видели Ахйах (Ahyah = Нариман) и Охйах (Ohyah = Сам). Оба они рассказывают об этих снах своему отцу Шемихазаху (Šemihazah = Шахмизад) и гигантам, которые затем посылают Махавая к Еноху, чтобы попросить его растолковать сны²⁵. Аналогичные события могли предшествовать сохранившемуся тексту и b L I. Во всяком случае, если Махавай в ленинградском фрагменте сначала передает Нариману послание Еноха (т. е. письмо на одной каменной плите? I R 4—5), а затем (на другой плите?)

²⁰ Опубликован впервые в 1922 г. А. фон Леккоком (von Le Coq A. Türkische Manichaica aus Chotscho. III // ARAW. 1922. № 2. S. 23), переиздан В. Бангом (Bang W. Manichäische Erzähler // Le Muséon. 1931. T. 44. P. 13 ff.), определен как часть «Книги гигантов» и вновь переведен В. Б. Хенningом (Op. cit. P. 65).

²¹ Milik. Turfan et Qumran... P. 123; *idem*. The Book... P. 306.

²² *Idem*. Turfan et Qumran... P. 125 suiv.; подробнее см. *idem*. The Book... P. 314 f.

²³ *Idem*. Turfan et Qumran... P. 125 suiv.; *idem*. The Book... P. 314 f.

²⁴ Sundermann. Mittelpersische... S. 78. Anm. 1. Высказанное мною в этой работе предположение о том, что в Atambiš следует видеть имя одного из декархов стражей, основывалось на соответствующем объяснении Хенningом слова hwb'byš. Если hwb'byš имело иное значение и было именем одного из гигантов Мани (см. Milik. The Book... P. 313), то тогда соответственно и Atambiš был одним из гигантов.

²⁵ Milik. Turfan et Qumran... P. 121 suiv.; *idem*. The Book... P. 304 ff.

послание ко всем демонам, то это, вероятно, указывает на то, что именно сон послужил Нариману (Ахйаху) поводом, чтобы послать Махавая.

В. Б. Хеннинг неоднократно пытался заполнить мелкими фрагментами «Книги гигантов» (фрагменты *B* и сл.) лакуны в рукописи *A*. Поскольку текст *A*, пестрящий лакунами и в очень многих случаях загадочный по содержанию, остается все же самым обширным текстом из «Книги гигантов», привязка к нему мелких фрагментов представляется и сейчас целесообразной. Если мои предположения верны, то фрагмент *L I* можно было бы поместить между отрывками *j* и *l* (в издании В. Б. Хеннинга) или, скорее, между *j* и *k*.

/I/R o m'zyndr'n r'y o

₁ny pt'yū dwdy(š) gwpt ₂(kw 'y)n dw txtg 'y wymyn₃ 'w pr ²⁶ br kw nbyšt oo kw ₄nwxstyc 'w (h')n (nry)m'n ²⁷ ₅(pyg'm)br oo cy (r'y 'wn) ²⁸ ₆(stptyh' ²⁹ dw)'ryd oo nwn ₇mdym 'wm 'yn ³⁰ dw txtg ₈(')[wrd] kw pyš qw'n ₉phyp(wrs)[ym] yk 'w m'zyndrn ³¹ ₁₀oo š[hm](y)z'd gwpt kw pypwrs ³² ₁₁ds[t](nbyg 'y hwnwx ³³ 'zw)'rg ³⁴ ₁₂(...) ³⁵ ['](yg 'c) ₁₃gw(yš)[n] ('y)(g) [m'zyndr'n r'y]

/I/V o s'm qw'n o

₁ps (s)'m ('w) qw'n ₂gwpt 'wryd kw xwr'm ₃'wd š 'dbw'm 'c zryg ₄(y) xwrd n'n (x)wptynd m'hwy ₅('w) 'tnbyš šwd hrw gwpt o ₆(d)w(dy) m'(h)wy 'md s'm ₇(x)wmn dyd 'b(r) 'c 'sm'n ₈md o 'c zmyg tb 'y'pt ₉oo h'm'g 'b ('wb'rd 'c ₁₀'b xyšm 'wz(yd prh'n) ³⁶ ₁₁'byd'g (bwd hynd oo h)ndym'n ₁₂dyd p'dxš'y'n ['] (y) 'sm'n ₁₃[] (gh)[³⁷]

/I/R относительно демонов ³⁸

«1... не остаешься». Снова он сказал: ₂«Эти две каменные плиты до-

²⁶ Более вероятно чтение *pd*, однако над второй буквой виден след, который можно принять за остаток точки над буквой *g*.

²⁷ Первые буквы стерты и размазаны, похожи на (ny).

²⁸ Буквы выпцвели, левая часть буквы *w* не сохранилась.

²⁹ Буквы сильно выпцвели, еле заметны.

³⁰ В тексте ошибочно 'y.

³¹ Под *gn* стоят точки, обозначающие элизию, для передачи *m'zyndr'n*.

³² Сокращено в конце строки из *phypwrs*.

³³ Буквы сильно выпцвели, видны только следы.

³⁴ Точки, обозначающие элизию, под ' — здесь вместо 'zw'r'g.

³⁵ В начале строки стояли, возможно, знаки препинания, затем было пустое место вплоть до знаков препинания в конце строки.

³⁶ Конец строки загрязнен и стерт, чтение очень сомнительно.

³⁷ Или (gc)? Но вместо *g* возможно и чтение *t*. Все очень сомнительно.

³⁸ По свидетельству «Skand-Gumānik-Viçār» (изд. P. J. de Menasce. Fribourg en Suisse, 1945. Гл. 16, 14.28 сл.), Māzandarā у иранских манихеев обозначают прикованных к небесам демонов, каковыми и были стражи «Книги гигантов» до того, как они спустились на землю. О том, что это предположение правильно, свидетельствует среднеперсидский фрагмент M 2157, озаглавленный 'br m'zynd(r)'(n). В поврежденном тексте этого фрагмента *pruhyzd* («третий посланник») играет какую-то роль, возможно, соавтора демонов, подобно двенадцати дочерям Зурвана в «Skand-Gumānik-Viçār». С другой стороны, *māzandarān* в среднеперсидских зороастрийских текстах обозначает демонический род великанов (см. *Molé M. La Guerre des Géants d'après le Sūtgar Nask // Indo-Iranian Journal. 1959. V. 3. P. 282 suiv.; Tafazzoli A. Minū-ye xerad. Entesārāt-e bonyād-e farhang-e Irān. Tehran, 1969. № 201. P. 117 f., 127 f.*), и поэтому вполне вероятно, что *māzandarān* служило обозначением, в равной мере применявшимся как к стражам (эргрегерам), так и к их сыновьям, гигантам. Возможно, что заглавие фрагмента M 5900 (см. *Sundermann. Mittelpersische... строки 1549 сл.*) следует восстанавливать как [gw]yšn m'zyndr'n r'y], а заглавие ленинградского фрагмента также могло включать [gwysn 'y] m'zndr'n r'y — I R 12—13 указывает именно на это.

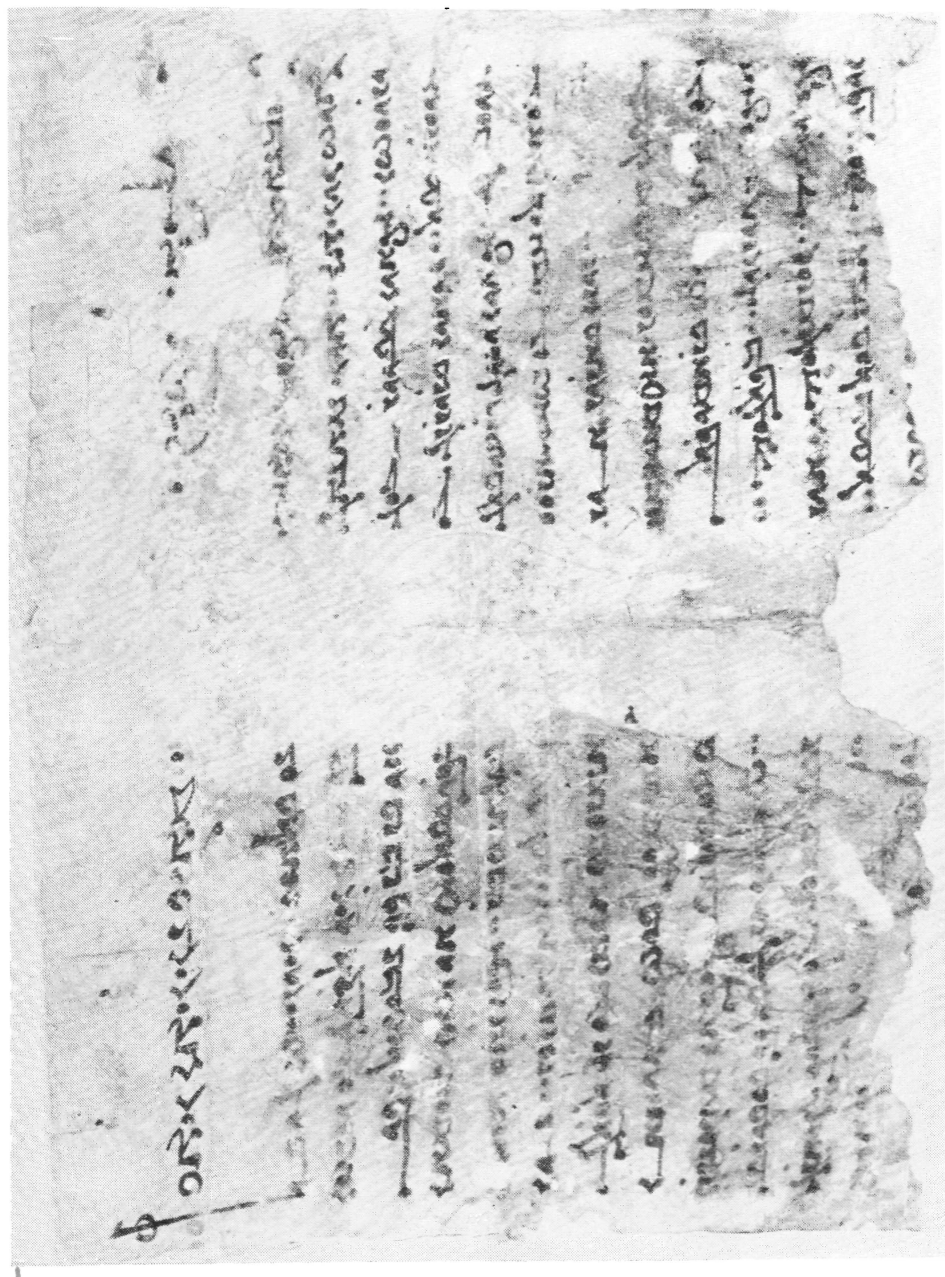

Рис. 1. Лист 1 Recto, лист 11 Verso

ставь *туда³⁹, где написано. 4Сперва доставь Нариману 3послание». «Почему так 6страшно вы носитесь? Теперь 7я пришел, и я эти две плиты 8доставил, чтобы перед гигантами 9ту одну для демонов 40 прочитать» 41. 10Шахмизад сказал: «Прочти 11писание Еноха, *писца 42, 12[] о 13речи, которая касается демонов...

I/V Сам, гиганты

1После этого Сам гигантам 2сказал: «Идите сюда, чтобы мы поели 3и были довольны». От огорчения 4они не ели 43. Они заснули. Махавай 5пришел к Атамбишу (и) рассказал все. 6Снова Махавай пришел. Сам 7видел сон. Через небеса он 8прибыл. От земли у него появился жар 44. 9Он поглотил всю воду. Из 10воды возник гнев. (Духи-охранители) (?) 45 11стали невидимыми. Перед (собой) 12он увидел владык мира 46. 13[]

Лист II

На втором листе в отличие от первого нет описания событий, относящихся к «доисторическому» времени. В нем содержится догматика, и можно заключить, что после первого листа следовал ныне утраченный

³⁹ 'w prd как будто не дает удовлетворительного смысла, но допустимо чтение 'w pr. Д. Н. Маккензи предлагает возводить 'w pr к древнеперсидскому ava-paṛā «туда» (ср. *Brandenstein W., Mayrhofer M. Handbuch des Altpersischen*. Wiesbaden, 1964. S. 137), хотя и оговаривается, что в этом случае ожидалось бы *'wbr (ошибочное написание вместо br? Или предлог pad «к, по направлению к» здесь следует понимать как «место назначения, адрес»? В этом случае возможный перевод: «принеси (его) к тому „к“, куда (оно) написано» (?)).

⁴⁰ См. прим. 38.

⁴¹ Если мой перевод верен, сообщение Махавая о его возвращении от Еноха и прибытии к демонам должно было предшествовать этому месту.

⁴² Буквально «Енох Различающий, Узнающий». Правильнее всего, очевидно, понимать это в смысле толкования снов или предзнаменований. Следует, однако, учитывать, что в манихейских текстах Енох носит эпитет Апостола, в древнееврейско-арамейских — sṛg prš', согласно И. Т. Милику, буквально «писец различия» (*Milik. Turfan et Qumran... P. 125 suiv.; idem. The Book... P. 315 f.*), что означает «профессиональный, искусный» переписчик, который пишет «отчетливо, ясно» (*Milik. The Book... P. 262*). Возможно, что среднеперсидский передает это содержание через 'zw'rg, т. е. zw'r'g (восстановить 'zw'rg' [dbyr] сохранившиеся остатки текста не позволяют). Как известно, Г. Г. Шедер предлагал для арамейского mprš (Pael) в Эзра 4, 18 перевод «истолковал», т. е. «перевел ex tempore с арамейского на древнеперсидский согласно практике чиновников арамейской канцелярии» (*Schaeder H. H. Iranische Beiträge. Halle, 1930. S. 204*; ср. комментарий: *Polotsky H. J. // Le Muséon. 1932. T. 45. S. 169 ff.*). Если мы sṛg prš' арамейской «Книги Еноха» будем также интерпретировать как обозначение не обычного арамейского писца, а как «писца различия», переводящего текст с какого-либо языка на арамейский (и читающего арамейский текст на другом языке), то в этом случае и ср.-перс. 'zw'r'g «различающий, узнающий» (о значении этого слова см. *Polotsky. Op. cit.*) имело бы сходное значение. В самом деле, едва ли можно отделить izwārāg от ср.-перс. uzwārišn «понимание, толкование», одна из форм которого — *zw'ršn, согласно Ибн ан-Надиму (*Kitāb al-Fihrist I / Hrsg. von G. Flügel. Lpz., 1871. S. 14. Z. 13 ff.*) означала гетерографическое написание текста на пехлеви у зороастрийцев. Тогда в среднеперсидском тексте «Книги гигантов» Мани Енох должен был восприниматься не как пишущий на том же языке, что и манихеи, а как пишущий «по-старому», применяя арамейские гетерограммы.

⁴³ Букв.: «они не ели хлеба». Ср. новоперс. nān xordan «принимать пищу».

⁴⁴ Вряд ли: «он был нагрет».

⁴⁵ К этому значению слова farrah см. *Henning W. B. Sogdian Tales // BSOAS. 1945. V. XI. P. 477*.

⁴⁶ Как бы ни воспринимались подробности этого сна, в целом он, по-видимому, должен предсказывать возрастающую угрозу. Земля бьет Сама жаром, и когда он, одолеваемый жаждой, глотает воду, из нее исходит демонический гнев (и наполняет Сама?). И наконец, он предстает перед (наказывающими его?) небесными владыками (карающими ангелами?).

текст. Заглавие второго листа — *wc'gušn* «толкование, объяснение». В среднеперсидских текстах притч оно означает следующий за притчей эпимифион, духовное толкование светского рассказа ⁴⁷. Однако текст, сохранившийся на втором листе ленинградского фрагмента, позволяет заключить, что он не обязательно был эпимифионом, так что *wc'gušn* в данном случае может быть переведено и более широко: «(догматическое) наставление».

Содержание второго листа сомнений не вызывает. Речь идет о том, что некто отделяет определенные плохие качества: *«ненависть», «алчность» и т. п. от «блеска» и «разума» человеческой души, включает их в части тела и добавляет к «блеску» «любовь» и т. п., а к другому положительному понятию — «веру». Здесь описывается создание Нового человека из Старого посредством света-разума. Этот акт является результатом принятия и постоянного применения спасительного гносиса учения Мани; антропологические последствия такого создания Нового человека очень подробно описываются в «Манихейском трактате», найденном в Китае ⁴⁸, более сжато и скупое — в 38-й коптской «Кефалайе» «О свете-Нойс, апостолах и святых» ⁴⁹. Изложение в ленинградском фрагменте L настолько похоже на соответствующие пассажи в китайском «Манихейском трактате», что последний может быть привлечен для заполнения многих пробелов в L. Полезным является и то обстоятельство, что китайский текст имеет параллели как в древнетюркских фрагментах «Манихейского трактата» ⁵⁰, так и в большинстве своем еще не опубликованных парфянских и согдийских версий текста *Manohmed gōšn wifrās* «Постижение света-разума» (особенно отрывок M 240 V). Фрагментарность иранских и древнетюркских текстов и лаконичность коптского заставляют ссылаться главным образом на китайский «Трактат». С точки зрения содержания некоторую близость можно обнаружить, далее, с согдийским фрагментом M 133, в котором рассказывается о частях человеческой души, об овладении ими демоном алчности (*Āz*), о телесном воплощении жажды материального и об их освобождении (посредством света-разума).

Если «Посланик Света» (парф. *frūštǝ gōšn* «апостол света» — обычно в манихейских текстах сам Мани или один из пророков, действовавших до него ⁵¹, но здесь, несомненно, свет-разум), говорится в «Манихейском трактате» ⁵², воздействует на Старого человека, то он заточит «ненависть» в кости ⁵³ и т. д. Такую же ситуацию более подробно описывает II R 1—6 ленинградского фрагмента, где **qunw'guu*(?) «ненависть, мстительность», соответствующее кит. [1] (см. табл. I), становится первым и главным элементом пентады. Далее в «Манихейском трактате» говорится, что «раздражение» заключено в нервах, «сладострастие» — в венах. Понятие «сладострастие» (кит. [2]) соответствует ср.-перс. *ʔwrgzwg* («страстное» желание, страсть), что опять-таки является вершиной пентады (II V 12). То же самое излагается, с различиями в деталях, в манихейских сочинениях. Поскольку в L «плоть» именуется тюрьмой демонов, которая в китайском «Манихейском трактате» появляется лишь на четвертом месте,

⁴⁷ См. *Sundermann. Mittelpersische...* (стркк. 1721, 1866).

⁴⁸ *Chavannes E., Pelliot P. Un traité Manichéen retrouvé en Chine. Pt I // JA. Sér. 10. T. XVIII. 1911. P. 499 suiv.*

⁴⁹ *Kephalaia. I // Hrg. von H. J. Polotsky und A. Böhlig. Stuttgart, 1940. S. 89 ff.*

⁵⁰ *Von LeCoq. Türkische Manichaica... S. 15 ff.*

⁵¹ *Chavannes, Pelliot. Op. cit. Pt I. P. 535.*

⁵² *Ibid. P. 535 suiv.*

⁵³ *Ibid. P. 537.*

то наиболее вероятно считать, что 'wɣzwg в L, как и в «Манихейском трактате», стоит на третьем месте, и, таким образом, порядок следования злых качеств в сопоставляемых источниках идентичен, а частей тела — различен. В «Манихейском трактате» далее говорится, что гнев заключен в плоти, а глупость — в коже. В недошедшем до нас продолжении фрагмента L могло быть нечто подобное.

Таблица I

窓 憎	淫 慾	五 施	怜 愍	
1	2	3	4	
誠 信	相	窓 憎	怜 愍	快 樂
5	6	7	8	9
	歡 喜	美 衆	安 泰	
	10	11	12	

Еще одно воздействие света-разума на Нового человека, согласно «Манихейскому трактату», состоит в том, что он из своих собственных пяти частей души вызывает «пять даров» (кит. [3]) — «жалость, [добрую веру], удовлетворение, терпение, мудрость»⁵⁴. Первые два названы также в ленинградском фрагменте, поскольку очевидно, что «жалость» (кит. [4]) = pɣuɥ «любовь», а «добрая вера» [5] = wɣwɥʃn «вера». Но вновь только в среднеперсидском тексте pɣuɥ и последующие качества отнесены к первым и главным членам пентады положительных качеств (L II R 5—7), так что друг другу противопоставляются не 5, а 5 × 5 добрых и злых сил. В другом месте «Манихейского трактата», имеющем параллель в парфяно-ском фрагменте M 457, описывается древо мысли, т. е. первого элемента души. В этом описании корень древа — «жалость» (= frhyft), ствол — «радость» (= š'dyft), ветви — «блаженство» (= ?), листья — «благодарение множества» (??) (= wsprxtyft ?), плоды — «абсолютный покой» (= ?), вкус — «почтение» (= 'ndrzywyft), его цвет — «твердость, постоянство» (wxšyft)⁵⁵.

На этом примере ясно видны соответствия и взаимные соотношения пяти элементов души и пяти «даров». Примечательна, однако, и гептада понятий, которая составляет совокупность древа мысли. Первый элемент этой семерки, «жалость», является одновременно и первым даром, ср.-перс. pɣuɥ. Второй — «радость» (š'dyft), очевидно, равен š'dyɥ в L II R 6. Третий, «блаженство», соответствует š'nwɣuɥ в L II R 6. Учитывая это, можно допустить, что «благодарение множества» (wsprxtyft) отождествляется с pr'r'styɥ, а «абсолютный покой» — с nymwšyɥ (L II R 7), так что засвидетельствованные в L II в этом месте пентады отдельных элементов пяти даров могут расширяться и превращаться в гептады. (В согдийском фрагменте M 133 R II 22—26 им соответствуют шесть качеств души: fryt't, xwsndy'(h), f'(ršt'm)'n(q)lyl(')h, z'(rc)n(w)ky', '(wrmtky'), nqβtp'-znyy.)

⁵⁴ Ibid. P. 541 suiv.

⁵⁵ Ibid. P. 562 suiv.

В «Манихейском трактате» далее следует ⁵⁶ длинное восхваление двух первых даров — «жалости» и «доброй веры», которое имеет близкую параллель не только в парфянском фрагменте M 304 R, но и в L II R 11 сл. и V 2 сл. Одно из ярких сходжений обнаруживается в китайском и среднеперсидском текстах: «[жалость] подобна сияющему солнцу» = m'n'g rgyh c'wn xwrxšyd. Довольно близки по смыслу и некоторые другие пассажи: «[добрая вера] подобна супруге царя» = m'n'g wrgwšn... c'wn wywg prhwptg 'y 'c twhm 'y šhry'ryu ⁵⁷.

Остается нерешенной одна проблема — роль и последовательность пяти элементов души: νοῦς, ἐννοια, φρόνησις, ἐνθουзиς, λογισμός ⁵⁸. В манихейской литературе, по-видимому, господствовали представления, что они per naturam являются частями доброго творения, элементами света и соответствуют пяти сыновьям Живого Духа. Такие представления, прослеживаемые, в частности, в «Манихейском трактате», привели к противопоставлению пяти элементов и их антиподов из сил тьмы ⁵⁹.

В ленинградском фрагменте все это выглядит несколько по-иному. Если мы правильно понимаем скудные остатки этого текста, то этическая оценка элементов человеческой души определяется господствующими в этих элементах демоническими или божественными качествами, «страстями» (согд. pyzβ'nyt) и «дарами» (согд. r't 'tynm'cq'n). Во всяком случае, ничто не указывает, что темные элементы души уничтожаются и заменяются светлыми. Происходит иное: они очищаются и становятся носителями даров света-разума.

До сих пор пять элементов не были известны полностью в среднеперсидской версии. Уже было высказано предположение, что последовательность парфянских названий не обязательно предполагает такой же порядок следования в среднеперсидском тексте ⁶⁰. Издаваемый здесь текст подтверждает это. Первый элемент — это как будто бы, как и в парфянском, b'm — «блеск», однако mnwhtud в отличие от парфянского стоит, по-видимому, не на втором (= ἐννοια), а на третьем месте (= φρόνησις).

В целом признаки Старого и Нового человека, согласно ленинградскому фрагменту, могут быть представлены следующим образом:

	темница	пленные	место стражи	стражники
Старый человек	5 частей тела	[5 элементов света]	5 элементов души	5 пентад страстей
Новый человек		5 пентад страстей		5 пентад даров

Для истории литературы восточного манихейства фрагмент важен прежде всего тем, что его второй лист позволяет проследить передачу материала от какой-то среднеперсидской версии до китайского «Манихей-

⁵⁶ Ibid. P. 563 suiv.

⁵⁷ Можно также сопоставить согд. M 133 R II 26—28: xw fryt't m'y'd m(?)nwł xsu c'pw xwt β'yu «любовь подобна божеству Солнца».

⁵⁸ Waldschmidt E., Lentz W. Die Stellung Jesu im Manichäismus // APAW. Phil.-hist. Kl. 1926. № 4. S. 42.

⁵⁹ Chavannes, Pelliot. Op. cit. P. 560 suiv.

⁶⁰ Sundermann. Mittelpersische... S. 91. Anm. 4.

ского трактата». Китайский текст — это свободная переработка источника, тогда как его древнетюркский эквивалент — точное соответствие согдийского перевода парфянского текста *mnwhmyd rwšn wyfr's*. Благодаря фрагменту L впервые стало известно о довольно близкой по содержанию среднеперсидской параллели; вполне допустимо, что парфянский текст и зависимые от него версии являются свободными переложениями среднеперсидского текста.

В связи с этим примечательно, что рассматриваемый отрывок из L близок к «Книге Еноха». Мне кажется даже возможным, что этот отрывок — продолжение учебного текста о пяти элементах, реконструированного В. Б. Хеннингом в своем издании «Книги гигантов» на основе фрагментов A, e, b, h⁶¹. Там, в частности, идет речь о заточении элементов света в частях тела Старого человека, тогда как в тексте фрагмента L — об освобождении этих элементов из темниц тела. Подтверждение предполагаемой взаимосвязи этих текстов можно видеть и в том, что в них обоих — в противоположность «Манихейскому трактату»⁶² — «плоть», вероятно, служит вместо «вен» в качестве третьей демонической темницы тела. Однако и некоторые древнетюркские отрывки манихейского трактата относятся к той же рукописи, что и древнетюркский фрагмент «Книги гигантов»⁶³. Тот факт, что мы здесь имеем дело со старой традицией, восходящей к самому Мани, подкрепляется и тем, что в 38-й коптской «Нефалайе» изложено то же самое. Возможно, что это предание с давних пор было в тесной связи с «Книгой гигантов» или даже входило в состав этого произведения Мани.

/II/R o (wc'r)yš(n o)

₁b'm ('y)⁶⁴ p'(k) 'c (q)ynw'[ryy oo]⁶⁵ ₂oo zryg oo bzgyy oo 'ryšq
šmgwnyy oo '(ndr) 'stg bst ₄wyn'rd pdyš b'm o[o] (')pry[d] ₅'c xwyš 'pry-
(n oo) p(r)[y]h o[o] ₆š'dyh oo 'šnwhryh oo ₇pr'r'styh oo 'wd nymwšyy ₈'wn
kw xwd pryh bw'd ₉p'sb'n wy(gr')[d] oo m(y'')n ₁₀p'k'(n) ('wd) gwmxtg'n
o ₁₁m'n'g pryh oo c'wn xwrxšy[d] ₁₂'y šhry'r'n pws oo (p) [.]

/II/V o wc'(ry)šn o

₁(')bn'(m..) [2—3] (.)c(.....) ₂wš zw(r)'n oo 'wd m'n'g ₃wrwyšn oo c'wn
šwvr 'yg ₄(h)wyr'st⁶⁶ oo c'wn prwrdg 'y ₅(')wy(štg) oo c'wn wywg
(pr)hwptg⁶⁷ ₆'y 'c twhm 'y š(hry)'ryy ₇oo oo dwdy p'rw'd 'wd ₈('std
mnwhmyd o) 'c mnwhmyd ₉'y(g gy')n oo ['w]š pr'mwxt ₁₀'c(š) oo 'wrzwg
oo bxtgyh oo ₁₁c(bwrg)yh⁶⁸ oo zydmrgyh⁶⁹ oo 'wd ₁₂dw(xwnd)yh oo 'ndr
pyt bst oo ₁₃['wš'pryd']c xwy)š

⁶¹ Henning. Op. cit. P. 58 f., 62 f.

⁶² Ср. выше.

⁶³ Von LeCoq. Türkische Manichaica aus Chotscho. III. S. 15.

⁶⁴ Сохранились части нижней горизонтали буквы ' и нижний край буквы y.

⁶⁵ Чтение *mnwh* [определяется достаточно ясно. Поскольку нужно ожидать значение «ненависть, вражда» (см. выше), то остается лишь предполагать, что мы имеем ошибочное или по крайней мере искаженное написание слова *qunw'gyu (так считает и В. А. Лившиц после сверки с оригиналом).

⁶⁶ Так вместо *hwyr'st* (*huwiras'*).

⁶⁷ Разрушены нижние части первых букв.

⁶⁸ Буквы сильно разрушены.

⁶⁹ Возможно также чтение *zydmrgyh* — над буквой d темное пятно.

/II/ R Разъяснение

1...[и он освободил] чистый блеск⁷⁰ от ненависти (?)⁷¹, ²от печали, греховности, зависти, ³беспамятства⁷². Он скрепил (их) в костях. ⁴После этого он воздвиг блеск. Он создал ⁵из собственного творения любовь⁷³, ⁶радость⁷⁴, милость⁷⁵, ⁷*ширь⁷⁶ и *тишину⁷⁷, ⁸таким образом, чтобы сама любовь была ⁹бдительным стражем между ¹⁰чистыми и смешанными. ¹¹Сравнима любовь с солнцем, ¹²сыном владык, []

/III/ V Разъяснение

¹нечистоты [] ²и их силы. И сравнима звера с хорошо подготовленным ⁴пиром, со скрепленным печатью ⁵письмом, со *скрывае-
мой невестой ⁶из рода владык. ⁷Вновь он очистил и ⁸взял разум от разума

⁷⁰ Несомненно, речь идет о первом элементе души, соответствующем греч. *νοῦς*, лат. *mens* = парф. *b'm*. Это парфянское соответствие иногда переводят не как «блеск», а как «разум, рассудок» (ср. *Waldschmidt, Lentz. Op. cit. S. 43 f.*; *Boyce M. A Reader in Manichaean Middle Persian and Parthian. Téhéran — Liège, 1975. P. 10: 'reason'*). Однако тот факт, что, с другой стороны, имеется соответствие согд. *frn*, тюрк. *qut* «слава, величие» и кит. [6] «явление», позволяет заключить, что необязательно следует отказываться от обычного перевода «блеск» при обозначении первого элемента души (ср. *Waldschmidt E., Lentz W. Manichäische Dogmatik aus chinesischen und iranischen Texten // SPAW. Phil.-hist. Kl. 1933. S. 497 f.*, попытка интерпретации — *S. 495*).

⁷¹ Первая из демонических «страстей» (см. выше). Соответствует кит. [7] «ненависть, злоба» (иначе в парфянском фрагменте М 34).

⁷² Или «свирепость», «опьянение»? Производное существительное от ср.-перс. *mgwn*, парф. *mgwn*, что Хеннинг переводит как «грубый» или «глупый, пьяный» (*Henning W. B. Brāhman // Transactions of the Philological Society. L., 1944 (1945). P. 111 f.*). Другой случай употребления этого слова в изданном мною тексте (*Sundermann W. Mitteliranische manichäische Texte kirchengeschichtlichen Inhalts. B., 1981. S. 76, строка 1119*) говорит в пользу перевода парф. *mgwn* как «бесчувственный, потерявший рассудок» или близкого к этому.

⁷³ Первый из пяти божественных «даров» соответствует парф. *frhyft*, согд. *fryt't*, кит. [8] «жалость» (ср. выше).

⁷⁴ Соответствует парф. *š'dyft*, согд. *xwsndy'(h)*, кит. [9] «радость» (ср. выше).

⁷⁵ В согдийском *z'(rc)n(w)ky'* — «милосердие, сострадание» точно передает значение в отличие от кит. [10] «блаженство».

⁷⁶ Если предположение, высказанное выше, правильно, то это слово соответствует китайскому [11], которое Шаванн и Пельо переводили как «хвала множества» (*Péloge de la multitude — Chavannes, Pelliot. Op. cit. Pt I. P. 562. № 1*). Однако значение китайских иероглифов не вполне ясно. Т. Тило считает наиболее подходящим дословный перевод «прекрасно и многочисленно», допуская, правда, и другую возможность: «считать красивым множество», что несколько ближе к франц. *l'éloge de la multitude*. В парф. М 467 V 7 мы находим частично разрушенное слово, которое скорее всего можно восстановить в форме [w] (sp)rxtyft и понимать как «расцвет, распускание» или нечто подобное. Согдийский список М 133 R II 24 называет на третьем (!) месте *f'(ršt'm)n(q)[y](c)'h*, что, согласно Хеннингу, значит «великодушные» (см. *GMS, § 322*, где ошибочно написано *fršt'm'ngy'h*). Вероятно, ср.-перс. *pr'r'styh* этимологически родственно приведенному согдийскому слову и связано с глаголом *pr'r'z-*, *pr'r'st* — «растягивать, распространять» (*Henning W. B. Das Verbum des Mittelpersischen der Turfanfragmente // Zeitschrift für Indologie und Iranistik. Bd IX. Lpz, 1933. S. 187, 227*). Буквальный перевод «растягивание» можно было бы, вероятно, связать и с парф. «распускание, раскрытие» и даже с кит. «прекрасно и многочисленно». Это следовало бы, конечно, понимать в спиритуальном смысле как широту сознания; так и поступил согдийский переводчик, передавая эти понятия через *fršt'm'nqy'h* «с расширенным чувством», что бы это ни означало конкретно.

⁷⁷ Соответствует, возможно, согд. *'(wrm'tky)* «тишина», кит. [12] «le calme absolu» (см. выше). Ср.-перс. *nywš* переводилось приблизительно «*нежный, тонкий» (*Andreas F. C., Henning W. B. Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan. II // SPAW. Phil.-hist. Kl. 1933. S. 352*), однако можно понимать это слово как «тихий, молчаливый», этимологически оно неотделимо от ср.-перс. *xāmōš*, н.-перс. *xāmūš*.

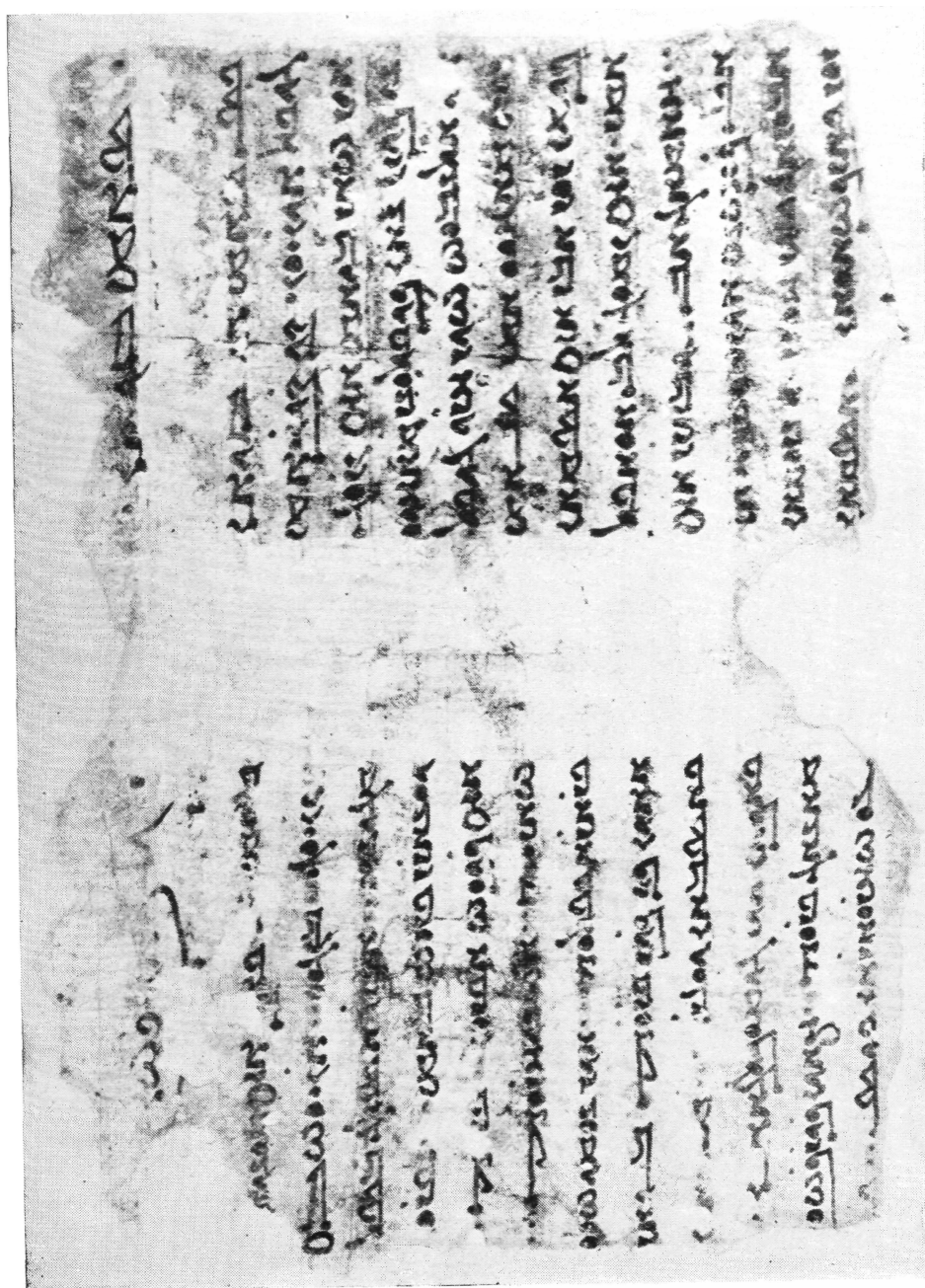

Рис. 2. Лицевая сторона, лист II Recto

души. И он освободил его ¹⁰от жадности, раскола, ¹¹*воровства ⁷⁸, ? = смерти ⁷⁹ и ¹²*недружелюбие ⁸⁰. Он связал (их) в плоть. ¹³[И он создал и]з своего [творения].

Случайно сохранившийся фрагмент L служит характерным связующим звеном между удаленными друг от друга источниками и трансформациями манихейского учения. Первый лист фрагмента позволяет проследить влияние ессейской литературы о Енохе, второй — общность с антропологическими представлениями китайского «Манихейского трактата» и коптской «Кефалайи».

ANOTHER FRAGMENT OF MANI'S 'BOOK OF GIANTS'

W. Sundermann

Fragments of the 'Book of Giants', one of the canonical works of Mani, were published by W. Henning in 1943. Even then Henning suggested, that Mani's 'Book of Giants' came directly from a prototype written in Aramaic.

The present article publishes a hitherto unknown fragment SI $\frac{0}{120}$ held in the Institute of Oriental Studies (USSR Academy of Science) in Leningrad. According to V. A. Livshitz, who helped the author greatly with the text, this fragments was found by S. F. Oldenburg's expedition.

The language of the fragments is Middle Persian, the ductus is well-defined, but rather heavy, and the orthography is not without mistakes. This fragment does not figure among the other bits of the 'Book of Giants'.

The published fragment consists of two sheets. The first contains a description of earthly events from the history of the guards and giants. The second sheet has no direct relation to the 'Book of Giants'; it is devoted to certain dogmas whose literary origin cannot be established.

The author suggests that sheet I fills in one of the many gaps in MS A of the 'Book of Giants' and may be placed between fragments *j* and *k* (in Henning's edition) or rather between *l* and *k*. The main event described in sheet I is the appearance before a group of

⁷⁸ Слово *sbwrgyūh* уже отмечено Андреасом и Хеннингом (*Andreas F. C., Henning W. B. Mittelliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan. I // SPAW. Phil.-hist. Kl. 1932. S. 218*), значение его оставалось неизвестным (ср. также *Boyce M. A World-List of Manichaean Middle Persian and Parthian. Téhéran — Liège, 1977. P. 31*), весьма гипотетичным оставалось и его смысловое соответствие парф. *prg'z'dnyft* (M 34 V 5). Я предложил бы читать **čabburragih* < **čar* «кривой; неправильный, ложный» + *burtag* «отрезанный» + абстрактный суффикс *-ih*, с общим значением «воровство» (?). В этом случае парф. *prg'z'dnyft* оказалось бы родственным согд. (христ.) *prgyūz* — «огрбить, обобрать», будд. *pr'yz* (*paṇṇēz*), что несовместимо с этимологией согдийского слова, предложенной В. Б. Хеннингом (*Henning W. B. The Sogdian Texts of Paris // BSOAS. 1946. V. XI. P. 724*).

⁷⁹ Ср.-перс. *zyd-* из авест. *īiti-* «жизнь» (?). Такую возможность допускает Д. Н. Маккензи. В этом случае слово обозначает «рождение заново», и мы ожидали бы тогда скорее производное от зап.- «рождать». Не исключена также связь с авест. *zyā-* «наносить ущерб, вредить», ср.-перс. *zyān* «вред, ущерб», тогда *zydmrg-* из **zt-taraka-*, букв. «ущерб и смерть» (?). В M 34 V 5 в том же, возможно, значении употреблено парф. **wydy[r](t)* или **wy(r)gy[r](t)* (я снимаю объяснение, данное мною ранее: *Sundermann. Ein weiteres Fragment... S. 504. Anm. 70*). Что касается *zydmrgyūh* в L II V 11, то, если написание этого слова ошибочно, возможны варианты **zwrmrgyūh* «насилие-смерть» или **zwdmrgyūh* «быстрая смерть».

⁸⁰ В качестве возможных значений для ср.-перс. *dwxwnd* я предполагал «*лживый, обманчивый» или «*вносящий раздор, противоречащий» (*Sundermann. Mittelpersische... S. 122*). Однако если парфянским соответствием для ср.-перс. *dwxwduy* является *dwjmyhyft* (M 34 V 6), то *dwxwnd* скорее означает «недружелюбный».

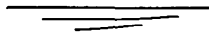
giants of a certain stranger with two inscribed stone slabs on one of which is written a message of the prophet Enoch.'

Sheet II contains 'dogmatic' injunctions'. It describes the creation of the New Man from the Old by means of light-reason as a result of the adoption and constant observance of the saving teaching of Mani. ;

The author points out that the contents of the Leningrad fragment resembles a corresponding passage in the 'Manichaean Treatise' found in China, and it may be drawn on in order to fill in the many gaps in the published fragment. In conclusion the author notes that the published fragment will provide a connecting link between sources and transformations of the Manichaean doctrine remote from one another. The first sheet of the fragment makes it possible to trace the influence of the Essenian literature about Enoch, and the second to trace a community with the anthropological views of the Chinese 'Manichaean Treatise' and the Coptic 'Kephalaia'.

Fig. 1. Sheet I, Recto; sheet II, Verso

Fig. 2. Sheet II, Recto; sheet I, Verso

В. А. Лившиц, А. Б. Никитин

ПАРФЯНСКИЕ НАДПИСИ С ГЁБЕКЛЫ-ДЕПЕ

Гёбеклы-депе — памятник позднепарфянского и раннесасанидского времени в Мервском оазисе. Он находится в 32 км к северо-западу от городища Старого Мерва, на границе оазиса. В 50-е годы Гёбеклы-депе обследовался рекогносцировочным отрядом ЮТАКЭ и был отнесен к парфянскому периоду¹. Систематические раскопки памятника проводились в 1981—1985 гг. Маргианским отрядом Института археологии АН СССР, Московского и Ашхабадского университетов (начальник отряда — Г. А. Кошеленко).

Памятник представляет собой крепость, четырехугольную в плане, 120 × 110 м, ориентированную по странам света. Стены, сохранившиеся местами на высоту до 12 м, окружают центральный комплекс, возвышающийся над ними еще на 7 м. В центральной части южной стены находились ворота с предвратными укреплениями. По периметру стен, очевидно, были расположены башни.

Раскопки на Гёбеклы-депе проводились на центральном комплексе (Р-1) и в восточной части южного фаса стены (Р-2). В центральной части открыта шестиугольная платформа, сложенная из сырцового кирпича, служившая, вероятно, основанием для каких-то несохранившихся архитектурных сооружений. По периметру она была обведена коридором, к которому примыкал ряд помещений; внешние стены их большей частью не сохранились вследствие выветривания и смыва. Ниже этого строительного горизонта выявлен другой архитектурный комплекс, более раннего времени, полностью еще не раскопанный.

На раскопе 2, в восточной части южного фаса стены, вскрыта башня, закрывающая юго-восточный угол крепости. Примыкающие к ней стены имели внутренний коридор. Сохранились бойницы нижнего яруса угловой башни, оригинальные по конструкции: для увеличения сектора обстрела каждая бойница имела по три расположенных рядом входных отверстия, выходящих в одно устье. При перестройке крепости башня и коридор были засыпаны и над ними возведена новая фортификационная система. К ней принадлежат верхний ярус башни и надстроенная стена со стрелковой галереей. На следующем, последнем этапе существования этого комплекса стрелковая галерея и внутрибашенное помещение были приспособлены для жилья. Галерея была разбита поперечными стенами на отсеки из одного-двух помещений, с отдельными выходами. Для этого в задней стене были пробиты двери, открывающиеся на лестничные проходы. Лестницы вели, очевидно, на более высокий, ныне плохо сохранив-

¹ Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ. Т. VI. М., 1958. С. 44.

шийся уровень. Помещения стрелковой галереи погибли в результате какой-то катастрофы. На полах помещений видны следы пожара, верхние части стен обрушены.

Раскопки Гёбеклы-депе дали значительный по объему комплекс находок: керамика и терракоты, аналогичные которым находили и ранее в Мервском оазисе; изделия из металла; монеты; парфянские надписи на фрагментах керамических сосудов и на целом сосуде. Монеты позволяют датировать — в широких пределах — памятник и отдельные этапы его истории, хотя большая часть монетных находок сделана в условиях, не позволяющих соотнести их с определенным строительным периодом. Среди монет — медные маргианские драхмы II — начала III в.², монеты Шапура I (243—273 гг.) — халки и драхма, медные монеты Шапура II (309—379 гг.) и сасанидского кушаншаха Варахрана II (эмиссия 1/7, по классификации В. Г. Луконина³, монеты датируются концом IV в.). Монет более поздних, чем рубеж IV и V вв., на Гёбеклы-депе не найдено. В целом монетные находки позволяют датировать время возведения и функционирования крепости в пределах от рубежа II и III вв. до конца IV в. К позднепарфянскому периоду, очевидно, относятся ранние сооружения центрального комплекса, впоследствии перекрытые шестиугольной платформой и связанными с ней помещениями, и нижняя угловая башня.

Возможно, что первая большая перестройка крепости связана с переходом Мервского оазиса под власть сасанидской династии (это произошло при Ардашире I, вероятно, в конце 20—30-х годов III в.). В нижнем ярусе башни, где прослеживается засыпка внутреннего помещения, керамический материал и другие находки отсутствуют. На время перестройки указывают, возможно, находки в верхнем ярусе башни и на центральном комплексе монет Шапура I и медных номиналов местного чекана, так называемых монет «мервского всадника». Выпускавший их правитель отождествляется с царем Мерва Ардаширом, упоминаемым в надписи Шапура I на «Каабе Зороастра», правившим между 240 и 260 гг.⁴ Монет шаханшаха Ардашира I нет, но среди находок имеются ранние выпуски Шапура I, перечеканенные по халкам последних лет правления Ардашира I⁵. Можно полагать, что реконструкция крепости осуществлена была, скорее всего, в годы правления Шапура I, а возведение основных фортификационных сооружений относится к раннесасанидскому времени — III—IV вв.

На Гёбеклы-депе найдены семь парфянских надписей на фрагментах сосудов (шесть — на Р-1, одна — на Р-2) и одна надпись на целом сосуде (на Р-2). Все надписи, кроме одной, процарапанной на стенке хума до обжига, нанесены черной краской («тушью»). Надписи с Р-1 происходят из заполнения коридора; надпись на фрагменте сосуда с Р-2 — из внутрибашенного помещения (помещение 1), также из заполнения. Целый сосуд с надписью лежал на ступеньках лестницы, в узком проходе, ведущем наружу из созданного в стрелковой галерее южной стены помещения № 5. Рядом с ним лежал второй такой же сосуд, но разбитый, без надписей. Оба сосуда — кувшины, типичные для раннесасанидского времени (высота — около 40 см, ширина тулова — 30 см). Устроенные в стрел-

² Пилипко В. Н. Парфянские бронзовые монеты со знаком П под луком // ВДИ. 1980. № 4. С. 105.

³ Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969. Табл. XX1.

⁴ Логинов С. Д., Никитин А. Б. Монеты с всадником из Мерва // СА. 1986. № 3. С. 249.

⁵ Монеты с Гёбеклы-депе готовятся к публикации А. Б. Никитиным.

ковой галерее помещения могут датироваться по находкам двух монет сасанидо-кушанского правителя Варахрана II. В конце IV в. эти помещения еще функционировали, что позволяет датировать и надпись на соуде временем не ранее второй половины IV в. (трудно предположить, что обыкновенный глиняный кувшин мог использоваться и сохраняться в течение многих десятилетий). Надписи, происходящие с Р-1, приходится датировать лишь приблизительно — III—IV вв.; они найдены вместе с монетами Шапура I и Шапура II в завалах и засыпках, в верхнем строительном горизонте, куда они могли попасть из более ранних слоев, поэтому невозможно соотнести их с определенным этапом существования памятника. В раскрытых к настоящему времени помещениях нижнего горизонта, относящихся к более раннему периоду, фрагментов с надписями пока не обнаружено.

Н а д п и с и

№ 1. Р-1, находка в заполнении коридора. Фрагмент стенки хума; надпись «тушью», 9 или 10 сильно выцветших букв; начало надписи отломано (рис. 1, 1)⁶: l (z/y?)n(wn?)t(y?..)L(T?). О содержании надписи можно строить лишь предположения. Возможно, что (как это обычно для подавляющего большинства известных в настоящее время парфянских надписей на глиняных сосудах ⁷) основную часть надписи составляло имя владельца сосуда, (первые 6 или 7 букв — начало имени — отломаны?). Однако следов идеограммы NPŠH «свой» (парф. хвērēh, позднее wxēbēh), частой в парфянских «владельческих» надписях, здесь ни перед предполагаемым именем собственным, ни после него обнаружить не удастся. Чтение L(Y) «мой» вместо L(T) в конце надписи маловероятно, к тому же LY во «владельческих» парфянских надписях засвидетельствовано лишь в позиции перед именем собственным ⁸. По-видимому, (..)L(T?) — арамейская идеограмма, передающая формулу благопожелания, но восстановить ее нам не удалось.

№ 2. Р-1, в заполнении коридора. Фрагмент стенки хума. Выцветшая надпись «тушью», пять букв (рис. 1, 2): k? s(y?) k? n. В определении 1-й и 4-й букв уверенности нет (w?), 3-я почти целиком уничтожена. Если принять чтение ksykn, то это слово может быть понято как патроним с суффиксом -agān (раннепарф. -akān) от и.с. *Kas(ī), букв. «меньший», авест. kasyah- (для имен с такой семантикой ср., например, хорезм. ksyšk = Kasištak, букв. «наименьший, меньшой», в надписи II—I вв. до н.э.⁹). Патронимическое Ksykn в надписи может быть либо именем самого владельца сосуда, либо образовано от имени его отца; в последнем случае имя владельца должно было помещаться на отбитой части стенки, поскольку над уцелевшей строкой следов текста не видно: [X ± BRY] ksykn «X., [сын] K.».

№ 3. Р-1, в заполнении коридора. Фрагмент верхней части стенки сосуда. Надпись «тушью» (рис. 1, 3): N]PŠH bwrz[«с[об]ственный Бурз[. В отличие от № 1 и 2 в этой надписи заметны соединения букв в их нижних частях. Идеограмма NPŠH в позиции перед именем собственным представ-

⁶ В транслитерации надписей в круглые скобки заключены частично поврежденные буквы, в квадратные — полностью восстанавливаемые. Прописными буквами переданы арамейские идеограммы.

⁷ Лившиц В. А. Новые парфянские надписи из Туркмении и Ирака // ЭВ. 1984. XXII.

⁸ Там же. С. 23.

⁹ Лившиц В. А., Мамбетуллаев М. М. Острак из Хумбуз-тепе // Памятники истории и литературы Востока. М., 1986. С. 40.

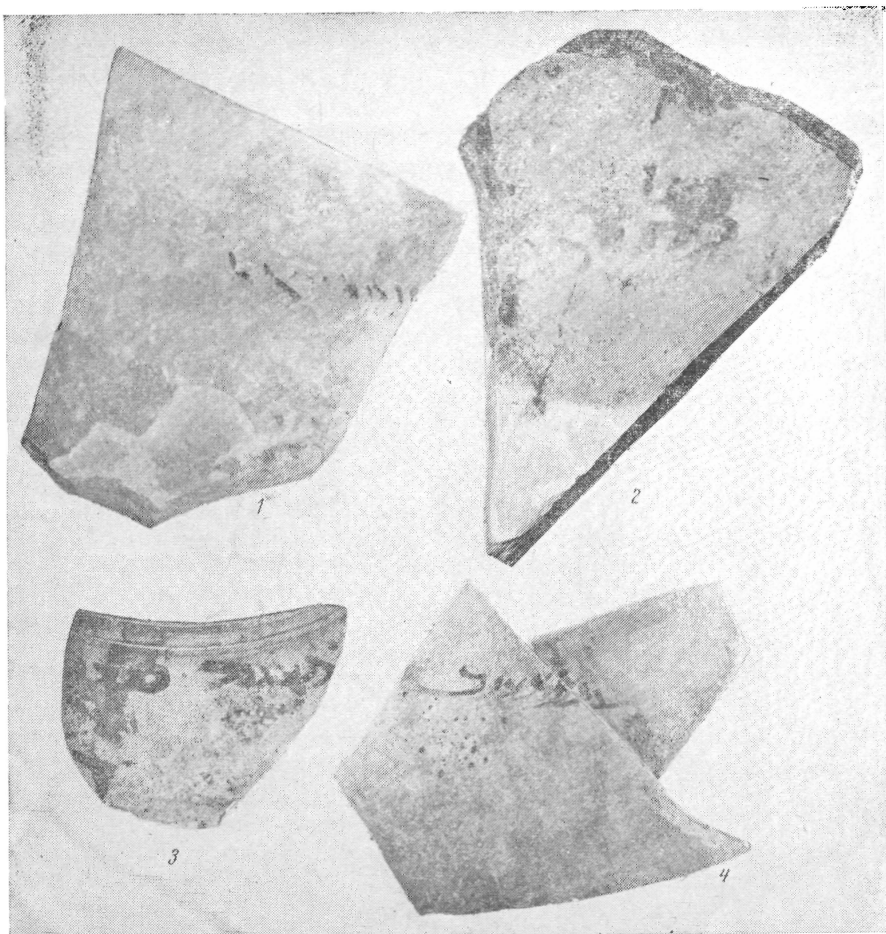

Рис. 1. Парфянские надписи на фрагментах сосудов с Гёбеклы-депе (№№ 1—4)

лена также в нескольких парфянских надписях на керамике из Старого Мерва; реже встречается конструкция «и.с. + NPSH»¹⁰. Возможно, что перед NPSH в отбитой части надписи содержалось слово, служившее названием сосуда.

№ 4. Р-1, в заполнении коридора. Два обломка стенки сосуда, составляющиеся вместе. Надпись «тушью» (рис. 1, 4): 'rtmryk. Судя по свободному месту перед этим словом — именем собственным владельца сосуда, NPSH в надписи не было. Парфянское имя 'rtmryk = Ardmarīg, известное также по надписи на фрагменте сосуда из Игди-калы¹¹, имело, вероятно, буквальное значение «слуга (или «воин») бога Арты», др. иран. *Rta-maṛyaka-, ср. др. перс. marīka-, авест. maīrya- «юноша; член (племенной) дружины, воин». О сравнительно поздней дате надписи свидетельствует более всего форма начального '-, близкая к парфянскому 'aleḡfu в остраках и пергаментях из Дура-Европос и некоторых надписях из Ниппура¹².

¹⁰ Лившиц. Новые парфянские надписи ... С. 23—28, 32.

¹¹ Там же. С. 32.

¹² Там же. С. 20—21.

Рис. 2. Парфянские надписи и рисунок на фрагментах сосудов с Гёбеклы-депе (№№ 5—8)

№ 5. Р-1, в заполнении коридора, фрагмент стенки сосуда. Надпись «тушью»; сохранилось 13 букв — три слова, пробелы между словами почти незаметны (рис. 2, 5): ?l(w/b)šy (n/b)grkn whyt. Второе слово имеет патронимический суффикс -kn и потому содержит скорее всего имя отца владельца. Имя последнего могло начинаться в обломе; если оно содержало всего четыре буквы, то наиболее вероятны чтения (W)šy или (B)šy. Буква š в парфянском письме обозначала фонемы |š| и |č|, а также |ž| в случаях, когда она восходит к древнему поствокальному -č-, так что возможны интерпретации W/Bāšī, W/Bāžī. Удовлетворительных иранских этимологий для таких имен не видно; возведение к др. иран. vāč- (парф. wāž-) «говорить» маловероятно.

Следующий за именем владельца патроним также допускает несколько чтений: (n)grkn, (b)grkn, но также (n/b)rskn. Для варианта nrskn сопоставление с популярным иранским теофорным именем «Нарсе» (др. иран. *Na-

riyasanha-, авест. Nairyō. saṃha-) невозможно, поскольку в парфянском закономерна орфографическая форма Nryšhw (патроним nryšhwkn), представленная в сасанидских надписях III в. и отражающая звучание Narisaf, ср. nryšf в парфянских манихейских текстах. Этимологии Narbagān, Narfagān (nrpkn), Barbagān, Barfagān (brpkn) неясны. Последнее слово надписи — whyt (с -y-, отличающимся по форме от конечного -u в первом слове) или whzt. Парфянское whzt могло бы быть истолковано как wahzāt, позднее wahzād, «знатный, благородный», из др. иран. vahu-zāta, «хорошо рожденный», с -h- для обозначения фонемы -h-. Однако в краткой владельческой надписи эпитет «благородный» выглядит странно, тем более что названием сословия знати в парфянском служило āzāt/āzād ('z't, многократно засвидетельствованное в парфянских версиях сасанидских надписей III в.; в манихейских текстах — 'z'd, 'z'd); да и древнеиранское vahu- передавалось бы в парфянской исторической орфографии как whw- (ср., например, whwmn = Wahman в документах из Нисы, whwn'm = Wahnām в сасанидских надписях).

Если предположить, что надпись заканчивалась благопожеланием, то в whyt можно видеть форму 3 Sg. Pres.-Fut. от wah- «обитать, пребывать» (авест. vah-, Pres. varha-; др. инд. vāsati «он пребывает, находится») ¹³; wahēd «[да] живет, пребудет» (владелец сосуда)? Сопоставление whyt с древнеиранским *hvaitu-, авест. x^vaētu- «принадлежащий» могло бы показаться заманчивым, но следует учитывать, что в парфянском в качестве возвратно-посессионного местоимения засвидетельствовано хвērēh/wxēbēh (идеограмма NPSH, маних. wxubuh), из *hvaīraṭya-, и что для парф. wx- из др. иран. *x^v- < *hv- ожидалось бы историческое написание h-w-. Для палеографии надписи характерны поздняя закрытая форма w- в why/z (такая форма встречается в парфянских текстах из Дура-Европос) и начертания 'алефа в первом слове.

№ 6. P-1, в заполнении коридора. Фрагмент стенки сосуда. Прорапанная до обжига надпись, четыре буквы, начертания кажутся архаичными, но это может быть связано с техникой нанесения (рис. 2, 6): zntk или yntk. Это скорее всего имя владельца. Для чтения Zntk = Zandag (менее вероятно Zandug) ср. древнеиранское имя собственное Zantuka, древнеперсидское Dantuka в эламских передачах Zandukka, Tandukka, от др. иран. zantu- «племя; область, занимаемая племенем» ¹⁴.

№ 7. P-2, башня. Обломок стенки сосуда. Надпись «тупью», сохранилось 10(?) букв (рис. 2, 7): l (L)N[?] rswyšyn [? Последняя буква в первом слове более всего похожа на раннепарфянский 'алеф, однако второе слово с позднепарфянским š и лигатурой -yn ясно указывает на позднюю дату надписи (III—IV вв.). Читать, быть может, (L)N + лигатура ZY: «[сосуд] наш (идеограмма LN для парф. amā „мы, наш“), который ...»? (ср. в парфянской надписи из Старого Мерва: spug ZNH ZY LY wrtrngnwrk «этот сосуд мой, Вархрагнгороака» ¹⁵). Имя владельца — Rswyšyn — можно толковать как Raswišēn, гипокористик с суффиксом -ēn от парф. Raswiš, букв. «юный (и) милый», ср. среднеперс. rahīg «юный, юноша; слуга» (если из rasik) ¹⁶, парф. wiš- в парф.-маних. wišmīn-: wišmīd «быть доволь-

¹³ Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904. Sp. 1394.

¹⁴ Gershevitch I. Amber at Persepolis // Studia Classica et Orientalia A. Pagliaro Oblata. 1969. V.II. P. 235; Mayrhofer M. Onomastica Persepolitana. Wien, 1973. § 8 1608a; 8. 1827; 8.217; 8. 478; 8. 1683.

¹⁵ Лувшиц. Новые парфянские надписи ... С. 23.

¹⁶ Nyberg H. S. A Manual of Pahlavi. II. Wiesbaden, 1974. P. 166; Bailey H. W. Dictionary of Khotan Saka. Cambr., 1979. P. 292.

ным», производное *wišmināg* «радостный; милый, забавный»¹⁷. Под надписью видна верхняя часть «тамги» (ср. иной вариант тамги на черепке с рисунком птицы без надписи — рис. 2, 8; изображения птиц встречаются и на фрагментах парфянских сосудов из Старого Мерва).

№ 8. Р-2. Надпись на целом сосуде, найденном на ступеньках лестницы, в проходе, ведущем из помещения № 5. Как было отмечено выше, форма сосуда типична для раннесасанидского времени. Целиком сохранилось тулово сосуда, отбиты только ручки и венчик (рис. 3, 9, 10). Судя по монетным находкам, сосуд может быть датирован временем не ранее второй половины IV в. Надпись содержала, по-видимому, восемь слов, пробелы четко выделяют первые пять, в конце надписи слова более тесно примыкают друг к другу: G(D)H 'TYt brzwnt MNW KN (?) bw (ŠN)T (I)LP «Счастье („фарн“) пришло, о Бурзванд, (ты), который так (= со счастьем) пребудь (?) тысячу лет».

Из палеографических особенностей надписи заслуживают внимания следующие: поздняя форма 'алефа в 'TYt и также позднее, но иное начертание этой буквы в (')bw, если только это слово прочтено правильно; узкий и закрытый конечный -t в 'TYt, brzwnt и (ŠN)T; полузакрытый -w в brzwnt и закрытый конечный -w в MNW и (')bw; короткий -n в конечной позиции (KN); H в G(D)H, напоминающее по начертаниям эту букву (представлена только в конце идеограмм) в парфянских надписях на серебряных сосудах и на некоторых керамических фрагментах¹⁸; наконец, форма -r в словесно-цифровом обозначении ILP «тысяча», отличающаяся от обычного парфянского r наличием изогнутого росчерка, идущего вниз от левой части буквы: , ср. близкую форму -r в парфянской версии надписи Шапура I на «Каабе Зороастра» (ŠKZ) в той же идеограмме для «тысяча» (строка 19): G(D)H, хорошо известная в среднеперсидском идеограмма для *xwarrah*, употреблялась и в парфянском: помимо нашей надписи она засвидетельствована также в парфянской версии надписи Нарсе в Пайкули¹⁹. В парфянских (и среднеперсидских) манихейских текстах представлена форма *farrāh* (frh), однако, как можно судить по именам собственным, парфянский знал и *farn*, позднее *farr* (ср., например, *gr̥r̥bg* = *Farnbag*, в документах из Нисы I в. до н. э.). Др. иран. **hvarnah-*, авест. *xʷarənah-*, в большинстве иранских диалектов очень рано превратившееся в **farnah-* в результате диссимиляции (*hv* — *h* > *f* — *h*)²⁰, имело круг значений, еще более усложнившийся в средне- и новоиранских языках: «счастье; величие; благодать; слава; сияние; блеск; харизма (власти)»²¹. GDH 'TYt «фарн пришел» отдаленно напоминает осетинское *farn fæcæwy!* — «фарн шествует!» (возглас шаферов при вводе невесты в дом жениха)²², а также представления о «фарне дома», бытующие до сих пор

¹⁷ Ghilain A. Essai sur la langue parthe. Louvain, 1939. P. 89; Boyce M. A Word-list of Manichaean Middle Persian and Parthian. Téhéran-Liège, 1977 (Acta Iranica, 9a). P. 98.

¹⁸ Лившиц. Новые парфянские надписи ... С. 30 (рис. 8), 32.

¹⁹ Herzfeld E. Paikuli I. B., 1924. S. 159; Gignoux Ph. Glossaire des Inscriptions Pehlevies et Parthes. L., 1972 (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Suppl. Ser. V.I). P. 51; Skjærvø P. O. The Sasanian Inscription of Paikuli. Part. 3. 1. Wiesbaden, 1983. P. 94.

²⁰ Skjærvø P. O. *farnah*:- mot mède ou vieux-perse? // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. T. LXXVIII. Fasc. 1. 1983. P. 241—259.

²¹ Литература об иранском фарне огромна; лучшим филологическим и этимологическим исследованием остается и сейчас работа Х. В. Бейли (Bailey H. W. Zoroastrian Problems in the Ninth-century Books. Oxf., 1943. P. 1—77).

²² Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.—Л., 1958. С. 421.

Рис. 3. Парфянская надпись на сосуде с Гёбеклы-депе

у осетин²³ и существовавшие, судя по одному позднему среднеперсидскому тексту, в сасанидском Иране²⁴. Однако парфянская формула благопожелания в надписи на обычном бытовом сосуде может намекать и на какие-то иные представления о «приходе фарна».

Идеограмма ⁷Yt, соответствующая парфянскому āyaд «пришел» (парф.-маних. ⁷γd), уже была известна по ŠKZ, надписи из Пайкули и документам из Нисы²⁵.

Следующее слово—brzwnt—является скорее всего именем собственным владельца сосуда: «(о) Бурзванд» (др. иран. *br̥zvant-, авест. bərəzvant-), менее вероятно видеть здесь апеллатив «возвышенный, высокий», постпозитивное дистантное определение к GDH («фарн пришел возвышенный?»), ибо в этом случае непонятны логические и синтаксические связи с последующими словами²⁶.

MNW = kē, относительное местоимение «кто, который» — идеограмма хорошо известна в среднеперсидском и парфянском. KN = oh «так, thus» — идеограмма, также знакомая по среднеперсидским и парфянским памятникам.

(⁷)bw вызывает наибольшие трудности. Первая буква, частично выпавшая, может быть прочтена и как k или ⁷, менее вероятно g или d. Определение остальных двух букв сомнений не вызывает — это bw. Для чтений KBW, BW, RBW, DBW арамейских идеограмм, равно как и иранских чтений, удовлетворяющих контексту надписи, нам найти не удалось. Для ⁷bw возможная иранская интерпретация — ābaw — 2 Sg. Imper. от парфянского *ābaw-, *ābaw-, из авест. ā-bav- «становиться» (ā dim bavaiti aiwi vanya — Yt. 8. 22; ušta mē... ā. bavāt daighavō — Yt. 8. 29)²⁷ префиксального синонима к baw-. В парфянских манихейских текстах, основном нашем источнике по парфянской лексике, префиксальных глаголов от baw- не засвидетельствовано, однако хотано-сакский показывает, что в среднеиранских языках такие глаголы еще были²⁸.

Парфянская надпись на целом сосуде из Гёбеклы-депе отлична по содержанию от всех других известных ныне парфянских текстов на керамике. Это единственная надпись с пространной формулой благопожелания, не находящей прямых аналогий в зороастрийской литературе.

²³ āncad ū, aywysty farn ma rox kan — «тише, не забывай о фарне дома» (Абаев. Ук. соч. С. 421).

²⁴ Pahlavī Rīvāyat, 19: gyāg-ē paydāg kū kadag-xwadāy ud kadag-bānūg ka andar xānag be mīrend tar dar bēron be nē abāyēd burdan čē-š xwarrah ī xānag abāg be šawēd — «В одном месте написано, что если хозяин или хозяйка дома умирают внутри дома, то их не следует выносить наружу через дверь, так как (в этом случае) счастье („фарн“) дома уйдет» (Bailey. Op. cit. P. 12). Ср. археологический комментарий к иранским представлениям о фарне: Litvinskij B. A. Das K'ang-ghū — sarmatische Farnah // Central Asiatic Journal. 1972. V. XVI. № 4. P. 241—289.

²⁵ Gignoux. Op. cit. P. 48.

²⁶ Ср. бактрийское βορζαανδο ιαζαδο, среднеперсидское bwld'wndy yzty, bwrz'wndy yzdyt — «возвышенный бог» — на кушано-сасанидских монетах; см.: Bivar A. D. H. The Kushano-Sasanian coin series // Journal of the Numismatic Society of India. 1956. V. XVIII. Pt. 1. P. 16, 29—33; Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt. III. V.VI. Portfolio I. Kushan and Kushano-Sasanian seals and Kushano-Sasanian coins: Sasanian seals in the British Museum / Ed. A. D. H. Bivar. L., 1968. Pl. VIII, 2; X, 1—3, 6; Humbach H. Baktrische Sprachdenkmäler. Bd. I. Wiesbaden, 1966. S. 52; Davary G. D. Baktrisch. Ein Wörterbuch. Heidelberg, 1982. S. 179. Бактрийское βορζαανδο (Vurzāwand), вероятно, как имя собственное начертано на стене одного из пещерных помещений Кара-тепе (находка 1987 г.). Ср. также др. иран. *Brzavānt- в авест. Bərəzavānt-, греч. βορζααντης.

²⁷ Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Sp. 932.

²⁸ Хот.-сак. parbaw- «побеждать; вырастать» из авест. pairi.bava-. См. Emmerick R. E. Saka grammatical studies. L., 1968. P. 75.

PARTHIAN INSCRIPTIONS FROM GYOBEKLY-DEPE

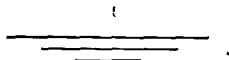
Y. A. Livshitz,¹ A. B. Nikitin

Gyobekly-Dəpə is a fortress of late Parthian and early Sasanian period on the north-western boundary of the Merv Oasis. During the excavations of the site in 1981-84 several fragments of ceramic vessels with Parthian inscriptions were found. Find of an intact jar with a Parthian inscription testifies that Parthian script and language were used in the Merv Oasis at least up to the end of the fourth century A. D.

Fig. 1. Parthian inscriptions on fragment of ceramic vessels from Gyobekly-Depe (№ 1—4)

Fig. 2. Parthian inscriptions on fragments of ceramic vessels from Gyobekly-Depe (№ 5—8)

Fig. 3. A Parthian inscription on a vessel from Gyobekly-Depe

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

АНТИЧНЫЙ МИР. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

ОБЩЕСТВО, КЛАССЫ И ГОСУДАРСТВО: ВАЖНОСТЬ ДИСКУССИИ

Вывод Е. М. Штаерман об отсутствии государства в доимперском Риме поражает неожиданностью, отвергая привычные представления. Именно такие неожиданные и несколько парадоксальные идеи и двигают по-настоящему науку. Статья очень полезна: она заставляет задуматься над устоявшимися утверждениями не только специалистов-античников, но и историков другого профиля. Мне как одному из таких историков трудно оценить специальную аргументацию автора, но поспорить о некоторых общих положениях хотелось бы.

Автор исходит из классического марксистского определения государства как аппарата насилия, обеспечивающего господство одного класса над другим. Анализируя социальный и экономический статус патрициев и плебеев, Е. М. Штаерман приходит к выводу, что последние не были эксплуатируемым классом, а рабы еще не превратились в класс, были домашними работниками или трудились в поле и мастерских бок о бок с хозяином. А коль скоро не было эксплуатируемого класса, то не было нужды и в государстве как аппарате принуждения. Возможные аргументы в пользу существования государства в Риме в IV—III вв. до н. э., такие, как наличие тюрем, особого исполнительного аппарата, законодательства, а не обычного права, отводятся указанием на то, что законы постоянно нарушались, а остальное свидетельствует только о наличии принудительной власти, которая существует и в догосударственный период.

Не будем спорить относительно действительности правовых установлений в Риме — всюду, где есть законы, есть и их нарушения, их нет только там, где нет законов. Но другие положения требуют более внимательного рассмотрения. Начнем с того, что Ф. Энгельс, несомненно, хорошо знавший, что такое государство в марксистском понимании, писал о реформе Сервия Туллия: «Так и в Риме, еще до упразднения так называемой царской власти, был разрушен древний общественный строй, покоившийся на личных кровных узах, а вместо него создано было новое, действительно государственное устройство, основанное на территориальном делении и имущественных различиях. Публичная власть сосредоточилась здесь в руках военнообязанных граждан и была направлена не только против рабов, но и против так называемых пролетариев, отстраненных от военной службы и лишенных вооружения»¹. Таким образом, Ф. Энгельс считал, что Рим VI—V вв. до н. э. уже был государством. Более того, здесь же он говорит о том, что линия раздела лежала не между патрициями и плебеями, а между имущими и неимущими, существование которых в Риме в это время Е. М. Штаерман не отрицает.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 21. С. 129.

И дале́к от мысли, что удачно́ выбранная цитата из Маркса или Энгельса может служить решающим аргументом в научной дискуссии — время фехтования на цитатах, к счастью, кончилось; но поскольку автор ссылается на ряд ранних работ, таких ранних, когда еще марксизм самого Маркса только рождался, я считал себя вправе напомнить высказывание, относящееся к периоду, когда марксистская теория становления государства была окончательно сформулирована. Возможно, взгляды Энгельса в данном случае несколько устарели и не соответствуют современному уровню науки, но тогда необходимо показать, в чем именно он был неправ: ведь и другие, подобно мне, могут опираться на ту же точку зрения Энгельса.

Большие сомнения вызывает интерпретация механизма эксплуатации одного класса другим: по мнению Е. М. Штаерман, «...пролетарий эксплуатируется потому, что входит в класс, лишенный средств производства и вынужденный продавать свою рабочую силу. Плебей же эксплуатировался не потому, что принадлежал к сословию плебеев, а потому, что он лично обеднел... Плебей не составляли такую группу людей, труд которых могла присваивать другая группа благодаря их месту в общественном производстве». Однако и пролетарий эксплуатируется капиталистом не потому, что принадлежит к определенному классу, а оттого, что не имеет средств производства и в силу этого относится к данному классу. Видимо, в этом случае какую-то путаницу внесло обращение к примеру отношений крепостного крестьянства и помещичества, сместились понятия сословия и класса. Именно из-за того, что автор не находит в раннем Риме рабов как особый класс, а только отдельных его представителей, то и считает, что класса рабовладельцев также не существовало. Но стоит напомнить, что взаимоотношения капиталиста и наемного рабочего до появления профсоюзов также строились как взаимоотношения двух лиц, а не как представителей двух классов, сами взаимоотношения классов реализовались в форме индивидуального договора. Если исходить из этого, то аргументация Е. М. Штаерман по поводу отсутствия классов эксплуататоров и эксплуатируемых в древнем Риме окажется несостоятельной, а следовательно, уходит и почва из-под всей концепции.

Нам всем, вероятно, следует учесть, что основоположники марксизма, говоря о государстве, подчеркивали одну из его функций — функцию принуждения, и мы вслед за ними недооценивали другую сторону: организаторскую функцию. Общество, численность которого превосходит какой-то минимум, не может функционировать без организующего начала, оно либо распадется на мелкие общности, либо создаст какой-то аппарат управления. Государство оказывается необходимым не только тем, кто стоит наверху, но и тем, кем правят. Их интересы различны, во многом противоположны, но обе стороны в совокупности составляют взаимнеобходимое единство, как структура атома невозможна без одновременного существования сил притяжения и отталкивания электронов и ядра атома. Этим объясняется регенерация прежних структур в государствах, образовывавшихся в результате восстаний народных масс. Здесь, конечно, играет роль и идеологический, субъективный фактор — существование в головах людей представлений о привычном и поэтому единственно возможном образе жизни.

Исходя из этой точки зрения и следует иначе ставить вопрос о критериях, отделяющих государственную организацию общества от общинной. Боюсь, что этнографы, на которых ссылается Е. М. Штаерман, еще тонут в растущей массе материала и порой ищут новые термины для известных явлений. Время синтеза еще впереди. Будем надеяться, что обсуждаемая работа, несмотря на ее спорность, станет одним из шагов к переосмыслению и синтезу. Важность же дискуссии на эту тему совершенно очевидна.

О. Г. Большаков

О ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВА В РИМЕ

Проблема формирования государства, в том числе феодального, капиталистического или социалистического, которые возникают на «обломках» предшествующей государственности, а тем более возникновения государства из догосударственных родоплеменных структур — одна из вечных и значимых в общественных науках. Как бы ни казались устоявшимися уже имеющиеся точки зрения, концепции, теории, они всегда открыты для уточнения или пересмотра в свете новых материалов, новых подходов и теоретических интерпретаций.

Все это, естественно, относится и к античной, в частности римской истории. В историографии древнего Рима является общепринятой точка зрения — о возникновении государственности в царский период (VIII—VI вв. до н. э.), хотя разные научные школы относят создание римского государства к довольно широкому временному диапазону — от VIII до VI в. до н. э. В советской историографии в качестве господствующей принята концепция Ф. Энгельса, который оформление государства в Риме датировал правлением шестого римского царя Сервия Туллия (этот царь, как известно, ввел в конституцию принцип деления граждан на пять имущественных разрядов, установил трибун и разделил римское население по территориальным округам).

Концепция возникновения государственности в Риме в VI в. до н. э. стала общепринятой, превратилась в устойчивый стереотип, своего рода аксиому, уже не требующую доказательств. Однако вечных истин нет, и любой стереотип в науке время от времени подвергается проверке, а система его доказательств — новому анализу и с новых позиций. Понятно, что если принятые выводы выдержат такой экзамен, значит их истинность будет вновь подтверждена, если же нет, то традиционные положения должны уступить место новым. В связи с этим нельзя не приветствовать принципиально иную, чем было принято прежде, постановку вопроса о возникновении римской государственности, которую предложила Е. М. Штаерман — выдающийся советский антиковед. Е. М. Штаерман радикально пересматривает традиционную концепцию, вводит новые материалы, знакомит с перспективами дальнейших исследований. Большой интерес представляет сопоставление процессов формирования государственности в первобытных и раннеклассовых обществах, процессов, которые интенсивно исследуются в современной этнографии. Из новых подходов, предлагаемых Е. М. Штаерман, особо следует выделить вопрос о соотношении классовообразования и социальной и имущественной дифференциации, которые, судя по ее трактовке, не совпадают между собой так жестко, как это признавалось ранее в советской историографии. Новый подход, предложенный Е. М. Штаерман, заключается и в более строгом определении государства как политической организации, полностью отделенной от гражданской общины, а ее структурообразующей части — как постоянного аппарата, отделенного от общества и противостоящего ему. Исходя из этого, автор полагает, что процесс классовообразования в Риме не достиг достаточной зрелости ни в эпоху борьбы патрициев и плебеев, ни в золотой век республики; социальная стратификация носила не столько производственный, сколько функциональный характер; политическая организация в целом совпадала с гражданским обществом, классовые антагонизмы между классами рабов и рабовладельцев не достигли остроты, а следовательно, не было необходимости в государственном аппарате, отделенном от основной массы населения. По мысли автора статьи, отделение политической от гражданской организации в связи с формированием производственных классов рабов и рабовладельцев и усилением остроты их антагонизма шло в I в. до н. э. и завершилось в эпоху Августа; именно тогда и произошло окончательное оформление римской государственности.

Исходя из этой концепции, римское общество VI—II вв. до н. э. было обществом догосударственным (вернее, безгосударственным), социально дифференцированным,

но бесклассовым. Однако эта точка зрения недостаточно аргументирована. Я не согласен с целым рядом теоретических, методических и конкретно-исторических аспектов этой концепции!

I. В теоретической части Е. М. Штаерман допускает, как мне кажется, три основные неточности.

1. Автор устанавливает излишнюю жесткую зависимость возникновения государства от процесса появления классов. Правильнее же говорить (и это общепринято) о формировании прежде всего социальных групп, в частности знати и зависимых от нее слоев, т. е. не столько о классовой, сколько о социальной дифференциации.

2. Автор исходит из абстрактного понятия «чистых» классов, т. е. с ярко выраженными признаками класса, как они сформировались в эпоху капитализма, или, по крайней мере, феодализма. В нашей литературе принята точка зрения С. Л. Утченко и И. М. Дьяконова о том, что в древности классы, включая рабов и рабовладельцев, не достигли своих классических форм, сохраняли известную аморфность структуры, хотя и не переставали быть классами.

3. Автор, мне кажется, слишком узко, а потому и неточно рассматривает государство только как постоянный аппарат управления, включая наемную армию. По моему мнению, классики марксизма-ленинизма понимали государство более широко: включая в него вообще аппарат управления (в том числе выборный, например, в демократических республиках, все вооруженные силы, включая ополчение граждан). Кроме того, помимо чистого принуждения, поддержания порядка в интересах господствующего класса государство исполняет и ряд общественных функций в интересах всего общества (например в восточных деспотиях, но и не только в них).

Если обратиться к проблеме формирования государства в Риме с точки зрения такого теоретического подхода, то следует признать, что оно возникло значительно раньше, чем это считает Е. М. Штаерман.

II. О методических упущениях. Е. М. Штаерман использует в качестве важного приема в аргументации своих выводов параллели и аналогии между процессами формирования государства в Риме и в позднеродовых обществах в Африке, Америке, Океании. Мне кажется, что этим приемом нужно пользоваться крайне осторожно; его плодотворность для выводов данной статьи сильно понижается из-за слабой разработки проблемы сопоставимости римского общества VI—II вв. до н. э. с «варварскими» позднеродовыми обществами.

III. При анализе формирования государства вряд ли справедливо игнорировать такие важные условия этого процесса, как наличие писаного права, письменности, военной организации, имущественной дифференциации, даже принудительной власти и др. Они, видимо, и были, наряду с другими (например, введением налогов, территориальным делением), теми составляющими, которые определяли процесс оформления государственной организации как таковой.

IV. Статья содержит внутреннее противоречие. Приводимые автором конкретные материалы часто свидетельствуют против выводов, которые делаются в статье. Так, Е. М. Штаерман почти доказала наличие государственности во время борьбы патрициев и плебеев, ибо, по ее мнению, органы римского управления защищали и утверждали социальный порядок, выгодный патрициям, стремившимся изменить и приспособить его в своих интересах, что и удалось сделать к началу III в. до н. э. Важным является выдвигаемое автором положение о совпадении политической и гражданской организации в рамках классического полиса III—II вв. Однако вряд ли можно думать, что это положение является доказанным. В частности, труды Катона и пьесы Плавта являются аутентичными источниками, которые говорят о наличии вполне развитых рабовладельческих отношений, уже оформившихся классах рабов и рабовладельцев, о явном антагонизме между ними и, следовательно, о необходимости существования государственности. Об этом также свидетельствует и римская военная организация, которая оказалась более сильной, чем карфагенская. Нужно указать и на

организацию римских провинций, в которых была установлена римская военная администрация как органическая часть римского государства. Поэтому тезис об отсутствии в Риме государственности в III—II вв. до н. э., о полном и абсолютном совпадении политической и гражданской организации в римской общине требует дальнейших доказательств. Пока же таких доказательств нет.

В заключение еще раз подчеркну, что я с интересом прочитал статью Е. М. Штаерман, в которой содержится парадоксальная постановка вопроса. Полагаю, однако, что традиционная точка зрения выглядит пока более аргументированной.

В. И. Кузицин

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АРХАИЧЕСКОГО РИМА

Статья Е. М. Штаерман очень интересна и содержательна. Прежде всего хочется поддержать обращение ученого к важнейшей и сложной проблеме. Привлекает принцип подхода к источникам: автор исходит из преодоления гиперкритического взгляда на античную традицию, закрывавшего фактически возможность всестороннего исследования, и вместе с тем использует данные этнографии, расширяя тем самым источниковую базу. Плодотворность такой методики была доказана еще Г. Б. Нибуром, открывшим с помощью этнографических параллелей родовую организацию в Риме (что было принято в расчет Ф. Энгельсом). Однако использование метода аналогии в сфере римской истории было потом забыто. Внимание историков конца XIX — начала XX в. было поглощено критикой традиции, доходившей до непомерных изысков, а позднее отвлечено хлынувшей массой нового археологического материала, который необходимо было осваивать. Теперь в науке перешли к комплексному использованию источников, и Е. М. Штаерман идет в русле современных подходов.

Глубоко и неформально вникает Е. М. Штаерман в мысль классиков — К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Однако единство методологических позиций не гарантирует исследователей от разногласия во мнениях. И зависит это в первую очередь от характера источниковой базы. Источники по истории раннего Рима имеют свою специфику. В частности, письменных свидетельств по затронутому вопросу немало, но и явно недостаточно, — они фрагментарны, рассыпаны по разным сочинениям античных писателей. Приходится считаться и с тем, что сохранившееся из античного письменного наследия является относительно поздним материалом.

Эти особенности неминуемо сказываются на заключениях, к которым приходят ученые, и во многом объясняют различие их позиций. Высказать вполне обоснованное суждение крайне сложно. Для твердых выводов часто не хватает аргументов, но тем не менее необходимо выдвигать рабочие гипотезы, без которых вообще нельзя продвигаться по пути подлинной науки. К сожалению, я не могу дать подробную аргументацию в пользу тех своих соображений, которые не согласуются с мнением Е. М. Штаерман. Остановлюсь лишь на нескольких вопросах, касающихся раннего периода римской истории.

Автор статьи исходит из марксистско-ленинского определения государства как машины для подавления одного класса другим и справедливо подчеркивает тезис о том, что потестарная власть переходит в политическую с появлением частной собственности и разделением общества на классы. Но она ограничивается замечанием, что античная частная собственность не тождественна капиталистической. С этим нельзя не согласиться. Однако отсутствие частной собственности капиталистического типа не озна-

чает отсутствия ее в античном варианте. Наличие ее в раннем Риме отвергать нельзя. Конечно, видеть частную собственность на землю уже при Нуме Помпилии, подобно очень известным итальянским ученым, оснований нет. Но в Законах XII Таблиц она уже достаточно ясно представлена. Если же иметь в виду, что законы оформляют уже сложившиеся отношения, то следует полагать, что частная собственность на землю появилась еще в царскую эпоху, но не в VII, а в VI в. до н. э. На основе данных Дионисия Галикарнасского можно сказать, что к началу V в. до н. э. наделы латинян, поселенных Анком Марцием на Авентине, воспринимались римлянами как частнособственнические.

В Риме очень рано появились рабы. Во всяком случае они имелись уже в самом начале царской эпохи при легендарном Ромуле, т. е. в доклассовом Риме. В этом смысле Рим не отличался от других варварских обществ на стадии разложения родового строя. Рабство существовало, но рабов было мало и сколько-нибудь заметной роли в производстве они не играли, до рабовладельческого общества было еще очень далеко. Развившееся рабство не стало еще основой производства и не придало рабовладельческого характера римскому обществу и в начале Республики. Но это общество хорошо знало частную собственность и, чему не придава должного значения Елена Михайловна, было разделено по территориальному принципу (Сервиевы трибы — факт бесспорный!). А ведь территориальное деление — один из признаков государства.

Отсутствие развитых классов рабов и рабовладельцев не может, по нашему мнению, служить основой для утверждения о бесклассовости раннереспубликанского Рима. Представление о патрициях и плебейях как о сословиях, конечно, не лишено оснований. Но говоря об античных сословиях, неправомерно судить о них только на основании понимания слова *ordo* римскими авторами. Разумеется, знать их мнение необходимо, но оценивать явления античной жизни нужно в понятиях, выработанных современной наукой, учитывая специфичность античных условий по сравнению со средневековой и более поздними эпохами. Классы — это категория социально-экономическая, сословия — социально-правовая. Сословная принадлежность выражает отношение людей к праву, обычному или писаному, ибо появление сословий связано с доклассовым обществом. Отсюда и необязательное фиксирование их в правовых письменных памятниках. Против различия же прав у патрициев и плебеев вряд ли кто будет спорить. Здесь, однако, уместно вспомнить замечания В. И. Ленина о том, что в докапиталистических обществах существовали классы-сословия (и следовательно, сословное деление по сути было делением классовым).

Надо рассмотреть, насколько классовые признаки применимы к патрициям и плебейям Ранней республики. Превосходная сводка взглядов на происхождение плебеев, содержащаяся в полезной книге Ж.-Кл. Ришара, грешит одним, но весьма существенным упущением. Говоря о патрициях и плебейях, автор перечисляет различные источники происхождения последних, но не учитывает их разновременности. Между тем внимательный анализ античной традиции о деятельности Анка Марция, подтвержденной в последнее время археологически и лингвистически, вынуждает нас признать справедливость выдвинутого Нибуром тезиса о депортированных латинах как о первоисточке плебейского населения в Риме. Отсюда следуют очень важные выводы. Античная традиция дает основание говорить о разном социальном положении переселенных в Рим латинов. Вряд ли можно спорить против того, что у этих латинов были свои *gentes*. Конечно, они существовали, нередко нося те же имена, что и римские (к примеру, Мамиили). Другое дело вопрос о том, принимались ли *gentes* латинских переселенцев во внимание самими римлянами. Если в расчет не принимались, а сведения такого рода у Дионисия Галикарнасского есть, — значит их судьба была predetermined. Эти *gentes* быстрее, чем патрицианские, переставали функционировать как общины, в противовес им укреплялись семьи. И это имело немалые последствия. Именно не включение плебейских *gentes* в курральную организацию и определяло изначально

разное отношение плебеев и патрициев к земле. Эта разница может быть прослежена на материале источников и применительно к Ранней республике, причем аргументы не ограничиваются только данными Тита Ливия.

Справедливо придавая большое значение такому признаку классового состояния, как возможность одного класса эксплуатировать другой, автор статьи высказывает мнение о том, что патриции эксплуатировали лишь отдельных представителей плебса, впадших в нужду. Однако, мне думается, это противоречит картине римской жизни, отраженной в рассказах античных историков. Прежде всего обнищание, обезземеливание плебеев и как следствие их кабалу, особенно в IV в. до н. э., отнюдь нельзя считать единичными явлениями. Приведем только один факт, датированный к тому же последней четвертью V в. до н. э.: с 424 по 401 г. было внесено восемь аграрных rogationes — это отражает требования о наделении плебса землей. Многочисленность обездоленных сама по себе создавала почву для эксплуатации их патрициями. Но главное не в этом. Эксплуатация (тем более в обществе, постоянно воюющем, каким был тогдашний Рим) осуществляется не только в сфере производительного труда. В большой и тяжелой работе, каковой является война, участвовали отнюдь не одни только патриции, но главным образом плебеи. Однако именно в этой сфере жизни они чувствовали себя особенно угнетенными и ущемленными. Оплаченные в первую голову их кровью богатства, и главное из них земля, оказывались в распоряжении патрициев. Плебей же, и только после ожесточенной борьбы, доставалась лишь небольшая доля. Не мирясь с этим, плебеи облекали свой протест в формы, непривычные для более поздних развитых классовых обществ: сочинения античных писателей пестрят сообщениями об отказе плебеев воевать, и это задевало интересы господствующего слоя римлян. Итак, речь может идти об эксплуатации патрициями плебеев в целом, причем эта эксплуатация проявлялась в специфической форме, обусловленной социально-политическими особенностями раннего Рима. Заметим, что как раз в этой испытанной форме подвергали затем римляне эксплуатации своих италийских союзников. И это признано многими историками.

Существование частной собственности, в том числе земельной, территориальное деление населения, наличие в источниках данных о сословно-классовой его структуре, об эксплуатации патрициями плебейства в целом — все это препятствует принятию тезиса о бесклассовом характере Рима уже к началу Республики.

Остановимся также на кардинальном вопросе о публичной власти, не совпадающей с самим себя организующим народом, как атрибуте государства. Е. М. Штаерман права, отмечая слабость аппарата исполнительной власти в республиканском Риме. Слаб был и специальный репрессивный аппарат. Но соответствующие функции выполняли воины, как, впрочем, это случается и теперь в условиях современного развитого капиталистического государства. Существовали в Риме и тюрьмы и казни. Вряд ли правомерно пройти мимо такой детали, как выборные магистраты, олицетворявшие исполнительную, гражданскую и военную власть. Но для оценки их значимости надо принять во внимание, что они не были представителями всего гражданства, а выбирались до 367 г. до н. э. только из его патрицианской части и выражали именно ее интересы. Так, будучи представителями *populus* в раннем значении этого слова, должностные лица не являлись таковыми в отношении всех граждан, включая неполноправных плебеев. Иными словами, магистраты воплощали публичную государственную власть, отделенную от массы граждан. Вообще же неразвитость государственной машины в условиях архаического общества с патриархальным рабством и архаическими классами-сословиями закономерна и неудивительна. Действительно, отдельно взятые элементы государственного бытия, так же как письменность, чеканка монеты и т. п. могут оказаться заимствованными у более развитых соседей и функционировать при разлагающемся родоплеменном строе. Но наличие всех перечисленных проявлений социально-экономической и политической жизни римлян в совокупности препятствует представлению о раннем Риме как о примитивном, первобытном еще обществе.

Набор этих признаков обусловил переход Рима в новое по сравнению с гентильным бытием качество — образование раннеклассового общества и государства.

Наконец, еще одна важная проблема — соотношение государства и гражданской общины. Не видя в Риме до эпохи Августа государства, Е. М. Штаерман тем не менее называет Рим гражданской общиной. Иначе говоря, гражданская община в ее концепции предшествует в Риме государству хронологически и противопоставляется ему типологически по уровню социально-экономического развития. В этой связи упомянем два момента. Античные авторы (Цицерон, Цезарь, Ливий, Дидоний Галл-карнаский и др.) словом *civitas* называли различные социально-политические образования от италийских и прочих племен до позднереспубликанского Рима, естественно, видя в них нечто общее, а именно — общинные структуры. Но исходили писатели всегда из современной им римской модели. Таким образом, наименование словом *civitas* Ромулова Рима и подобных ему образований следует все-таки расценивать как модернизацию со стороны античных авторов. Современный же историк, видя в *civitas* гражданскую общину (с античной формой собственности), должен считаться с современным словоупотреблением, а именно: гражданство — это правовая принадлежность лица к тому или иному государству. Поэтому при обсуждении общей проблемы автору статьи следовало бы либо дать новую дефиницию *civitas*, либо уточнить свое понимание гражданства и гражданской общины. Вспомним, что ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс не противопоставляли гражданское общество и государство. Комментируя Гегеля, Маркс говорил: «Под материалом государства разумеются государственные дела, семья и гражданское общество, поскольку они составляют части государства, поскольку участвуют в государстве как таковом»¹. Ниже идет уточнение: «В рациональном виде гегелевские положения означали бы лишь следующее: семья и гражданское общество представляют собой части государства»². Далее, критикуя Гегеля, Маркс упоминает политическое и неполитическое государство и дает такое пояснение: «Гегель поэтому прав, когда говорит: политическое государство есть политический строй. Это значит: материальное государство не является политическим»³. То есть можно сказать, что гражданское общество, гражданство входят в понятие базиса, политический строй — в понятие надстройки над этим базисом. Напомним также, что К. Маркс, характеризуя античную общину, называет ее государством, государственностью⁴.

Выражая свои сомнения по поводу ряда высказанных в статье Е. М. Штаерман положений, отметим, что ее публикация очень полезна. Она побуждает к проверке устоявшихся выводов, к освоению новых материалов, к уточнению аргументации, стимулирует исследование кардинальной проблемы происхождения римского государства и тем самым государства вообще.

И. Л. Маяк

РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА И СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВА

1. Историческая проблема возникновения государства в ходе развития римского общества, очевидно, связана с определением, даваемым государству. Марксистское определение (по Ф. Энгельсу) — аппарат принуждения, осуществляемого одним классом по отношению ко всем другим, — объясняется, действительно, неплохо в контексте административных, бюрократических и милитаристских государств Центральной Европы XIX в. И оно же в свою очередь объясняет с большой очевидностью многие

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 1. С. 223.

² Там же. С. 225.

³ Там же. С. 254; Т. 3. С. 63.

⁴ Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 466, 470.

аспекты современных государств — монархических, территориальных, основанных на принуждении и неравенстве. Подходит ли это определение, уместное для современной (предкапиталистической и капиталистической) эпохи, также и для всего хода истории человечества, в частности для мира античных средиземноморских городов, — это вопрос совсем другой, в отношении которого я хотел бы сделать два замечания.

2. Все согласится, что в архаическую эпоху (примерно до VII в. до н. э.), которая также была эпохой догородской и догражданской, не было ничего, что сколько-нибудь походило на государство. Правосудие было семейным и частным, армия, несомненно, — гентильной, о политике нам почти ничего неизвестно. Но следует отметить, что римская традиция тем не менее опрокидывает на эту темную эпоху идею изначально гражданского «основания» Рима — с царем, сенатом, народом. Для римлян не существовало Рима до *respublica*.

Если не было государства, были ли классы? На наш взгляд, определенно были, так как было производство, производительные силы и способ производства. Но из-за недостатка источников мы не имеем никакой возможности убедительно их идентифицировать. Например, оценить относительную численность землевладельцев, ремесленников, рабов и несвободных для периода, предшествующего правлению Сервия Туллия, — около 560 г. до н. э.

Однако, мы констатируем, что гражданская община, конституировавшись, обладает двумя признаками: с одной стороны, она *унитарна*: как патриции, так и плебеи — *граждане*, их отличают лишь религиозные привилегии и доступ к империи; нет права или собственности патрицианских или плебейских. Но, с другой стороны, она основана на *неравенстве*: подразделяется на *ordines* (*senatorius, equester, peditum etc.*) и на цензовые классы по имущественному признаку (противоположность *adsidui* и *proletarii*). Но критерием неравенства служит исключительно только участие в *respublica*: *классы* определяют роль каждого гражданина в войске и во внесении налога; *ordines* — «призвание» к выполнению определенных функций (всадническая служба, отправление магистратур, сенат, откуп налогов, судопроизводство). Социальная иерархия — на базе единства частного права с V в. до н. э. — и есть официально иерархия политическая. Конечно, в применении только к гражданам. Но последние представляли в IV в. до н. э., вероятно, половину или треть всего населения римской территории.

3. Расширившись таким образом с точки зрения демографической и будучи принудительной с социальной точки зрения, *civitas* не могла, в самом деле, функционировать как государство в современном смысле слова. Я сказал бы, чтобы быть кратким, что она действительно не была отделена от общества. Армия была не чем иным, как вооруженным народом, офицеры и военачальники — выборными магистратами. Налог — это лишь военный взнос, пропорциональный состоянию и в принципе подлежащий возмещению. Общественные должности были годичными, выборными, открытыми для всех, обладавших необходимым цензом. Избирательное право — в принципе всеобщим (все имели право голосовать, по крайней мере в собраниях по трибам); законы принимались — частично — народным собранием. Более того, это «государство», охватывающее весь гражданский коллектив («представительства» не существовало), не имело на службе у себя «государственного аппарата»: армия не была постоянной, выбиравшиеся на годичный срок магистраты почти не имели подчиненного им общественного персонала и т. д.

4. Как справедливо говорит Е. М. Штаерман, такое положение начинает меняться в конце II и в I в. до н. э. Несколько факторов могли играть роль: а) рост числа рабов, необходимых для нового «плантационного» хозяйства в Италии, по отношению к общей численности населения; б) расширение собственно римской территории (в 90 г. до н. э. — весь Апеннинский полуостров), которое делало невозможным прямое участие в гражданской и политической жизни, и в то же время возрастание численности гражданского населения (до 3 млн. к 89 г. до н. э.); в) в особенности, распространение

римского господства над «империей» (провинциями), населенной подданными, лишенными политических прав и подлежащими налогообложению.

Известно, что именно из-за империи и в связи с нею проявились первые изменения от общины к государству: а) *кризис высшей власти* и первые попытки установления монархии и единодержавия (Сулла, Помпей, Цезарь и, наконец, правление Августа); б) *военный кризис* и переход к профессиональной (но все еще «национальной») армии, которая не была более «вооруженной гражданской общиной»; в) новое распределение *налогообложения*: граждане освобождались от выплаты, налоги ложились на подданных; г) появление *администрации* («государственного аппарата»), составленной из иерархии служащих. В начале она была еще наполовину частной (отпущенники знати, затем императора; служащие обществ публиканов). Это развитие связано с подробным изучением пространства империи и установлением контроля над ним.

Но и в праве, и в действительности как фикция и как реальность продолжали существовать слова и институты общины. Настолько, что римское государство начиная с периода империи будет всегда оставаться достаточно отличным от монархических, бюрократических и территориальных государств современной Европы (Франции старого режима, Австрии, Пруссии и т. д.), модель которых и вдохновляла германских теоретиков XIX в. (Маркса, Моммзена и др.), а никак не модель «античной гражданской общины». Отметим, что не так обстоит дело с теорией государства, идущей от Руссо и воспринятой Французской республикой XIX в. *

Клод Николе,
академик, руководитель центра римских древностей университета Сорбонны

АНТИЧНАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ОБЩИНА: ОТСУТСТВИЕ ИЛИ ОСОБЫЙ ТИП ГОСУДАРСТВЕННОСТИ?

Е. М. Штаерман разбирает на примере древнего Рима вопрос весьма важный — являлись ли античные гражданские общины в период их расцвета государственными образованиями. Рассмотрев социальную структуру и организацию принудительной власти римской гражданской общины, Елена Михайловна приходит к выводу, что эта община еще не была государством в нашем его понимании и что процесс формирования государства в Риме, связанный с ее разложением во II—I вв. до н. э., окончательно завершается при Августе, а в древней Греции — с появлением эллинистических монархий.

В связи с этим невольно возникает вопрос: насколько надежен избранный ракурс исследования? Можно ли судить о существовании государства только на основании наличия классов и классовой эксплуатации? Как известно, среди исследователей-марксистов нет единства ни в определении понятия «классы» применительно к докапиталистическим обществам, ни в определении классово-сословной структуры античного общества, ни в представлении о том, когда именно в Риме рабство овладело производством, а рабы конституировались как класс. С другой стороны, можно ли квалифицировать государство только как отделенный от народа аппарат в том обществе, основной эксплуатируемый класс которого не относился к «народу»?

Разумеется, государство — это институт классового общества, т. е. общества, достигшего определенной зрелости. Но если подходить к обществу как к системе, то о характере его политической организации и степени его зрелости можно судить не только на основе главных, но и других характерных элементов этой системы. Е. М. Штаер-

* *Mommsen T. Römisches Staatsrecht. B., 1871—1887; De Martino F. Storia della costituzione romana. Napoli, 1972—1976; Storia di Roma / Ed. A. Schiavone. T. I. Roma in Italia. Torino, 1988; Nicolet C. L'inventaire du monde. Géographie et politique aux origines de l'Empire romain. P., 1988; idem. L'Empire romain est-il un état moderne, à paraître (C. N. R. S.)*

ман справедливо отмечает, что нельзя говорить о существовании государственности исходя лишь из наличия в обществе монеты, письменности и права. Однако если монета представляет собой основную меру стоимости, главное средство обращения и платежа, если письменность служит для создания произведений литературы с отчетливым авторским началом, а наряду с правом существует и правовая наука, то это предполагает такую степень выделения индивида из коллектива и дифференциации экономической и социальной жизни, что общество этого типа вряд ли можно признать догосударственным. Поэтому традиционное отождествление завершения формирования античной гражданской общины в Греции в VI в. до н. э. и в Риме в III в. до н. э. с завершением формирования античной государственности представляется справедливым.

Видимо, прежде чем решать вопрос, когда в Риме сложился отделенный от народа аппарат принуждения и возникло государство в нашем его понимании, стоит разобраться, возникло ли там такое государство вообще или по крайней мере до эпохи Домината. В этой связи представляют интерес взгляды современных английских и американских антиковедов, в работах которых выявляются некоторые характерные особенности администрации и государственного механизма Ранней Римской империи¹.

Первая особенность заключается в удивительной малочисленности римских администраторов и канцелярских служащих: в громадной державе с населением в 50—60 млн. человек их было всего несколько тысяч, в то время как в Ханьском Китае с аналогичным по численности населением количество чиновников исчислялось сотнями тысяч. Вторая особенность — пестрота состава и очень низкий уровень профессионализма администрации Принципата. Она не была правящей кастой, обладающей специальной подготовкой и корпоративными интересами. Третья особенность — слабое развитие специализации. Римские администраторы обладали одновременно судебной, административной, а нередко еще и военной властью. Все они, не исключая и императора, самолично занимались решением не только главных, но нередко и совершенно малозначительных вопросов. Компетенция органов провинциального управления и городского самоуправления не была четко разграничена. Четвертая особенность — низкий уровень административной унификации: в разных городах собирали разные виды налогов, а одни и те же налоги собирали различными способами, в разных провинциях неодинаково наказывали за одни и те же преступления, поскольку многое зависело от местных обычаев и от усмотрения судьи.

Вследствие этих особенностей многие исследователи склонны называть государственный аппарат Ранней империи рудиментарным или слабо развитым. Функции этого аппарата, так же как и при Республике, ограничивались главным образом поддержанием общественного порядка и сбором налогов. Основное бремя работы приходилось не на государственных служащих, а на городских магистратов (а при сборе косвенных налогов — на откупщиков). Римские администраторы осуществляли общий контроль за их деятельностью и решали немногочисленные вопросы, не входившие в их компетенцию. В обычных условиях вмешательство римских властей в деятельность органов местного самоуправления было лишь случайным и происходило главным образом по инициативе снизу; при этом городские власти могли обратиться со своими нуждами не только к наместнику провинции, но также непосредственно к императору, а вплоть до середины II в. еще и в сенат. И император и наместники вы-

¹ Новая концепция раннеимперской государственности была выдвинута в 60—70-х годах Ф. Милларом и получила дальнейшее развитие и уточнение в работах П. Бранта, Г. Бертон, Р. Сэллера и других исследователей. Недавно она была представлена в завершенном виде в трех общих очерках, авторы которых независимо друг от друга пришли примерно к одним и тем же выводам (*Purcell N. The Arts of Government // The Oxford History of the Classical World. Oxf.— N. Y., 1986. P. 560—591; Burton G. The Government and Provinces // The Roman World. V. 1. L.— N. Y., 1987. P. 423—439; Garnsey P., Saller R. The Roman Empire. Economy, Society and Culture. L., 1987. P. 20—40*).

ступали по отношению к городам и городской знати не столько как администраторы, сколько как дипломаты, судьи и арбитры.

Города с подконтрольными им территориями, обладая собственной монетной чеканкой, собственными законами, податями, судами, магистратами, полицией, а в случае надобности собственным ополчением, представляли собой как бы государства в государстве. Граждане этих городов именно их считали своим отечеством, даже если наряду с местным у них было и римское гражданство. Местный патриотизм был высоко развит. Немало богатых граждан стремились стать декурионами и магистратами, несмотря на все связанные с этим тяготы. Система литургий и добровольных пожертвований достигает апогея во II — начале III в. н. э. Римские администраторы могли осуществлять свои функции только на основе взаимовыгодного сотрудничества с местными властями. Вся система римского управления способствовала укреплению политического и экономического господства на местах крупных землевладельцев, принадлежавших к сословию декурионов. Именно они, по мнению исследователей, обладали реальной властью в своих городах и провинциях.

С этой точкой зрения трудно не согласиться. Не стоит, однако, забывать, что особенности, присущие римской администрации, в равной мере были свойственны и «администрации» местной, городской. Она также не могла самостоятельно справиться со своими задачами и опиралась на местное самоуправление в деревнях и селах, на инициативу частных лиц (особенно в том, что касалось полиции и судопроизводства), на социальные институты, некоторые функции которых были аналогичны государственным: патронат, фамилию, профессиональные и религиозные коллегии и корпорации и т. д.²

Не всегда можно четко разграничить вопросы, относящиеся к ведению римской администрации, городского самоуправления и других общественных институтов. Это свидетельствует о том, что в период Принципата, как и раньше, собственно государственные функции окончательно не выделились из функций социальных, государство и общество (в античном его понимании) по-прежнему в значительной мере совпадали. Этим, очевидно, объясняется, почему император и наместники провинций комплектовали свой штат советников и помощников в первую очередь из своих родственников, друзей, клиентов, отпущенников и рабов, почему повышение по службе рассматривалось не как награда за заслуги, а как личное благодеяние императора или его сановников, почему в глазах подданных хороший император или наместник — это прежде всего щедрый и заботливый патрон, а не умелый и добросовестный администратор.

Особенности государственности Ранней империи обусловлены, видимо, тем, что римская держава во II в. н. э., так же как и во II в. до н. э., представляла собой систему гражданских общин³. Институты, присущие гражданской общине, оказывали глубокое воздействие на все области жизни древнего Рима в эпоху Принципата.

А. Л. Смышляев

² В связи с этим можно вспомнить ранних христиан, не желавших судиться у язычников; Плиния, разбивавшего тяжбы своих колонов; Катона, председательствовавшего в домашнем суде над провинившимися рабами. Хотя в период Ранней империи власть домовладыки была ограничена законом, он-прежнему мог с соблюдением всех формальностей приговорить раба к смерти (*Morabito M. Les réalités de l'esclavage d'après le Digeste. P., 1981. P. 230 suiv.*). Кража, совершенная клиентом у патрона или свободным наемником у нанимателя, была предметом судебного разбирательства в домашнем, а не в государственном суде (*Crook J. Law and Life of Rome. L., 1967. P. 196*).

³ Широко распространенные представления о том, что римский город в период Ранней империи не был гражданской общиной, основываются, на мой взгляд, на неправомерной абсолютизации значения отдельных институтов — таких, например, как полный суверенитет или замкнутость гражданского коллектива. Но уже в Греции V в. до н. э. и Италии III в. до н. э. полного суверенитета не было у большей части гражданских общин, а степень замкнутости гражданского коллектива также варьировалась в различные периоды в разных районах античного мира.

ДРЕВНЕМЕСОПОТАМСКИЙ СБОРНИК СНОТОЛКОВАНИЙ

(К вопросу о структуре построения текста)

Содержащиеся в сборнике снотолкований предсказания лежат в сфере интересов простого человека и связаны, по всей видимости, в основном с нуждами повседневной практики. Исследование текста сборника снотолкований может раскрыть некоторые стороны обыденного сознания жителя древней Месопотамии, и поэтому особый интерес представляет выявление логики составления текста этого сонника.

Сборник снотолкований представлен 11 табличками, составляющими серию «Zaḡīqu»; более или менее хорошо сохранились только III, VII и IX таблички¹, поэтому таблички «А», «В» и «С», которые А. Л. Оппенхейм, издатель данного источника², определил как родственные этой серии, дают нам возможность более полного знакомства с практикой снотолкования в древней Месопотамии. Предсказания состоят из двух частей; в первой (протасисе) описывается сновидение, а во второй (аподосисе) прогнозируется будущее событие в соответствии с данным сновидением. Каждая табличка представляет собой набор предсказаний, связанных употребляемым в протасисе общим словом, которое определяет тему всей таблички. В связи с этим возникает ряд вопросов. Во-первых, что представляет собой набор протасисов для каждой отдельной таблички? Имеет ли он характер случайного подбора или же за этим стоит определенная система? Во-вторых, есть ли зависимость аподосиса от протасиса и каков ее характер или же они представляют две самостоятельные, не связанные между собой части?

Для того чтобы ответить на первый вопрос, обратимся к анализу протасисов в рамках одной таблички. На наш взгляд, наиболее показательной является табличка «В», тему которой определяет глагол: «(они) дают ему» | SUM-šú³. Табличка открывается перечислением снов, в которых человек получает разного вида печати⁴. Среди них печати, сделанные из различных пород камня, слоновой кости, печать с изображением фигурок, царская печать, печать с именем человека; употребление слова «имя» вводит ряд предсказаний, описывающих получение печатей с указанием имен. Далее несколько строк разбито. Затем перечисляются случаи, когда

¹ Из 11 таблиц три — первая и две последние — посвящены описанию ритуалов нейтрализации неблагоприятных последствий снов.

² Oppenheim A. L. Interpretation of Dreams // Transactions of Philosophical Society. 1956. V. 46. № 3.

³ SUM-šú встречается с фонетическим комплиментом SUM-nu-šú (Oppenheim. Interpretation... P. 276).

⁴ Ibid. P. 276—281.

человеку дают различные породы деревьев. После протасисов, в которых фигурируют названия деревьев, идет протасис, говорящий о вручении человеку плотницких орудий. Этим открывается перечень ситуаций получения орудий мастеров различных профессий. Следует примерно 30 разбитых строк. Затем идут протасисы, в которых получаемым объектом является мясо различных животных, далее — жиры различных животных. После лакуны начинается другой ряд объектов, включающий разного рода повозки и относящиеся к ним предметы и упряжь. Следующая группа описывает получение во сне двери, болта, стилоса, каких-то тростниковых предметов. После семи разбитых строк следуют протасисы, где человеку вручаются бытовые предметы: табуретка, ложка, маленькая ложка, совок, пустой ковш, полный ковш, вино, пиво, мед, масло (перечисляются масла различных животных), (*разбито*), мясной бульон, настой растений *imhug-ešga*, настой из фруктов дерева *šuni*, уксус, какой-то прибор для измерения воды, лен, льняная одежда, (*разбито*), вода, пиво, вино, речная вода, вода из колодца, вода из канавы, вода канала и т. д. Итак, как видно из содержания таблички «В», характерной особенностью ее протасисов является набор описаний ситуаций вокруг ключевого слова, определяющего тему таблички. Перечисление же самих объектов, получаемых сновидцем, ведется по довольно жесткому принципу, где каждый последующий объект обусловлен предыдущим. Тем самым образуется цепочка протасисов, в которых объекты взаимосвязаны друг с другом, а ключевое слово представляет собой своего рода стержень, не имеющий внутренней связи с объектами получения и являющийся структурообразующим элементом текста таблички. Для того чтобы определить, является ли это положение справедливым для всего сборника, обратимся еще к одной табличке. Ключевое слово таблички «А» — глагол «есть, поесть»⁵. Вокруг этого глагола сосредоточены протасисы, в которых объектами выступают: мясо различных животных, человеческое мясо, мясо трупа, органы собственного тела или тела друга, (*разбито*), различные птицы; после разделительной линии начинаются протасисы, где объектами поедания являются фрукты, (*разбито*), кирпич, земля, пыль, асфальт, нефть и т. д.

Следовательно, давая ответ на первый поставленный вопрос о наличии внутренней логики в составлении протасиса, мы можем определить цепочку протасисов в рамках одной таблички как систему ассоциативных связей слов. Здесь же следует отметить, что и ключевое слово может иногда заменяться другими словами, уточняющими его общее значение, и даже антонимами, но это происходит строго в соответствии с развитием представляемой ситуации. Так, в табличке III общая тема «идти» уточняется глаголами «входить» и «выходить», «подниматься» и «спускаться»⁶, или в самой середине перечня печатей вместо глагола «дают (ему)» появляются глаголы «положить ... и заберет»: (стк. 21) Если ему дают непросверленную печать...; (стк. 22) Если он положит печать и (кто-либо) заберет ее... Аналогичная ситуация в подмене глагола наблюдается и двумя строками ниже: (стк. 25) Если он положит печать со своим именем и (кто-либо) заберет ее...⁷ Такое поведение глагола, по всей видимости, объясняется тем, что ситуация разрабатывается по строгим законам процесса семантизации, приводящим к подмене употребляемого слова таким его заместителем, который вносит свой оттенок в данный семантический ряд. Иначе говоря, мы вслед за психологами можем сказать: «Слово вызывает не изоли-

⁵ Ibid. P. 270 — 275.

⁶ Ibid. P. 263, 267.

⁷ Ibid. P. 276.

рованную, четко ограниченную реакцию, а определенную систему связей, причем эта система связей имеет строго избирательный характер»⁸.

Рассмотрение протасисов позволяет сделать вывод, что их подбор осуществлялся по жестким объективным законам образования семантического поля. Анализ текста по «вертикали» (набор протасисов) дает основания для выдвижения тезиса о том, что в основе его составления лежал механизм действия бессознательных ментальных структур. Это положение приводит нас к мысли, что построение текста проходило по определенным законам и в «горизонтальном» направлении (протасис-аподосис). На существование связи между двумя частями предсказания указывал А. Л. Оппенхейм. Объясняя суть механизма составления предсказания, он писал, что связь между содержанием сновидения, которое отражено в словах протасиса, и прогнозом, содержащимся в соответствующем аподосисе, устанавливается тремя способами. «Первый основывается на параномастических ассоциациях, „игре слов“. Например: „(Если человек во сне) ест ворона (arbu) — доход (irbu) получит“. Второй способ связан с представлениями, которые мы понимаем или думаем, что понимаем. Например: „(Если во сне) он положил печать и кто-либо заберет ее — либо его сын, либо его дочь умрет“; за этим следует: „(Если во сне кто-либо) даст ему печать с его именем — он получит имя и потомка“. Символизм довольно очевиден: описанная цилиндрическая печать как символ индивидуальности может распространять „его“ за телесные и временные пределы существования человека точно так же, как и сын (аккад. šumni означает „имя“ и „сын“). Третий способ представляет такие предсказания, в которых связь протасиса с аподосисом не поддается логическому анализу. Например: „(Если человек во сне) съест мясо на своей ноге — его сын и наследник (умрет)“. Здесь можно утверждать, что неконтролируемые ассоциации и абсурдные подсчеты определяют природу предсказания»⁹. Следовательно, по мнению А. Л. Оппенхейма, существует прямая зависимость аподосиса от протасиса, но определить, что лежит в основе этой зависимости, в одном случае из трех не представлялось ему возможным. Принимая во внимание его классификацию и отталкиваясь от нашего тезиса о наличии известной упорядоченности в составлении данного текста, обратимся к примеру того класса, который А. Л. Оппенхейм определил как основанный на «неконтролируемых ассоциациях и абсурдных подсчетах»¹⁰.

Приведенный ниже фрагмент взят из таблички «А», тему которой задает глагол «есть, поедать».

Если он ест мясо друга — он получит большую долю.

Если его друг ест его лицо — он получит большую долю.

Если он ест глаз своего друга — несчастья покинут его, его имущество
во будет процветать.

Если он ест плоть своей руки — его дочь умрет.

Если он ест плоть руки своего друга — то, что он еще не знает, потеряет (в тексте — «умрет»), тюрьма его схватит.

Если он ест плоть своей ноги — его старший сын умрет.

Если он ест плоть ноги своего друга — среди его близких...

Если он ест свой уд — его сын умрет.

Если он ест уд своего друга — у него будет сын¹¹.

⁸ Виноградова О. С., Лурия А. Р. Объективное исследование динамики семантических систем // Семантическая структура слова. М., 1971. С. 29.

⁹ Oppenheim. Interpretation ... P. 241 f.

¹⁰ Первые два класса не вызывают необходимости в дополнительном анализе, поскольку суть их определения кажется нам справедливой.

¹¹ Oppenheim. Interpretation... P. 271.

Как видно из приведенного раздела таблички «А», поедание человеком, т. е. уничтожение, частей собственного тела приводит к потере, смерти его детей, в то время как поедание тех же частей тела его друга приводит к материальному приобретению или к рождению сына, хотя, надо отметить, последнее не выдерживается так строго, как это наблюдается в случаях съедания собственных частей тела, где возможен только один исход — смерть его сына или дочери. Следовательно, процесс поедания, т. е. отторжение своей части тела, ведет к потере, смерти (отторжению) детей.

Чтобы проверить правомерность этой гипотезы, обратимся к предсказаниям, которые содержат аналогичные аподосисы. Подобные прогнозы встречаются в табличке «В»:

Если [он положит¹² печать, а кто-либо заберет ее — либо его дочь,
либо его сын умрет.

Если он положит печать со своим именем, а кто-либо заберет [ее —
его сын умрет.

В отношении этого примера следует вспомнить приводившееся выше высказывание А. Л. Оппенхейма относительно того, что печать рассматривалась как потенциальный носитель собственного «я» ее владельца. Для нашего хода рассуждения этот пример достаточно показателен, так как смерть сына или дочери прогнозируется в соответствии с утратой печати; следовательно, отторжение печати, которая в древнемесопотамском обществе маркировала «я» индивида, приводит к отторжению, смерти детей, имевших примерно ту же функцию. Более того, тема таблички «В», определяющаяся ключевым словом «дают (ему)», только в отношении этих двух предсказаний меняет глагол на «положит... кто-либо заберет...». На наш взгляд, это объясняется тем, что понятие «смерть», т. е. отторжение от мира живых, накладывало отсоединительный смысл на любую ситуацию, которая могла быть прямо или косвенно связана с этим понятием. «Смерть оказывалась представленной в сознании устойчивым пучком „отрицательных“ моторных схем. При этом понятие смерти ассоциировалось не просто с конкретными типологическими схемами действий, а с их инвариантной „отрицательной“ направленностью»¹³. В этом отношении показателен раздел таблички «С», где тема «подземный мир» связана с понятием «смерть»:

Если он спускается в подземный мир — он умрет, но не будет захоронен в земле, его основание не будет в безопасности.

Если он спускается в подземный мир и мертвый предстанет (перед ним) — короткие дни [...] в его семье (будут случаи смерти)...

Если он то же самое (сделает)¹⁴ и мертвый предстанет — злой дух [...] схватит этого человека, человек (получил) во сне напоминание богов относительно (надвигающегося) рока.

[...]

Если он то же самое (сделает) и мертвец поцелует его — он умрет, причиной его смерти (будет) холод.

Если он то же самое (сделает) и поцелует мертвеца — он умрет, причиной его смерти (будет) холод.

Если он то же самое (сделает) и укусит мертвеца — он умрет через упавшую балку крыши¹⁵.

¹² Оппенхейм в переводе дает глагол «носить» (to wear — *ibid.* P. 276), но в тексте употребляется глагол *šakānu* — «положить» (р. 322).

¹³ Романов В. Н. Некоторые особенности генезиса древнеиндийской цивилизации. К проблеме историко-культурных закономерностей: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 36.

¹⁴ В тексте употребляется *KI.MIN*, что в переводе значит «то же самое».

По приведенному отрывку таблички «С» наглядно прослеживается отрицательный смысл предсказаний, который вызывает четкая ориентировочная реакция на «подземный мир»; уйти в подземный мир означает присоединиться к миру мертвых, следовательно, отсоединить себя от мира живых, что и регистрирует аподосис. «Окруженное устойчивым пучком „отрицательных“ моторных образов понятие смерти делало адекватной в принципе любую поведенческую реакцию при условии, что и она характеризовалась „отрицательным“ вектором действия»¹⁶. В связи с этим можно привести еще один пример из нашего сборника:

Если он ест мясо мертвого человека — кто-нибудь заберет (у него) то,
что он имеет; он не будет спокоен.

Если он ест мясо трупа — кто-нибудь заберет то, что он имеет: он не
будет спокоен¹⁷.

«Логическая» связь этих предсказаний определяется тем, что здесь понятие «смерть» передается через понятие «мертвый человек», в результате чего возникает четкая отрицательная реакция потери.

Обратимся к еще одному примеру из нашего сборника (таблица «А»):

Если он убивает человека (в своем сне) и ест (его тело) — его имущество
будет...

Если он убивает своего брата и ест (его тело) — кто-либо... имущество.

Если он убивает своего сына и ест (его тело) — кто-либо... его имущество¹⁸.

Принимая во внимание отрицательный смысл, который накладывает понятие «смерть», мы можем сказать, что аподосисы этих предсказаний носят отсоединительный характер. Это дает нам возможность реконструировать данные предсказания следующим образом:

Если он убивает человека и ест (его тело) — его имущество будет
(уменьшаться).

Если он убивает своего брата и ест (его тело) — кто-либо (заберет)
его имущество.

Если он убивает своего сына и ест (его тело) — кто-либо (заберет)
его имущество.

К сожалению, этим примером ограничиваются сведения сборника (в том виде, в котором он дошел до нас) относительно понятия «смерть». Но дополнительный материал дает шумерский литературный текст, именуемый «Сон Думузи»¹⁹. Думузи (Таммуз) — бог умирающей и воскресающей растительности, поэтому вокруг его ежегодного ухода в подземный мир сложился цикл текстов, одним из которых является «Сон Думузи». Предчувствуя скорую смерть, Думузи рассказывает сестре свой вещий сон и просит ее растолковать его значение. Все сновидение сводится к описанию предметов, возможно, атрибутов пастушьего бога, либо удаляющихся, либо разбивающихся. Его сестра, толкуя сновидение, говорит:

¹⁶ Oppenheim. Interpretation... P. 283.

¹⁶ Романов. Ук. соч. С. 39.

¹⁷ Oppenheim. Interpretation... P. 271.

¹⁸ Ibid. P. 273.

¹⁹ Bendt Alster. Dumuzi's dream. Mesopotamia 1. Copenhagen, 1972.

«Думузи! Твой сон — нехорош, я его тебе объясню:
 [...] Двойной тростник удалился от тебя — (это)
 мы с тобой одиноко удалились (друг от друга).
 В лесу громадные деревья свои корни подняли на тебя —
 (это) злодей в ограде ловит тебя.
 Покрывало со священного сосуда удаляется от тебя —
 (это) злодей, зло в своих руках держит.
 Священная чаша, висевшая на колышке, сорвалась и разбилась —
 (это) с колен своей матери-родительницы ты падаешь.
 Твой пастушеский посох скрылся во тьме,
 (это) маленький демон хочет убить тебя» и т.д.

Этот текст хорошо иллюстрирует примеры из сборника снотолкований, так как здесь наиболее отчетливо проявляется отрицательный смысл, связанный с понятием «смерть»²⁰.

Итак, механизм соединения протасиса с аподосисом может быть объяснен тем, что смерть понимается как отторжение от мира живых: поэтому все названные в протасисе ситуации, связанные с потерей «я» или его частей, влекут за собой в аподосисе предсказание гибели или иных утрат. Следовательно, мы вправе сказать, что связь между протасисом и аподосисом носит объективный характер, иногда выступающая на основе звукового сходства (параномастические ассоциации А. Л. Оппенхейма), иногда представляя собой результат действия ментальной структуры, четко программирующей выбор слова в соответствии с его смысловой потенцией. Таким образом, текст предсказания представляет собой единое целое, составленное из двух взаимосвязанных, взаимообусловленных частей, скрепленных либо смысловыми связями, либо связями по звуковому сходству.

Подводя итог вышеизложенному, мы можем сказать, что текст сборника снотолкований имеет определенную логику построения как по вертикали, где ключевое слово вызывало целую систему ассоциативных связей, так и по горизонтали, где смысловая потенция слова накладывала свою жесткую программу выбора значения предсказания или основывалась на действии более простых связей по звуковому сходству.

Е. М. Дарбанова

AN ANCIENT MESOPOTAMIAN DREAMBOOK (Observations on the Structure of a Text)

E. M. Darbanova

The article is an attempt to define the logic of the compilation of a collection of dream predictions. The book consists of 11 tables in the *Zaḡiqu* — Series and of Tables A, B and C. Each table is a set of predictions connected by a common word that determines the subject of the whole table. The prediction consists of two parts — the protasis (description of the dream) and the apodosis (interpretation). The analysis of the text therefore takes two directions, the first being connected with determining the

²⁰ Для сравнения можно привести близкий по теме текст «Схождение Иштар в подземный мир», шумерский вариант которого входит в общий со «Сном Думузи» цикл текстов. Для того чтобы войти в мир мертвых, Иштар проходит через семь ворот, где оставляет семь предметов, которые служат символом жизненных сил Иштар, а для того чтобы выйти из преисподней, т. е. присоединиться к миру живых, при прохождении тех же семи ворот она должна получить назад оставленные предметы.

mechanism of the choice of words used in the protases within the context of one table. In the author's view the compilation of the protases was based on the operation of an objective law of the formation of a semantic field. The link between protasis and apodosis also had an objective character, sometimes being based on similarity of sound, at other times being the result of the effect of a mental structure that clearly programmed the choice of words in keeping with their semantic potential.

НАЕМ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

В связи с выходом нашей книги об «Артхашастре»¹ М. К. Кудрявцевым на страницах ВДИ была затронута важная проблема о найме в древней Индии². Основной тезис автора заключается в том, что кармакары и бхритаки не могут рассматриваться как наемные работники, так как в древнем обществе «труд еще не стал товаром и не мог быть покупаем или нанимаем» (ук. соч. С. 128). Подобного рода суждения уже не раз высказывались в литературе. Так, И. В. Шерешевский стремился доказать³, что понятие найма неприменимо к условиям древнего Рима и является модернизацией. М. Я. Сюзюмов ответил на это вполне убедительно, что «можно говорить только о специфике наемного труда и его количественном распространении, но не ставить под сомнение его существования»⁴. Точка зрения И. В. Шерешевского в настоящее время уже не находит сторонников⁵.

Индологи задолго до «русского перевода „Артхашастры“ 1959 г.» единодушно отмечали, что в санскритских текстах упоминаются наемные работники (Lohnarbeiter, hired labourers и т. д.) — во всех этих случаях М. К. Кудрявцев предполагает наличие системы джаджмани. Джаджмани — специфическая форма взаимообеспечения в североиндийской деревне нового времени — в последние годы привлекает пристальное внимание ученых. Однако существование этой системы в древности, как правило, категорически отвергается. Так, например, известный исследователь социально-экономической истории Индии Р. Ш. Шарма пишет, что в «Артхашастре» «нельзя найти и следа системы джаджмани». Целесообразно вновь обратиться к санскритским текстам (не только «Артхашастре», но и так называемой «юридической литературе» — джармашастрам) с тем, чтобы определить суть таких категорий, как «кармакара» и «бхритака», возможное сходство юридических условий труда этих лиц с отношениями найма или джаджмани.

Прежде всего нужно сказать, что наем лиц является лишь одной из разновидностей найма наряду с наймом имущества. Последний в «Артхашастре» (далее — КА) именуется обычно термином авакгауа, от глагола kṛī — «покупать»; комментаторы и лексикографы предпочитают слово ра-

¹ Вигасин А. А., Самозванцев А. М. «Артхашастра Каутильи»: проблемы социальной структуры и права. М., 1984.

² Кудрявцев М. К. Еще раз о кармакарах в «Артхашастре» // ВДИ. 1986. № 4.

³ Шерешевский И. В. Правовое регулирование «наемного труда» в Риме // ВДИ. 1955. № 1.

⁴ Сюзюмов М. Я. О наемном труде в период кодификации римского права // ВДИ. 1958. № 2.

⁵ Штаерман Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978.

rikraṇa с тем же значением и от того же корня (связь понятий найма и купли-продажи проявляется и в других правовых системах — *locatio et conductio* и *emptio et venditio* в римском праве, «продажа» как один из терминов для найма на Руси и т. д.). В КА речь идет о найме (аренде) дома — II.36.23; III.8.24—25, оросительного сооружения — III.9.36, земли — VII.3.34, о найме (получении напрокат) одежды — IV.1.17 и принадлежностей для игры в кости — III.20.10. Имущество, отданное в наем (*avakritaka*), рассматривалось по аналогии с другими видами собственности, находящимися временно и на законном основании у другого лица (как залог, вклад, депозит и т. д. — см. КА III.12.22; IV.6.11; V.2.49 и др.). Арендная плата также может именоваться словом *avakraṇa* (КА III.8.25), но чаще ее называют *stoma* (например, «Нарада-смирти» в изд. Ю. Йолли IX.21 — о плате за помещение, IX.23 — о плате за выданные напрокат вещи и т. д.). Важно отметить, что неуплата *stoma* за дом или вещи в «Нараде» рассматривается в главе, посвященной неуплате жалования карма-карам. Сближает жалование и арендную плату, несомненно, лишь одно — и в том и в другом случае речь идет о сходных отношениях найма (имущества или рабочей силы).

Не случайно поэтому и соответствующие термины могут использоваться как синонимы. Так, *stoma*, обычно определяемая как арендная плата за жилье (*vāsamūla* — «Вьявахаракальпатару» 160), толкуется как *bhāṭaka* (наемная плата — «Апарарка» II.198, «Смритичандрика» 206) или даже *vetana* (жалование — «Вивадаратнакара» 169). Слово *bhṛti* означает как арендную плату, так и жалование (ср. палийские *bhaṭa* и *bhaṭi* — *rent, wages* и т. д.).

Основаниями для возбуждения судебного дела являются как неуплата жалования, так и неисполнение работы — изложение той и другой темы часто составляют содержание специальных разделов дхармашастр. Из контекста последних бывает видно, что имеется в виду нарушение конкретного обязательства — исполнитель не завершает работу к положенному сроку или завершает ее ненадлежащим образом. Легко представить, что в качестве такого исполнителя отдельного поручения или заказа нередко могли фигурировать разного рода ремесленники. И действительно, последние (*kāgu, śilpin*) указаны в перечне работников, именуемых *karṇakaṇa*, — КА III.13.30. Ремесло в известных аспектах тесно связано с отношениями найма.

Здесь необходимо затронуть проблему характера городского ремесла. Рисуемый в КА (III.4) план города, несомненно, имеет умозрительный характер, но в нем невольно отражаются общие представления о сути тех или иных элементов городского устройства⁶. Предполагается, в частности, что единого рынка в городе нет, а все товары можно приобретать либо в специальных торговых рядах (*paṇyāḥ*), либо непосредственно в ремесленных мастерских (*kāgaṇaḥ*). В первую категорию попадают благовония, цветочные гирлянды, напитки, вареный рис и мясо. Продукция труда местных оружейников и кузнецов, ювелиров, ткачей и пр. может быть приобретена не у торговцев, а у самих мастеров. Их ремесленная продукция не называется товаром. Между изготовителем и покупателем не было посредников, и, по всей видимости, мастера работали не на рынок, а на заказ. Конечно, мы знаем, что некоторые ремесленные изделия пользовались спросом не только в других городах, но и в далеких странах, но, очевидно,

⁶ См. Вигасин А. А. К оценке «Артхашастры» как источника сведений о древнеиндийском городе // Город на традиционном Востоке. Тезисы. М., 1988; он же. Древняя Индия // Всемирная история экономической мысли. Т. I. М., 1987.

в таких случаях купцы выступали в качестве заказчиков продукции. Даже при довольно высоком уровне развития товарного обращения не всегда можно говорить о товарном производстве.

То обстоятельство, что ремесленники работали преимущественно на заказ, проясняет причину того большого значения, которое придавалось в юридических текстах правилам, касающимся так называемой *nīkṣera* — материала, переданного заказчиком для обработки. Теме *nīkṣepa* в КА посвящен большой фрагмент главы III.12. Систему организации заказов или подрядов предполагает глава КА I.14, посвященная надзору за ремесленниками. В главе о золотых дел мастерах (II.14) излагаются правила, совпадающие или сходные с теми, которые содержатся в разделе о плате кармакарам (III.14). И действительно, при работе ремесленника на заказ мы имеем дело с таким видом найма, который в римском праве именуется *locatio conductio operis*. Любой ремесленник, принимавший на себя обязательства перед клиентом, тем самым заключал договор найма для проведения определенной работы (заказа, подряда) и подпадал под действие правил о наемном труде (связанных с необходимостью выполнения указаний хозяина, правом на вознаграждение и пр.). Очевидно, можно предполагать, что экономически ремесленник нуждался в сырье и зависел от получения заказов, а потому мог соглашаться на невыгодные условия сделки. Но с юридической точки зрения это был совершенно свободный договор между двумя не зависящими друг от друга лицами. Не меняет существа дела и то, что ремесло рассматривалось как несамостоятельный, обслуживающий труд, не пользующийся общественным уважением (по индийским представлениям ремесло — дело *шудра*). Юридического оформления сделки это не меняло.

На деле аналогичные правоотношения складывались между любым заказчиком и работником (или подрядчиком). Да и сам термин *śilpīn* лишь условно переводится как «ремесленник». Санскритское *śilpa* включает в себя целый ряд профессий, которые мы не можем сейчас назвать ремеслом (например, музыка и танцы), оно скорее сходно с латинским *ars*. Для разных категорий лиц, заключающих договоры найма на тот или иной вид деятельности, в санскрите существовали свои особые обозначения. Почти всегда в главе о кармакарах упоминались, например, публичные женщины (*veśyā*, *raṇyastrī* — буквально «женщина-товар»), хотя они, кажется, никогда не именовались общим термином кармакара(и). Плата, получаемая ими с посетителей, обычно носила особое название — *śulka* или *bhoga* (КА III.13.37, «Нарада» VII.20), хотя это не исключает возможности употребления и общего термина для «заработной платы» — *vetana* или «наемной платы» — *bhātaka* (см., например, «Матсья-пурана» у Апарарки II.198).

Платный учитель (чему бы он ни учил — наукам *vidyā* или ремеслам и искусствам — *śilpa* — «Матсья-пурана», там же) получает просто «цену» (*mūlya*), но последняя может обозначаться и словом *vetana* — «плата». Напротив, то, что подобает жрецу или духовному наставнику, словом *vetana* не называется, ибо передаваемое ими знание или совершаемое жертвоприношение не может рассматриваться как товар, как предмет купли-продажи. Их вознаграждение именуется особым словом *dakṣiṇā* — «почетный дар». Дар этот по существу ничуть не менее обязателен, чем обычная плата, однако употребление иного обозначения отражает и особое отношение к данным услугам (как бы безвозмездным). Впрочем, плата рядовым жрецам за совершение обрядов определяется абсолютно теми же правилами, что и любое другое вознаграждение за сделанную работу, и различие

между «зарплатой» и «гонораром» нередко больше относится к области общественной психологии, чем собственно к праву. По этой же причине жрец никогда прямо не именуется словом «кармакара», хотя вопросы, связанные с его трудом и оплатой, обсуждаются именно в разделе о кармакарах. Для него предусматриваются даже более суровые наказания за неисполнение «трудового соглашения», так как его функции важнее, нежели услуги обычных «наемных работников», — см. Медхатитхи VIII.215.

«Шукранити» (II.385) проводит деление наемной платы (*bhṛti*) на «сдельную» (*kāryamānā*) и «повременную» (*kālamānā*). Конечно, это весьма поздний санскритский источник, отдельные части его могут относиться к XVIII и даже к началу XIX в., однако в большинстве случаев он опирается на весьма древнюю традицию. Санскритские старинные тексты исходят из различных видов найма — для выполнения определенной работы (*kārya*) и на ограниченный срок (*kāla*).

В последнем случае особенно остро встает проблема социального статуса нанимающегося, его прав и обязанностей по отношению к хозяину, сходства и отличия его положения от положения купленных рабов, кабальных должников и тому подобных зависимых лиц. Когда речь идет о «хозяине» в ситуации с наймом для определенной цели, последний является лишь «хозяином имущества» (*dravyasvāmin*) или «хозяином работы» (*karmasvāmin* — Нарада VII.2). Напротив, если работник просто нанимается служить хозяину, последний становится не только господином его труда, но в какой-то мере и самой его личности.

Данная разнovidность найма заслуживает более подробного рассмотрения. Значения, придаваемые тому или иному термину в различных санскритских текстах, бывают не вполне тождественны (и даже вовсе несходны), поэтому целесообразно начать с анализа материала в контексте правил и системы классификации одного источника. Среди дхармашастр особое внимание кармакарам уделяет «Нарада-смирти». «Нарада» говорит о пяти категориях «лиц, обязанных оказывать повиновение» (*śūśrūṣā* — VI.2) — общим для них является то, что все они не обладают независимостью (*svatantratva* — VI.4). Четыре категории из них могут быть объединены в понятие «кармакара», а пятую составляют рабы (*dāsa*). Бхавасвамин (VI.3) поясняет данную классификацию следующим образом: «кармакары — те, кто привлекается к труду по собственной воле (*icchātāḥ karmaṇratipanna*), а рабы — по необходимости (*niyogataḥ*)».

Термин «кармакара» в «Нарада-смирти» используется в широком смысле и включает, между прочим, и тех лиц, которые обычно таким образом не назывались. Первые две категории кармакаров составляют «духовный ученик» брахмана и «ученик» ремесленника. Нет ничего удивительного в том, что «духовный ученик» рассматривается здесь как «работник» — кармакара. В глубокой древности одной из важнейших его обязанностей считалось пасти коров учителя, а в позднейшее время обычно речь идет о выполнении домашних работ и личном услужении. Очевидно, имея в виду этих учеников, греки и отмечали, что индийцы используют «юношей» вместо рабов (Strabo. XV.I.34).

Ученик ремесленника должен был работать вместе с мастером и для него до истечения положенного срока («Нарада» VI.16). Обе эти категории объединяет то, что работа на учителя выполнялась бесплатно — в этом смысле отношений найма здесь нет, и, конечно, термин «кармакара» нельзя безоговорочно в любом контексте переводить как «наемный работник» (напротив, ученик еще сам, согласно обычаю, приносил почетный дар наставнику в благодарность за обучение — «Нарада» VI.14.19).

В противоположность этому третья категория именуется бхритака (bhṛtaka), что вполне справедливо толкуется Виджнянешваровой как «платный кармакара» (mūlyena yaḥ karma karoti — II.182), ср. Медхатитхи VIII.215: «кто за определенную цену делает определенную работу». Наконец, четвертую категорию составляет adhikarmakṛt («управляющий»), он же далее именуется kauṭumbika («домоправитель» — VI.3, 22). Комментаторы разъясняют значение этого слова так: «тот, на ком лежит обязанность управления и надзора за доходами, расходами и работами» («Смритичандрика» 197). По существу он тоже должен был получать вознаграждение за труд (ср. Вишварупа II.193), но тем не менее это «жалование», очевидно, рассматривалось иначе, чем обыкновенная «зарплата» рядовых работников (так же как вовсе не включаются в категорию кармакаров получающие жалование государственные чиновники).

В древнеиндийских текстах категория «управляющего» практически не встречается и не может для нас представлять сейчас особого интереса. Значительно важнее упомянутый ранее бхритака, как правило отождествляемый с кармакарой в узком смысле слова. Прежде всего обратим внимание на определение бхритаки: это — тот, кто выполняет работу за плату (vetana — Медхатитхи VIII.214). Эту плату комментаторы единодушно и в полном соответствии с древними текстами называют «платой за труд» или «ценой труда» (karmamūlya — «Смритичандрика» 201, «Парашара Мадхавия» 321). То, что труд может выступать в качестве товара, имеющего цену, было вполне осознано древними индийцами. Работа на другое лицо за плату полностью отвечает как современному определению найма, так и формулировкам римских юристов (см. «Дигесты» XIX.2.2 о договоре locatio et conductio: «(Гай) Наем стоит очень близко к купле и продаже и подчиняется тем же юридическим правилам, ибо как купля и продажа заключается, если имеется соглашение о цене, так и наем считается заключенным, если имеется соглашение о плате»). Не возникало на этот счет особых сомнений и у греческих авторов, имевших возможность оценивать отношения в Индии в привычных им категориях, — недаром в греческом варианте эдикта Ашоки индийское слово «охритака» переведено как *μισθωτής*.

Можно несколько подробнее остановиться на том, что представляла собой эта плата. Постоянно дается одно и то же пояснение — «согласно уговору» (КА III.13.29 — yathāsambhāṣitam, Ману VIII.216 yathābhāṣitam, Яджнавалкья II.196 yathāśrutam и т. д.; ср. Вишварупа yathāparibhāṣikam, Виджнянешвара yāvatparibhāṣitam «сколько договорились», Шукранити II.386 bhāṣita yathā и пр.). Оформленное условие о размере оплаты труда является наиболее обычным элементом договора между хозяином и работником. Если же плата не была твердо установлена (akṛtā bhṛtiḥ — Вриддха-Ману у Апараки II.194, asambhāṣita КА.III.13.27), то возникала проблема ее установления по справедливости, в соответствии с затраченным трудом, временем и тем, как другим работникам платят за подобную работу (КА III.13.30). Для такой оценки привлекались третейские судьи или знатоки (kuśāla в КА III.13.30, ср. в Вриддха-Ману: «знающие морские путешествия» samudrayānakuśāla).

Наконец, в некоторых случаях могло быть дано определение платы в долях полученной прибыли. Тогда наемный труд представляется сходным с издольной арендой (bhāgabhoga — ср. КА III.9.36). Однако подобная «арендная плата» рассматривается именно в связи с уплатой жалования наемному работнику и в качестве особой формы оплаты работы. Размер доли, причитающейся работнику, может быть определен в $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{5}$,

¹/₁₀ и т. д. (см. Брихаспати у Апарарки II.194, КА III.13.28). Это зависело от множества условий — например, получал ли работник от хозяина пищу и одежду, сама доля вычислялась от совокупного дохода или за вычетом вложенных хозяином средств, т. е. от чистой прибыли (*mūladrayaṃ muktavadayaśu* — Бхавасвамин VII.3), и т. д.

Необходимо обратить внимание и на сроки уплаты жалования. Согласно «Нараде» (VII.2), плата может быть дана вперед, в ходе выполнения работы или по ее завершении. Обсуждаемые обычно в шастрах иски о невыполнении трудовых обязательств распадались на две основные разновидности в зависимости от того, получил ли работник плату вперед или только пообещал что-то сделать, не взяв никакого задатка. Наказание, естественно, устанавливалось различное, но совершенно ясно, что и в том и в другом случае речь идет об оплате конкретного труда. Брихаспати («Смритичандрика» 196) говорит об оплате ежедневной, ежемесячной, раз в две недели, раз в квартал, в полгода, в год — в зависимости от договоренности (*paribhāṣitam*).

Итак, все, что мы знаем о жаловании кармакарам-бхритакам, сводится к тому, что его давали в соответствии с договором, за работу, согласно ее объему и во время ее исполнения (будь то задаток или полный расчет). Все это, однако, совершенно не соответствует порядку, принятому при системе джаджмани. Характерной чертой этой системы (которая и не позволяет рассматривать ее как систему наемного труда) является именно то, что взаимные обязательства контрагентов не формулируются в особом договоре и «вознаграждение» не стоит в тесной связи с выполняемой работой ни по времени, ни по размеру. Все исследователи данного института единодушно отмечают, что отношения между «джаджманом» и обслуживающим его «камином» строятся исключительно на традиционных обязательствах. М. К. Кудрявцев справедливо отмечает, что «в принципе между джаджманами и каминами нет найма и договорных отношений», «нормы услуг и компенсации их другой стороной наследственны и передаются из поколения в поколение» (с. 128). То, что в последние десятилетия появились договорные отношения, считается свидетельством распада традиционной системы. Именно поэтому, очевидно, наш автор предполагает, что слова о договоре «добавлены переводчиками» (с. 130). Упоминание в источнике договора, заключаемого кармакарами, слишком явно опровергает предложенную им концепцию.

При системе джаджмани размер материального обеспечения не связан с работой, и увеличение или уменьшение последней не влечет за собою автоматически соответствующего изменения этого обеспечения. Не наблюдается и связи по времени между осуществлением прав и обязанностей контрагентов — земледельцы, например, в течение всего года пользуются услугами деревенских ремесленников, а свои обязательства перед ними осуществляют лишь в период сбора урожая. Таким образом, и в этом отношении вовсе нельзя поставить знак равенства между кармакарами и работниками системы джаджмани.

Утверждение М. К. Кудрявцева (с. 128 сл.), что в древнеиндийском языке нет специального термина для обозначения найма и наемной платы, вызывает недоумение. Ряд соответствующих терминов КА уже был приведен выше. Пожалуй, основным термином в юридических текстах служит *bhāta* (*bhātaka*), прилагаемый к любому найму — будь то наем дома, лошади, телеги или работника (см. Вриддха-Ману в Апарарке II.198, Катьяяна в «Смритичандрике» 205, ср. *hāta* у Бхавасвамина VII.20). «Смритичандрика» 203 точно и с полным основанием определяет *bhāta* как *kaṃyo-*

radhiparikrayamūlya, т. е. «наемную плату (получаемую) за предоставленный труд». Трудно было бы привести точно такие же дефиниции из более ранних текстов, но нет никаких оснований утверждать, что комментаторы модернизируют юридические отношения древности. То же самое слово с тем же значением сохраняется и в новондийских языках (bhāḍe в хинди и урду, сходно в маратхи и др.).

Само же слово bhāḍa по происхождению является среднеиндийской формой от санскритского bhr̥ta (ср. bhr̥taka — «бхритака»). Этимология последнего (от корня bhr̥ — «содержать») может свидетельствовать о том, что значение найма работников является изначальным. Термин bhāḍa появляется не в самых древних слоях литературы одхарме, а лишь в шастрах первых веков н. э., посвященных собственно юридическим вопросам («Нарада-смрити» и др.). Однако палийские тексты и эпиграфические памятники свидетельствуют о том, что в разговорных языках слово употреблялось и на несколько веков ранее. Вообще необходимо принимать во внимание, что санскритская литература шастр нередко условно передает терминологию живой речи, архаизируя и искажая при этом соответствующие понятия и представления.

Итак, нет никаких оснований для отказа от понятий «наем» и «наемный труд» для древней Индии (так же как и для других стран древности), но остается вопрос о специфике этого наемного труда. «Нарада-смрити» (VI.20) выделяет три категории работников-бхритаков (явно включая сюда только лиц, заключающих договоры о службе в течение определенного срока, т. е. тех, кто operas suas locaverit). Высшую категорию составляют наемные воины (и само слово бхрита/бхата приобрело со временем этот узкий смысл — «наемник»). Наиболее низкая категория представлена «носильщиком» (bhāraṇāhaka), который явно выбран в качестве яркого образца работника-поденщика. Среднее положение занимает śīravāhaka — так обычно обозначался арендатор или сельскохозяйственный рабочий. Как уже говорилось, доля собранного урожая могла рассматриваться как особая разновидность натуральной заработной платы (bhr̥ti, vetana). Как часто бывает в шастрах, данный перечень не имеет, конечно, исчерпывающего характера, а предлагается лишь в качестве примерной классификации.

КА III.13.28, Нарада VII.3 и Яджнавалкья II.194 говорят о кармакарах, занятых в земледелии, скотоводстве и торговле. Оплата работников могла иметь различный вид — в виде доли прибыли или в качестве стабильного, заранее обусловленного вознаграждения в натуральной или денежной форме. Брихаспати («Смритичандрика» 196) прямо делит работников (бхрита) на две большие категории — получающих установленное жалование (artha) или долю (bhāga) продукции.

Система джаджмани охватывает почти исключительно отношения в сельской местности, о кармакарах же нередко идет речь явно в связи с городом. Уже было сказано о том, что всякая работа ремесленника на заказ может рассматриваться как отношения найма (подряда). В самой ремесленной мастерской могли использоваться наемные работники-кармакары. В связи с обсуждением положения ученика в той же «Нараде» говорится, что после окончания ученичества он может продолжать работу у мастера, однако получая за это плату (т. е. став платным, вольнонаемным подмастерьем — «Нарада-смрити» VIII.21, изд. Ю. Йолли). В книге о КА ⁷ я уже писал о том, что кармакарами являлись и жрец, и проститут-

⁷ Вигасин, Самозванцев. Ук. соч.

ка, и врач, и слуга и т. д. Есть сведения и об артели работников (*sangha-bhṛtāḥ* — КА III.14.18) — то, что на Руси называлось «наемщиной». Так как само производство не имело товарного характера, то и наемный труд в древности никак нельзя рассматривать в качестве элемента «капиталистического уклада». Характерно, что многие лица данной категории вообще не участвовали в процессе производства, а особенно важную роль наем играл именно в обслуживающем труде. Это и многие другие обстоятельства заставляют нас говорить о специфике найма в древности и предохраняют от модернизации и характера, и роли наемного труда.

Положение наемных работников нельзя охарактеризовать однозначно, так как необходимо учитывать и основные разновидности найма, и господствующую систему социально-экономических отношений. Рабочая сила стала товаром едва ли не тогда же, когда вообще появился товар. Однако и сам товар, и наем в древности имели ряд важных особенностей, а величина заработной платы никогда не определялась только рынком рабочей силы (в этой связи любопытное замечание содержит «Шукранити» II.391: «в какой мере работник является достойным — *guṇavān*, такова для него и плата»). Для одних это означало кабальные условия наема, для других, напротив, привилегированные. Безземельные батраки или арендаторы иной раз, видимо, даже из поколения в поколение работавшие в чужом хозяйстве, самими древними не всегда четко могли быть отделены от даса — рабов и должников того же господина (по крайней мере от таких видов «рабов», как «раб за прокорм» — *bhaktadāsa* или «раб на установленный срок» — *kṛtakāla*)⁸. Это, однако, явно не относилось ко многим другим работникам, так же называемым в источниках терминами кармакара или бхритака. В этой пестроте реальных социальных условий и заключается главная причина отмечаемой М. К. Кудрявцевым «неопределенности» характеристики кармакаров.

Мы стремились показать, что нельзя отождествить кармакаров с работающими по системе джаджмани, но отсутствие элементов данной системы в древнеиндийской деревне не кажется нам таким очевидным, как, например, Р. Ш. Шарме⁹. Сам термин «яджамана» (от которого и происходит наименование системы) встречается в дхармаштрах. При этом «Нарада» (V.9—11), например, говорит о том, что жрецы либо привлечены заказчиком для совершения отдельного обряда, либо находятся с семьей жертвователя в постоянных наследственных отношениях, которые могут быть разорваны лишь в результате преступления с той или иной стороны. Если в первом случае имеет место свободный договор между сторонами (по существу обычный наем), то во втором мы действительно видим отношения типа тех, что ныне называются джаджмани. Аналогичный запрет жертвователю и жрецу оставлять друг друга завершает и главу КА, где говорится о кармакарах (III.14). Очевидно, отношения между жертвователем и жрецом могут приобретать постоянный, наследственный характер (хотя это происходит далеко не всегда). В таком случае «наем» приобретает совершенно специфический характер, но тем не менее эта тема все же включается в главу, связанную с темой кармакаров. Видимо, жрец, традиционно обслуживающий своего клиента, по-прежнему продолжает рассматриваться как кармакара. Надо сказать, что даже в эпоху расцвета системы

⁸ См. Медведев Е. М. Кармакара и bhṛtaka. К проблеме формирования низших каст // Касты в Индии. М., 1985; Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Индия в древности. М., 1985.

⁹ Шарма Р. Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987. С. 27.

джаджмани она полностью не исключала иных форм обмена продуктами или услугами.

Термин «камин» не является ни «аббревиатурой»¹⁰, ни персидским заимствованием¹¹, он выступает как закономерное соответствие древнеиндийскому слову *kaṁin*. Последнее также встречается в дхармашастрах, и некоторые контексты могли бы представлять интерес для решения вопроса о наследственных связях между работниками и теми, кого они должны обслуживать. «Катъяяна» (Апарарка II.117), например, говорит о наследовании карминов. Однако подобная интерпретация легко вызывает и возражения, так как под карминами-«работниками» могут иметься в виду просто принадлежащие семье рабы и слуги (как обычно и толкуется комментаторами).

Непосредственные сведения в санскритских источниках о существовании наследственной взаимозависимости и взаимообеспечении (джаджмани) в древнеиндийской деревне нельзя назвать достаточно убедительными. Тем не менее гипотеза о подобных отношениях кажется плодотворной. Несомненно, там, где юристы видели свободный договор между независимыми друг от друга партнерами, в реальной действительности нередко должна была наблюдаться несколько иная ситуация. Не случайно индийские юристы периода средневековья, когда невозможно сомневаться в распространении системы джаджмани, тоже прямо о ней не писали. Как и многие другие традиционные институты, связи по системе джаджмани никогда не фиксировались ясно и прямо в письменном праве. Они принадлежали сфере обычаев, которые не были ни полностью обобщены этим правом, ни тем более отменены им.

Наиболее важным косвенным свидетельством в пользу существования системы джаджмани в эпоху КА служит отражение в этом источнике кастового строя. Отсутствие в трактате наименований конкретных местных каст, вопреки мнению М. К. Кудрявцева, так же мало может свидетельствовать о том, что касты в это время еще не сложились, как отсутствие имен кушанских царей помешать датировке текста первыми веками н. э. В индологии вообще принято высказывать сомнения в том, что в эпоху составления шастр в Индии были касты. Зато, как это ни парадоксально, единодушно принимается перевод довольно часто встречающегося слова *patita* как «исключенный из касты».

Наименование института касты в древнеиндийских источниках не может быть названо устойчивым. Там, где в КА речь идет о старейшинах джати, принятых ею правилах, имуществе или местном наименовании, имеется в виду, очевидно, примерно то же, что позднейшая «каста» (только вовсе не обязательно «профессиональная», иначе не нужна была бы в «судебной анкете» рядом с графой о джати графа о профессии). Напротив, в палийских текстах слово «джати» никогда не обозначает касту, а соответствующий касте институт имеет иное наименование. Из-за разнообразия использованных при компиляции «Законов Ману» источников «кастовая» терминология этого памятника отличается крайней непоследовательностью. Каста — институт, который и не должен иметь ясного и недвусмысленного обозначения в древнеиндийских источниках. В большинстве случаев только «исключение из касты» и дает нам возможность обнаружить эту не фиксируемую письменными установлениями социальную общность. КА позволяет констатировать наличие замкнутого (в частности,

¹⁰ Кудрявцев. Ук. соч. С. 128.

¹¹ Он же. Община и каста в Хиндустане. М., 1971. С. 108.

эндогамного) объединения семей (кланов), занимающего в той или иной местности определенный социальный и ритуальный статус. Исключение из подобного коллектива (на наш взгляд, безусловно, кастового) влечет за собою столь грозные последствия, что это и позволяет понять все значение его во всей социальной структуре.

Наличие более или менее оформленных каст заставляет предполагать также иерархию и традиционную систему взаимоотношений между ними. В Индии нового времени важнейшую роль в организации межкастовых связей играла система джаджмани, и вполне допустимо предположение, что нечто аналогичное могло иметь место и в старину. В любом случае, однако, этим специфически индийским институтом не следует подменять такое общее для всех стран древности явление, как труд по найму¹².

А. А. Вигасин

HIRE IN ANCIENT INDIA

A. A. Vigasin

The paper examines the problem of hired labour in Ancient India in connection with M. K. Kudryavtsev's note 'Once More about *Karmakaras* in *Arthashastra*' (VDI, 1986, 4). From analysis of legal texts the author concludes the following:

1. The same terminology is employed for the hiring of persons as for the hiring of property.

2. The Sanskrit sources definitely speak in connection with such categories of workers as *karmakaras* and *bhitvakas*, of labour as a commodity with a price.

4. *Karmakaras* were paid wages in accordance with a work contract according to the volume and time of performance of the work; which is evidence, against Kudryavtsev, that labour could be a commodity in Ancient India, and that hired labour existed in the exact sense of the term.

4. Urban craftsmen were not oriented to the market but to orders, and any contract to perform work was drawn up as a hiring agreement; hiring played an important role in service work; with the quite wide diffusion of hiring there are no grounds for regarding it as an element of a 'capitalist' set-up.

5. The hypothesis about relations of the *dadmani* type in the ancient Indian village is primarily fruitful because it agrees well with the evolution of the caste system. But Kudryavtsev's point of view seems unsubstantiated when he identifies all *karmakaras* with persons working on the *dadmani* system (i. e. of traditional obligations of natural mutual maintenance).

ТИПОЛОГИЯ МИНОЙСКИХ СФРАГИСТИЧЕСКИХ ФОРМУЛ

При изучении критских иероглифических печатей первой половины II тыс. до н. э. наиболее актуальной остается по-прежнему задача — выявить основные типы текстовых формул, проследить их происхождение и эволюцию. Только установление типологии сфрагистических легенд

¹² О различных аспектах наемного труда в древней Индии см.: Sternbach L. Juridical studies in ancient Indian law. Delhi — Varanasi — Patna, 1965—1967; Jain P. C. Labour in ancient India. Delhi, 1974; Ritschl E., Schetelich M. Studien zum Kauṭīliya Arthashastra. B., 1973.

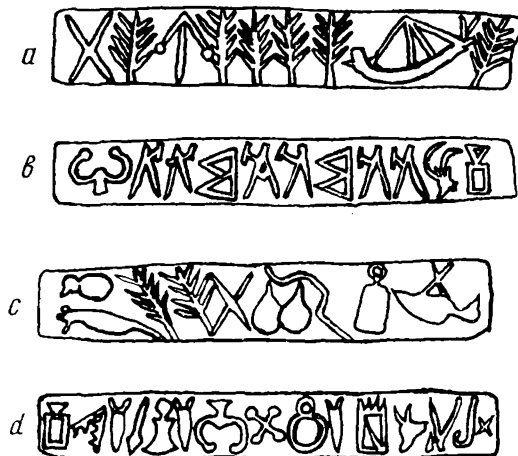

Рис. 1. Критская иероглифическая надпись на четырехсторонней печати из Афинского музея

способно обеспечить построение четкой систематизации для всего теперь уже достаточно многочисленного эпиграфического материала указанного разряда, создать реальные возможности для проникновения в смысл древнейших минойских текстов на основе использования комбинаторного метода исследования.

Первые наблюдения типологического характера относительно критских печатей с легендами, выполненными местной иероглификой, были сделаны уже А. Эвансом¹. По намеченному им пути шли и другие исследователи. В результате удалось выделить группу памятников, определяемых как печати «кносского царского круга»². К ней относятся, в частности, такие шедевры минойской глиптики, как «царская печать 1898 г.» из Кносса и «малая царская печать», а также восьмисторонняя печать из Эшмолеанского музея. Последняя благодаря сравнительно большому объему помещенной на ней легенды оказалась весьма информативной, причем возможности ее изучения, как мы еще сможем убедиться, далеко не исчерпаны в предыдущих штудиях, посвященных ей.

Однако среди других изданных памятников сфрагистики Крита среднеминойского времени имеется еще один образец, который в не меньшей мере заслуживает детального рассмотрения, причем не только на предмет возможности его функционально-смысловой атрибуции, но и в типологическом аспекте. Речь идет о четырехсторонней стеатитовой печати из собрания Афинского музея, опубликованной А. Эвансом в начале нынешнего столетия³. Надпись на ней до сих пор остается самым крупным текстом, выполненным критским иероглифическим письмом (см. рис. 1). Но несмотря на свой необычно большой объем, данный текст так и не привлек к себе должного внимания. Причина такого отношения к нему исследователей кроется не столько в тех значительных трудностях, с ко-

¹ Evans A. J. *Scripta Minoa*. V. I. Oxf., 1909. P. 265 ff.

² Молчанов А. А. Критская иероглифическая надпись на восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея // ВДИ. 1981. № 3. С. 123 сл.

³ Evans. Op. cit. № 26. Pl. II.

торами вообще сопряжена работа над дешифровкой и интерпретацией минойских текстов, сколько в индивидуальных особенностях рассматриваемого памятника письменности.

Все четыре прямоугольные боковые грани сильно удлинённой призматической бусины из белого стеатита (длиной 60—62 мм при ширине граней 8,5—10,5 мм), просверленной по продольной оси, покрыты иероглифами. Текст, образующийся при последовательном оттискивании каждой из сторон печати на мягком материале, можно передать, придерживаясь введенной А. Эвансом нумерации иероглифических знаков ⁴, следующим образом ⁵:

- a) X 97 13 97 97 97 97 57 97
- b) 30 27 27 114 27 27 114 27 27 65 24
- c) 54 96 97 97 X 04 84 25 80 (?) X
- d) 24 99 60 14 18 60 30 112 54 60 41 68 27 32 X

А. Эванс, основываясь на наличии в группах иероглифов пунктуационных значков (в виде косых крестиков), которые он считал инициальными ⁶, пытался определить направление чтения каждой из строк и общий порядок чтения всей четырехстрочной надписи. Однако обнаружить четкую закономерность в построении текста таким образом ему не удалось. Проникнуть в смысл надписи на рассматриваемой печати он старался прежде всего путем ее чисто идеографического толкования. Так, по его мнению, блок рисуночных знаков «корабль» (57) и «дерево» (97) указывает на заморскую торговлю строевым лесом. С другой стороны, А. Эванс, подозревая в знаке 114 («горы») детерминатив, допускал возможность усматривать в соединении его внутри единой группы иероглифов со знаками 24 («пестик»), 65 («голова козла») и 27 («плуг») способ передачи на письме «географической формулы» ⁷.

Как нам уже приходилось отмечать ⁸, специальные значки в виде косых крестиков играли в иероглифических надписях на печатях роль разграничителей разного рода текстовых отрезков и отнюдь не всегда отмечали именно их начало. Поэтому нельзя точно установить последовательность чтения иероглифов и их групп на разных гранях печати, исходя только из расположения в строках пунктуационных значков. Но эпиграфический и структурный анализ текста печати из Афинского музея позволяет все же выявить некоторые особенности текстовых отрезков — отдельных элементов, составляющих сфрагистическую легенду.

Строка *a* весьма специфична по составу графем: в ней из 8 иероглифов оказывается 6 (!) одинаковых. Еще явственнее монотонный характер данного текстового отрезка проступает после его транскрибирования в результате прочтения иероглифических знаков как слоговых ⁹ по аналогии с происходящими от них силлабограммами линейного письма А и В: *a*)

⁴ Ibid. P. 181 ff.

⁵ Строки *a* — *d* соответствуют горизонтальным рядам на рис. 1, X — пунктуационный значок.

⁶ Следы такого косого крестика первоиздатель печати видел и в начале строки *b*, но на соответствующих иллюстрациях они не просматриваются.

⁷ Evans. Op. cit. P. 154.

⁸ Молчанов. Ук. соч. С. 120—123.

⁹ На возможность послогового прочтения целых групп знаков в критских иероглифических надписях уже указывалось: Поуп М. Линейное письмо А и проблема эгейской письменности // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976. С. 94; Молчанов. Ук. соч. С. 133. Прим. 64; он же. Методика работы с минойскими текстами (дешифровка и интерпретация) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 104.

а) ТЕ ТІ ТЕ ТЕ ТЕ ТЕ ТУ ТЕ. Однако именно такой, казалось бы, чересчур странный по фонетическому облику ряд силлабем достаточно легко поддается в пользу правдоподобному истолкованию. Для этого достаточно допустить, что здесь налицо аллитерация в последовательности однокоренных слов: а) ТЕ-ТІ-ТЕ ТЕ-ТЕ ТЕ-ТУ-ТЕ.

Те же черты присущи и строке *b*. Хотя большинство иероглифов в ней не транслитерируется, повтор их блоков в принципе аналогичен: *b*) 30-27-27 114-27-27-114-27-27-65-24. При этом стоящий в третьем (в условном порядке слева направо) слове после корневого блока 27-27 в явно суффиксальной позиции слоговой, судя по его положению в слове, знак 65 («голова козла») имеет фонетическое значение МЕ (ср. восходящие к нему силлабограммы — № 84 линейного А и № 13 — те линейного В) ¹⁰, что заставляет вспомнить характерный минойский суффикс -те ¹¹.

Очень немного можно сказать пока об остальных двух строках надписи. В строке *c* пунктуационными значками и композиционно выделяются две обособленные группы по четыре знака в каждой: 54-96-97-97 и 04-84-25-80(?). В одной из них присутствует блок 97-97 = ТЕ-ТЕ, возможно корневой, что заставляет усматривать здесь смысловую связь с содержанием строки *a*. Строка *d* содержит, по-видимому, не менее трех-четырех слов, записанных слоговыми знаками. Но предложить скольконибудь обоснованное членение этой части сфрагистической легенды на группы иероглифов, соответствующие отдельным лексемам, не удается из-за недостатка сопоставительного материала.

Рассматриваемая печать по структуре помещенного на ней текста стоит несколько особняком среди других памятников минойской сфрагистики. Ее легенда, состоящая в основном из аллитерированных слов, более всего походит на формулу заклинания. Такое содержание надписи на предмете, который выполнял, следовательно, скорее всего магическую функцию, требовало — в силу заранее заданной специфики фиксируемых языковых форм — использования силлабографического, т. е. послогового способа их записи.

Подавляющее большинство прочих опубликованных на сегодняшний день критских иероглифических печатей явно не принадлежит к числу сфрагистических атрибутов ритуальной практики минойцев (к каковым может относиться кроме стеатитовой призмы из Афинского музея еще, например, известное золотое кольцо со спиральной надписью, выполненной линейным письмом А, из погребения в Мавро-Спелио ¹²), а связано с практикой ведения текущей отчетности в дворцовом хозяйстве династии Центрального и Восточного Крита среднеминойского времени, и прежде всего царей Кносса XVIII — первой половины XVII в. до н. э. ¹³ Теперь

¹⁰ Ср. *Faure P.* La vie quotidienne au temps de Minos (1500 avant Jésus-Christ). Р., 1973. Р. 32, 38 (данное сравнение критского иероглифа с генетически связанными с ним знаками линейных письменностей относится к числу наиболее удачных у П. Фора); *Молчанов А. А.* К проблеме изучения древнейших лингвостатических слоев на юге Балкан (звукоподражательные слова в минойском языке) // Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1986. С. 160.

¹¹ Он обнаруживается как в словах на табличках линейного письма А, так и в догреческих личных именах текстов линейного письма В из Кносса. О суффиксальном элементе -те- в минойском языке см.: *Молчанов А. А.* Таинственные письмена первых европейцев. М., 1980. С. 90. Прим. 1; он же. Минойский язык: проблемы и факты // Античная балканистика. М., 1987. С. 81.

¹² *Evans A. J., Myres J. L.* Inscriptions in the Minoan linear script of class A / Ed. W. C. Brice. Oxf., 1961. P. 23. Pl. XXX a (V, 14).

¹³ *Молчанов.* Критская иероглифическая надпись... С. 132. Прим. 60.

появляется возможность восстановить картину последовательного развития на протяжении первой трети II тыс. до н. э. иероглифических легенд на печатях «кноссского царского круга» и типологически родственных им, служивших для опечатывания заполненных припасами емкостей¹⁴.

Структурный анализ отдельных образцов и всей совокупности относящегося сюда эпиграфического материала показывает, что три главных элемента, из которых потом складывались более сложные текстовые формулы, сначала могли фигурировать как совершенно самостоятельные сфрагистические типы или в сочетании с чисто художественными композициями изобразительного и орнаментального характера, помещавшимися на смежных гранях тех же каменных печатей-призм. Это группы иероглифов, для которых комбинаторным путем устанавливаются значения, типичные для кратчайших владельческих надписей.

Титул правителя, причем в форме посессива-генитива, передается, как было доказано¹⁵, блоком иероглифических знаков 92-11-44 («силь-фий», «нога» и «ворота») со значением «царь»¹⁶, иногда выступающем в усеченном (11-44) или ином модифицированном варианте¹⁷. Каллиграф-миноец мог также взамен этого блока, составленного, как видно, из силлабограмм, вырезать на печати иероглиф 74 («кошачья голова»), судя по всему обозначавший в качестве идеограммы (логограммы) то же понятие, что и указанная титулярная группа¹⁸. В более пространных сфрагистических легендах¹⁹ это делалось, несомненно, для сокращения объема текста, который граверу надлежало нанести на миниатюрный предмет. В иных случаях иероглифический знак 74 употреблялся по принципу синонимии вместо титулярной группы 92-11-44/11-44, выполняя ту же роль самостоятельной сфрагистической микроформулы²⁰.

¹⁴ *Он же*. Критская иероглифическая печать из собрания Афинского музея (к вопросу о типологии минойских сфрагистических формул) // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Ч. I. М., 1984. С. 62—64.

¹⁵ *Evans*. Op. cit. P. 265—270; *Молчанов*. Критская иероглифическая надпись... С. 123 сл., 126.

¹⁶ *Ср. Evans*. Op. cit. № 11. 71; *CMS*. Bd II. Teil 2. B., 1977. № 259; *CMS*. Bd VII. B., 1969. № 41, 255.

¹⁷ *Ср. Evans*. Op. cit. № 17—19, 23, 48; *Kenna V. E. G. Cretan seals*. Oxf., 1960. № 172, 174; *Grumach E. Neue hieroglyphischen Siegel* // *Kadmos*. 1963. Bd II. H+1. Taf. 3; *CMS*. Bd VII. № 255. Порядок чтения иероглифов этой титулярной группы определяется совершенно однозначно, исходя из наблюдений над расположением графем рисуночного характера, изображающих живые существа или их части. Так, по крайней мере в двух случаях сочетание знаков 92—11—44 явно не может читаться начиная с иероглифа 44, поскольку последний расположен в самой нижней части вертикально ориентированной каллиграфической композиции (*Evans*. Op. cit. № 23 a = *Kenna*. Op. cit. № 174, a; *Grumach*. Op. cit. Taf. 3, c).

¹⁸ *Молчанов*. Критская иероглифическая надпись... С. 124.

¹⁹ *Ср. Grumach*. Op. cit. Taf. 1 a; *CMS*. Bd II. Teil 5. B., 1970. № 316 d; *CMS*. Bd IV., B., 1969. № 156, b.

²⁰ *Ср. CMS*. Bd II. Teil 2. № 3, 282; *CMS*. Bd VIII. B., 1966. № 34; *CMS*. Bd X. B., 1980. № 102. Заметим попутно, что нет никакой возможности даже предположительно возводить древнекритское название кошки, скрытое в идеограмме (логограмме) 74, к реконструируемой ливийской форме *qatt- (ради ее омонимичности хаттскому katte — «царь»), как предлагают В. М. Сергеев и В. Л. Цымбурский (Памятники критской письменности: структура текста как ключ к распознаванию языка // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Ч. I. М., 1984. С. 91), поскольку данный иероглиф имел слоговое значение МА, полученное им по принципу акрофонии от лексемы звукоподражательного происхождения (*Молчанов*. К проблеме изучения... С. 159). О методической некорректности в целом предпринятых попыток сближения минойского языка с абхазо-адыгскими,

Личные имена древнекритских владык, причем в форме посессива-генитива, опознаны в устойчивых сочетаниях иероглифов 19-30/19-30-92 («лекало», «рога» и «сильфий») и 05-18/05-18-13 («человеческий глаз», «мастерок» и «стрела») ²¹. Последние же связываются в единую генеалогическую цепочку еще с несколькими предполагаемыми царскими именами, в том числе с полностью транслитерируемой ономастической формой 112-84-60-23-112 = RO-WE-SA-ZE-RO, вполне надежно интерпретируемой как сложный минойский антропоним ²².

Наблюдения общетипологического порядка приводят к выводу, что третий «первичный элемент» — блок знаков 18-13 («мастерок» и «стрела») ²³, нередко расширяющийся в более пространных легендах за счет какого-либо добавочного иероглифа ²⁴, содержит в себе указание на сам факт наложения на имущество знака собственности. Как известно, простейшие сфрагистические формулы, являющиеся по сути дела перенесенными на матрицу владельческими пометками, охватывали всегда только сугубо ограниченный круг тесно связанных между собой идей. Набор же таковых сводился естественным образом к оптимальному минимуму: 1) идея принадлежности опечатываемого имущества конкретному лицу, которая реализовывалась через написание личного имени; 2) идея принадлежности имущества некоему институту власти, ее носителю — она прокламировалась путем поименования соответствующего титула; 3) идея гарантирования сохранности подконтрольных материальных ценностей — она непосредственно выражалась в наложении штампа с надписью, удостоверяющей совершение надлежащей процедуры. Поскольку именные и титулярная группы иероглифов в легендах на минойских печатях уже выявлены, неинтерпретированный пока блок знаков 18-13 («мастерок» и «стрела») остается отождествить со словом, имеющим значение типа «печать», «запечатанное», «скрепленное печатью», «за печатью» и т. п. Такая интерпретация, допускающая и даже подразумевающая факультативную замену исходной словоформы в аналогичной позиции производными от нее, хорошо согласуется с фактами появления весьма вероятных дериватов той же основы (ср., например, блоки 18-97-13 = ?-TE-TI и 18-13-92 ²⁵ с довольно характерными для иероглифического минойского суффиксальными расширителями).

Соединение выявленных нами первичных микроформул ²⁶ в различных

постулируя их родство через некий древний северокавказский диалект (Сергеев В. М. К вопросу о фонетической структуре языка линейного А // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Ч. I. М., 1984. С. 88), см. Молчанов. Минойский язык... С. 79. Прим. 9.

²¹ Молчанов. Критская иероглифическая надпись... С. 124 сл. Как пример самостоятельного использования блока 05—18 ср.: Kenna. Op. cit. № 140.

²² Молчанов. Критская иероглифическая надпись... С. 127—131.

²³ Ср. Kenna. Op. cit. № 97, 99; CMS. Bd II. Teil. 2. № 100, 220, 269; CMS. Bd VII. № 28.

²⁴ Ср. Evans. Op. cit. № 46, 49*, 73, 74; Xenaki-Sakellariou A. Inscriptions de la Collection Giamalakakis // Minos. V. I. Fasc. 2. 1951. P. 86; Kenna. Op. cit. № 38 (= CMS. Bd II. Teil 5. В., 1975. № 316), 151, 167; CMS. Bd II. Teil 2. № 256; CMS. Bd X. № 52; Молчанов. Критская иероглифическая надпись... С. 122. Рис. 3, b.

²⁵ Evans. Op. cit. № 46, b; Kenna. Op. cit. № 151, d.

²⁶ Имевшую место попытку дать иное, хотя и из того же круга понятий, истолкование сфрагистических микроформул, выявленных нами в свое время при анализе надписи на восьмисторонней печати из Эшмолеанского музея и типологически родственных ей (Сергеев, Цымбурский. Ук. соч. С. 90—92), мы никак не можем признать удачной потому, что наши оппоненты отказываются от рассмотрения всей совокупности конкретных контекстов и ограничиваются выборочным использованием эпиграфического материала.

сочетаниях и появление сразу двух личных имен в составе блока «имя + патронимик» рождало варианты более пространных легенд. Так, на двух соседних гранях трехсторонней призматической печати из зеленой яшмы, найденной в провинции Сития (Восточный Крит) и изданной А. Эвансом²⁷, выгравированы пары иероглифов: 18-13 и 11-14. Исходя из установленного ранее значения каждого из этих блоков, получаем перевод всей надписи (третью грань призмы занимает орнаментальная композиция): «печать царя». Прибавлением же к блоку 18-13 именной микроформулы можно было составить легенду: «печать такого-то». Минимально усложненный вариант ее логично усматривать в тексте на трехгранной печати из Кордакии (Восточный Крит)²⁸: 18-97-13 = ?-TE-TI (суффиксальное образование от 18-13 = ?-TI) + 18-13 = ?-TI + 05-18 (личное имя), переводимом в результате как «запечатано печатью такого-то (Y)»²⁹.

Более развитая формула, составленная из всех трех «первичных элементов», присутствует на минойских печатях, попавших в музейные собрания Берлина³⁰ и Ираклиона³¹. Первая из них несет легенду: 18-13 + 11-44 + 19-30-92 — «печать царя такого-то (X)». Вторая содержит типологически совершенно идентичный текст: 18-13 + 11-44-62 + 05-18 — «печать царя такого-то (Y)». Владельцами этих двух печатей оказываются, как видно из реконструированной нами в свое время стеммы³², отец и сын — представители кносской царской династии.

Размещение рядом с личным именем иероглифа-идеограммы 74, равнозначного, как уже говорилось выше, титулярной группе 92-11-44/11-44, позволило скомпоновать на двух гранях призматической печати трехчастную формулу: 18-13 + 05-13 + 74³³ — «печать такого-то (Y), правителя (царя)».

Дополнение имени владельца печати патронимиком вело к разрыванию в легенде генеалогической формулы: 92-11-44-84 (суффиксальная форма титулярной группы) + 19-30-92(личное имя) + 21-18(личное имя)³⁴ — «царя такого-то (X), сына такого-то (W)»; 92-11-11-44(титулярная группа с графической редупликацией корня, возникшей из-за желания гравера обязательно соблюсти симметрию в создаваемой им каллиграфической композиции) + 05-18(личное имя) + 19-30-30-92(личное имя в написании с графической редупликацией, введенной по тому же принципу симметрии знаков)³⁵ — «царя такого-то (Y), сына такого-то (X)»; 92-11(усеченный графический вариант титулярной группы 92-11-44) + 05-18(личное имя) + 19-30-92 (полное написание личного имени, иероглифы которого размещены в поле матрицы предельно компактно, из-за чего их рисунок и положение отличаются от обычных, а третий знак

²⁷ Evans. Op. cit. № 17.

²⁸ Ibid. № 46.

²⁹ Для удобства передачи пока не транскрибируемых имен минойских правителей при переводе критских иероглифических текстов мы условно обозначаем их литерами: Z (04—92—14), Y (05—18/05—18—13), X (19—30/19—30—92), W (18—21/21—18), T (64—31/31—64) и S (18—19—73/73—19—18). Ср. Молчанов. Критская иероглифическая надпись... С. 126.

³⁰ Evans. Op. cit. № 18.

³¹ Ibid. № 19; CMS. Bd II. Teil 2. № 296.

³² Молчанов. Критская иероглифическая надпись... С. 131. Рис. 8.

³³ CMS. Bd IV. № 156.

³⁴ «Царская печать 1898 г.» — см. Evans. Op. cit. № 23; Kenna. Op. cit. № 174; Молчанов. Критская иероглифическая надпись... С. 124. Рис. 4.

³⁵ Grumach. Op. cit. Taf. 3.

как бы вставлен внутрь монограммы, образованной двумя другими)³⁶ — «царя такого-то (Y), сына такого-то (X)»; 18-13 + 92-11-44 + 05-18 (личное имя) + 19-30(личное имя)³⁷ — «печать царя такого-то (Y), сына такого-то (X)».

Ключ к пониманию смысла еще одного компонента минойских сфрагистических легенд дает надпись на опубликованной А. Эвансом трехсторонней печати из коллекции Р. Сигера (см. рис. 2)³⁸. Две грани сердоликовой призмы здесь занимают соответственно титулярная группа 92-11-44 и именная группа 05-18, а на третьей перед блоком 18-13 помещен иероглиф 116, определяемый по аналогии с идентичными знаками линейного письма А (№ 82) и В (№ 131) как идеограмма со значением «вино»³⁹. Перевод всей надписи не вызывает затруднений: 116 + 18 - 13 + 92-11-44 + 05-18 — «вино за печатью царя такого-то (Y)».

На основании данного примера логично предположить, что и в иных случаях, когда в многочастной сфрагистической легенде при сходном сочетании знакомых нам микроформул оказывается помимо них еще одна, пока не поддающаяся толкованию группа иероглифов, в последней может точно так же скрываться наименование некоего вида припасов, подлежащего опечатыванию. Весьма правдоподобно выглядела бы аналогичная трактовка единственной неинтерпретированной строки в ряде четырехстрочных надписей: 64-84-14-05 (или, при другом порядке чтения знаков, 05-14-84-64) + 18-136-13 (вероятно, инфиксальная форма от 18-13) + 137-92-11-44 (префиксальная форма титулярной группы 92-11-44) + 18-19-73 (или 73-19-18, личное имя)⁴⁰ — «нечто за печатью царя такого-то (S)»; 114-08-110 + 18-13-92 + 108-05-18 (личное имя, предваряемое дополнительным знаком) + 19-30-92(личное имя)⁴¹ — «нечто за печатью такого-то (Y), сына такого-то (X)»; 54-13-64 + 64-31 (личное имя) + 19-30-92(личное имя) + 92-11-44(титулярная группа)⁴² — «нечто такого-то (T), сына такого-то (X), царя»; 57-112-24 = TU-RO-? + 92-11-44 (титулярная группа) + 112-84-60-23-112 = RO-WE-SA-ZE-RO (личное имя) + 05-18-13(личное имя)⁴³ — «нечто под названием tu-ro-? (ср. греч. τυρός — «сыр», микен. tu-ro₂) царя Ровесазеро, сына такого-то (Y)».

По-видимому, ту же схему построения легенды мы встречаем и на одной трехсторонней печати (см. рис. 3): 64-60-30 + 18-13 + 05-18 (личное имя)⁴⁴ — «нечто за печатью такого-то (Y)». Причем имеется возможность несколько конкретизировать интерпретацию первой по порядку группы иероглифов в этой надписи. Дело в том, что знак 64 («голова теленка») отделен резчиком матрицы вертикальной чертой от двух других знаков строки — 60 («карактица») и 30 («рога»). Это заставляет рассматривать его как обособленный отрезок текста и соответственно видеть в нем идеограмму (логограмму), по смыслу так или иначе связанную с изобразительным прототипом графемы. Блок иероглифов 60-30 транслитерируется

³⁶ CMS. Bd IV. № 137.

³⁷ CMS. Bd VII. № 40.

³⁸ Evans. Op. cit. № 49*.

³⁹ Основанием для интерпретации трех родственных письменных знаков, ныне общепринятой, послужило то обстоятельство, что идеограмма 131 линейного В присутствует на оттисках печатей из винного склада Пилосского дворца.

⁴⁰ CMS. Bd X. № 52.

⁴¹ Kenna. Op. cit. № 151.

⁴² Evans. Op. cit. № 30; Kenna. Op. cit. № 150; Молчанов. Критская иероглифическая надпись... С. 130. Рис. 7.

⁴³ Evans. Op. cit. № 27; Молчанов. Критская иероглифическая надпись... С. 130. Рис. 6.

⁴⁴ CMS. Bd IV. № 29 D.

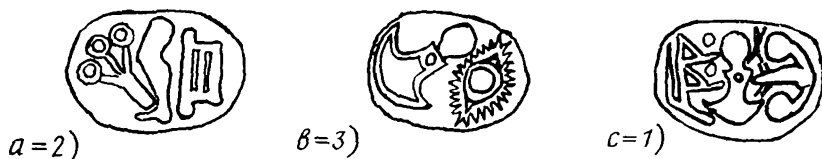

Рис. 2

Рис. 2. Надпись на трехсторонней печати из коллекции Р. Сигера

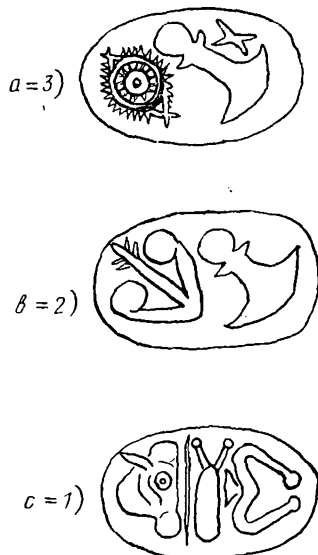

Рис. 3

Рис. 3. Надпись на трехсторонней печати из швейцарской коллекции

при силлабографическом его понимании как SA-RU. Такое слово встречается в табличках линейного письма А при перечислении сельскохозяйственных культур, скорее всего злаков (a-ka-ru, ku-ni-su, sa-ru...) ⁴⁵. Следовательно, группа знаков 64 + 60-30 передавала название некоего вида фуража — «sagu для телят».

Тенденция к повышению информативности сфрагистической легенды в рамках традиционного способа ее построения нашла свое выражение и в дальнейшем расширении наиболее престижного, генеалогического компонента. Ярким примером этого служит иероглифический текст на восьмисторонней печати из Эшмолеанского музея, перевод которого ⁴⁶ мы можем теперь дополнить: 14-08-73 + 18-136-13 (вероятно, инфиксальная форма от 18-13) + 04-92-14(личное имя)+ 73-12(блок знаков, соответствующий, как было установлено ранее, термину родства «сын» в форме генитива ⁴⁷ + 05-18-13(личное имя) + 73-12(термин родства «сын» в форме генитива)+ 19-30-92(личное имя)+ 92-11-44(титularная группа)+18-80-21 (ономастическая форма типа династийно-родового имени, образованная

⁴⁵ Ср. *Evans, Myres*. Op. cit. Pl. VII a, 86 a, 86 b.

⁴⁶ Ср. *Молчанов*. Критская иероглифическая надпись... С. 122, 126.

⁴⁷ Этот термин всегда отсутствует в блоках «имя + патронимик», где имя отца стояло в посессиве (тождественном генитиву), и вводился, вероятно, только в более развернутой генеалогии (ср. *Молчанов*. Критская иероглифическая надпись... С. 127).

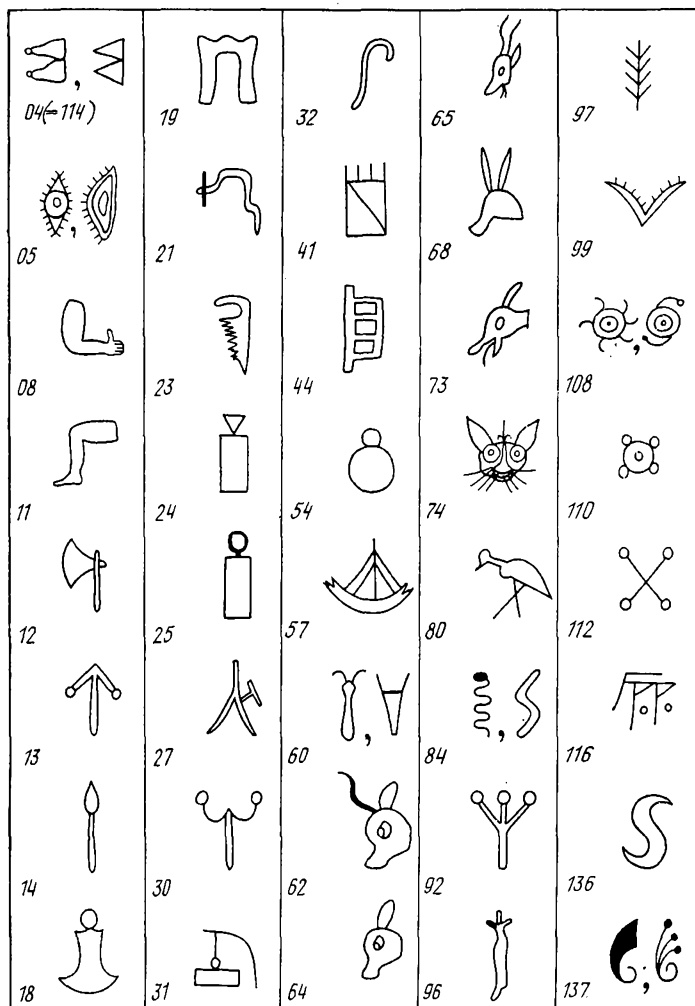

Рис. 4. Репертуар знаков в рассмотренных критских иероглифических надписях на печатах

от антропонима 18-21 ⁴⁸) — «некто за печатью такого-то (Z), сына такого-то (Y), сына такого-то (X), царя из рода некоего W».

Таким образом, изучение минойских сфрагистических формул дает новые данные для реконструкции не только царских генеалогий и этнической ситуации на Крите в первой трети II тыс. до н. э. (по языковым фактам, извлекаемым из иероглифических текстов), но и системы учета в дворцовом хозяйстве владык Кносса среднеминойского времени. Весьма показательно наличие целой группы параллельно употреблявшихся печатей с именем одного и того же правителя, наиболее характерные индивидуальные отличия которых проявлялись в несовпадении названных в их легендах видов материальных ценностей, подлежащих учету (наиме-

⁴⁸ Ср., например, пару родственных минойских антропонимов: Та-по и Та-па-то (о других дериватах той же теофорной основы тап- см. Молчанов. Минойский язык... С. 82).

нования последних передавались соответствующими идеограммами и/или блоками слоговых знаков). Объяснение этому может быть только одно: перед нами атрибуты представителей достаточно разветвленного административного аппарата, осуществлявших функцию контроля каждый в своем, узко специализированном ведомстве.

А. А. Молчанов

THE TYPOLOGY OF MINOAN SPHRAGISTIC FORMULAE

А. А. Molchanov

The author traces the development of hieroglyphic legends on Cretan seals of the first third of the second millenium B. C. used to seal containers with various supplies in the royal storerooms. Three main elements, joined together in a more complicated textual formula, initially figured as independent sphragistic types. These are groups of hieroglyphs for which a meaning typical of owner inscriptions has been established by a combinatorial method: (1) the title of the ruler; (2) the name of the ruler; (3) an indication of the stamping of the ownership sign on the property in the form of a word meaning 'seal', 'sealed' etc. The joining together of these microformulae in various combinations, and the appearance simultaneously of two personal names as part of block 'name + patronymic' gave rise to varieties of longer legends: (4) 'King's seal' (Scripta Minoa I 17); (5) 'So-and-so's seal' and 'stamped with so-and-so's seal' (SM 46); (6) 'seal of king so-and-so' (SM 18, 19; CMS IV 156); (7) 'of king so-and-so, son of so-and-so' (SM 23; CMS IV 137); (8) 'seal of king so-and-so, son of so-and-so' (CMS VII 40). The discovery on one of the seals (SM 49*) of a hieroglyph-ideogram with the meaning 'wine' in addition to the sixth variant reveals, by analogy with this inscription (translated as 'wine under the seal of king Y'), the sense of a number of legends with an indication of the type of accountable property: (9) 'something under the seal of king so-and-so' (CMS X 52); (10) 'fodder (?) under the seal of Y' (CMS IV 29D); (11) 'something under the seal of Y, son of X' (Kenna 151); (12) 'cheese (?) of king Rowsazero, son of Y' (SM 27). A tendency to increase the informative character of the sphragistic legend found reflection in a further extension of the genealogical component as the most prestigious (cf. the text on the octagonal seal from the Ashmolean Museum: 'something under the seal of Z, son of Y, son of X, king from the family of W').

Fig. 1. A Cretan hieroglyphic inscription carved on a tetrahedral seal (National Museum of Archaeology, Athens)

Fig. 2. An inscription carved on a trihedral seal (R. Seager's Collection)

Fig. 3. An inscription carved on a trihedral seal (Switzerland Collection)

Fig. 4. A list of signs from the foregoing Cretan seals

РЕМЕСЛЕННИКИ ЭЛЕВСИНА

Среди комплексов строительных отчетов, сохранивших разнообразные сведения о ремесленниках, которые участвовали в сооружении общественных зданий, важное место принадлежит документам из Элевсина, где находилось известное святилище Деметры и Керы, в котором происходили знаменитые мистерии. Часть надписей представляет собой спецификации — *συγγραφαί* (одна из них сохранилась почти полностью —

IG II/III². 1666), другая — отчеты строительной комиссии. Из последних две наиболее крупные надписи содержат сведения о ремесленниках: IG II/III². 1672¹ — это отчет о ремонте, произведенном в святилище, датирующемся 329/8 г. до н. э.; IG II/III². 1673² — отчет о пристройке портика к Телестериону (так называемый портик Филона), датирующийся по всей видимости, 333/2 г. до н. э.

Отчеты эпистатов Элевсиния³ вкупе с отчетами Эрехтейона донесли до нас очень интересные сведения о составе ремесленников и работах, выполненных ими. Однако по элевсинским документам труднее определить социальный статус ремесленников, участвовавших в работах. Хотя как и в надписях Эрехтейона, ряд работников легко идентифицируется с гражданами или метеками в зависимости от типа указания на дем, в котором они числились, попытки определения социального статуса достаточно многочисленной группы работников весьма затруднительны, поскольку в надписях они упоминаются только по имени. Не легче обстоит дело с большой категорией людей, имена которых вообще не указаны в документах. Они называются в отчетах просто *μισθοτοί* и *ἄνδρες*. Естественно, что все это создает значительные трудности для анализа.

Обратим внимание еще на один момент. Эпистаты покупали различные материалы, необходимые для строительных работ (балки, доски, веревки, смолу, железные орудия труда, побелку и т. д.). В надписях зафиксированы имена более 70 человек, которые поставляли эти материалы. Некоторые из них — торговцы, на что прямо указывают отчеты: в надписи № 1672 их имена сопровождаются словом *ἐμπόρος* (купец, торговец), а один назван *οικητής* (лавочник, мелкий торговец); в надписи № 1673 специализация торговцев уточнена: здесь встречаются торговцы железом (*σιδηροπώλοι*), деревом (*ξύλοπώλοι*), гиматиями (*ἱματιοπώλοι*), гончарными изделиями (*κεραμοπώλοι*) смолой (*λίτροπώλοι*). Основная же часть тех, у кого эпистаты приобретали необходимые материалы, торговца не названа. Естественно, возникает вопрос: кто эти люди? Вероятно, многие из них были ремесленниками, либо выполнявшими заказы строительной комиссии в своей мастерской, не нанимаясь на строительство, либо продававшими свои готовые изделия эпистатам опять же в своей мастерской, которая, как известно, часто была одновременно и лавкой⁴. Подтверждение сказанному мы находим в рассматриваемых надписях. Строительная комиссия покупает гвозди у метека Мнесилоха, которого можно принять в этом случае за торговца (1673. 43), однако в другом месте он назван наемным работником (*μισθοτῆς*), выполнявшим кузнечные работы (1673. 32); возможно, он же является кузнецом (*χαλκεύς*), упомянутым несколькими строчками ниже (1673. 42).

Обратимся теперь к ремесленникам, работавшим в святилище.

Каменотесы. Определить общее число ремесленников-каменотесов не представляется возможным прежде всего потому, что в некоторых случаях фиксируется лишь факт совершения работы, без каких-либо указаний на количество и имена работников. Приведем примеры: «работнику, обтесавшему, привезшему, установившему пороги и просверлившему отвер-

¹ Первые 78 строк опубликованы также Ф. Майером (*Maier F. Griechische Mauerbauinschriften. Bd I. Heidelberg, 1959. № 20*).

² Эта надпись частично опубликована Ф. Майером (Op. cit. № 21) и переиздана (вместе с новым фрагментом), начиная с 31-й строки, К. Клинтоном (*Clinton K. Inscriptions from Eleusis // Ἀρχαιολογική Ἐφημερίς. 1971 Ἀθήναι, 1972. P. 83—88*).

³ К сожалению, мне осталась недоступной работа: *Davis P. Some eleusinian building inscriptions. Geneva — New York, 1931*.

⁴ *Hopper R. J. Trade and industry in classical Greece. L., 1979. P. 69.*

ствия и... и скрепившему [их] свинцом, 25 драхм» — 1672. 175—176 (выполнение этой работы требует участия не менее полутора десятков человек); Неоклид, гражданин из дема Кефисии, клал фундамент, за что получил 304 драхмы — 1672. 51 (такая работа и ее стоимость также предполагают участие нескольких человек).

Работа каменотесов заключалась главным образом в строительстве из камня (например сооружение стены: 1672. 8; 1673. 25), а также в обтесывании порогов, парастады (1672. 177) и какой-то другой обработке камня (1672. 134), в одном из случаев — сооружении печи или очага (1672. 189). Некто Мосхион изготовил капители для парастады за 60 драхм (1672. 185).

Не менее трех каменотесов были гражданами: Неоклид из Кефисии, который работал, пожалуй, активнее других (упоминается четыре раза: 1672. 51, 53; 54: 78), ...тель, сын Демофана из Этии (1673. 28)⁵ и Еваккид из Фалер (1673. 25). Каменотёсами были также и два метека: Евтимид из Коллиты (1672. 8) и Даос⁶ из Кидатен (1672. 134). На долю этих ремесленников, а также еще одного, не названного по имени (1672. 19—20 — стоимость работы 370 драхм), приходится самые дорогостоящие, а значит, и самые крупные каменотесные работы. Из этого следует, что в их распоряжении находились еще какие-то работники. Обратим внимание еще на одну категорию каменотесов, достаточно часто встречающуюся в отчетах. Эти люди никогда не называются по имени, причем всегда подчеркивается, что они питаются дома: например, «четырем человекам, обтесавшим парастаду... в день на каждого человека, питающегося дома, по 2 драхмы, за 2 дня 16 драхм» (1672. 177—178). Эти люди получали почтенную плату.

В отчетах о строительстве портика упомянута еще одна группа работников, имевших отношение к обработке камня: это мегарские наемные работники (οἱ ἐν Μεγάρων μισθωτοί), строившие дорогу, по которой строительный камень должен был перевозиться в святилище; специально для них эписбаты купили железные орудия труда (1673. 28). Количество этих работников неизвестно. Неизвестны также и причины, по которым строительная комиссия наняла ремесленников именно из Мегар. Вряд ли можно думать, что в Аттике не хватало своих специалистов⁷: они нам известны по отчетам из Пропилей (IG I². 363. 46)⁸. Скорее всего мегарские ремесленники пришли на строительство по собственной инициативе, тем более что от Элевсина до Мегар ближе, чем от Афин до Элевсина.

Строительные работы в Элевсине требовали различных по уровню сложности каменотесных работ, для выполнения которых нужны были

⁵ Он известен еще (вместе с братом Лисием) по надписи о сооружении фундамента портика Филона (IG II/III². 1671. 74. 77).

⁶ Помимо работы по камню Даос выполнял и другие задания: срывал старые постройки (фундамент и стены башни) и расчищал это место под новое строительство (1672. 19. 47). Почему Даос выполнял такие разнохарактерные работы, сказать уверенно очень трудно, потому что в отчетах отсутствуют какие-либо уточняющие ситуационные детали. Может быть, ему как специалисту по обработке камня было сподручнее разбирать сооружения, построенные из камня? С другой стороны, совершенно ясно, что он не мог сделать такую объемную работу один. Значит, Даос выступает здесь в роли подрядчика, взявшего подряд, который выполняла группа не известных нам работников.

⁷ Противоположное мнение: Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. М., 1975. С. 63.

⁸ Кстати, судя по отчетам из Пропилей, для строительства этих дорог особой квалификации не требовалось («чернорабочим, соорудившим дорогу из Пентеликона»).

ремесленники различной квалификации. Однако выделить из общего числа каменотесов более или менее квалифицированных почти не удается: исключение составляют, пожалуй, лишь мегарские ремесленники, среди которых должен был быть один или несколько специалистов — руководителей работ, остальные же были малоквалифицированными работниками. Интерес с этой точки зрения представляют четыре ремесленника, «питающиеся дома», которые, весьма вероятно, были рабами⁹, не случайно они никогда не называются по имени. Судя по слову οἰκοῖτοί, они были частными рабами. Вполне возможно, что они за плату сдавались хозяевами на общественные работы (категория рабов, которая называлась ἀνδράποδα μετοφοροῦντα)¹⁰. Либо это были рабы, работавшие независимо от своего хозяина и платившие ему апофору¹¹, которые могли наниматься на работу самостоятельно¹².

В целом не приходится сомневаться в том, что контингент каменотесов состоял из граждан, метеков и рабов¹³.

В отчетах упоминается еще одна группа работников, которые имели какое-то отношение к работам по камню. Считать их с полной уверенностью каменотесами нельзя. Речь идет о людях, связанных с добычей камня, его перевозкой и рядом строительных работ. Метек Агафон из Алопеки выполнил работу по вырубанию камня, его доставке в святилище и строительству фундамента (1672. 17—18): за работу было уплачено 2631 драхма 3 обола¹⁴. Разумеется, один человек был не в состоянии сделать всю эту работу. В его распоряжении должно было находиться достаточно большое количество работников, которые, к сожалению, не упоминаются в надписи. Кто эти люди, наемные работники или рабы? Если наемные ремесленники, то кто их набирал — эпистаты или Агафон? Если же рабы, то чьи? Кем был сам Агафон — крупным подрядчиком или ремесленником, который сам участвовал в работе¹⁵? Ответить на эти многочисленные вопросы трудно. Однако несомненно, что среди работников, не вписанных в отчет и работавших под руководством Агафона, определенная часть была людьми в той или иной степени зависимыми. Вполне вероятно, что подряд Агафона, кстати, требовавший приложения больших физических усилий, выполнялся не свободными наемными работниками, а рабами (особенно при транспортировке камня из каменоломен).

Группа работников неизвестного статуса (Деметрий, Эргасион, Киприй, Еварх и Милак) вырубил 304 блока «полевого камня» (т. е. не в каменоломне) по цене 1 драхма за блок (1672. 48—49)¹⁶. Возможно, каждый

⁹ Глушкина. Ук. соч. С. 63.

¹⁰ Perotti E. Contribution à l'étude d'une autre catégorie d'esclaves: les ἀνδράποδα μετοφοροῦντα // Actes du colloque 1973 sur l'esclavage. P., 1975. P. 185 suiv.

¹¹ Так, например, обстоит дело в Лаврийских рудниках: Lauffer S. Die Bergwerksklaven von Laureion. Bd I—II. Wiesbaden, 1955—1956. S. 59, 70, 84, 107, 110, 175; Hopper R. J. The Attic silver mines in the fourth century B. C. // BSA. 1953. V. 48. P. 247. «Он говорил, что у него есть раб в районе Лаврия, с которого [он] должен получить апофору» (Andoc. I. 38; ср. Aesch. I. 97).

¹² Однако мы должны учитывать то, что на строительстве Эрехтейона (IG I². 373—374) частные рабы практически всегда работали в присутствии своих хозяев.

¹³ Имя каменотеса, клавшего печь, — Αἰγύπτιος (1672. 189) — явно говорит о его рабском или вольноотпущенническом статусе.

¹⁴ Это следует из простого подсчета: вырубка, привоз и укладка одного блока стоили 3 драхмы и 1 обол, был же вырублен 831 блок.

¹⁵ У. фон Вилламовиц идентифицирует с ним метека Агафона из Алопеки (1672. 65), который продал эпистатам 5 корзин за 4 драхмы 1 обол (Wilamowitz U. von. Demotika der attischen Metoeken // Kleine Schriften. Bd VI. B., 1971. S. 278).

¹⁶ Эти блоки привезли в святилище Филоник, Евксипп, Архий и Фереклид. Последний из них был, по всей видимости, тем самым Фереклидом из Беотии, кото-

из них руководил бригадой ремесленников, добывавших камень; не исключено, что и сами они были ремесленниками. Эргасион, в частности, участвовал еще раз в добыче камня вместе с Даосом (1672. 53—54), причем они сами привезли его в святилище. И опять мы не знаем тех, кто выполнял вместе с ними эту работу.

Ценнейшие и уникальные сведения о перевозке строительного камня из каменоломен непосредственно на строительную площадку дают отчеты о сооружении портика Филона, которые показывают высокую степень организации этого вида работ. Народное собрание приняло специальную псефисму, предложенную Ликургом (1673. 65), в соответствии с которой перевозка барабанов колонн (именно о них идет речь в надписи) была тщательно регламентирована. Перед началом перевозки была проделана большая подготовительная работа (1673. 11—43): отремонтирована дорога, по которой должны были возить камень, отремонтированы или заменены оси и другие части повозок, на которых возили камень, закуплены слуги, веревки (канаты и веревки были взяты даже из доков) и т. д. Перевозка барабанов (1673. 64 слл.) началась в месяце *метагейт-нионе* (конец лета — начало осени, т. е. сухое время года). Груз возили на повозках, запряженных волами (*ζευγος*), на каждую грузился один барабан, который весил сотни килограммов¹⁷. Иногда повозки сдвигали, и тогда везли два барабана. Перевозка барабана от каменоломни на Пентеликоне до святилища занимала три дня (иногда два с половиной). В день на каждую упряжку выплачивалось по 4 драхмы¹⁸. Для того чтобы предотвратить умышленное затягивание доставки барабанов (с тем, чтобы получить больше денег), тем возчикам, которые укладывались в 3 дня, доплачивали по 2 драхмы в день на упряжку (т. е. по 6 драм за 3 дня). Таким образом, за один барабан колонны, доставленный за 3 дня, возчики получали на каждую упряжку плату в 12 драм и еще 6 драм «премиальных». Количество упряжек тягловых животных, тянущих один барабан, было около 30. Стоимость перевозки тридцатью упряжками равнялась 366 драхмам.

Добычей камня и изготовлением вчерне барабанов занималось несколько человек, но в надписи (полностью или частично) сохранились имена только четырех¹⁹. Это Евктемон, Меланон, . . . страт и Да... (1673. 64, 67, 71, 74—77, 83). Из них Евктемон вырубил не менее четырех барабанов,

рый возил кирпичи (26 000 штук) для строительства (1672. 23). Это не первый случай участия жителей Беотии в осуществлении строительных проектов в Аттике, причем в качестве именно перевозчиков строительных материалов. В 394/3 г. беотиец Демосфен возил камень для строительства Длинных Стен (*Maier. Op. cit. № 2*). К 330/29 г. относится почетный декрет в честь Евдема из Платей (IG II/III². 354), который предоставил афинянам 1000 упряжек для строительных работ. К. Клинтон (*Op. cit. P. 105*) справедливо полагает, что цифра 1000 — это количество упряжек, умноженное на число дней, в которые они работали. Поскольку Беотия была регионом по преимуществу сельскохозяйственным, она должна была иметь значительное количество тягловых животных, хозяева которых и нанимались при случае на строительные работы (ср. *Burford A. Heavy transport in classical antiquity // Economic History Review. 1960. V. 13. P. 16 f.*).

¹⁷ По подсчетам А. Орландоса (*Orlandos A. Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens grecs. T. II. P., 1968. P. 30*), 2 м³ пентелийского мрамора весили примерно 5,5 тонны.

¹⁸ Все расчеты проделаны К. Клинтоном (*Op. cit. P. 102—105*; см. также: *Glott G. Un transport de marbre pour le portique d'Eleusis // REG. 1923. V. 36. P. 26—45*).

¹⁹ Надпись в этом месте сильно попорчена.

а Меланон не менее трех ²⁰. Нам не известно, были ли все эти люди подрядчиками или ремесленниками, участвовавшими в работе.

Не ясно также, кто возил барабаны колонн в святилище: имена этих людей в надписи опущены ²¹. В таком масштабном предприятии, в котором были задействованы десятки упряжек ²², должно было участвовать много работников; большинство из них, видимо, были владельцами тягловых животных ²³. Перевозкой камня занимались и чернорабочие, в том числе общественные рабы. Из 28 общественных рабов, принимавших участие в строительстве портика, 9 перевозили камень (οἱ λιθωχοῦντες δημόσιοι — 1673. 49—50).

Таким образом, отметим в качестве краткого итога следующее. В результате анализа отчетов эпистатов Элевсиния обнаруживается, что состав людей, работавших с камнем, был неоднородным в профессиональном отношении: с одной стороны, это ремесленники, занимавшиеся непосредственно добычей камня, его тесанием и строительством, с другой — своего рода организаторы работ на том или ином участке, которые брали на себя выполнение достаточно объемных и, самое главное, разнохарактерных работ: от добычи камня и его перевозки до строительства той или иной части здания. Вполне справедливо будет назвать их подрядчиками. Важно отметить, что отчеты фиксируют далеко не всех работников, принимавших участие в строительстве. Вряд ли можно сомневаться в том, что какую-то часть работников составляли рабы, выполнявшие в первую очередь черновую и тяжелую работу (вырубка блоков в каменоломне, перетаскивание и перевозка камня, вспомогательные работы на строительной площадке). Не исключено их участие в выполнении квалифицированных работ, но данных об этом нет. Из всего этого, в частности, следует, что всякие подсчеты для выяснения соотношения работников, участвовавших в строительстве в Элевсине и имевших разный социальный статус (граждане, метеки, рабы), без учет тех ремесленников, которые оказались вне поля зрения составителей отчетов, окажутся ошибочными.

Плотники и столяры. Определить общее количество специалистов по деревообработке также невозможно, потому что, как и в случае с каменотесами, не все работы зафиксированы в отчетах ²⁴. Известные нам по отчетам работы таковы: изготовление дверей (1672. 67, 164, 166; 1673. 40), в том числе решетчатых (1672. 172), их установка (1672. 96), строительство деревянной стены (? — 1673. 25), изготовление киматиев (1672. 186—187), полукружий для дышла (1673. 23), механизма для подъема камня на строящееся здание (1672. 235), сверление и соединение бревен и досок (1673. 36), ремонт повозок (1673. 55) и кресла (1672. 145), изготовление сундука для хранения одежды (? — 1672. 229) ²⁵. Многие из этих работ — столярные, требующие большого мастерства. Записи о плотницких работах, за неболь-

²⁰ Всего за отчетный год было вырублено 23 барабана, тогда как требовалось 140 (Noack F. Eleusis. Die baugeschichtliche Entwicklung des Heiligtumes. В. — Л., 1927. S. 126).

²¹ В конце надписи упоминаются некие Аристокрит и Пиррий, но из-за плохой сохранности текста непонятно, имели они отношение к перевозкам или нет.

²² От 90 до 100, по мнению Э. Берфорд (Op. cit. P. 17).

²³ Burford. Op. cit. P. 41 f.

²⁴ Кроме того, в одном случае (1672. 184) не указано число ремесленников, выполнявших задание. Они определены просто как τέκτονες.

²⁵ Специалистом по деревообработке, а не торговцем, видимо, нужно считать и гражданина Калликрата из Торика: «салазки для перевозки камня от Калликрата из Торика» (1673. 63—64). Интересен факт его местожительства: Торик находился в районе Лаврийских рудников, где салазки использовались для перевозки руды.

шим исключением, отсутствуют: этим исключением является сообщение о сооружении крыши, для чего были куплены лесоматериалы (1672. 149).

Перечисленные работы по дереву выполняли семь квалифицированных ремесленников, из которых трое были гражданами (Памфил из Отринии, Аристотель из Холлеиды, Евакид из Фалер), четверо — метеками (Дионисий, Каллий, Артемон и Сир). Статус еще четырех человек (Аримнеста, Хария, Мосхиона и Фрак...) неизвестен. Судя по небольшому объему выполненной ими работы и соответственно плате, которая колебалась от 4 до 120 драхм, большинство из них работало в одиночку или с помощью одного-двух человек.

К разряду специалистов по деревообработке нужно отнести еще не менее девяти человек: из них восемь (или больше) названы τέκτονες (1672. 26. 111.184), а еще один (метек Деметрий из Алопеки) выполнял аналогичную работу и тоже должен быть признан τέκτων (1672. 59). Работа эта была не совсем обычна с современной точки зрения для ремесленников такого профиля. Они занимались сооружением стен из сырцовых кирпичей (πλίνθους ἀναβάλλειν)²⁶ и покрытием крыши черепицей. Участие плотников в работе по сооружению стены из кирпичей объяснить не очень трудно: в стену для ее крепости необходимо было вставлять балки и деревянные рамы (фахверк)²⁷. Именно об этом идет речь в одном из заданий (1672. 26—28): «плотникам, соорудившим стену из кирпича между воротами и башней и обработавшим дерево (τὰ ξύλινα ἐργασάμενοι)²⁸, трем человекам, питающимся дома, каждому по 2 драхм 3 обола в день, итого 187 драхм 3 обола» (т. е. 25 дней работы). Не был необычным и тот факт, что плотники крыли крыши черепицей, потому что они должны были делать деревянную обрешетку, на которую укладывалась черепица²⁹. Сам же процесс укладки кирпича и черепицы не требовал особо высокой квалификации.

Следует обратить внимание на весьма важный момент — все работники, строившие стену из кирпичей и покрывавшие крышу черепицей, за исключением метека Деметрия, не названы по имени, а шестеро из них определены как οἰκιστοί. Если о рабочих, в отношении которых надпись предельно лаконична («плотникам, строившим из кирпичей, 20 драхм 2 обола» — 1672. 184—185), нельзя сказать ничего определенного, то в «питающихся дома» несомненно нужно видеть рабов. Не случайна и очень характерна в этом отношении следующая деталь: эти люди работают поденно. Те из них, кто соорудил стену, получили по 2,5 драхмы в день, тогда как метек Деметрий, выполнявший точно такую же работу, трудился сдельно, получая за 1000 уложенных кирпичей 17 драхм («наемному работнику, строившему из кирпича, Деметрию, живущему в Алопеке, за 1000 кирпичей 17 драхм, итого 416 драхм 3 обола» — 1672. 59—60). Здесь хорошо просматривается стремление строительной комиссии заинтересовать Деметрия в быстром выполнении работы, чего нельзя сказать о рабочих — οἰκιστοί. В самом деле, чем быстрее при необходимом уровне качества Деметрий закончит работу, тем скорее он получит причитающуюся ему сумму денег. И наоборот: чем медленнее он

²⁶ Orlandos. Op. cit. T. I. P. 61.

²⁷ Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. С. 59.

²⁸ Это выражение точнее перевести трудно. Очевидно, здесь речь идет о работе с объемными лесоматериалами (планки, бруски, рейки и т. п.).

²⁹ В отчетах Эрехтейона (IG I². 373. 245—247) Ктесон, который крыл крышу храма черепицей, тоже был назван τέκτων.

будет работать, тем меньшая сумма денег будет приходиться на каждый отработанный день. В случае же некачественной работы этот ремесленник вообще ничего не получит. Таким образом, здесь налицо экономическое стимулирование труда. Сказанное должно относиться ко всем видам работ, оплаченных сдельно. При подневной оплате труда такой стимул отсутствует: при любом темпе работ и уровне качества ремесленник получает фиксированную сумму денег. При таком положении дел приобретают особое значение два момента: во-первых, работа, оплачиваемая подневно, должна быть мало- или неквалифицированной; во-вторых, необходимо внеэкономическое принуждение (по отношению к рабам, так как свободные ремесленники — исключительно метеки — подневно работают очень редко) со стороны свободных ремесленников или должностных лиц.

Для выполнения вспомогательных работ «питающимся дома» строительная комиссия придала чернорабочих, тоже не названных по имени, тоже οἰκοδοτοί и тоже получающих подневную плату. Причем здесь четко видна разница в оплате более квалифицированного труда по сравнению с менее квалифицированным: чернорабочие получали по 1 драхме 3 обола («наемным работникам, носившим кирпичи на башню и ворота, готовившим глиняный раствор ³⁰, доставлявшим лесоматериал и глину ³¹, шести человекам, [каждому] человеку, питающемуся дома, 1 драхма 3 обола, итого за 25 дней 225 драхм» — 1672. 28—30), тогда как плотники — по 2 драхмы 3 обола.

Приведенные факты являются серьезным аргументом в пользу мнения об οἰκοδοτοί как о рабах. Кроме того, пример с Деметрием свидетельствует о том, что эпистаты писывали в отчет не всех работников, использовавшихся на стройке. В самом деле, Деметрию в его работе должны были помогать чернорабочие, как это было у «питающихся дома», которые делали ту же работу и которых обслуживало шесть человек (по два чернорабочих на одного ремесленника). Поскольку объем работы, которую сделал Деметрий, больше (судя по стоимости в два с лишним раза: 416 драхм 3 обола — 187 драхм 3 обола), то его, вероятно, обслуживало больше шести чернорабочих (в два раза?). Учитывая сказанное, вряд ли будет неоправданным предположение о том, что он участвовал в работе со своими рабами или с рабами, сданными в аренду строительной комиссии другими рабовладельцами.

Пильщики. Эта категория ремесленников редко упоминается в отчетах. Известны лишь четыре пильщика. Метек Аристон из Коллиты пилил балки (σφῆνες) ³² и получил за это более 20 драхм (1672. 10—11). Большой интерес вызывает запись о работе Кариона: «пильщикам, пилившим бревна из Македонии... наемному работнику Кариону 23 драхмы» (1672. 66—67). Хотя деньги получил Карион, работу выполняло не менее двух человек, как это следует из употребления слова πρίσται во множественном числе. Можно, конечно, полагать, что напарник или напарники Кариона не вписаны в отчет для экономии места, однако в других случаях, когда работу выполняют несколько человек, как правило, в отчет вписываются

³⁰ Πηλοδουσταῖν: *Orlandos*. Op. cit. T. I. P. 55—56; *Maier*. Op. cit. Bd II. S. 89.

³¹ Κέρμας — обычное название для черепицы и глиняных сосудов (*Orlandos*. Op. cit. T. I. P. 68 suiv.). Возможно, здесь имеется в виду глина, использовавшаяся в качестве раствора для скрепления кирпичной кладки, которую перед этим отмучивали (πηλοδουσταῖν).

³² *Hodge A. T.* Technology in ancient world. L., 1970. P. 120.

имена всех работников. Хотя статус Кариона неизвестен ³³, не исключено, что он работал со своим рабом ³⁴.

Еще о двух пильщиках в отчетах записано: «паре пильщиков, пилившей лесоматериал (τὰ ξύλα), питающейся дома, 3 драхмы в день, 35 дней, итого 105 драхм» (1672. 160). Эти два работника работали попеременно, а не вместе, как об этом свидетельствует итоговая сумма. Как обычно, «питающиеся дома» получают поденную плату, их задание описывается самыми общими словами, без каких-либо уточнений.

Изготовители кирпичей. Некоторые сооружения в святилище строились из сырцового кирпича, в частности стены, ворота и башни. В отчетах сохранились имена четырех ремесленников, которые изготавливали сырцовые кирпичи.

Имя	Дем	Статус	Количество кирпичей	Цена за 1000	Сток.
Ликуг	Мелита	гражданин	26 000	?	1672.23
Евтий	Элевсин	»	9 000	40 др.	1672.56
Даос	»	метек	5 000	(38 др.) ³⁵	1672.25
Евтимид ³⁶	Коллиты	»	14 000	36 др.	1672.56

От Ликуга кирпичи привез беотиец Фереклид за 390 драхм (стоимость изготовления кирпичей в надписи не указана). Кирпичи, изготовленные Евтием, возили в святилище пять человек (Карион, Артим, Киприй, Евклес, Конон), получившие по 25 драхм за каждую привезенную тысячу кирпичей.

Таким образом, мы видим, что цены на кирпичи не совпадают, как не совпадает и стоимость их перевозки. Наиболее вероятное объяснение этому — разные размеры кирпичей ³⁷. Видимо, они различались и по качеству, как об этом можно судить на основании того факта, что самые дорогие кирпичи (Евтий) были οὖν τῶι γερώνιωι, т. е. с использованием особой глины (?) ³⁸. Разницу в оплате перевозки кирпичей логично объяснить разным расстоянием от места их производства до святилища. В таком случае Даос жил и работал в самом Элевсине, так как изготовление его кирпичей и их перевозка стоили всего 38 драхм. Однако доставка кирпичей от Ликуга из Мелиты (городской дем) обходилась значительно дешевле (на 10 драхм за 1000), чем из Элевсина от Евтия. Чем это можно объяснить? Возможно, тем, что кирпичи, сделанные Евтием, были большими по размеру, чем у Ликуга, что требовало большего числа ездов.

³³ Карион — имя «рабское», хотя его носитель мог быть вольноотпущенником.

³⁴ Ср. аналогичный пример с пильщиком Рэдием и его напарниками в отчетах Эрехтеяона (IG I². 373. 54—57).

³⁵ Стоимость вместе с привозом в святилище.

³⁶ Μισθωτῆι τοῦ τεύχεος τῆς ὑπολογ[ῆ]ς Εὐθυμίδει ἐν Κολλυτῶι οἰκοῦντι, λίθους παρ[εχ]ο[μ]ένωι πρὸς τῶι ἔργῳ κτλ. (1672. 8—9). Таким образом, в отчетах упомянуты два метека по имени Евтимид и оба из Коллиты. Если это один и тот же человек, то тогда окажется, что он сооружал каменный фундамент и изготавливал сырцовые кирпичи. Возможно, в такой деятельности с точки зрения греческого ремесленника нет ничего неожиданного, так как в обоих случаях речь в конечном итоге идет о строительстве стены. Но поскольку нам неизвестны другие примеры, аналогичные этому, оставим этот вопрос открытым. Не исключено, что эти два Евтимиды — разные люди, но это все же маловероятно (Wilamowitz. Op. cit. S. 279).

³⁷ Orlandos. Op. cit. T. I. P. 66.

³⁸ Maier. Op. cit. Bd II. S. 88.

Все четыре ремесленника были, очевидно, владельцами мастерских по производству кирпичей (πλινθεῖον, πλινθοουργεῖον)³⁹ в Мелите, Элевсине и Коллите, штат которых нам неизвестен, но естественно, что эти ремесленники работали не в одиночку, об этом говорит большое количество сделанных кирпичей.

Поскольку известно, что некий Архий (1672. 203—204) сделал четыре рамы (πλινθεῖα), использовавшиеся для изготовления кирпичей⁴⁰, вполне вероятно, что кирпичи делали и непосредственно на строительной площадке.

Кузнецы. Под кузнецами здесь имеются в виду специалисты широкого профиля, работавшие по металлу. По отчетам известно не менее восьми человек, хотя на самом деле их, вероятно, было больше. Некоторые из тех, у кого эпистаты покупали железные орудия труда, могли быть не торговцами, а ремесленниками. Кроме того, не всегда указывается, кто изготовил или поставил такие орудия (см., например, 1673. 28).

	Имя	Дем	Статус	Сткк.
1	Аристон	Холлеида	гражданин	1673.34, 35
2	Тимофей	Афидна	»	1673.26, 56, 57
3	Агатарх	Коллиты	метек	1673.29?, 30?, 52—53
4	Мнесилох	»	»	1673.32, 34, 37, 43, 51
5	Гефестион	Элевсин	»	1672.121; 1673.37—38
6	Ханес	»	»	1673.37—37
7	Манес	Пентелий	»	»
8	Сосидем	?	?	1672.206

Весьма вероятно, что кузнецами были Стронгилион (1673. 29, 39), Питфид (1673. 41) и Мосхион (1673. 40). Статус их неизвестен.

Для строительных работ требовалось большое количество металла. Он был необходим для изготовления скоб для скрепления каменных блоков, гвоздей, орудий труда, которыми работали ремесленники разных профессий и т. д. В отчетах зафиксированы работы, в основном связанные с изготовлением (и заточкой) железных орудий труда, гвоздей, ключей и железных деталей для повозок и подъемных механизмов.

Как видно из таблицы, среди кузнецов было не менее двух граждан и пяти метеков. Причем похоже на то, что Сосидем, Стронгилион, Питфид и Мосхион также были метеками (рядом с их именами нет указания на дем). Все эти ремесленники работали над выполнением заказа, видимо, по месту своего жительства, в своей мастерской, кроме, разумеется, тех случаев, когда было необходимо их присутствие на строительной площадке. Изготовленные ими изделия привозились в святилище: «... 6 молотков от Тимофея... 63 драхмы 3 обола» (1673. 26).

Художники, маляры, штукатуры. В надписях названия этих ремесленных специальностей отсутствуют, поэтому они выделены нами достаточно условно, лишь по характеру выполненных работ.

³⁹ Pollux I. 185; *Orlandos*. Op. cit. T. I. P. 53.

⁴⁰ А. Орландос (Op. cit. T. I. P. 56) считает, что здесь речь идет о процессе изготовления кирпичей, с чем трудно согласиться, поскольку указано количество сделанных рам — четыре.

	Имя	Дем	Статус	Сткк.
1	Левкон	Скамбониды	гражданин	1672.238
2	Сир	Алопека	метек	1672.141
3	Агафон	Скамбониды	»	1672.179
4	Лептин	Мелита	»	1672.180
5	Дексифей	»	»	1672.188
6	Парменон	?	?	1672.167
7	Эргасион	?	?	1672.186
8	Солон	?	?	1672.203

Работа этих ремесленников, большинство из которых, как видим, составляли метеки, заключалась в оштукатуривании и побелке эпистасия, алтаря, парастады и Элевсиния в городе (т. е. в Афинах), в смолении крыши. Эргасион расписал капители, которые сделал Мосхион, Дексифей расписал киматии, Левкон — что-то еще.

Обратим внимание на метека Агафона: «Агафону, живущему в Скамбонидах, сделавшему леса для [работников], обтесывающих парастаду, и покрывшему раствором ⁴¹ и смолой крышу, 60 драхм» (1672. 178—179). В другом месте сообщается, что от какого-то Агафона был доставлен клей для дверей (1672. 68. 161). Судя по характеру работы и товарам, приобретенным эпистатами, оба эти Агафона — одно и то же лицо. Он был ремесленником, хотя уточнить его специальность трудно (может быть штукатур?) ⁴². Хотя все рассмотренные выше ремесленники записаны в отчетах как работавшие в одиночку, не исключено, что у них были помощники.

В надписях встречается еще ряд ремесленников, чья работа, не говоря уже о профессии, не поддается точному определению. Причина этого в основном заключается в том, что описания их работ в надписях не сохранились.

	Имя	Статус	Дем	Профессия	Сткк.
1	?	?	?	?	1672.76
2	?	метек	Кидатены	?	1672.81
3	...клид	»	Алопека	?	1672.82
4	?	»	»	?	1672.84
5	?	»	Пирей	?	1672.88
6	Бион	гражданин	Пзаний	?	1672.95
7	?	метек	Скамбониды	?	1672.96
8	Ферсон	?	?	?	1672.99
9	Парменон	?	?	?	1672.98
10	Гераклид	?	?	каменотес?	1672.175
11	Архий	гражданин	Элевсин	плотник?	1672.228
12	Сикон	метек	Скамбониды	?	1673.11
13	Симий	»	Керамик	веревочник?	1673.14
14	?	» ⁴³	Кидатены	кузнец?	1673.29
15	?	»	»	кузнец?	1673.30
16	Диоклид		Мегары	?	1672.95

⁴¹ *κονίασις* — Tünche (Maier. Op. cit. Bd II. S. 89) — известковый раствор для побелки; клеевая краска. Операция эта не совсем нам ясна.

⁴² Сооружение лесов могло быть связано с характером его работы.

⁴³ К. Клинтон полагает, что безымянные метеки из Кидатен, упомянутые в сткк. 29—30, — это один и тот же человек — кузнец Агатарх (Op. cit. P. 93).

Бросается в глаза очевидное преобладание метеков над гражданами, так же как «ремесленных» демонов (Кидатены, Алопека, Скамбониды) ⁴⁴ над другими.

Чернорабочие. Эта категория наемных работников не выделяется специально в элевсинских строительных надписях в отличие от отчетов Эрехтейона, Парфенона и Пропилей. Термин *ἑσθητοί* в них не встречается, однако по характеру выполняемых работ и по некоторым другим признакам, о которых мы будем говорить ниже, не может быть сомнений в том, что они были таковыми.

Имена работников, выполнявших вспомогательные и черновые работы, никогда не называются в надписях. Поэтому нельзя точно определить их общее число. В отчетах фигурирует не менее шести десятков таких работников, но некоторые из них могли участвовать в выполнении нескольких заданий. С другой стороны, можно вполне определенно говорить о том, что их было не меньше 30 человек — столько занято в работе одновременно при выполнении одного из заданий (1672. 45—46) ⁴⁵.

Посмотрим сначала, какие работы выполняла интересующая нас категория работников. Они состояли: в подноске кирпичей, глины и лесоматериала для строителей стены (1672. 28—29); в осуществлении вспомогательных операций для работавших на воротах и башне (1672. 31—32); в какой-то черновой работе в святилище (1672. 32—34); в очищении строительной площадки от старых кирпичей и мусора и разбивании старых кирпичей (1672. 45—46); в разбивании и размельчении глины для приготовления обмазки для стены и башен (1672. 60—62). Вся эта работа, не требующая квалификации, дает полное основание считать выполняющих ее людей чернорабочими. Совершенно не случайно все они (кроме упомянутых в 1672. 31—32) получают минимальную поденную плату — 1 драхму 3 обола.

Как уже говорилось, эти чернорабочие никогда не называются по имени. В документах они фигурируют как «наемные работники». Однако если в отношении других наемных работников, зафиксированных в отчетах, после слова *μισθωτής* всегда идет имя, то в случае с чернорабочими после этого слова называется просто число безымянных людей, выполнивших работу («наемным работникам, работавшим в святилище, десяти человекам... [каждому] человеку, питающемуся дома, 1 драхма 3 обола, 40 дней, итого 600 драхм» — 1672. 32—34). Кроме того, они — единственные из всех ремесленников, работавших в святилище (за исключением каменотесов и плотников, о которых мы уже говорили и о которых еще будем говорить), «питаются дома» ⁴⁶ и получают поденную плату. На наш взгляд, эти особенности, характеризующие описываемую группу работников, позволяют видеть в них рабов.

К рабам нужно отнести еще три группы работников (речь о которых уже шла): трех или шестерых плотников (1672. 26, 110—111), четырех каменотесов (1672. 177—178) и двух пильщиков (1672. 159—160). Они отличаются от чернорабочих тем, что выполняют работу, требующую опре-

⁴⁴ Такими же «ремесленными» демами были Мелита и Коллиты (*Wilamowitz*. Op. cit. S. 283).

⁴⁵ Конечно, на самом деле чернорабочих было гораздо больше. В их число должны войти общественные рабы, часть работников в каменоломнях, участвовавших в перевозках различных материалов, и т. п.

⁴⁶ Слово *οἰκίζεσθαι* подчеркивает их отличие от общественных рабов, которым выдавались 3 обола на питание (1672. 4—5 и др.) либо же для покупки продуктов на рынке (1673. 57 и др.).

деленной квалификации, за что получают и более высокую, но поденную плату (от 2 до 3 драхм).

Четыре метека (Даос из Кидатен, Филокл из Коридалла, неизвестный из Алопеки, неизвестный из Элевсина) и еще один человек, неизвестный по своему статусу, выполняли, независимо друг от друга, задания по срыванию старых стен, выносу мусора и расчистке места для нового строительства (1672. 24—25, 47, 74—77). Если считать эти виды работ черновыми, то окажется, что в качестве чернорабочих работали и метеки. Как показывает строительство Эрехтейона, в этом нет ничего удивительного. Однако хотелось бы обратить внимание на следующее. В Элевсине упомянутые метеки работали сдельно и тем отличались от эрехтейоновских метеков, которые получали по 1 драхме в день за черновую работу, т. е. *работали сами*. Элевсинские же метеки не могли бы выполнить всю работу в одиночку. Филокл, например (1672. 24—25), если бы он был поденным чернорабочим, получавшим 1,5 драхмы в день, пришлось бы выполнять свое задание в течение нескольких месяцев (он получил 300 драхм). Отсюда с очевидностью следует, что четыре элевсинских метека, даже если они и работали сами, являлись одновременно руководителями каких-то бригад работников, осуществлявших всю работу. Трудно себе представить, что этими работниками были граждане: такие случаи неизвестны из строительных отчетов, не говоря уже о других причинах, заставляющих отказаться от такой мысли. Вряд ли они были и метеками: во-первых, свободный негражданин мог самостоятельно наняться на работу у эписитов; во-вторых, когда на работу подряжались свободные люди, судя по всему (во всяком случае, такие примеры известны по элевсинским отчетам), на камне выбивались имена всех, а не одного из них. Поэтому представляется вполне логичным видеть в этих работниках рабов, возможно, принадлежавших подрядчикам-метекам.

Таким образом, в элевсинских отчетах вполне ясно видно правило, в соответствии с которым наиболее тяжелые и наименее квалифицированные работы отдавались рабам. Опять же не случайно самую тяжелую и неквалифицированную работу (перевозка камня) выполняли общественные рабы.

Возчики. Перевозка различных материалов и предметов, необходимых для работ, занимала большое место в строительстве. Это подтверждается и отчетами. На строительную площадку доставлялись в значительных количествах каменные блоки ⁴⁷ и обработанные черне архитектурные детали, лесоматериалы, сырцовые кирпичи, черепица, изделия из металлов, дерева, глины и масса других материалов. Приходилось вывозить много строительного мусора. Все это требовало наличия большого числа людей, которые должны были заниматься перевозками. В отношении этих людей данные надписей скудны, подчас сведения об их деятельности предельно лаконичны. Имена многих возчиков не названы, часто не упоминается и сам факт перевозки, хотя она предполагается по контексту.

О подсчете общего числа людей, занятых перевозками, говорить не приходится. Ясно только, что этим делом занимались многие десятки людей. Их можно разделить на две категории. К первой относятся те, кто специально нанимался строительной комиссией для выполнения этого вида работ. Ко второй принадлежали люди, занимавшиеся перевозкой между делом. К ним относятся, например, некоторые торговцы и ремесленники,

⁴⁷ Поскольку о перевозке камня речь уже шла, здесь мы ее касаться не будем.

которые привозили в святилище свой товар или продукцию. Последний вид перевозок был в своем большинстве мелким и одноразовым.

В отчетах сохранились имена следующих возчиков.

	Имя	Статус	Дем	Стоимость перевозки	Сток.
1	Диоклид	?	?	7 др. 3 об.	1672.16
2	Пистий	гражданин	Сфетт	{ 270 + др.	1672.51—52
3	Дуриктонид	метек	Колонос		
4	Карион	?	?	{ 225 др.	1672.59
5	Артим	?	?		
6	Киприй	?	?		
7	Евклес	?	?		
8	Конон	?	?		
9	Тибей	метек	?	4 др.	1672.109
10	Меланфий	?	?	7 др. 3 об.	1672.126
11	Клеон	?	?	56 др.	1672.159
12	Арренид	гражданин	Пзаний	12 др. 3 об.	1672.196
13	Сосий	?	?	7 др. 3 об.	1673.18
14	Фуд	?	?	40 др.	1672.208
15	Мерокл	?	?	5 др. 3 об.	1672.210
16	Архиад	метек	Скамбониды	?	1672.241
17	Киприй	?	?	4 др.	1673.20
18	Фереклид		Беотия	390 др.	1672.23

Как видим, социальный статус большинства возчиков неизвестен. Два гражданина и три метека могли и не быть профессиональными возчиками, во всяком случае, им не был метек Тибей, потому что он, как это явствует из другого места надписи, был торговцем или ремесленником (он продал строительной комиссии смолу — 1672. 69).

Профессиональными возчиками⁴⁸ можно считать четырех человек: Меланфия и Клеона, каждый из которых назван в отчетах *πορθημαίος* (возчик, лодочник). Сосия и Киприя, названных *ῥεωκόμοι* (погонщики мулов). Меланфий привез хворост (?) *χληματίδες*, Клеон — лесоматериалы из Коринфа, Киприй — канаты; какой-то груз возил Сосий.

Об организации работ по перевозке грузов в основном приходится только строить гипотезы. Например, можно предполагать, что мелкие грузы типа изделий, купленных для нужд строительства в лавках в ограде Тесейона, перевозили случайные люди. Транспортировка же большой партии каких-либо грузов (как показывает пример с перевозкой барабанов колонн) должна была быть тщательно организована. На эти более или менее масштабные работы специально нанимались люди, которые могли организовать такую перевозку⁴⁹. Очевидно, они должны были иметь транспортные средства, иначе трудно себе представить, что Фереклид прибыл в Элевсин из Беотии без тягловых животных и повозки (или повозок). В некоторых случаях можно также предполагать, что часть возчиков имела в своем распоряжении рабочих, не зафиксированных в отчетах⁵⁰.

⁴⁸ О наличии в греческих полисах профессиональных морских перевозчиков см. *Arist. Pol.* 1291b 21—22.

⁴⁹ *Burford. Op. cit.* P. 16 f.

⁵⁰ Пистий из Сфетта и метек Дуриктонид вывозили отески камня с территории святилища, за что получили более 270 драхм. Если принять в качестве ежедневной платы за повозку 4 драхмы (столько, как мы помним, платили при транспортировке барабанов колонн), то получится, что они должны были возить эти отески в течение месяца ежедневно, т. е. слишком долго. Определенная условность в таких подсчетах, конечно, есть. Но все же они дают некоторое основание думать, что у Пистия и Дуриктонида было несколько повозок, которые должны были обслуживаться какими-то людьми.

Торговцы. Мы уже говорили о том, что выделить ремесленников из большой группы людей, поставлявших различные материалы и изделия на строительную площадку, очень трудно. Если не считать тех людей, которые определенно названы торговцами, большинство остальных остаются неизвестными по своей профессии. Это объясняется лаконичностью надписей. Приведем сначала список людей, определенно засвидетельствованных в качестве торговцев.

	Имя	Дем	Статус	Проданный товар	Сткк.
1	Памфил	?	?	Краска, смола (118 др. 0,5 об.)	1672.13—15, 89, 171
2	Сир	?	?	Косыки для дверей (28 др. 3 об.)	1672.70
3	Конон	?	?	? (30 др.)	1672.90
4	Атт	?	?	Кожы (76 др. 3 об.)	1672.104
5	Симий	?	?	Лесоматериал из кедра (210 др.)	1672.147
6	Калликрат	?	?	Изделия из железа (5 др. 5 об.)	1673.16
7	Каллифан	?	?	Дерево (12 др.)	1673.17
8	?	?	?	Смола (6 др. 2 об.)	1673.21
9	Тибей	?	?	Керамические изделия	»
10	Карион	?	?	Смола (2 др. 3 об.)	1673.22
11	Гермей	?	?	Дерево (24 др.)	1673.35
12	Стефан	?	?	Гиматии (93 др. 1 об.)	1673.46

Социальный статус ни одного из этих людей неизвестен. Следует обратить внимание на то, что торговые операции перечисленных людей были невелики, хотя четверо из них (Сир, Конон, Атт, Симий) названы «крупными купцами» (*ἐμπόροι*). То же самое относится ко всем другим операциям: одна из самых крупных (покупка лесоматериала) оценивается суммой в 512 драхм (1672. 148—149). Подавляющее большинство людей, поставлявших на строительство какие-либо материалы, фигурирует в надписях лишь один раз. Некоторые же имели достаточно активные контакты со строительной комиссией: например, лавочник (*σκηΐτης*) Памфил упомянут в отчетах не менее шести раз; имя метека Филона из Алопеки встречается девять раз (1672. 30, 97, 102, 123, 167, 174, 192, 194, 208), при этом говорится, что изделия, купленные у Филона, доставлены *ἐκ τοῦ Θησαυροῦ*, т. е. из одной из лавок, находившихся в ограде Тесейона. Это дает основание с достаточно большой уверенностью считать Филона торговцем. Товары из лавок в ограде Тесейона были куплены также у Гераклида (1672. 9—10), гражданина Аминия из Кидатен (1672. 65—66, 168; 1673. 45), некоего Калликрата (1672. 237) и еще одного неизвестного (1672. 69). Филон продавал гвозди, клещи, скобы, дверные ручки: все изделия — из металла, однако дважды (1672. 194, 208) он поставлял дерево. Если речь идет об одном и том же Филоне, то тогда можно прийти к выводу, что не все торговцы специализировались на продаже одного вида изделий или материалов.

Для строительных работ требовалось большое количество дерева. Интересно, что часть людей, поставлявших его в Элевсин, жила в Пирее: граждане Формион (1672. 62, 150, 165), Кефалион (1672. 125), Ксантипп (1672. 173). Данный факт не случаен: дерева в Аттике не хватало и его привозили из других мест, в частности из Македонии морем в Пирей (1672. 67)⁵¹. По отчетам видно, что немалая часть необходимых для строительства материалов была привезена в Аттику из других греческих полисов.

⁵¹ Borza E. The ancient Macedonian timber trade // *Acta Centri Historiae «Terra Antiqua Balcanica»*. V. I. Sofia, 1986. P. 29 ff.

	Имя	Место жительства	Товар	Стоимость	Сткк.
1	Архий	Самос	Балки, доски	440 + др.	1672.64—65, 93
2	Телест	Беотия	Побелка	223 + др.	1672.92, 108
3	Антиген	Мегары	Гиматии	314 др. 3 об.	1672.103
4	Сикон	Беотия	Корзины	4 др.	1672.117
5	Гагий	Коринф	Лесоматериал	119 др. 3 об.	1672.157, 170
6	Софоклей	Книд	Кипарисовые бревна	200 др.	1672.191
7	Каллий	Мегары	Эксомиды	83 др. 2,5 об.	1673.45
8	Мид	»	»	30 др. 4 об.	1673.46

Эти лица, по всей видимости, сами не приезжали в Элевсин. Вот что, например, говорится о торговой операции с Гагием: «... весь этот лесоматериал от Гагия коринфянина, итого 47 драхм 3 обола; наемным работникам, транспортировавшим (*διαχάλασιν*)⁵² лесоматериал (*τὰ ξύλα*) — 7 драхм; наемным работникам, доставившим [доски] к морю и погрузившим [их] на судно, 10 драхм; за перевозку морем всего этого лесоматериала корабельщику (*τορμαῖ*) Клеону 56 драхм» (1672. 157—158). Чернорабочие, перевозившие доски от Гагия к порту, вероятно, жили в Коринфе.

В работах в элевсинском святилище принимали участие общественные рабы. Во время ремонта в святилище их было 17 человек, в строительстве же портика участвовало уже 28 рабов. Эпистаты обеспечивали их одеждой и обувью. Этими товарами строительную комиссию снабжали следующие люди:

	Имя	Место жительства или дем	Статус	Товар	Стоимость	Сткк.
1	Антиген	μεγαρίκός ⁵³	?	17 гиматиев	1 шт. — 18 др. 3 об. (314 др. 3 об.)	1672.103
2	Атт	?	?	17 кож	1 шт. — 4 др. 3 об. (76 др. 3 об.)	1672.104
3	Аполлофан	?	?	1) 17 пар обуви 2) ремонт 17 пар обуви	1 пара — 6 др. (102 др.) 1 пара — 4 др. (68 др.)	1672.105 1672.190
4	Каллий	Мегары	?	11 эксомид	1 шт. — 7 др. 3,5 об. (83 др. 2,5 об.)	1673.45
5	Стефан	?	?	13 эксомид	1 шт. — 7 др. 1 об. (93 др. 1 об.)	1673.46
6	Мид	Мегары	?	4 эксомиды	1 шт. — 7 др. 4 об. (30 др. 4 об.)	»
7	Сир	Коллиты	метек	12 кож	1 шт. — 3 др. (36 др.)	1673.47
8	Анфей	Амаксанта	гражданин	16 кож	1 шт. — 2 др. 3 об. (40 др.)	»

⁵² *διαχάλασις* — перевозка на небольшое расстояние (*Orlandos. Op. cit. T. II. P. 21*).

⁵³ Если Каллий и Мид называются *Μεγαρεὺς* (мегарец), то Антиген — *μεγαρίκός* (мегарский). Не исключено, что Каллий и Мид были ремесленниками, у которых купили эксомиды в Мегарах (как, например, покупали лесоматериалы в Коринфе), а Антиген был мегарским торговцем, продававшим свои гиматии в Аттике.

	Имя	Место жительства или дем	Статус	Товар	Стоимость	Сткк.
9	Филоксен	?	?	14 пар	1 пара — 1 др. 5 об. (26 др.)	1673.48
10	Алкиад	Анагира- сий	гражданин	6 пар обуви	1 пара — 1 др. 4,25 об. (10 др. 1 об.)	»
11	Сириск	?	?	8 пар обуви	1 пара — 2 др. 1,25 об. (17 др. 3 об.)	1673.49
12	Харий	Агрила	метек	ремонт 28 пар обуви (9 пар — дважды)	1 пара — 1 др. 5 об. (67 др. 4 об.)	1673.49—50

Какие выводы следуют из этой таблицы? Во-первых, еще раз обратим внимание на то, что не все перечисленные в таблице люди были торговцами. Похоже, что ими не были Аполлофан и Харий. Поскольку они ремонтировали обувь, в них можно видеть сапожников — *ποδοματοποιοί* (или кожевников в широком смысле слова). Ремесленниками или владельцами эргастериев могли быть и некоторые другие. Во-вторых, большинство гиматиев и эксомид было сделано руками мегарских ремесленников, что согласуется с традицией (см., например: Aristoph. Acharn. 519), сообщающей о Мегарах как центре производства верхней одежды, в частности гиматиев. Вся остальная одежда и обувь, купленная для рабов, была изготовлена в Аттике. В-третьих, все однородные товары, приобретенные эпистатами для рабов, разнятся между собой по стоимости. Так, кожа, шедшая, по-видимому, на спецодежду наподобие фартука, стоила от 2 драхм 3 оболов до 4 драхм 3 оболов в зависимости от того, у кого она была куплена. Обувь оценивалась суммой от 1 драхмы 4,5 оболы до 6 драхм ⁵⁴. Стоимость одной эксомиды колебалась от 7 драхм 1 оболы до 7 драхм 4 оболов.

Чем же объяснить тот факт, что одежда и обувь были куплены у нескольких торговцев и по разным ценам? Однородный товар мог быть куплен у разных людей потому, что они были мелкими торговцами или ремесленниками. Не случайно Атт, у которого были куплены все необходимые для 17 рабов кожи, назван эмпором, т. е. крупным купцом. Антиген, который продал гиматии для 17 рабов, тоже должен был быть крупным торговцем, поскольку приезжать в Аттику из Мегар с небольшой партией товара вряд ли было ему выгодно. В таком случае в нем можно видеть торговца-скупщика, приобретавшего товар у мегарских ремесленников для дальнейшей перепродажи. Что касается разных цен на однородный товар, то здесь отсутствует обычная связь — чем больше проданная партия товара, тем дешевле стоимость единицы этого товара ⁵⁵. Не имея дополнительных данных, объяснить рассматриваемое обстоятельство очень трудно ⁵⁶.

⁵⁴ По Аристофану (Plutos. 983), в начале IV в. пара обуви стоила 8 драхм, но это, конечно, обувь не для рабов. Гиматии тоже стоили несколько дороже (20 драхм), чем те, которые были куплены для элевсинских рабов (Aristoph. Plutos. 982).

⁵⁵ Clinton. Op. cit. P. 99.

⁵⁶ Обратим еще раз внимание на эмпора Атта. Его кожи были самыми дорогими. Может быть, это объясняется тем, что он должен был увеличить цену на товар, чтобы получить прибыль, после того как кожи были им куплены у ремесленников (ср. Arist. Pol. 1259a 24—28)? Если это так, то метек Сир и гражданин Анфей могли быть ремесленниками (или владельцами мастерских): их кожи дешевле кож Атта на 1,5 и 2 драх-

В тексте отчетов трижды говорится о покупке черепицы для святилища. Одна партия, состоящая из 60 пар черепиц *ἑράδος Λακωνικός*, была куплена у некоего Сима, которому было уплачено по 4 обола за 1 пару (1672. 188). Скорее всего Сим жил в Аттике и производил (или продавал) черепицу лаконского типа. Поскольку в надписи ничего не говорится о доставке черепицы на строительную площадку, можно полагать, что ее изготавливали где-то поблизости ⁵⁷. Такие изделия, хотя и были сделаны в Аттике, именовались в соответствии с названиями тех мест, где они первоначально производились (лаконские замки и обувь, критская одежда, милетские ковры и т. д.). Однако нет необходимости вслед за В. Эренбергом ⁵⁸ видеть в этих товарах только изделия аттических ремесленников. Многие из них, конечно, были предметами межполисной торговли ⁵⁹.

Строительной комиссией было куплено еще две партии черепицы: «коринфская черепица от Деметрия, живущего в Лакнаде, 100 штук, стоимость 100 драхм, привоз ее в Элевсин 40 драхм; коринфская черепица, 200 штук, из Коринфа, [каждая] черепица по 5 оболов, всего 166 драхм 4 обола, привоз ее в Элевсин 6 драхм 4 обола» (1672.71—73). Коринфская черепица пользовалась большой популярностью благодаря своему высокому качеству. Известно, что она экспортировалась на строительство святилищ во многие города (Дельфы, Немее, Эпидавр и др.) ⁶⁰. Метек Деметрий, вероятнее всего, был ремесленником, изготавливающим черепицу коринфского типа ⁶¹, а не торговцем, продающим черепицу, привезенную из Коринфа. Бросается в глаза разница в стоимости доставки черепицы в святилище. В одном случае перевозка 100 штук из аттического дема стоит 40 драхм, в другом — 200 штук привезены из Коринфа всего за 6 драхм 4 обола. Объяснение этой разницы может быть только одно: из Коринфа черепицу везли морем, а от Деметрия — по суше ⁶², что было гораздо дороже ⁶³.

С современной точки зрения непонятно, почему строительная комиссия не покупала всю коринфскую черепицу в Коринфе — ведь она стоила дешевле, чем изготовленная в Аттике (87 драхм 1 обол за сотню вместе с доставкой против 140 драхм). Может быть, дело было в том, что местные ремесленники были не в состоянии сразу изготовить достаточно крупную

мы соответственно. Их эргастерии, так же как и сапожные мастерские, где была изготовлена (небольшими партиями) обувь для рабов, видимо, были небольшими. Вспомним в связи с этим, что сапожник Симон, к которому приходил для бесед Сократ (*Diog. Laert.* II, 13. 122), работал в одной из комнат своего дома (*Thompson D. B. The house of Simon the shoemaker // Archaeology.* 1960. 13. P. 235 ff.). Однако были и более крупные мастерские: например, в эргастерии Тимарха работали 9 или 10 кожевников (*Aesch.* I. 97), но что характерно, в нем работали только рабы.

⁵⁷ Такая мастерская, например, существовала во время строительства храма Зевса в Немее (*Miller S. Excavations at Nemea, 1973—1974 // Hesperia.* 1975. 44. P. 164 f.).

⁵⁸ *Ehrenberg V. The people of Aristophanes. A Sociology of Old Attic Comedy.* Cambr. Mass., 1951. P. 137.

⁵⁹ *Кошелев Г. А. Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ.* 1980. № 1. С. 17 сл.

⁶⁰ *Williams Ch. K. The importance of the corinthian roof tile as a commodity of international trade in the classical period // XIIe congrès internationale d'archéologie classique.* Athènes. 1983. P. 175.

⁶¹ Черепицу коринфского типа изготавливали во многих греческих городах (*Robinson H. Corinth as a center for the manufacture of architectural terracottas // Acta Centri Historiae «Terra Antiqua Balcanica».* V. I. Sofia, 1986. P. 51).

⁶² *Orlandos.* Op. cit. T. II. P. 30.

⁶³ Невозможно принять объяснение Г. Глотца, считающего, что таким образом эпистаты поощряли развитие «национального производства» (*Glötz G. Le travail dans la Grèce ancienne.* P., 1920. P. 219).

партию черепицы такого типа из-за отсутствия необходимых производственных мощностей?

Для приобретения различных материалов и изделий, необходимых для производства работ в святилище, строительная комиссия вступала в область, в которой ее организаторские способности сводились к минимуму. Эпистаты должны были приспосабливаться к тому положению вещей, которое сложилось на внутреннем и внешнем рынке. Для покупки же того, что отсутствовало на этом рынке, им приходилось проявлять активность и инициативу, в частности заказывать недостающее, пользуясь услугами «своих» и чужих ремесленников и торговцев. Вопросы снабжения и обеспечения по независящим от эпистатов причинам были организованы менее четко, чем сами строительные работы. Не случайно поэтому строительная комиссия покупает однородные товары (лесоматериалы, черепицу, изделия из железа, корзины, побелку, смолу, одежду для рабов, краску и многое другое) у разных людей и по разным ценам. Ни один из этих людей не мог обеспечить строительство целиком каким-либо данным видом материалов или изделий. Это объясняется тем, что все они были мелкими производителями и мелкими торговцами. Их производство и их торговля не были рассчитаны на такое массовое потребление, каким оно было при общественном строительстве, и им приходилось кооперировать свои усилия, чтобы его удовлетворить. Общественные строительные работы, таким образом, выступали в роли своего рода дополнительного рынка, потребляющего как рабочую силу, так и различные товары. Соответственно они были одним из стимуляторов (пусть и не действующим постоянно) для развития товарных отношений. Помимо этого общественное строительство (наряду с другими видами общественных работ и крупномасштабными по античным меркам частными заведениями) было одним из рынков потребления рабской рабочей силы.

Подведем краткие итоги нашего анализа элевсинских отчетов. С самого начала следует подчеркнуть обстоятельство, на которое практически не обращали внимания в научной литературе, посвященной рассматриваемым документам, а именно: поскольку отчеты эпистатов Элевсиния составлены по несколько другим принципам, чем прочие аттические строительные отчеты и прежде всего эрехтейонские, то в них не фиксировались все работники, принимавшие участие в строительных работах. Эти надписи требуют более тщательного анализа, применение подсчетов количества работников по их социальному статусу в соответствии со специфическими особенностями элевсинских документов. Их специфика не учитывается при сравнении с комплексом эрехтейонских отчетов: сравнение проводится наравную, что ведет к ошибочным выводам.

Специфика элевсинских отчетов связана, в частности, с методами оплаты работы. Внешне они мало чем отличаются от методов оплаты работы в отчетах Эрехтейона. Существует постоянное жалование, которое получает только архитектор, равное 2 драхам в пританию, т. е. в два раза больше, чем при строительстве Эрехтейона (1672.11; 1673.60).

Второй метод можно назвать сдельной оплатой, хотя он уже сильно отличается от применяемого во время работ на Акрополе: там сдельная работа была мелкой, что, в частности, отражалось и на количестве выданных денег; ее выполнял ремесленник, как правило, работавший в одиночку. В Элевсине же мы видим другую картину. По-прежнему существует сдельная работа, которую делает один ремесленник (всегда гражданин или метек), работа эта требует вполне определенного опыта, т. е. является квалифицированной. Однако наряду с ней существует сдельная работа,

стоившая достаточно дорого (часто несколько сотен драхм), причем совершенно очевидно, что в одиночку ремесленник выполнить ее был не в состоянии: она требовала участия какого-то количества рабочих рук, о которых отчеты ничего не сообщают. Если имена неизвестных нам работников не записывались в отчеты, значит, в этом не было необходимости: необходимость же такой записи отпадает в том случае, если они работают под руководством того человека, чье имя вписано в документ. Все эти руководители работ являются исключительно гражданами и метеками. Вряд ли появятся сильные основания сомневаться в том, что работавшие под их руководством люди были рабами. В самом деле, трудно представить, чтобы полноправный гражданин работал под началом метека, к тому же еще, например, на черновых работах. Такие примеры отсутствуют (для ремесла) в литературной традиции и строительных надписях Аттики, такое подчинение противоречит стремлению полноправного члена полиса к личной автаркии. Работать не на другого человека, а только на самого себя и на благо своей общины — идеал, которому в большей или меньшей степени старались следовать граждане полиса. К тому же гражданину и не было необходимости работать под чьим-либо руководством, он мог самостоятельно наняться у строительной комиссии. Последнее относится и к метекам. Не случайно в элевсинских надписях, когда несколько свободных работников трудятся вместе над выполнением одного задания, на камне выбивается имя каждого из этих работников. Таким образом, сдельная работа приобретает во многих случаях черты подряда, заключенного на выполнение достаточно большой по объему работы. Формально же в документах контракт не выделяется из ряда сдельных работ.

Третьим методом оплаты труда, применявшимся в Элевсине, была поденная плата. Здесь, как и при строительстве Эрехтейона, минимальное количество ремесленников (12 человек) выполняло более или менее квалифицированные работы за поденную плату (строительство из сырцового кирпича, укладка черепицы, обтесывание парастады, распилка бревен). Остальные же работники, трудившиеся поденно, выполняли только черновые работы. Учитывая те признаки, по которым эти работники — *οἰκοδομοί* — отличаются от других ремесленников (см. об этом выше), вряд ли могут быть какие-либо сомнения в том, что они были рабами. Причем, исходя из термина «питающиеся дома», в них нужно видеть частных рабов. Рабы общественные, принадлежавшие святилищу, выделяются в отчетах отдельно. Строительная комиссия обеспечивала их одеждой, деньгами на питание или продуктами. Работали они под началом специально представленного к ним эпистата⁶⁴. Характерно, что они, как правило, выполняют тяжелые черновые работы (перевозка камня, работы по очистке храма от мусора и т. п.).

Таким образом, при подсчетах количества и состава рабочей силы, занятой в строительных работах в Элевсине, нужно учитывать большую группу работников, главным образом рабов, которые в своем большинстве в отчетах не зафиксированы. В эти подсчеты необходимо включать также и рабов — *οἰκοδομοί*. В соответствии с этим получается, что в Элевсине работала не одна сотня рабов (особенно если принять во внимание черно-рабочих в каменоломнях, на погрузке камня и других строительных материалов, на транспортировке и прочих видах тяжелых работ). Учтем также и то обстоятельство, что часть материалов и изделий, купленных эпистатами у граждан и метеков и изготовленных в их эргастериях, мог-

⁶⁴ 1672. 4—5, 42, 71, 117—118, 141—142, 233—234; 1673. 24, 39, 44—50, 57—59.

ла быть сделана в том числе и рабами. Соответственно круг работников, имевших отношение к строительству, должен быть расширен дальше, но точное их количество нам неизвестно.

Свободные ремесленники выполняли главным образом квалифицированные работы. В том случае, когда их имена упоминаются в связи с черновыми работами, речь идет об их руководстве бригадой рабочих. Многие из них, возможно, имели эргастерии, откуда поставляли необходимые для строительства изделия (например, кузнечные, кожевенные, по производству одежды, канатов и веревок и т. д.). Численно среди свободных ремесленников преобладали метеки.

Итак, основную массу работников на строительных работах в Элевсине составляли рабы и метеки, хотя о точных цифрах говорить пока не приходится ⁶⁵.

В. Д. Кузнецов

CRAFTSMEN OF ELEUSIS

V. D. Kuznetsov

This work is devoted to the craftsmen known from builders' accounts from Eleusis. From an analysis of these accounts the author concludes the following. (1) The Eleusian documents do not record all the workers by any means who were engaged in building, because only the names of the leader of the work and the sub-constructor are inscribed in stone. (2) The nameless workers (*οἰκιστοὶ*) were obviously privately owned slaves who were hired out for building work. (3) Skilled and unskilled work was paid by different methods; the former by piecework, the latter by the day. (4) The following pattern is traceable in the accounts: unskilled and heavy types of work were practically always performed by slaves, while citizens were engaged on work requiring high skill, in exceptional cases, and metics in most cases.

In order to represent the ratio of the craftsmen of various status correctly, it is necessary to allow for the considerable number of slaves not recorded in the Eleusian accounts.

⁶⁵ Цифры, приведенные Л. М. Глускиной (Ук. соч. С. 61) на основе ее подсчетов (20—25% элевсинских работников были гражданами), в соответствии со сказанным выше не могут считаться бесспорными.

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

РАБОТА ФРАНЦУЗСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МИССИИ В ЮЖНОМ ЙЕМЕНЕ

Французская археологическая миссия в Народной Демократической Республике Йемен ведет работы в Хадрамауте и в первую очередь в Шабве — древней столице этого царства. Раскопки городища Шабвы были начаты в 1974 г. Жаклин Пиренн и продолжались под руководством автора настоящего сообщения до декабря 1987 г. Раскопки финансировались в основном Департаментом общественных и гуманитарных наук Министерства иностранных дел Франции; существенную поддержку оказал также Центр исследований культуры и древностей в Адене.

По предложению этого Центра Французская миссия вела поисковые работы в вади Хадрамаут (1978—1979 гг.), вади Майфа'а и вади 'Амаким (1982 г.) (рис. 1) и в провинции Шабва. Исследования 1983 г. в вади Марха позволили отождествить городище Хаджар Абу Зейд (или Хаджар Йахир) с предполагаемой столицей царства 'Аусан, а также обнаружить многочисленные городища у притоков этого вади. Два года спустя, после случайной находки бытовых предметов из ценных металлов на городище Хаджар ам-Зайбья (вади Дура', к юго-востоку от Нисаба), в результате охранных раскопок был обнаружен богатый материал погребений I—III вв. н. э., который в настоящее время публикуется. Тогда же по просьбе Центра исследований культуры и древностей Французская миссия вела поисковые работы на побережье Индийского океана, в основном в районе Зинджибара и Ахвара; появились исследования, посвященные архитектуре, керамике, монетам римского времени (М. де Карденаля, М. Тиалена, М. Биль 'Афира). Благодаря стараниям Французской миссии были опубликованы коллекции музея в Адене (Ж. Пиренн), клад римских и аксумских монет из Эль-Мазарибы (С. Мунро-Хей); предполагается также опубликовать коллекции музея в Байихане (Ж.-Ф. Бретон, Ф. Брон, К. Робен).

Проводимые в настоящее время исследования группируются вокруг трех основных тем.

Ранняя история Шабвы. Шабва расположена к югу от Руб-ал-Хали, по краю пустыни Рамлат ас-Саб'атейн, у подножья склона плато Хадрамаут (джоля). Джоля характеризуется плоской вершиной без каких-либо четвертичных отложений; он прорезан глубокими каньонами, нередко имеющими плоское дно. В устьях наиболее крупных вади (например вади 'Атф) в течение длительного времени скапливался ил; там оказалось возможным создать обширные ирригационные сети.

Три поисковые экспедиции, возглавляемые М. Л. Инизан и Л. Ортильбом, выявили на плато джоля вокруг Шабвы и по склонам индустрию раннепалеолитического типа. Это индустрия крупных бифасов на кварците, кремневая индустрия бифасов, левалуазская обработка (по берегу вади Ма'ка). Эти индустрии, обнаруженные только на поверхности, пока не поддаются точной датировке. К югу от Шабвы, в верховьях вади Харва, на городище № 33 также были обнаружены мастерские по обработке кремня и кварцита; там найдены скребки с прямой и закругленной передней частью, камни с двумя обработанными сторонами, наконечники стрел с длинным черешком.

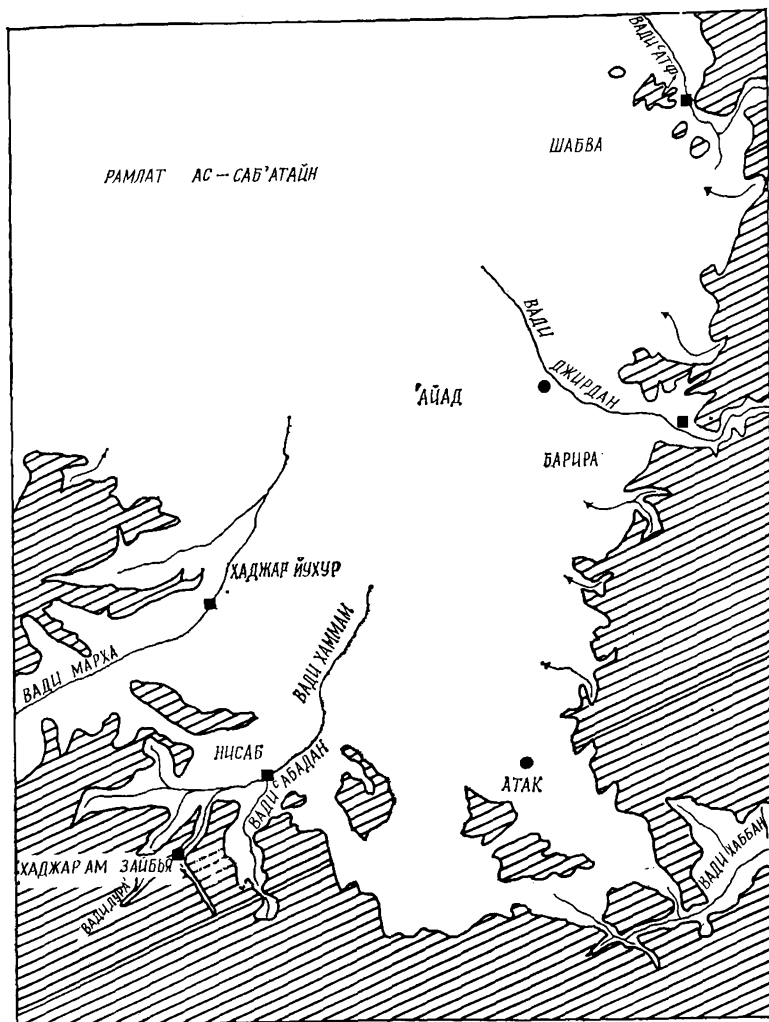

Рис. 1. Карта области Шабва

На многих городищах по краю пустыни отмечаются скопления обожженных камней и рядом — обработанные каменные изделия (главным образом кремневая индустрия): скребки, бифасы из кварца, пластинки и нуклеусы из обсидиана. Обнаружены два очага, одному из которых 5330 ± 70 , а другому — 4800 ± 400 лет.

Западнее, у останцов ал-Кувид, находится большая круглая котловина, в которой когда-то было озеро; зондаж выявил отложения, характерные для водной среды. На берегу древнего озера были проведены раскопки одного из многочисленных каменных сооружений прямоугольной формы, которое оказалось могильником. В 1989 г. предполагается начать систематические раскопки сходных комплексов, расположенных к югу от Шабвы.

В заключение отметим, что уже сейчас можно установить хронологию городищ неолитического типа у границ пустыни; можно также попытаться датировать комплексы из камня и определить, к какой культуре они относятся. Исследования такого рода в провинции Шабва только начинаются.

Проводимые в настоящее время исследования в верховьях вадь 'Атф пока не позволяют с уверенностью сказать, какие из городищ относятся к III тыс. до н. э. Едва ли здесь можно рассчитывать на какие-либо открытия, учитывая размеры поздних аллювиальных отложений, а также регулярно ведущиеся сельскохозяйственные работы. На самом городище Шабвы, у подножья перевала ал-Акаб, установлено наличие слоев, датируемых II тыс. до н. э., возраст которых определяется в 3590 ± 90 (GIF 6291), 3580 ± 60 (GIF 7134), 3500 ± 60 (GIF 7133) и 3430 ± 60 лет (GIF 6051). Эти датировки, вероятно, соответствуют самым ранним слоям наиболее крупных городищ на краю пустыни Рамлат ас-Саб'атеин.

Южноаравийская архитектура. Предметом исследований, проводимых в Хадрамауте и в некоторых периферийных районах пустыни, стала и южноаравийская архитектура. На большей части городищ обнаружены каменные цоколи высотой от 1 до 3 м, иногда покрытые значительным слоем отложений. Некоторые цоколи сделаны из неотесанного камня, другие — из более тщательно обработанного; встречаются даже исодомные. Все они имеют внутренние стены в технике ортогональной кладки. Назначение этих сооружений, отмеченное еще Дж. Б. Филби (1936 г.) и Л. Вулли (1938 г.), осталось неясным для большинства археологов, в частности Р. А. Б. Гамильтона, который раскопал в 1938 г. в Шабве большое строение такого типа.

Работы Французской миссии в Хадрамауте и в первую очередь на городищах Машга в вадь Идм и Райбун в вадь Хаджарейн начиная с 1979 г. позволили приблизиться к решению этой проблемы. В Машге сохранились три дома (обозначенные условно I, J, K) с мощными каменными цоколями, над которыми от уровня первого этажа возвышаются стены. Стены в хорошем состоянии, имели деревянный каркас; хотя он и пострадал от сильного пожара, но сохранились следы от вертикальных и горизонтальных балок. Сырцовый кирпич, подвергшийся «обжигу» вследствие пожара, первоначально служил заполнителем пространства между балками. Этот строительный принцип встречается в архитектуре многих зданий от Хадрамаута до Катабана. Оставалось только найти деревянные балки, составлявшие каркас.

Уже в Шабве над цоколями многих строений (№ 91, 36, 50, 51 и др.) было найдено несколько продольных и поперечных балок. Однако решающим этапом в изучении этого типа архитектуры стали раскопки так называемого царского дворца, когда были обнаружены сотни довольно хорошо сохранившихся балок. На некоторых из них еще видны шипы и пазы, необходимые для сборки; отдельные доски украшены зубчатой резьбой; сохранились также следы красной краски, которая покрывала отдельные деревянные части. До нас дошло лишь несколько таких фрагментов, но зато удалось восстановить в деталях систему соединения балок. Исследование, которое провел Ж. Сэнь, позволило понять принцип такой конструкции: у основания стен устанавливались вертикальные балки, которые скреплялись поперечными; на верхнем конце каждой вертикальной балки устанавливалась еще одна такая же высотой от 1,2 до 1,4 м; второй ряд этих балок также скреплялся поперечными и т. д. Можно, таким образом, полностью восстановить центральное здание, основой которого был деревянный каркас; промежутки между балками заполнялись сырцовым кирпичом, а снаружи покрывались известняковой плиткой с рустовкой.

Балки, найденные в развалинах соседнего здания с портиками, позволяют восстановить один этаж с обводной галереей, над которой был навес из дощечек, чередующихся с известняковой плиткой и скрепленных известковым раствором. Галерея выходила на центральный двор, имела большие пролеты с каменным восьмигранным столбом высотой в 2,05 м, над которым возвышалась двусторонняя капитель.

Центральное строение имело несколько этажей, точное их количество неизвестно. На первом этаже были небольшие проемы, на других этажах в более значительных по размерам помещениях располагались комнаты различного назначения (рис. 2), как в традиционных йеменских домах. В здание можно было попасть по каменной лестнице, которая впоследствии была полностью разобрана. Этот величественный царский

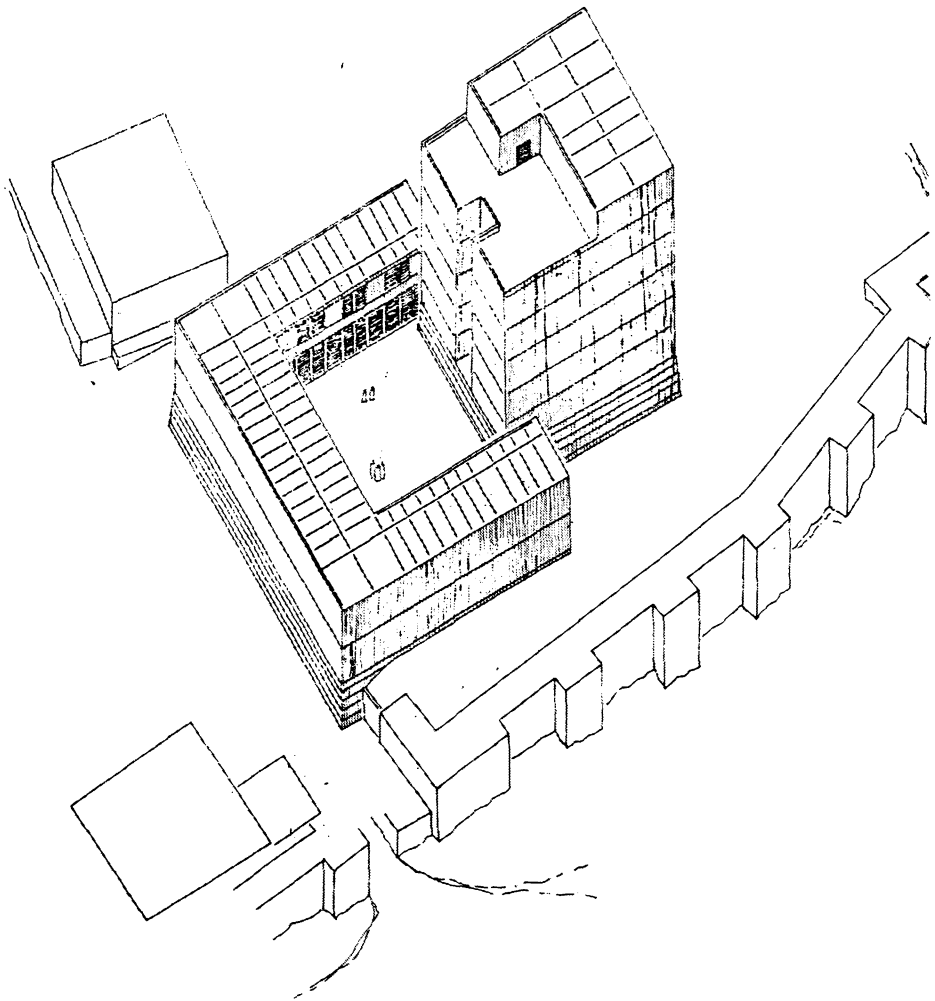

Рис. 2. Гипотетическая реконструкция «царского дворца» в Шабве (Ж. Сэнь)

дворец, судя по всему, похож на хмъяритские замки, описание которых мы находим у ал-Хасана ал-Хамдани (X в. н. э.); он писал о массивных домах-башнях, которые располагали собственными средствами защиты и в то же время могли быть легко уничтожены огнем.

Для идентификации этого здания существенны надпись из Мариба (ал-Ирйани, № 13), упоминающая «дворец-Shqr, дворец Иль'язза Йалута (сына Аммзахара), царя Хадрамаута», текст из ал-Уклы, сообщающий о ремонтных работах в *byt Shqr*, а также монетная легенда *Shqr*. Дворец мог быть построен в период между IV и II в. до н. э., в первый раз был разрушен в 225—230 гг. н. э. (согласно надписи ал-Йрйани), восстановлен в середине III в. н. э., затем полностью сгорел в промежутке между IV и V вв. н. э. (1670 ± 80 лет тому назад: GIF 6938).

К. Дарль, исследовав около ста цоколей внутри городских стен Шабвы, пришел к заключению, что все они (кроме тех, которые относятся к святилищам) первоначаль-

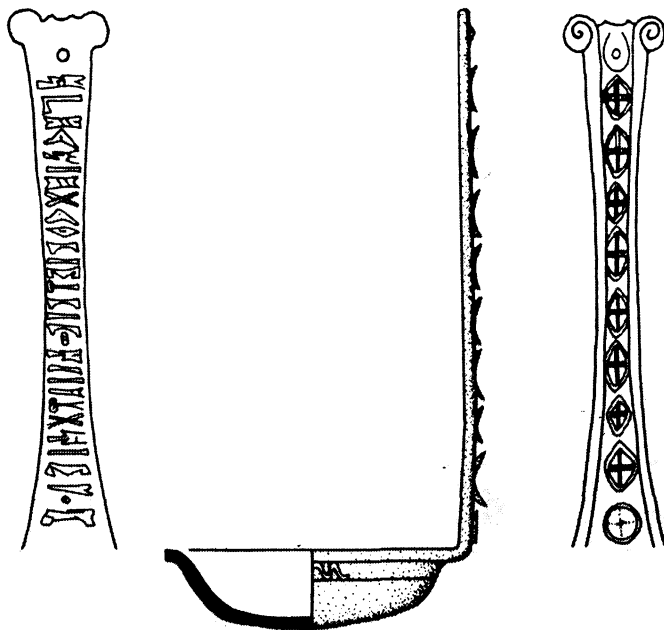

Рис. 3. Ковш из серебра с позолотой. На ручке со слегка вогнутыми краями длинная надпись: «Илзарах зу Тарафум поместил (это) в MWST его дома Shaba'n»

но были частью высоких зданий сходной конструкции. Эти здания, видимо, принадлежали весьма обеспеченным слоям населения. С другой стороны, в результате раскопок Ж.-К. Ру в 1987 г. за второй крепостной стеной были обнаружены жилища совершенно другого типа (два жилых помещения на этапе 2 и две комнаты на этапе 3); материалом для них послужил сырцовый кирпич и адоб. Вероятно, в таких домах жили наименее привилегированные слои населения, тогда как «элита» занимала дома-башни усложненной архитектуры внутри городских стен.

Хадрамаут и его культурное окружение. Исследования последних лет позволяют уточнить место Хадрамаута и, в частности, его западных областей в окружавшем его культурном мире.

В культурных слоях Шабвы середины II тыс. до н. э. почти не представлены ни керамика, ни фрагменты строений, поэтому связи с другими городищами того же времени, расположенными по краю пустыни или в горных местностях, проследить довольно трудно. В Карат Кибда (Восточный Хадрамаут) найдена антропоморфная фигурка, которая напоминает статуэтки эпохи средней бронзы на Леванте, но другие образцы такого типа в Шабве не обнаружены.

О начальных этапах так называемого южноаравийского периода (VI—V вв. до н. э. по данным эпиграфики) в тех местах, где оказалась возможной стратиграфия, трудно сказать что-либо определенное, так как отсутствует характерный для этого периода материал. К противоречивым свидетельствам присутствия сабейцев в Хадрамауте едва ли можно добавить что-то новое, кроме одного посвящения 'Imqh из вадии Дура' и надписей из Бир Хамада в устье вадии Духр. Судя по всему, эти сабейцы (торговцы или колонисты) принесли в Хадрамаут новые элементы архитектуры и религиозных представлений.

Около V в. до н. э. Шабва, видимо, начинает вступать во внешние контакты, однако степень их интенсивности установить пока невозможно; керамический импорт

Рис. 4. Дно ковша, украшенное орнаментом и изображениями двух сцен охоты

документирован фрагментом греческой чаши со штампованным орнаментом (здание № 34). Что касается влияния ахеменидской глиптики на местные печати, оно подробно исследовано в диссертации Л. А. Акила (Парижский Университет 1). Отметим, что в Шабве обнаружены монеты, имитирующие афинские драхмы.

На рубеже нашей эры благодаря развитию мореплавания по Красному морю и Индийскому океану, а также в результате вторжения в Южную Аравию римских легионов Хадрамаут начинает контактировать с греко-римским Востоком. В ходе работ экспедиции в 1975 и 1976 гг. в Шабве обнаружено множество фрагментов с печатями, около двух десятков которых восходит к первым годам нашей эры. Это фрагменты корпуса сосудов обтекаемой формы, плоских блюд с орнаментом в виде концентрических линий и т. д.; к этому следует добавить фрагменты римских амфор из Лация и Южной Италии (Л. Куртуа). Следует упомянуть также светильник с закругленным носиком, украшенным у основания завитками, который можно датировать серединой I в. н. э. Находка еще одного светильника в вадии Румх (приток вадии Марха) свидетельствует о том, что в Хадрамаут в определенный период импортировались изделия этого типа, но их копирование не приобрело здесь широкого размаха. В некрополе Хаджар ам-Зайбья обнаружен греко-римский материал (скорее всего импорт): изделия из стекла (в частности миллсфiori), бронзовые полусферические сосуды (по определению С. Тассинари).

Во II—III вв. н. э. импорт в Хадрамауте и, в частности, в Шабве уменьшается по сравнению с предыдущим периодом; реже встречаются «терра сигиллата», сирийское стекло. В «царском дворце» найден раскрашенный кубок, украшенный орнаментом из листьев, на нем изображены бегущие собаки, в центре — сцена с человеческой фигурой. До местных мастерских в Хадрамауте доходило римское влияние; мастера по бронзе тщательно копировали статуэтки, посуду, украшения. Так, один из хад-

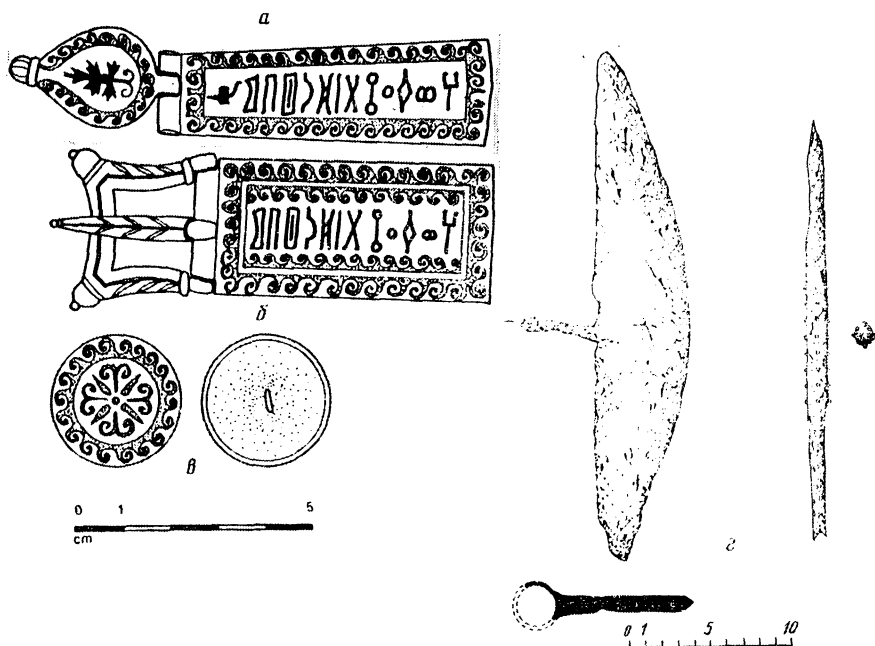

Рис. 5. *a* — серебряная застежка с разъемными пластинками длиной в 7 см; *б* — серебряная пряжка от пояса длиной в 9,5 см; *в* — серебряная пуговица; *г* — железные топор и рогатина. Весь этот материал происходит из некрополя Хаджар ам-Зайбья в вадии Дура¹ (провинции Шабва)

рамаутских ювелиров, которому были знакомы орнаменты с изображениями живых существ, довольно неумело использовал такой мотив на серебряном кубке. Этот кубок, как и другая уникальная утварь из ценных металлов (ковш из серебра с позолотой, см. рис. 3, 4; кубок с шпешечками, позолоченная серебряная шкатулка, позолоченный медный кубок с изображением сцен охоты), золотые и серебряные украшения (золотой перстень, браслеты и т. д.), оружие (нож из серебра, серебряные пряжка и застежка для пояса, см. рис. 5), были изготовлены в районе вадии Дура¹. Посуда из ценных металлов, по мнению Ж. Баратта, свидетельствует о влиянии (о котором стало известно лишь сейчас) римских мастеров на южноаравийских. Большая часть этих изделий восходит ко II—III вв. н. э. и лишь некоторые — к I—II вв. н. э. Посвящения, содержащиеся на отдельных изделиях, позволяют соотнести область Хаджар ам-Зайбья с племенем Зу-Тарафум, а местное святилище Shaba'n — с божеством Syn dhū-'llim.

Перед центральной башней «царского дворца» в Шабве располагалось здание с портиками. В период между 230 и 260 гг. н. э. прибывший из Восточного Средиземноморья мастер расписал промежутки между балками фресками, изображавшими растительные или геометрические мотивы, людей. В передаче одежд этих персонажей, их цвета кожи и поз сочетаются местные и греко-римские традиции. Капитель, венчающая центральный столб (см. выше), украшена изображениями крылатых и рогатых львов (сюжет, характерный для восточной традиции), собак, амфоров.

В целом новый материал из раскопок Шабвы и Хаджар ам-Зайбья позволяет по-новому осветить отношения между Хадрамаутом и греко-римским миром. Надеемся, что в дальнейшем этот материал пополнится новыми открытиями.

Ж.-Ф. Бретон,
руководитель Французской археологической миссии в Южном Йемене

THE WORK OF THE FRENCH ARCHAEOLOGICAL MISSION IN SOUTH YEMEN

J.-F. Breton

The author discusses the results of about ten years' work of the French archaeological mission in South Yemen embracing three main subjects: (1) Early history of Shabwa; (2) South Arabian Architecture; (3) The Hadramawt and its cultural environment.

Fig. 1. Shabwa district. A map

Fig. 2. The royal palace. Reconstruction (J. Seigne)

Fig. 3. A gold-plated silver ladle

Fig. 4. The bottom of the ladle decorated with an ornament and hunting-pieces

Fig. 5. Findings from the necropolis of Hajar am-Dhaihya (near Wādī Dûra)

РАБОТЫ ИТАЛЬЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МИССИИ В СЕВЕРНОМ ЙЕМЕНЕ

Итальянская археологическая миссия, с 1980 г. работающая в Йеменской Арабской Республике (ЙАР), с самого начала стремилась реконструировать различные историко-культурные процессы, происходившие в доисламском Йемене. В основу был положен комплексный подход (в экспедиции работали и палеоэкологи)¹.

С 1983 г. миссия на средства Итальянского Института Среднего и Дальнего Востока (IsMEO) и при поддержке Министерства Иностранных дел руководит пятилетней программой сотрудничества в области подготовки местных археологов, которые в ближайшем будущем смогли бы осваивать и сохранять богатейшее художественное наследие страны². Этот новый подход к работе миссии, требующий применения долгосрочного плана исследований, позволяет сотрудничать с Главным Управлением древностей и Библиотекой ЙАР и дает возможность рассматривать уже достигнутые научные результаты как весьма плодотворные³.

Разведки, систематически проводимые в изучаемой зоне, которая простиралась между современной столицей Саной и древней сабейской столицей Марибом, обнаружили по крайней мере три различные доисторические культуры: палеолитическую, неолитическую и культуру бронзового века⁴.

Появление первого населения в Йемене восходит к нижнему палеолиту. Каменные орудия этого периода были найдены в центральных долинах плоскогорья и в его западной части. Кроме того, исследования привели к открытию на внутренних гори-

¹ *Maigret A. de*. Prospezione geoarcheologica nello Yemen del Nord. Notizia di una prima ricognizione // *Oriens Antiquus*. 1980. 19. P. 307—313; *idem*. Ricerche archeologiche nella Repubblica Araba Yemcnita. Notizia di una seconda ricognizione // *Ibid*. 1981. 21. P. 237. 253.

² *Idem*. Activities of the Italian Archaeological Mission in the Yemen Arab Republic (1983 Campaign) // *East and West*. 1983. 33. P. 340—344.

³ *Gnoli G.* Research activities in Arabia: a foreward to the first scientific contribution by the Italian Archaeological Mission of the IsMEO in the Yemen Arab Republic // *The Sabaean archaeological complex in the Wādī Yalā (Eastern Ḥawlān at-Tiyāl, Yemen Arab Republic) (=IsMEO Reports and Memoirs. XXI)*. Ed. by A. de Maigret. Roma, 1988. P. IX—XIII.

⁴ *Maigret A. de, Fedele F. G., Di Mario F.* Lo Yemen prima del regno di Saba // *Le Scienze*. 1988. 234. P. 12—23.

Рис. 1. Ар-Ракла (Хаулан ат-Тийал). Дом бронзового века после раскопок

стых склонах Йемена (Хаулан ат-Тийал) больших среднепалеолитических мастерских по изготовлению кремневых орудий⁵.

В этой же зоне в 1983 г. выявлена другая, более поздняя доисторическая культура, определенная нами как «неолитическая», с характерными для нее овальными отдельно стоящими домами и утонченной техникой обработки камня. Раскопки свидетельствуют о начале домостроения животных и позволяют реконструировать способы присвоения природных ресурсов первыми оседлыми жителями Йемена в условиях более влажного, чем сегодня, климата⁶.

Расширение зоны разведок по направлению к Красному морю, с одной стороны⁷, и к пустыне, с другой⁸, показало, что неолитическая культура была распространена

⁵ *Bulgarrelli G. M.* Archaeological activities in the Yemen Arab Republic, 1985: Research on Pleistocene and Palaeolithic Sites // East and West. 1985. 35. P. 360—363; *idem.* Archaeological activities in the Yemen Arab Republic, 1986: Palaeolithic Culture // Ibid. 1986. 36. P. 461—464; *idem.* Altsteinzeitliche Werkzeugfunde in Nordjemen // Jemen: 3000 Jahre Kunst und Kultur des Glücklichen Arabien. Hrsg. von W. Daum. Innsbruck, 1987. S. 33—34.

⁶ *Fedele F. G.* Archaeological activities in the Yemen Arab Republic, 1985: Research on Neolithic and Holocene Paleoeconomy in the Yemen highlands // East and West. 1985. 35. P. 369—373; *idem.* Archaeological activities in the Yemen Arab Republic, 1986: Neolithic and Protohistoric cultures: excavations and researches in the Eastern highlands // Ibid. 1986. 36. P. 396—400; *idem.* Die Jungsteinzeit im Nordjemen // Jemen: 3000 Jahre Kunst und Kultur... S. 35—38.

⁷ *Tosi M.* Archaeological activities in the Yemen Arab Republic, 1985: Tihāmah coastal archaeological survey // East and West. 1985. 35. P. 363—369; *idem.* Archaeological activities in the Yemen Arab Republic, 1986: Neolithic and Protohistoric cultures: survey and excavations on the coastal plain (Tihāmah) // Ibid. 1986. 36. P. 400—415.

⁸ *Di Mario F.* Archaeological activities in the Yemen Arab Republic, 1986: Neolithic and Protohistoric cultures: The Neolithic in the Ramlat Sab'atayn desert // Ibid. P. 415—418.

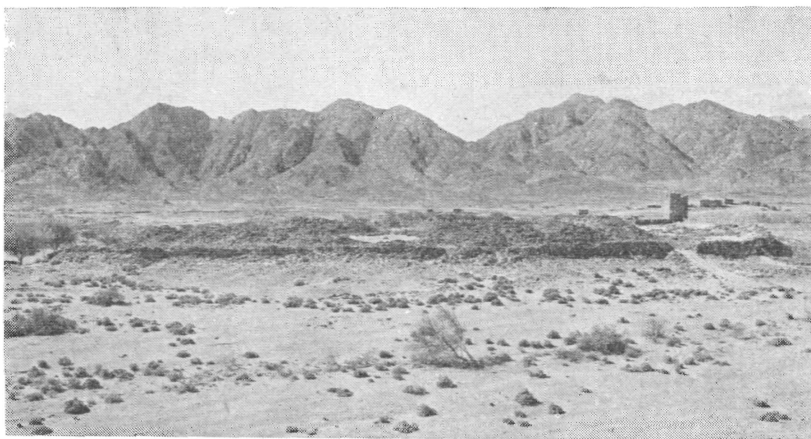

Рис. 2. Сабейский город Йала (древняя ḤFRY)

по всей йеменской территории, хотя и в виде отчетливо различающихся палеоэкономических моделей. В то время как поселения плоскогорья предоставляют данные об экономике, базировавшейся на разведении крупного и мелкого рогатого скота, многочисленные доисторические местонахождения, открытые в Тихаме, при пересечении побережья с устьями различных вад, свидетельствуют о существовании хозяйства, основанного на рыбной ловле, а неолитические, обнаруженные на междюнных древних почвах Рамлат Саб'атайн,— основанного на охоте. Неолит в чрезвычайно контрастной географической обстановке Йемена приобретает одновременно три различных облика.

Уяснению предыстории Южной Аравии способствовало открытие между 1981 и 1985 гг. памятников бронзового века, датируемых III—II тыс. до н. э.⁹ Более полусотни памятников этого периода было обнаружено в гористой части Западного Хаулана; результаты разведок и раскопок, проведенные на четырех основных поселениях, дают достаточно ясную картину культуры, которая становится затем непосредственной предшественницей сабейской цивилизации. Речь идет о сельскохозяйственных поселениях с овальными домами, сосредоточенными вокруг площадей, предназначенных для совместной деятельности (рис. 1). Возвышения из сырца опираются на основания из необработанных каменных блоков. Центральные столбы поддерживали кровли. Некоторые раскопки позволили обнаружить на земляных полах керамику, каменные орудия, предметы из бронзы и полудрагоценных камней, зернотерки, пестики и в изобилии кости животных. Изучение семян, попавших в керамическое тесто, и костных остатков показывает, что возделывались сорго, пшеница и ячмень¹⁰, разводились быки, овцы и свиньи¹¹. Керамика совершенно отлична от керамики последующего сабейского периода и указывает на возможность поисков истоков культуры царств Южной Аравии за пределами йеменского ареала.

⁹ *Maigret A. de.* A Bronze Age for Southern Arabia // *Ibid.* 1984. 34. P. 75—106; *idem.* Archaeological activities in the Yemen Arab Republic, 1985: Excavation of the «Ar-Raqlah» Bronze-Age site // *Ibid.* 1985. 35. P. 352—355; *idem.* Die Bronzezeit des Jemen // *Jemen: 3000 Jahre Kunst und Kultur....* S. 39—49.

¹⁰ *Costantini L.* Plant impressions in Bronze Age pottery from Yemen Arab Republic // *East and West.* 1984. 34. P. 107—115.

¹¹ *Fedele F. G.* Fauna of Wadi Yana'im, Yemen Arab Republic // *Ibid.* P. 117—125.

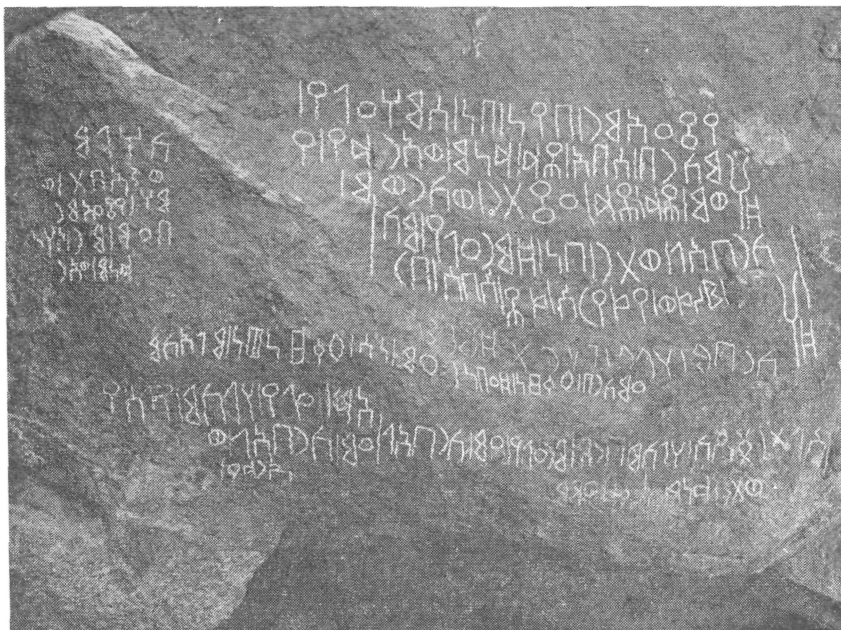

Рис. 3. Наскальные надписи, обнаруженные в Ши б ал-'Акл, около Йала

Палеоэкологические исследования показали, что культура эпохи бронзы закончилась к середине II тыс. до н. э.¹² из-за нарушения геогидрологического равновесия, на котором основывалось хозяйственное процветание этих земледельческих общин. Плоскогорья, изборозжденные теперь бурунами и непостоянными потоками воды, были покинуты, а люди стали обосновываться вдоль края пустыни на востоке. Появляются внушительные гидравлические сооружения, которые могли направлять большие массы воды, низвергавшиеся с гор, и с помощью совершенных ирригационных систем стали осваиваться обширные районы пустыни. Плотина в Марибе — замечательный образец такой новой технологии.

Проследивая возможность направления пути, по которому в эпоху между бронзовым веком и сабейским периодом поселения могли «спуститься» с гор к пустыне, Итальянская миссия обнаружила в вадии Йала, немного южнее Мариба, большой комплекс, который может быть охарактеризован как самое важное после Мариба сабейское поселение, открытое в Йемене (рис. 2)¹³. Комплекс архаического сабейского периода включает большой укрепленный город, сельскохозяйственный центр с усадьбой, дамбы и военные лагеря, а также скалистое ущелье, в котором — как гла-

¹² Maigret A. de, Bulgarelli G. M., Fedele F. G., Marcolongo B., Scerrato U., Ventrone G. Archaeological activities in the Yemen Arab Republic, 1984 // Ibid. P. 424 sgg.; Marcolano B., Palmieri A. Archaeological activities in the Yemen Arab Republic, 1986: Palaeoenvironmental conditions in the Areas of Wādī at-Tayyilah and Barāqīš. Preliminary report // Ibid. 1986. 36. P. 461—464; *idem*. Environmental modifications and settlement conditions in the Yalā area // The Sabaeen archaeological complex... P. 45—51.

¹³ Maigret A. de. Archaeological activities in the Yemen Arab Republic, 1985: exploration of the Banī Dabyān Region: a. The survey; b. The Sabaeen antiquities in the Wādī Yalā area // East and West. 1985. 35. P. 338—351; *idem*. The Sabaeen Archaeological complex....

Рис. 4. Йала (древняя ḤFRY). Частный дом после раскопок 1987 г.

сят многочисленные надписи — сабейские правители-*мукаррибы* совершали обряд «священной охоты»¹⁴.

Только что опубликованное исследование эпиграфики (рис. 3) и подъемного археологического материала побуждает отнести время расцвета поселения Йала к VIII—VI вв. до н. э. Сопоставления с керамикой других южноаравийских поселений, раскопанных к настоящему времени (Хаджар бин Хумайд), заставляют предполагать, что комплекс мог восходить ко времени XI—X вв. до н. э.¹⁵

Для проверки этих хронологических гипотез в декабре 1987 г. была начата серия раскопок в частных домах «верхнего города» Йала (древняя ḤFRY) (рис. 4). Большое количество керамики, другие находки, данные об архитектуре уже сами по себе оправдывают надежды исследователей. Однако наиболее важным результатом первого раскопочного сезона было установление точной стратиграфии на поселении Йала. Под развалинами домов, относящихся к последней фазе обитания (уровень A), которая, должно быть, датируется не ранее 600 г. до н. э., были найдены два более древних уровня, относящихся к этой же культуре (B и C); они, возможно, восходят к началу I тыс. до н. э. Радиоуглеродный анализ многочисленных органических образцов вскоре должен подтвердить или опровергнуть наши гипотезы.

Возможность отыскать древние истоки позволит ближе подойти к решению важной, но спорной проблемы происхождения южноаравийских царств. Даже если и удастся археологически документировать век, в котором состоялась встреча царя Соломона и царицы Савской, остается необходимым выяснить, что же происходило в этом районе внутреннего йеменского нагорья в период между серединой II тыс.

¹⁴ Garbini G. The inscriptions of Si'b al-ʿAql, Al-Ġafnah and Yālā/Ad-Durayb // The Sabaeen archaeological complex... P. 21—41; Eryani M. al-. About three new Sabaeen words in the Si'b al-ʿAql texts // Ibid. P. 41—44.

¹⁵ Maigret A. de. Archaeological survey in the Wādī Yālā antiquities // The Sabaeen archaeological complex... P. 1—20.

до н. э. и началом I тыс. до н. э., когда впервые появляются великие культуры Южной Аравии классического периода.

Продолжение стратиграфических раскопок позволит восстановить последовательность изменений, которые могли приходиться на загадочный пробел в древнейшей йеменской истории, а продолжение исследований горных культур бронзового века, возможно, позволит ответить на вопрос о том, что происходило в середине II тыс. до н. э.

Уверенность в том, что в предшествующий — «темный» — период могло бы оформиться своеобразное культурное ядро, из которого развилась южноаравийская цивилизация, побудила Итальянскую миссию включить в число объектов исследования другой важный центр древнего Йемена — маинский город YTL (современный Баракиш).

Довольно спорным в прошлом был вопрос о хронологическом соотношении маинцев с сабейцами. Старый тезис о первенстве маинцев теперь, кажется, опровергается письменными свидетельствами. Надписи из вадии Джауф, единственные среди всех южноаравийских, касающиеся внешних торговых контактов, говорят о более поздней датировке (III—I вв. до н. э.) периода наибольшей маинской экспансии. Впрочем, это подтверждается и маинскими текстами II в. до н. э., обнаруженными в Египте (птолемаидский саркофаг) и в Греции (надписи Делоса). В настоящее время исследователи южноаравийской хронологии склонны ее удреждать, исходя при этом из этих относительно поздних событий. Возможность использовать для решения этих вопросов стратиграфию такого важного маинского центра, как Баракиш, вызывает огромный интерес и надежды ученых¹⁶.

YTL расположен в вадии Джауф, в 20 км к югу от Карнау — столицы маинского царства. Его крепостные стены, наиболее сохранившиеся из всех памятников Ближнего Востока, и его поселение — по праву один из самых чарующих символов Йеменской Арабской Республики. Давно известный¹⁷, но труднодоступный Баракиш остается и по сей день, вместе с многими другими развалинами маинского региона, подернутым дымкой сказочности, усиливающейся от внушительного вида его почти нетронутых развалин, которые неожиданно, как мираж, являются тому, кто проникает в глубь пустынной равнины вадии Джауф.

Верхняя часть крепостных стен была более или менее аккуратно отремонтирована жителями позднее, в исламский период, но основания, видимые почти по всему периметру, демонстрируют архитектурную технику выдающегося качества: с большими блоками, тщательно выпиленными, отшлифованными, обработанными обрамляющей обтеской с внешней стороны стены. Средняя высота стен должна была составлять около 8 м, о чем, видимо, свидетельствует один из бастионов, чудом сохранившийся целиком до наших дней. В городской стене открывались два входа, самыми важными были городские ворота, расположенные в западной части города.

Надписи сообщают, что YTL вначале принадлежал сабейскому царству, но затем с возрастанием торгового значения Джауфа попал в политическую орбиту маинского царства. Высеченная на стене надпись (RES 2980) говорит об «Аммиаса Набите — сыне Абкариба, царе Маина, и Маине и YTL», что ясно выявляет роль, которую приобрел Баракиш в царстве Маин. На стенах высечено более 300 монументальных надписей, часть из них представляет большую историческую ценность. Многие относятся к строительству отдельных бастионов, участков стены. Значение таких работ подчеркивается именами собственными, которые давались постройкам, и точностью, с которой указывались использованные материалы¹⁸.

¹⁶ Robin Ch. A propos des inscriptions in situ de Barāqish, l'antique YTL (Nord-Yémen) // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. 1979. 9. P. 102. 112.

¹⁷ Halévy J. Rapport sur une mission archéologique dans le Yémen // Journal Asiatique. 1972. VI. XIX. P. 43.

¹⁸ Robin. Op. cit.

Внутренний город сегодня покрыт развалинами поселения средневековой эпохи и позднесламского периода. Однако такие постройки из сырца и камня вторичного использования важны только для стратиграфического исследования и не представляют реальных помех для открытия нижнего сабейско-маинского слоя. Более того, исламский слой обеспечил защиту более древних строений. Поселение обнаруживается во многих местах: в особенности заметны монолитные пилястры трех или четырех храмов, которые, по крайней мере в одном случае, сохранились до кровли.

Итальянская миссия уже завершила геоархеологическую разведку этого памятника, которая впервые дала точный план города и позволила наметить стратиграфическую схему поселения¹⁹. Несколько шурфов, заложенных внутри городской территории, позволили получить образцы угля, оставшегося от большого пожара, который, как сейчас представляется, разрушил YTL навсегда; только что полученный радиокарбонный анализ таких образцов свидетельствует о том, что это произошло примерно в конце I в. н. э. Совокупность геоморфологических исследований, проведенных в районе работ, дала, наконец, возможность реконструировать внутри города внушительную древнюю систему ирригации, которая обеспечивала сельскохозяйственное производство Баракиша. Характер этого производства может быть частично восстановлен благодаря изучению палеоботаниками скоплений отвалов с внешней стороны стен²⁰.

Йала и Баракиш — важный сабейский центр (HFRY) и большой майнский город (YTL). Сегодня впервые получена реальная возможность приступить к их изучению. Смогут ли эти великие развалины ответить нам — и сумеем ли мы их правильно спросить — о тех проблемах, которые пока не позволяют нам связать эти древние культуры с историей остальных частей Аравийского полуострова?

Наряду с раскопками этих больших классических центров миссия с 1986 г. приступила к серии систематических исследований на некрополях с характерными «гробницами-башенками», которые находятся на возвышенностях, окружающих долину Джауф и пустыню Рамлат Саб'атайн. Поиск разворачивается в двух направлениях: с одной стороны, раскопки для изучения общей картины погребального обряда, с другой — разведка на поверхности для предварительного анализа распределения того типа погребений, которые Г. Филби в конце 30-х гг. неудачно назвал «pill-boxes»²¹.

Первая задача реализуется на некрополях ал-Махдара возле Сирваха, где оказались гробницы исключительной сохранности, хотя, к сожалению, разграбленные в древности. Раскопки, проведенные внутри шести лучше всего сохранившихся построек, позволили установить некоторые основные черты погребального обряда²².

Многочисленные захоронения у стен с нагромождением остатков из более древних погребений, сдвинутых для освобождения места, наталкивают на мысль о том, что это семейные гробницы. Тела, погребенные последними, сохранили еще органические остатки тканей и растений, применявшихся при бальзамировании. От инвентаря остаются чаще всего лишь следы (бусины, кусочки бронзы и железа); только в одном случае (гробница № 13) оказалось возможным собрать украшения молодой женщины, которые состояли из ожерелья из полудрагоценных камней, раковин и золота, браслета из рога, кольца из кости и предметов для приготовления и использования темной краски. Керамика, не считая двух фрагментов, странным образом отсутствует

¹⁹ Maigret A. de Archaeological activities in the Yemen Arab Republic, 1986: archaeological studies on the Sabaeen-Minaean culture: Barāqīš // East and West. 1986. 36. P. 384—388.

²⁰ Costantini L., Costantini Biasini L. 1986 IsMEO Activities at home: laboratory of bioarchaeology // East and West. 1986. 36. P. 362.

²¹ Philby H. St. J. Sheba's daughters. L., 1939.

²² Maigret A. de. Archaeological activities in the Yemen Arab Republic, 1986: Archaeological studies on the Sabaeen-Minaean culture: necropolis of al-Mahdarah // East and West. 1986. 36. P. 388—394.

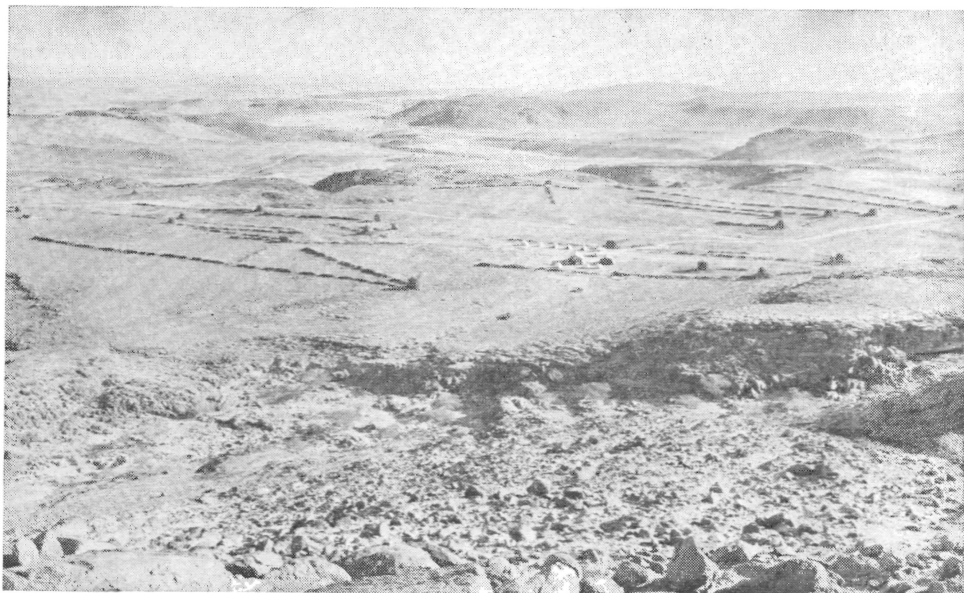

Рис. 5. Некрополь ал-Махдара (Сирвах)

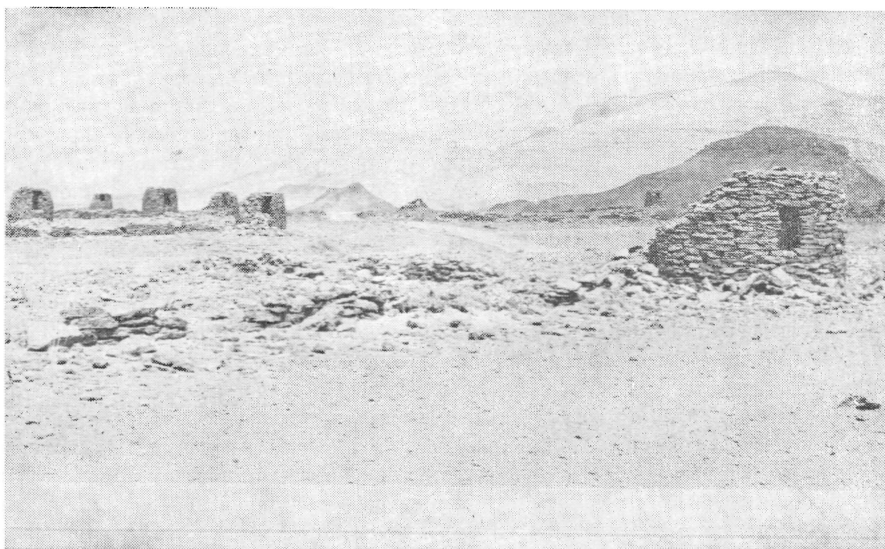

Рис. 6. Гробницы ал-Махдара (Сирвах)

Из погребений, где костяки были более многочисленны (гробницы № 5, 13, 15), извлечены образцы, которые, будучи подвергнуты радиоуглеродному анализу, дали следующие даты: 60 г. до н. э., 630 и 830 г. до н. э.

Проведенные параллельно разведочные работы позволили выделить, классифицировать и изучить обширные поля гробниц-башенок на южной стороне долины Джауф (Джамбал Джам), на восточном краю ее северной стороны (Джамбал Лауз)

я на участке пустынной местности, которая, совпадая с северным краем Джауфа, продолжается через древнюю пустыню Сайхад в направлении к городу Шабва (древняя столица Хадрамаута)²³.

Сравнительное изучение остатков разных гробниц, демонстрируя отчетливые различия в степени сохранности, указывает на очень длительное использование кладбищ и делает вероятным отнесение упомянутого погребального обычая ко времени, возможно, предшествующему I тыс. до н. э. Итак, перед нами — категория памятников, которая впервые могла бы заполнить собой ту лакуну древнейшей йеменской истории, которая до сих пор препятствовала уяснению причины возникновения культур эпохи государств Южной Аравии.

Датировки, полученные для гробниц T5, T13 и T15 в ал-Махдаре, показывают, что гробницы существовали в классический южноаравийский период; в то же время архитектура башен и погребальный инвентарь указывают на отчетливые различия в сабейском, майнском и катабанском погребальном обрядах. Принцип распределения гробниц, всегда расположенных вдалеке и рассредоточенно по отношению к городам классического времени, очевидно, также свидетельствует о культурном расхождении между создателями этих некрополей и строителями крупных укрепленных центров (рис. 5, 6).

Некоторые аналогии в строительной технике и предметах украшения могут сближать гробницы с культурой поселений бронзового века, открытых нами на восточных склонах Йеменского плоскогорья. Досабейская традиция для этих гробниц подтверждается, кроме того, восточноаравийскими некрополями, относящимися к III—II тыс. до н. э. и демонстрирующими совершенно такие же башенки.

В целом все наличествующие до сих пор элементы позволяют распознать в культуре создателей гробниц-башенок культуру, отличную от классической южноаравийской. Имея свои собственные древнейшие истоки по всей пустынной окраине Руб^а ал-Хали, она продолжала существовать отдельно и самостоятельно здесь, в Йемене, вплоть до периода расцвета сабейцев.

Тяготение этих могильников к тем или иным большим государственным центрам может указывать на связь их создателей с древней торговлей. Однако только продолжение раскопок и завершение разведок смогут соответствующим образом проверить то, что пока остается лишь увлекательными гипотезами.

A. de Mager,

директор Итальянской археологической миссии в Северном Йемене

THE WORK OF THE ITALIAN ARCHAEOLOGICAL MISSION IN NORTH YEMEN

A. de Maigret

The article deals with the work of the Italian archaeological mission in the Yemen Arab Republic. Since 1980 the Italian mission has been reconstructing various historic and cultural processes of preislamic Yemen. A complex approach (including the participation of palaeoecologists) was taken as a basis of studying several sites in the region between Sana, the modern capital, and Marib, the ancient capital of Saba². Three prehistoric cultures — palaeolithic, neolithic and bronze were discovered in that region,

Fig. 1. Ar-Raqlah (Ḥawlan aṭ-Tiyāl)

Fig. 2. The Sabaean city of Jalā (the ancient ḤFRY)

Fig. 3. Graffiti on the rocks of Si'b al- 'Aql near Jalā

Fig. 4. Jalā. A private house. The excavation season of 1987

Fig. 5. Necropolis of al-Mahdarah (Ṣirwāh)!

Fig. 6. Tombs of al-Mahdarah (Ṣirwāh)

²³ *Idem.* New evidence from Yemenite turret graves for the problem of the emergence of the South Arabian states // The Indian Ocean in Antiquity. Atti del colloquio tenuto al British Museum nel luglio 1988. Ed. by J. Reade. L. (in stampa).

ДРЕВНЯЯ АРАВИЯ: ПРОБЛЕМЫ ЗАСЕЛЕНИЯ И ПРОТОИСТОРИЧЕСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ СУБСТРАТ

При изучении истории Аравийского полуострова перпода, предшествующего возникновению первых городов, письменности и государства, возникают две важнейшие проблемы: а) определение того хронологического рубежа, после которого можно говорить о непрерывной заселенности основных районов полуострова и б) выявление характера той части культуры, которая наиболее тесно связана с историко-культурными процессами первобытности — расселением, образованием этнокультурных ареалов, изменениями хозяйственной деятельности.

К сожалению, сведения исторических источников относительно времени окончательного заселения Аравии не отличаются полнотой и систематичностью. Восполнению имеющихся лакуи в значительной мере способствуют результаты работы Советско-йеменской комплексной экспедиции, которая ведет археологическое изучение территории Народной Демократической Республики Йемен начиная с 1983 г.

Временем окончательного расселения человека в Аравии является, по всей видимости, ранний голоцен — время заметных климатических изменений, обусловивших благоприятную перестройку ландшафтов полуострова. Ему предшествовал продолжительный период, который характеризовался гипераридным климатом, не имевшим до степени выраженности себе аналога ни в предшествующее, ни в последующее время. В этот период условия основной части африкано-аравийского пояса пустынь не были пригодны для обитания человека. Видимо, неслучайно именно на этот период приходится высокая концентрация разнотипных памятников в долине Нила — наиболее важного экологического убежища данного региона¹. Что касается Аравии, то здесь, как, например, и в Сахаре, до сих пор не обнаружено памятников, которые можно было бы отнести ко времени от XVIII тыс. до н. э. до начала неолита.

Археологи, изучающие Южную, Центральную и Западную Аравию, уже обращали внимание на отсутствие здесь памятников, соотносимых по времени с мезолитом или эпипалеолитом долины Нила, Ближнего Востока и Северной Африки. Разрыв обычной последовательности культур между палеолитом и неолитом очевиден. Для объяснения этого разрыва приводилось обычно два допущения: 1) памятники промежуточной эпохи пока не открыты; 2) неолитическая культура Аравии является таким пережиточным продолжением палеолита, при котором сама эволюция не улавливается.

В настоящее время изученность каменного века Аравии значительно продвинулась. Число исследованных и зафиксированных памятников по нашим ориентировочным подсчетам приближается к тремстам. Исследованиями охвачены практически все основные регионы; получены палеогеографические данные, основанные на собственно аравийских материалах. Такая база источников позволяет подойти к решению проблемы уже с большей конкретностью. Ее решение предполагает прежде всего дифференцированный региональный подход, который учитывал бы различия в протекании культурно-исторического процесса на Восточноаравийском побережье (страны Персидского залива и частично районы Восточной провинции Саудовской Аравии) и на остальной территории, составляющей основную часть Аравийского полуострова.

Вопрос о времени окончательного заселения Восточноаравийского побережья решается труднее, чем, например, для Центральной Аравии. Наиболее ранние в типологическом отношении индустрии каменного века этого района не имеют абсолютных датировок². Сравнительно-типологический метод позволяет датировать их в широких рамках с нижней границей в пределах XIII тыс. до н. э.³ Известные на терри-

¹ The Prehistory of Nubia. V.II/Ed. by F. Wendorf. Dallas, 1968.

² *Kapel H.* Atlas of Stone Age cultures of Quatar // The Jutland Archaeological Society. VI. Aarhus University Press, 1979.

³ *Inizan M.-L.* Sur les industries à lames de Quatar // Paléorient. 1980. V. 6. P. 236.

тории Катара памятники этого типа характеризуются пластинчатой техникой. Ведущим типом орудий являются наконечники или острия на пластинках с подтеской с брюшка основания и иногда конца. Керамика полностью отсутствует. Отсутствуют также каменные орудия с двусторонней сплошной ретушью. Эти признаки позволяют обособить описываемую разновидность культуры как от последующей, засвидетельствованной на данной территории, так и от относительно синхронных памятников Внутренней Аравии. Вопрос о наличии или отсутствии местного субстрата рассматриваемой культуры остается открытым. Поиски же ближайших аналогий ведут в северном или северо-западном направлениях.

Вышеуказанный хронологический этап для районов классического развития культур каменного века определяется как время докерамического неолита и характеризуется началом перехода к производящим формам хозяйства — земледелию и скотоводству. В Восточной же Аравии в это время складывается сравнительно устойчивый тип так называемой «прибрежной экономики», основанной на активном использовании морских продуктов (рыбы, моллюсков) и сочетавшейся с охотой и собирательством, имевшими подчиненное значение. Такая форма хозяйства закрепляется здесь на несколько тысяч лет. Во всяком случае, ее интенсивное продолжение в тех районах, где культурный процесс шел достаточно динамично, прослеживается и в тот период, когда Восточная Аравия оказалась в зоне активных воздействий развитой земледельческой культуры Месопотамии.

Иначе обрисовывается картина для южной и внутренней частей полуострова. Согласно палеогеографическим данным продолжительный этап гипераридных условий меняется здесь на существенно влажный в VII—VI тыс. до н. э. В это время в долинах Аравии откладываются перемещенные водными процессами осадки, отмечается новая фаза врез русел вадии, хотя постоянный водный режим крупных вадии не восстанавливается, поднимается уровень подпочвенных вод, появляются бессточные озера с изолированными бассейнами⁴. Наиболее ранние радиоуглеродные даты для указанных озер в местности Мундафан в пустыне Руб ал-Хали относятся к VII тыс. до н. э.⁵ Исходя из приведенных выше и некоторых других фактов (почвообразование, закрепление песчаных дюн), можно предполагать, что новая и уже окончательная волна заселения внутренних районов Аравии и ее южной части пришлось примерно на VII тыс. до н. э. Археологическим выражением этого являются многочисленные памятники, объединяемые обычно под названием «пустынный неолит». Они исчисляются многими десятками и обнаружены в различных районах, отстоящих друг от друга на многие сотни километров: в Руб ал-Хали⁶, Сегерном Йемене⁷, Хадрамауте⁸, Дсфаре⁹, Махре¹⁰ и практически во всех районах Саудовской Аравии¹¹. Подавляющее большинство материалов обнаружено на памятниках с разрушенными культурными слоями, рассеянными по

⁴ McClure H. A. Ar Rub' al Khali // Quaternary Period in Saudi Arabia. Wien—New York, 1978. P. 264 f.

⁵ McClure H. A. Radiocarbon chronology of late Quaternary lakes in the Arabian Desert // Nature. 1976. № 263. P. 755—756.

⁶ Zeuner F. E. «Neolithic» sites from the Rub' al Khali, Southern Arabia // Man. 1954. № 209.

⁷ East and West. ISMEO Activity. 1983. V. 33. P. 340—344.

⁸ Beek van G. W., Cole C. H., Jamme A. W. E. An archaeological reconnaissance in Hadhramaut, South Arabia. A preliminary report. Washington, 1964. P. 525—534; Амирханов Х. А. Исследования палеолита // Результаты работ Советско-Йеменской экспедиции в 1983 г. Сейун, 1983 (на араб. яз.).

⁹ Cleveland R. L. The 1960 American archaeological expedition to Dhofar // BASOR. 1960. № 159. P. 14—26.

¹⁰ Zarinz J., Rahbini A., Kamal M. Preliminary report on the archaeological survey of the Riyadh Area // Atlas. 1982. V. 6; Murad A. S. Prehistory in the Arabian Peninsula // Paléorient. 1980. V. 6.

¹¹ Zarinz e. a. Op. cit.

современной поверхности, но имеются и ненарушенные памятники, а также коллекции, полученные из отложений с ясным геологическим контекстом.

Археологические находки, происходящие из указанных памятников, ограничиваются, как правило, кремневыми изделиями, но иногда каменный инвентарь сопровождают редкие фрагменты керамики, раковины моллюсков, использовавшиеся для декоративных целей, и в единичных случаях даже обломки медных предметов. Фаунистические остатки довольно редки, не образуют скоплений и чаще всего неопределимы из-за сильной фрагментированности¹².

Таким образом, археологическая характеристика рассматриваемого пласта памятников может основываться практически только на изделиях из кремня. В местонахождениях с достаточно многочисленными коллекциями последние группируются в такие категории, как скребки, ножи, проколки, скребла (скобели), наконечники копий (?), наконечники стрел. Эти законченные орудия почти всегда находят в контексте с технологическими отходами и заготовками. Основным видом исходного сырья служил кремь, реже — обсидиан, выходы которого отстоят от самих памятников на десятки и сотни километров.

Несмотря на широкую территориальную распространенность неолитических пунктов обнаруживается достаточно близкое сходство их материалов по существенным технико-типологическим признакам. Первичная обработка основана преимущественно на одноплощадочном нуклеусе. Призматические ядрища встречаются нечасто, а обычные для классического неолита карандашевидные нуклеусы полностью отсутствуют. В соответствии с такой техникой находится и набор заготовок инвентарей. Микропластинки не встречаются, пластинки редки, а пластины в количественном отношении заметно уступают отщепам. Основным моментом, сближающим рассматриваемые памятники по характеру вторичной обработки, является плоская двусторонняя ретушь. Она встречается на двух-трех категориях орудий, причем таких, которые придают специфику именно неолитической культуре Внутренней и Южной Аравии. Таковы изделия, называемые триздарами, — трехгранные в сечении острия, листовидной формы двусторонне обработанные наконечники (копий?) и наконечники стрел с черешком.

В поисках ближайших аналогий «пустынному неолиту» Аравии исследователи обращаются обычно к неолиту Фаюмского оазиса в долине Нила¹³. Можно считать установленным факт генетической разнородности неолита (вариант «пустынного неолита») в Аравии и в таких регионах, как Ближний Восток и африканское Средиземноморье.

Таким образом, на основе имеющихся материалов можно прийти к заключению, что время окончательного и уже не прерывавшегося впоследствии заселения основной части Аравийского полуострова приходится на VII—VI тыс. до н. э. Примерно такую же древность имеют и наиболее ранние материалы той части полуострова, которая примыкает к Персидскому заливу. Что же касается северной части полуострова, то вопрос о времени ее освоения нельзя считать решенным окончательно. В отношении нее пока имеются данные, позволяющие говорить о VIII тыс. до н. э.

Современное состояние исторической науки позволяет сделать еще один общий вывод: на Аравийском полуострове выделяются две историко-культурные области, существовавшие на протяжении всего неолита без существенных изменений своих ареалов. Одна — основная — включала в себя всю территорию Аравийского полуострова за исключением восточноаравийского побережья Персидского залива. Вторая охватывала собой восточноаравийский район; ее неолитическая культура развивалась под непосредственным воздействием импульсов южномесопотамского влияния, которое ощущается все сильнее по мере продвижения на юг (включая Оманский полуостров).

Х. А. Амирханов

¹² Ibid. P. 32.

¹³ Caton-Thompson G. Some paleoliths from South Arabia // PPS. New Series. 1954. V. XIX. Pt. 2. P. 212—214; Clark J. D. The Prehistoric Cultures of the Horn of Africa. Cambr., 1954. P. 326; Beek von e. a. Op. cit.

ГОЛОВА В ШЛЕМЕ ИЗ СТАРОЙ НИСЫ

В 1984 г. при раскопках Здания с квадратным залом на городище Старая Ниса была найдена голова большой глиняной статуи *. Эта находка заслуживает специального внимания. Раскопки Здания с квадратным залом были начаты в 1930 г. А. А. Марущенко и со значительными перерывами продолжались до 1985 г. В 1946—1949 гг. они проводились сотрудниками ЮТАКЭ — С. А. Ершовым и Е. А. Давидович под общим руководством М. Э. Массона ¹. В 1979—1985 гг. исследование объекта осуществлялось Парфянской экспедицией Института истории АН ТуркмССР под руководством автора ². В данном сообщении ограничимся лишь самыми общими сведениями об этом сооружении ³.

Здание с квадратным залом является составной частью центрального комплекса Старой Нисы. Оно представляло собой самостоятельное сооружение, но, как и другие входящие в комплекс постройки, открывалось фасадом в обширный северо-западный двор. Относительно назначения этого сооружения продолжаются дискуссии, но большинство исследователей сходятся во мнении, что на последнем этапе своего функционирования оно было культовым ⁴. Основной объем постройки занимает большой квадратный зал площадью около 400 кв. м. Кроме зала в здании пять вспомогательных помещений. Три небольшие, соединенные проходами комнатки расположены вдоль юго-восточного фаса зала. Вдоль северо-восточного фаса размещались «Красный коридор» и «Белая комната». Раскопки этого участка были начаты А. А. Марущенко еще в 1934 г. расчисткой юго-восточной части «Красного коридора». Затем они были продолжены сотрудниками ЮТАКЭ, в 1946 г. на глубину 1—1,5 м были вскрыты верхние слои заполнения над северным углом постройки, а в 1949 г. расчищен проход, соединяющий квадратный зал с «Красным коридором». В 1980 г. работы по исследованию северной части Здания с квадратным залом были возобновлены Парфянской экспедицией Института истории АН ТуркмССР. В процессе этих раскопок впервые были зафиксированы контуры «Белой комнаты» и начаты ее раскопки.

* Все фотографии скульптуры выполнены Ю. К. Ахмедзяновым.

¹ Материалы довоенных раскопок остались не опубликованными, имеются лишь краткие информационные сообщения в периодической печати. Сведения о раскопках ЮТАКЭ преимущественно содержатся в «Трудах ЮТАКЭ», т. 1, 2, 4, 5, 6.

² Краткие информационные сообщения об этих раскопках см. в сборниках «Археологические открытия» за 1982—1985 гг.

³ Основные сведения о раскопках Здания с квадратным залом в 30—40-х годах содержатся в следующих работах: Массон М. Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение // Труды ЮТАКЭ. 1949. Т. 1; он же. Краткая хроника работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. // Там же. 1955. Т. 5.; Ершов С. А. Археологические исследования на городище Старая Ниса в 1946 году // Там же. 1949. Т. 1; Давидович Е. А. Отчет о раскопках 1947 г. на площади квадратного зала Старой Нисы // Там же. 1953. Т. 2; Пузаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Там же. 1958. Т. 6.

⁴ Кошелев Г. А. Родина парфян. М., 1977. С. 54—56; Пузаченкова Г. А. К интерпретации и типологии некоторых архитектурных памятников Мерва и Нисы // Труды ЮТАКЭ. 1978. Т. 16. С. 20.

Уже в верхних слоях ее заполнения были обнаружены фрагменты глиняной раскрашенной скульптуры. Их извлечение осуществлялось в 1983—1985 гг. с участием сотрудников Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации В. П. Бурого, Е. И. Желтова и Д. И. Ковалева и еще не закончено, остались нерасчищенными фрагменты, занимающие северный угол помещения.

Среди выявленных и частично отреставрированных фрагментов имеются обломки нескольких статуй. Число представленных этими обломками скульптур точно установить трудно. Если принимать во внимание только фрагменты, принадлежащие головам, то, возможно, их было пять: одна из них женская, остальные мужские. Такое большое количество крупных глиняных статуй попросту не могло поместиться в маленькой комнате площадью около 16 кв. м. Большинство фрагментов найдено не на полу, а на ранее скопившемся слое слежавшейся пыли; какие-либо следы установки статуй в помещении не обнаружены. Все это заставляет предполагать, что обломки скульптуры были принесены в «Белую комнату» в период запустения из квадратного зала. Часть их, возможно, позднее подвергалась вторичному перемещению. Таким образом, стратиграфическое положение обломков статуй из «Белой комнаты» не дает ни оснований для их датировки, ни сведений о первоначальном их местоположении.

Из найденных фрагментов особого, как уже отмечалось, внимания заслуживает голова в шлеме. Она обнаружена в средней части комнаты в 1,1 м от северо-западной стены и 1,7 м от юго-западной, лежащей на правой щеке лицом на северо-запад, ее подстилал слой рыхлого лесса толщиной 25 см (рис. 1). Голова была почти целой. Значительные повреждения, возможно, недавние, имела лишь левая сторона (ухо, поля и нащечник шлема).

Лицо сохранилось практически полностью, хотя несколько трещин ослабили его прочность, а левая сторона деформировалась. Были сколоты также часть гребня и полей шлема. Помимо этих утрат имеются мелкие «каверны», образовавшиеся в результате деятельности насекомых и червей; местами произошло отслоение красочного слоя.

Голова принадлежала статуе, примерно в полтора раза превышающей человеческий рост. Высота головы от темени до подбородка равняется 34 см. Если принять пропорции, характерные для греческого искусства (высота головы равна $\frac{1}{4}$ общей высоты статуи), то высоту данной статуи в рост можно определить в 238 см.

Характер моделировки и большая внутренняя полость свидетельствуют о том, что голова изготовлена в составной, вероятно, гипсовой форме, методом набивки. При ее изготовлении форма изнутри первоначально заполнялась тонким слоем (0,5—2,5 см) серо-коричневой тонкоотмученной глины, затем кольцевыми полосами последовательно была нанесена обмазка из зеленовато-серой глины, выполнявшая роль своеобразного каркаса. Общая толщина стенок головы достигает 2,5—6 см. Формовка, по-видимому, осуществлялась через шейное отверстие. В теменной части головы на первом этапе формовки было оставлено отверстие, которое, вероятно, предназначалось для лучшего сцепления с головой гребня шлема, наклепленного уже после извлечения головы из формы. Затем она была подвергнута необходимой подправке, покрыта гипсовым грунтом и раскрашена.

Скульптура передает образ бородатого мужчины зрелого возраста (рис. 2—8). Черты лица правильные. Тонкий нос продолжает линию прямого лба. Рельефно моделированные глаза имеют тщательно проработанные веки, выпуклые глазные яблоки, границы радужной оболочки и зрач-

Рис. 1. Начальный этап извлечения головы

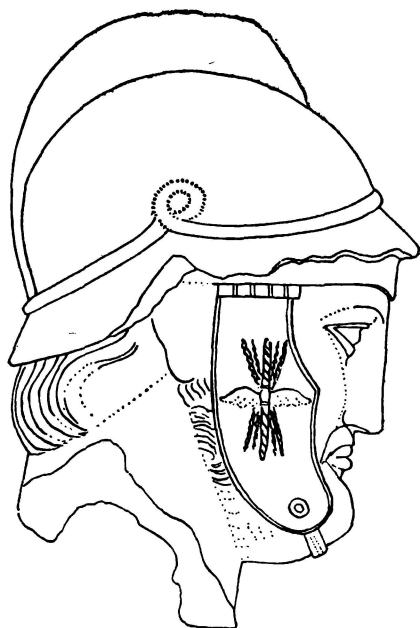

Рис. 2. Прорисовка

ка подчеркнуты углубленной линией. Брови тонкие, дугообразные, переданы рельефными валиками с косыми насечками. Усы обрамляют рот и сливаются с короткой, округлой, слегка волнистой бородой, которая прикрыта нащечниками шлема и выступает из-под них только по краю нижней челюсти и на подбородке. Пряди волос, S-образно и дугообразно изогнутые, переданы рельефными валиками с резко очерченными контурами. Волосы на затылке изображены более крупными плавно изогнутыми прядями. Уши, несмотря на то что они прикрыты полями шлема, тщательно моделированы. Шея прямая, округлая в сечении, сохранилась лишь ее верхняя часть.

Рис. 3. Голова в шлеме из Старой Нисы после реставрации

Рис. 4—8. Голова после реставрации

На голове шлем в виде полусферы, сильно сплюснутой с боков. Он снабжен наклонно опущенными вниз полями. Края их сильно обломаны, и это затрудняет выяснение точной формы. Судя по тщательной формовке уха и отсутствию на нем следов деформации, ширина полей шлема по сторонам головы резко уменьшалась, и они фактически распадались на две самостоятельные детали: козырек и назатыльник. Ширина назатыльника — 4,4 см, козырька — не менее 7,5 см (край его сколот). Подобной форме полей соответствует легкий излом рельефного валика, отделяющего их от купольной части шлема. В местах изломов расположены спиралевидные, закрученные вперед завитки. Они сейчас утрачены, но пятно скола, образовавшееся на месте правого завитка, довольно четко передает его очертания. По верху шлема проходит массивный продольный гребень. Передняя его часть разрушена, высота постепенно увеличивается от затылка ко лбу, сзади она равна всего 5 мм, а вверху достигает 5 см. Ниже полей расположен плотно прилегающий к голове тонкий обод

шириной 2,5 см, имеющий спереди небольшой пристроенный мыс. По сторонам головы к этому ободу с помощью петель прикреплены фигурные нащечники. Петли переданы рельефными валиками, на которых красной краской показано их деление на пять отсеков. Нащечники длинные, опускающиеся почти до низа подбородка. Задний край имеет дугообразные очертания, в средней части переднего — пристроенный выступ. Нижняя часть нащечников скруглена, по контуру они имеют небольшой уплощенный ободок. Лицевую плоскость каждого нащечника занимает крупное рельефное изображение эмблемы Зевса — связка молний, снабженная парой распахнутых крылышек. В нижней части нащечников расположены крупные выпуклые заклепки, с помощью которых крепились узкие кожаные ремешки, завязанные узлом на подбородке. При взгляде анфас заметно, что благодаря легкому изгибу нащечники плотно облегают лицо.

Лицо и волосы статуи окрашены в насыщенный красно-коричневый цвет, радужная оболочка глаз карая, зрачок черный, на нем белой краской дан блик, придающий взгляду естественную живость. Внешняя поверхность шлема окрашена в белый цвет, что, возможно, указывает на его изготовление из железа; нельзя, конечно, исключить и бронзовую «луженую» основу⁵. Подбородочные ремни окрашены в ярко-красный цвет. Такую же окраску имеет тыльная сторона полей шлема.

Голова выполнена опытным скульптором, тщательно, с большим реализмом и вниманием к деталям; очевидно, можно рассматривать ее как источник для антропологических заключений, а шлем — как хорошую копию реально существовавших боевых наголовий.

⁵ Это предположение в устной беседе высказал М. В. Горелик.

Рис. 5

Рис. 6

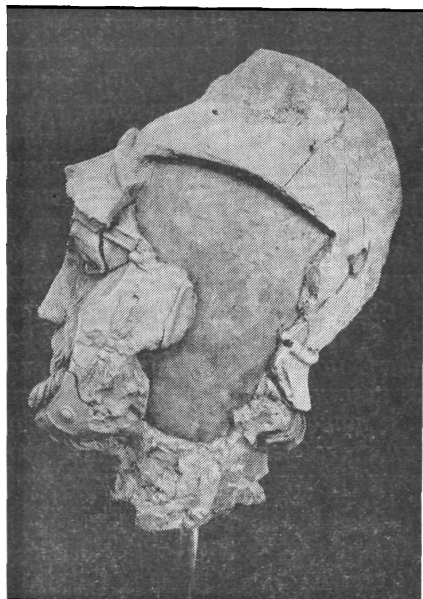

Рис. 7

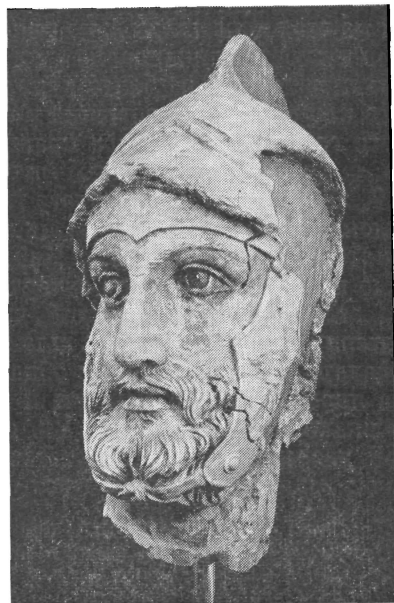

Рис. 8

Сопоставление с иконографическим материалом показывает, что шлем относится к эллинистической эпохе. В данной заметке нет возможности рассмотреть многообразие боевых наголовий этого периода. Укажем на те, которые обнаруживают сходство с нисийским шлемом. Один из ранних

типов шлемов, получивших распространение в странах эллинистического Востока, имел длинный круто поставленный назатыльник, но не имел козырька. Характерными деталями этого типа являются также подвижные нащечники и налобные пластины, заканчивающиеся по сторонам головы спиралевидными завитками (рис. 7, 1). Шлемы подобной формы характерны для конца IV в. до н. э., они известны по изображениям на ранних монетах Селевка I⁶ и сатрапа Софита⁷, выпускавшего свои монеты в Бактрии. С нисийским шлемом этот тип сближают форма нащечника и спиралевидный завиток; на шлеме Софита имеется невысокий продольный гребень. Следует также указать на шлем, представленный на камее из Вены. Предполагается, что на этой камее изображены Александр Македонский и его мать. Хотя этот шлем далек от нисийского, но имеет почти точно такой же гребень и нащечники. Особенно важно отметить, что последние украшены эмблемой, которая практически идентична нисийской⁸.

Другая форма раннеэллинистических шлемов известна по бюсту Евтидема, облаченного в панамообразную каску⁹. К одному из вариантов этого типа принадлежит шлем в росписи гробницы Лисона и Каллиника¹⁰, который обнаруживает сходство с нисийским благодаря нащечникам, спиралевидному завитку и гребню, постепенно увеличивающему свою высоту от затылка ко лбу. Этот тип шлемов продолжал использоваться и позднее, одна из его разновидностей представлена на гемме из тиллятепинского могильника¹¹.

Третью группу, восходящую к беотийским шлемам, представляет шлем греко-бактрийского правителя Евкратиды¹² и многих его преемников. Он имеет характерный для беотийских шлемов дугообразный выгиб полей по сторонам головы, но наклон полей у него менее крутой, ширина их становится неодинаковой, появляется тенденция к выделению мощного козырька и несколько более короткого назатыльника (рис. 9, 2). Эта тенденция нашла свое завершение в конструкции шлема, венчающего голову другого греко-бактрийского правителя Менандра¹³ (рис. 9, 3) и в шлеме воина с греко-бактрийского фалара с изображением боевого слона¹⁴ (рис. 9, 4). Происхождение этого типа шлемов от беотийских подтверждается рядом переходных форм. К ним можно отнести шлем персонажа на лицевой стороне монет чеканки Кибиры (Малая Азия, выпуск между 164 и 84 г. до н. э.)¹⁵. Здесь уже отчетливо выражены козырек и назатыльник, но по сторонам головы узкий участок полей сохраняет деформацию, характерную для беотийских шлемов (рис. 9, 10). Шлемы Менандра и воина с фалара с боевым слоном обнаруживают, пожалуй, наибольшее сходство с нисийским. На монетах и резных камнях шлемы подобного типа продолжают изображаться в I в. до н. э. и даже в I в. н. э. Однако нет полной уверенности в соответствии данных изображений реалиям этого периода: ведь в эту эпоху преимущественно копируются сюжеты более

⁶ Snodgrass A. M. *Arms and Armour of the Greeks*. L., 1967. P. 116. Fig. 60.

⁷ Sear D. R. *Greek Coins and their Values*. V. 1—2. L., 1978—1979; V. 2. P. 576. № 6223.

⁸ Bieber M. *The Sculpture of the Hellenistic Age*. N. Y., 1955. Fig. 311—313.

⁹ Richter G. M. A. *The Portraits of the Greeks*. V. 3. L., 1965. P. 254—255. Fig. 1709.

¹⁰ Markle M. M. *Macedonian Arms and Tactics under Alexander the Great // Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times*. Washington, 1982. Fig. 16.

¹¹ Sarianidi V. *Bactrian Gold*. Leningrad, 1985. P. 122 f.

¹² Curiel R., Fussman G. *Le trésor monétaire de Qunduz*. P., 1965. Pl. X—XXI.

¹³ Gardner P. *Catalogue of Indian Coins in the British Museum*. L., 1886. Pl. XI, 8.

¹⁴ Трепеп Р. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940. Табл. 1—2.

¹⁵ Sear. Op. cit. V. 1. P. 466. № 5125.

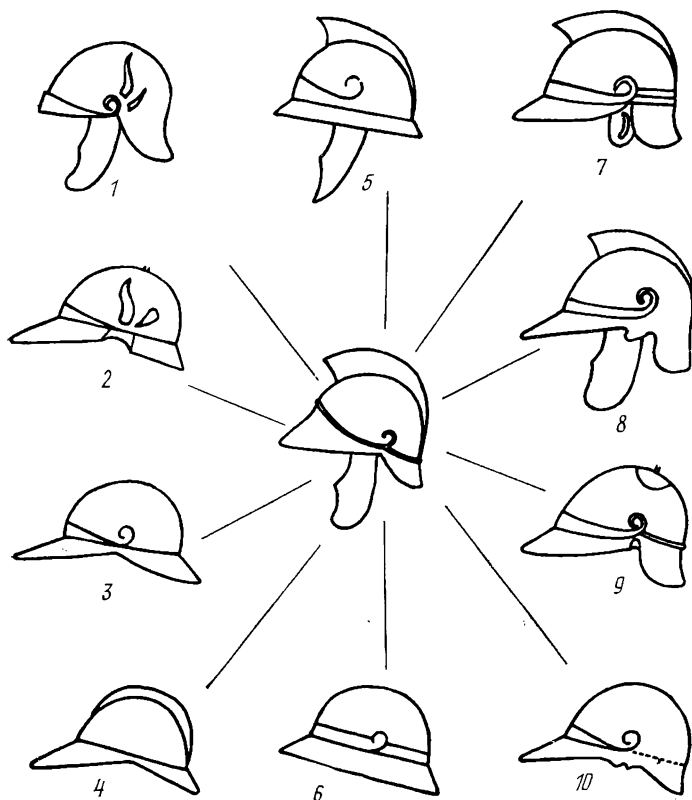

Рис. 9. Аналогии нисийскому шлему: 1 — ранний чекан Селевка; 2 — чекан Евкратиды; 3 — чекан Менандра; 4 — бактрийский фалар с изображением воинов на слоне; 5 — роспись гробницы Лисона и Каллинка (Македония); 6 — гемма из Тиллятепинского некрополя; 7 — Лувр; 8 — Бубуй (Молдавия); 9 — Пергамский алтарь, группа Артемиды, гигант Отос; 10 — чекан Кибиря (Малая Азия)

раннего времени. К тому же из-за схематичности изображения трудно с определенностью установить конструкцию этих шлемов.

Сходство с нисийским обнаруживают и так называемые фракийские шлемы, которые М. В. Горелик предлагает именовать южногреческими¹⁶. Наиболее ярким образцом этих шлемов может служить бронзовый шлем, хранящийся в Лувре¹⁷ (рис. 9, 7), и шлем гиганта Отоса с Пергамского алтаря¹⁸ (рис. 9, 9). С нисийским шлемом их сближает разделение полей на козырек и назатыльник, наличие у основания полей полосы со спиралевидными завитками по сторонам головы. В ряде случаев подобные племена снабжались подвижными нащечниками и гребнем. Подобным примером может служить шлем из Бубуя¹⁹. Приведенные аналогии показывают, что нисийский шлем следует рассматривать как произведение греко-ма-

¹⁶ Горелик М. В. «Фракийские шлемы». Археологические открытия на Украине в 1978—1979 гг. // Тезисы докладов XVIII конф. Института археологии АН УССР. Днепропетровск, 1981. С. 91.

¹⁷ Connolly P. Greece and Rome at War. L., 1981. P. 81.

¹⁸ См., например, Müller W. Der Pergamon Altar. Lpz., 1973. Taf. 22; Аркин Д. Образцы скульптуры. М., 1961.

¹⁹ Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968. С. 88—89.

кедонских мастеров. Наиболее близкие аналогии ему обнаруживаются в пределах II в. до н. э. Из относительно точно датированных аналогий можно указать на шлем греко-бактрийского правителя Менандра (ок. 160—145 гг. до н. э.) и гиганта Отоса с Пергамского Алтаря (вторая четверть II в. до н. э.).

В пределах конца IV—II в. до н. э. находит аналогии и изображение связки молний на нащечниках. В этот период в подобной манере они изображались на многих монетах эллинистического мира, в том числе на селевкидских и бронзовых парфянских, выпускавшихся в западной части империи ²⁰.

Интересной деталью конструкции нисийского шлема является обод, расположенный ниже основания полей. Подобная деталь могла быть у многих шлемов этого времени, но обнаружить ее можно только на натуральных шлемах или произведениях круглой скульптуры. Например, подобная конструктивная деталь характерна для шлема мраморного бюста Евтидема. На нисийском шлеме обращает на себя внимание мысообразное завершение лобной части этого обода. Оформление подобным образом купольной части шлема можно рассматривать как его связь со шлемами аттического типа, часто имевшими подобное оформление лицевой части. На этом основании нисийский шлем можно рассматривать как «гибрид» аттического и беотийского шлемов. От аттического заимствовано мысообразное оформление лицевой стороны купола, а от беотийского — широкие, опущенные книзу поля, в данном случае уже разделенные на козырек и назатыльник.

Датировка по аналогиям в определенной мере уточняется стратиграфическими наблюдениями над последовательностью перестроек Здания с квадратным залом. Не имея возможности подробно остановиться на этих исследованиях в данном сообщении, ограничимся конечным их выводом: сооружение Здания с квадратным залом относится ко II в. до н. э.; крупный ремонт, сопровождавшийся значительными изменениями в оформлении квадратного зала, — к I в. до н. э., последний период активного функционирования зала, — вероятно, к I в. н. э.

Нисийская скульптура, наряду с находками из Ай-Ханум и Тахти-Сангина, стоит в начале среднеазиатской ветви этой отрасли искусства. В ахеменидский период круглая скульптура была слабо развита даже в ведущих культурных центрах империи — Персополе, Пасаргадах и Сузах, а для Средней Азии она вообще неизвестна. Поэтому надо полагать, что в Средней Азии это направление первоначально развивалось при прямом участии греческих мастеров и в значительной степени следовало канонам греческого искусства. Найденные в Ай-Ханум лицевые «маски» следует считать образцами глиняной скульптуры, выполненной греческими мастерами ²¹.

Скульптура Нисы, в частности голова в шлеме, обнаруживает значительное сходство с упомянутыми находками из Ай-Ханум и с каменной скульптурой эллинистического времени. Это выражается как в общей стилистической направленности, стремлении создать живой реалистический образ, так и в отдельных приемах — моделировке глаз, манере исполнения волос. При создании головы в шлеме мастер, возможно, вдох-

²⁰ *Le Rider G. Suse sous Séleucides et les Parthes // Mémoires de la Mission archéologique en Iran*, 35. P., 1965. Pl. VII, 75; XI, 108; XII, 118, 123; XIV, 139.

²¹ *Bernard P. Quatrième campagne de fouilles d'Aï Khanoum en Bactriane. Comptes rendus de L'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. P., 1969. P. 344; *Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи кушан*. М., 1973. С. 98—99.

новлялся более ранними прославленными образцами. Например, можно отметить ее определенное сходство с головой бородатого мужчины из Галикарнасского мавзолея, изваянной, по мнению М. Бибер, в манере Скопаса²². Судя по всему, голова создана греком или мастером, прошедшим греческую выучку. Использование формы при ее изготовлении возбуждает некоторые сомнения относительно оригинальности данного произведения и места изготовления первоначальной модели. Голова могла быть лишь копией с другой скульптуры, изваянной далеко от Нисы. В связи с этим следует обратить внимание на бросающиеся в глаза «греческие» черты физического облика изображенного персонажа — линия лба, носа и подбородка расположены почти в одной плоскости. Сопоставление головы в шлеме с портретами парфянских царей (Митридата I и II, Артабана I и Фраата II), проведенное антропологом И. В. Перевозчиковым, показало, что в их физическом облике имеются значительные различия (рис. 10). Грецизированный вид головы в шлеме можно объяснить двояко. Это могло быть результатом следования канону, когда мастер, вольно или невольно, придавал своему герою некоторые черты внешнего облика, характерного в основном для греков. Но, возможно, он создавал какой-то обобщенный образ и у него не было необходимости передавать какие-то определенные этнические черты.

Принятие того или иного объяснения в значительной степени связано с интерпретацией этого образа, но последнее весьма затруднительно. Найдена только голова, точнее, у нас нет данных для ее связи с какими-либо известными обломками торсов. Отсутствие символов царской власти (в парфянской среде это гривна и диадема), в сочетании со сказанным относительно физического облика персонажа и определенной обобщенностью образа, заставляет с сомнением отнестись к предположению, что это изображение одного из парфянских царей²³. Обобщенность образа и его «олимпийское» спокойствие, возможно, свидетельствуют о том, что здесь изображено греческое божество. Среди греческих богов, иконография которых на эллинистическом Востоке широко использовалась при создании образов местных и синкретических божеств, в облике тяжеловооруженного воина предстает обычно только Арес, но прямое соответствие здесь маловероятно.

Среди других остатков скульптуры из Здания с квадратным залом имеются обломки торсов в панцирных доспехах, женские торсы, задрапированные на греческий манер. Но одновременно здесь обнаружены обломки рук с изображениями узких, облегающих рукавов в частых поперечных складках, подобные рукава типичны для иранского костюма. Таким образом, надо полагать, что в Здании с квадратным залом располагались статуи как в греческом, так и в иранском одеяниях. Были ли это только изображения богов и героев или наряду с ними присутствовали статуи представителей правящей династии, решить пока трудно.

Оценку художественных достоинств рассматриваемой скульптуры следует оставить искусствоведам. Мы можем лишь отметить, что она выполнена квалифицированным мастером на высоком художественном уровне, по канонам греческого искусства. Вместе с тем в ней в определенной степени уже проявляются черты, ставшие основополагающими в «парфянском» искусстве первых веков н. э. — фронтальность, статичность, эмоциональная отрешенность. Эти ее стилистические черты находятся в рез-

²² Bieber. Op. cit. P. 27. Fig. 73.

²³ Следует также отметить, что нам неизвестны изображения парфянских царей в шлемах греческого типа.

Рис. 10. Голова в шлеме и портреты аршакидских правителей: 1 — нисийская голова; 2 — раннеаршакидский чекан; 3 — Митридат I; 4 — Фраат II; 5 — Артабан I; 6 — Митридат I

ком контрасте с общим духом греческого искусства эллинистического периода и, вероятно, обусловлены стремлением удовлетворить духовные и эстетические запросы заказчиков. Нисийская находка свидетельствует о том, что среднеазиатские мастера последующих столетий имели возможность непосредственного ознакомления с прекрасными образцами эллинистического искусства. Статуя нисийского «воина» и подобные ей произведения, несомненно, вдохновляли местных ваятелей на создание новых, более самобытных произведений, образцы которых в настоящее время хорошо известны в Бактрии и Хорезме²⁴. Наде полагают, что традиции монументального ваяния продолжали развиваться и на территории Южного Туркменистана, и со временем здесь также будет обнаружена скульптура поры поздней античности и раннего средневековья.

HELMETED HEAD FROM STARAYA NISA

V. N. Pilipko

The Parthian expedition of the Turkmenian Academy of Sciences' Institute of History discovered new examples of large clay sculptures during excavation of the Square Hall Building. The new finds include a relatively well preserved head of a bearded man in a helmet of Greek work. The sculpture was made by the canons of Greek art and can be dated to the second century B. C. This dating is confirmed by analogous helmets and the stratigraphy. Interpretation of this find, like that of the other statues in the Square Hall, still presents difficulties. The find concerned is one of the oldest examples of monumental sculpture in Central Asia.

Fig. 1. The helmeted head from Staraya Nisa (in situ)

Fig. 2. The helmeted head. A drawing

Fig. 3. The helmeted head from Staraya Nisa after restoration

Fig. 4—8. The head after restoration

Fig. 9. Analogies to the helmet from Staraya Nisa: 1 — from a coin of the early Seleukos; 2 — from a coin of Eukratides; 3 — from a coin of Menandros; 4 — from a Bactrian phalera with an image of soldiers on the elephant back; 5 — from the paintings in the tomb of Lyson and Kalinnikos (Macedonia); 6 — from a gem, found at the necropolis of Tilla-Tepe; 7 — a bronze helmet from Louvre; 8 — a bronze helmet from Bubuj (Moldavia); 9 — a helmet of nt Otos. The Artemis group from the Pergamon altar; 10 — a helmet from a coin of Kibyra (Asia Minor)

Fig. 10. The helmeted head and images of the Arshakide kings: 1 — the head from Staraya Nisa; 2 — a coin of an early Arshakide; 3 — Mithridates I; 4 — Phraates II; 5 — Artabanos I; 6 — Mithridates I

²⁴ Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979.

НОВАЯ НАХОДКА В ВАНИ

(Предварительное сообщение)

15 августа 1988 г. Ванская археологическая экспедиция Центра археологических исследований АН Грузинской ССР, продолжая раскопки городища античной эпохи в Вани (в Западной Грузии, в 24 км к юго-западу от узловой железнодорожной станции Самтредиа)¹, открыла фрагментированную бронзовую статую.

Статуя была найдена в восточной части центральной террасы (руководитель участка Е. Г. Гиголашвили) при раскопках сооружений, разрушенных в середине I в. до н. э. Однако совершенно очевидно, что она была сброшена с другого места после разрушения этих зданий и оказалась над разрушенными стенами и обрушившейся черепичной кровлей (рис. 1). Неподалеку было найдено также несколько фрагментов других бронзовых скульптур, в том числе — женской руки с прекрасно моделированной кистью (рис. 2). Высота сохранившейся части бронзовой статуи равна 1,05 м (рис. 3). Она покрыта благородной патиной прекрасного серовато-зеленого цвета. Маленькие круглые выемки на груди свидетельствуют о том, что соски были переданы способом инкрустации другим металлом, скорее всего — медью, что характерно для монументальной бронзовой пластики².

Скульптура сильно повреждена: отбиты голова, руки, ноги ниже колена, а на теле видны следы ударов от тупого орудия. Но несмотря на плохую сохранность очевидно, что перед нами выдающееся произведение эллинистической пластики, которое предварительно можно отнести к кругу так называемых классицистических памятников эллинистической эпохи³.

Статуя, с высоким мастерством изображавшая фигуру атлетически сложенного юноши, производит впечатление удивительной гармонии и совершенства. Мускулатура сильная, но соразмерная: ни одна ее часть не выделяется особой развитостью. Обращают на себя внимание прямая (без какого-либо наклона или поворота) постановка фигуры и фронтальность, почти горизонтальные плечи, плотно прижатые к телу (во всяком случае в верхней его части) руки. Создается впечатление, что статуя могла быть выполнена в манере «строгого стиля»⁴. Отдельные сходные элементы в постановке фигуры можно усмотреть, например, между ванской статуей и статуей строгого стиля, известной под названием «Мальчик Критиоса»⁵. Торс юноши из Вани, так же как, вероятно, и «Мальчик Критиоса», опирался на поставленные на всю ступню обе ноги. К этому же кругу восхо-

¹ См. сб.: Вани. Археологические раскопки. Т. I—VIII. Тбилиси, 1972—1987 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.); Лордкипанидзе О. Д. Город-храм Колхиды. М., 1984.

² Rolley Cl. Die griechischen Bronzen. München, 1984. S. 154.

³ Обычно этот термин употребляется для обозначения памятников эллинистического и римского искусства, прообразом которых послужили оригиналы строгого стиля и второй половины V в. до н.э. (Zanker P. Klassizistische Statuen. Mainz am Rhein, 1974. S. XVIII). О неоднозначной дефиниции подробнее см. Niemeier J.-P. Kopien und Nachahmungen im Hellenismus. Bonn, 1985. S. 9 ff.

⁴ Sismundo-Ridway Br. The Severe Style in Greek Sculpture. Princeton, 1970. P. 3—11.

⁵ Ibid. P. 34.

Рис. 1. Бронзовая статуя в момент находки в Вани

дит и прообраз статуи, по которой был создан целый ряд прекрасных римских копий, известных под названием «группы Аполлона Омфалоса»⁶. Попытки определения прообраза этой группы римских копий не увенчались успехом: в специальной научной литературе высказаны самые различные точки зрения как об авторе оригинала римских копий указанной группы, так и о его датировке⁷.

Я не решаюсь пока определить прообраз, к которому могла восходить статуя из Вани. Несмотря на определенную близость с произведениями «классицистической» пластики, очевидны и явные различия, особенно в моделировке мускулатуры живота. В этом отношении торс из Вани находит некоторую близость (но опять не полную идентичность), например, со знаменитой бронзовой статуей А из Риачи, которая, по мнению большинства ученых, является более ранней, нежели найденное вместе

⁶ Наиболее значительными считаются «Омфалос Аполлон», найденный в Афинах в театре Диониса рядом с каменным изваянием Омфалоса, первоначально ошибочно принятым за базу статуи Аполлона (отсюда его название — Omphalos Apollo; хранится в Национальном Музее в Афинах), а также другое известное произведение этой группы — так называемый Choiseul-Gouffier Apollo, купленный на стамбульском рынке и ныне хранящийся в Британском Музее (*Sismondo-Ridway*. Op. cit. Fig. 94—97).

⁷ *Sismondo-Ridway*. Op. cit. P. 29—43.

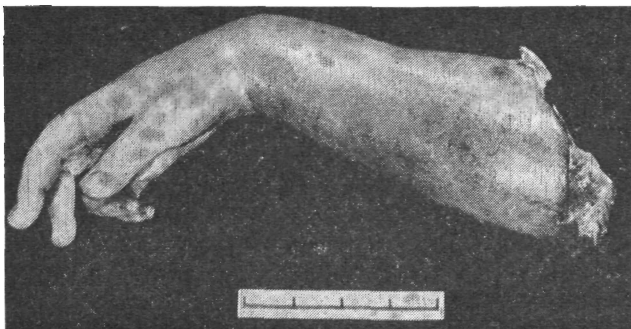

Рис. 2. Рука бронзовой женской статуи

с ней изваяние другого воина (статуя *B*)⁸, и, по утверждению некоторых исследователей, по своим стилистическим особенностям стоит ближе к памятникам строгого стиля⁹.

Таким образом, вопрос о прообразе бронзовой статуи из Вани следует пока оставить открытым. Можно лишь предположить, что прототипом для нее послужил оригинал (или оригиналы) эпохи стиля переходного от строгого (раннеклассического) к высокой классике¹⁰, условно ее можно отнести к так называемому кругу классицистических памятников эпохи эллинизма, ориентированных на строгий стиль. К сожалению, отсутствие столь важных частей, как голова, руки и т. д., не дает возможности выявить чисто эллинистические структуры и стилистические особенности. Трудно утверждать, является ли статуя из Вани так называемым свободным подражанием раннеклассическому оригиналу или просто «копией»¹¹. Она может быть и произведением эклектического стиля, объединяющим в себе разнохарактерные черты¹², как, например, знаменитый «Атлет Стефаноса», который по своим стилистическим чертам (в некоторой степени сближающимся с бронзовым торсом из Вани), так же как и статуи группы «Омфалос Аполлон», восходит к памятникам строгого стиля¹³. В настоящее время, однако, «Атлет» считается не копией раннеклассического оригинала, а трактуется как «эклектический неоклассический оригинал», созданный около 50 г. до н. э. римским скульптором Стефаносом, учеником Пасителя¹⁴. Что касается датировки статуи из Вани, то, пока не выяснено ее первоначальное местоположение, трудно сказать что-либо с определенностью. По стратиграфическому контексту статуя могла быть создана в Вани либо во второй половине III в. — начале II в. до н. э., либо во второй половине или в конце II в. до н. э. В любом случае новооткрытая статуя из Вани является пока одной из древнейших среди «клас-

⁸ См. в сб.: *Due Bronzi da Riace. Parte II. Bolletino d'Arte. 3 (Serie Speciale)*. Roma, 1984.

⁹ *Sismondo-Ridway Br. The Riace Bronzes: A Minority Viewpoint // Due Bronzi da Riace. II. P. 313—326; ср. Deubner O. Die Statuen von Riace // JDAI. 1988. 103. S. 127 ff.*

¹⁰ Исследователи считают, что в эллинистический период прообразом для бронзовых статуй служили обычно мраморные изваяния классического стиля (*Sismondo-Ridway. The Severe Style... P. 73*).

¹¹ Об этих терминах подробнее см. *Niemeier. Op. cit. S. 12—14.*

¹² Ср. *Zanker. Op. cit. S. 76 ff.*

¹³ *Ibid. S. 51—58.*

¹⁴ *Pollitt J. J. Art in the Hellenistic Age. Cambr., 1986. P. 175.*

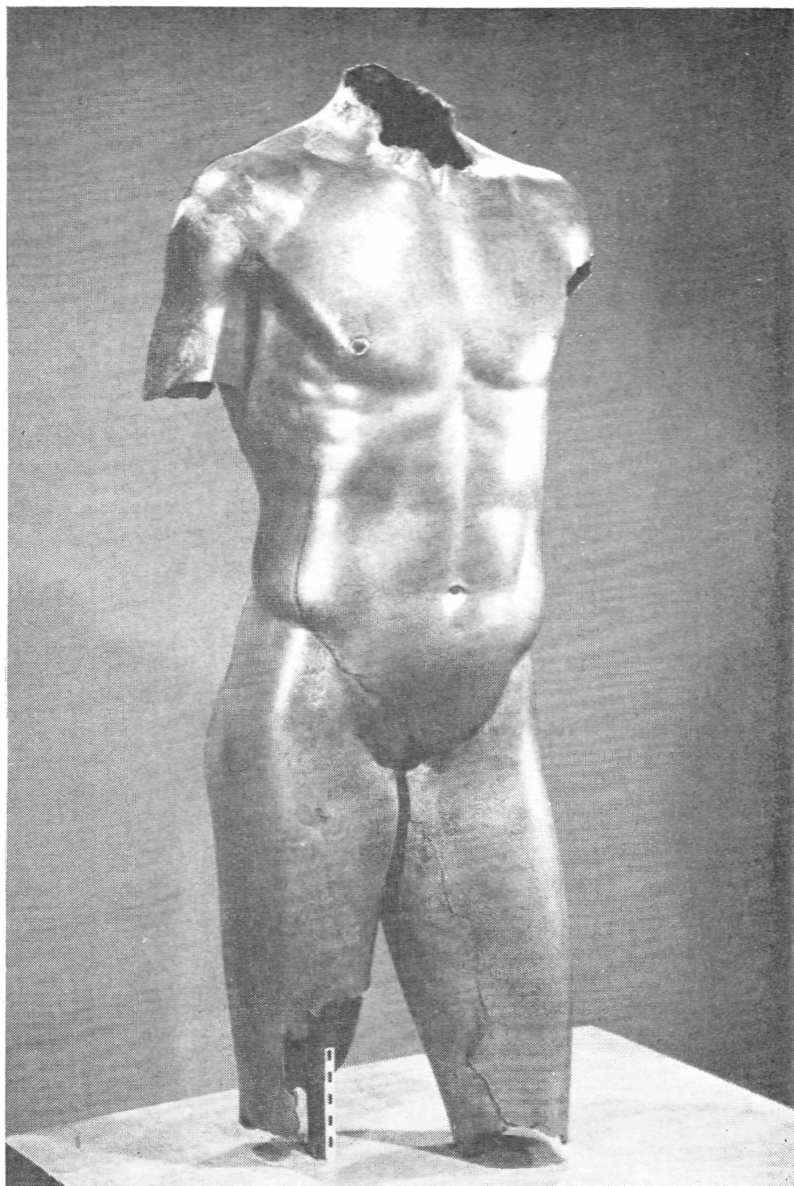

Рис. 3. Бронзовая статуя юноши из Вилли

сицистических» произведений эпохи эллинизма, ориентированных на строгий стиль¹⁵. Перед нами встает целый ряд весьма интересных и в настоящее время трудно разрешимых вопросов: когда, где и как зародилось это направление в эллинистическом искусстве?! Должны ли мы говорить о континуитете строгого стиля, развитом в III в. до н. э.¹⁶, а может быть, и еще позднее?

Вряд ли возможно ответить и на вопрос о том, кого изображала статуя: божество, просто юного атлета или героизированного властелина (последних в эллинистический период часто изображали в виде нагих атлетов)¹⁷?

При предварительной очистке — консервации (проделанной сотрудниками химико-реставрационной лаборатории Государственного Музея Грузии Р. А. Бахтадзе и Ц. Н. Абесадзе) было установлено, что статуя (во всяком случае — дошедшая ее часть) изготовлена по восковой модели с глиняным сердечником: внутри нее сохранился железный каркас (вертикальный стержень с двумя ответвлениями в области ног), обложенный формовочной массой (смешанная с каким-то, пока не определенным органическим веществом глина с примесью мелкозернистого песка) и затем — более чистой и мелкозернистой глиной, структура которой позволяла получить тонкий контур. На этой основе, вероятно, и была сформована восковая модель статуи¹⁸. В химико-реставрационной лаборатории Гос. Музея Грузии под руководством кандидата химических наук Р. А. Бахтадзе были проведены первые анализы металла и патины. На основе спектрального и химико-количественного (весового и объемного) анализов установлено, что бронза содержит 88% меди, 10% олова¹⁹ и примерно 1,5% свинца. Из рудных примесей следует отметить присутствие серебра, железа и мышьяка. Пatina (внутренняя и внешняя) изучена спектральным анализом: она содержит 15% олова и примерно 5% свинца.

Новооткрытые фрагменты бронзовых статуй не являются единичными в Вани. И в прошлые годы на городище довольно часто встречались отдельные части скульптур: фрагменты изображений человеческого тела разных размеров (рук, ног, горла, плеча, ресницы и т. д.), а также драпировок, конских копыт, ушей Сатира, змей, алтарей и орнаментированных (в том числе и позолоченных!) деталей различных предметов²⁰. Многочисленные находки в Вани свидетельствуют о том, что этот храмовый город древней Колхиды был украшен бронзовыми скульптурами и скульптурными композициями²¹.

Несомненно, что бронзовые статуи отливались в самом Вани приез-

¹⁵ Здесь имеются в виду памятники круга «Атлета Стефаноса» и «Омфалос Аполлона», с которыми проявляет определенное сходство бронзовый торс юноши из Вани. В целом, однако, появление характерных черт строгого стиля в эллинистической скульптуре предполагается во II в. до н. э. — *Sismondo-Ridway. The Severe Style...* P. 142.

¹⁶ *Himmelman N. Alexandria und Realismus in der griechischen Kunst. Tübingen, 1983. S. 87.*

¹⁷ *Zanker. Op. cit. S. 76.*

¹⁸ О технике изготовления больших бронзовых статуй см. *Трейстер М. Ю.* Новые данные о художественной обработке металла на Боспоре // ВДИ. 1984. № 1. С. 148 сл.; *Rolley. Op. cit. S. 29—30. Fig. 2—5*; см. также: *Due Bronzi di Riace. I. P. 83—148.*

¹⁹ Такой сплав считается самым высоким по качеству (*Rolley. Op. cit. S. 29*).

²⁰ См. *Пирцхалава М. С., Кипиани Г. Г.* Исследование западной части центральной террасы Ванского городища // Вани. VIII. Тбилиси, 1986 (на груз. яз., рез. на рус. яз.). С. 52—79.

²¹ О функции Вани в эллинистический период см.: *Лордкипанидзе О. Д.* К локализации τὸ τῆς Λευκοθέας ἱερὸν // ВДИ. 1972. № 2. С. 106 сл.

жими греческими ²² или местными мастерами, хорошо знакомыми с канонами эллинистического искусства и бронзолитейной техники. Об отливке статуи на месте свидетельствуют многочисленные находки маленьких прямоугольных пластинок — вставок (использовавшихся для заполнения дефектов литья) и литиков, обрезков листовой бронзы и заготовок, а также большое количество бронзовых фрагментов. Значительный интерес представляют и открытие в окрестностях Вани (местность Саканчия) остатков бронзолитейной ямы III—II в. до н. э. и находки там фрагментов литейных форм из обожженной глины и глиняной воронки (через которую, вероятно, заливали металл в литейную форму), шлаков со следами бронзы и глиняных тиглей с оплаковкой и т. д. ²³

Новооткрытая бронзовая статуя уже выставлена в Ванском государственном археологическом музее. Там же устроена новая экспозиция всех фрагментов бронзовой пластики эллинистической эпохи, найденных на Ванском городище.

A NEW FIND IN VANI (preliminary communication)

O. D. Lordkipanidze

In August 1988 a fragmented bronze statue was discovered in ruins of the first century B. C. during excavations in Vani (Georgian SSR) by an expedition of the Centre for Archaeological Research. Stylistic analysis suggests that the statue is a very old work of Hellenistic classicism, that copies sculpture of a severe style.

Fig. 1. The bronze statue in the moment of find

Fig. 2. The arm of a bronze woman's statue

Fig. 3. The bronze statue of a young man from Vani

²² Довольно сложен вопрос и о том, из каких центров приглашались мастера, изготовлявшие бронзовые статуи. Исследователи считают, что, как правило, это были афинские скульпторы, но известны и копии из греческих городов Малой Азии и с островов (Lauten H. Zur Chronologie römischer Kopien nach Originalen des V. Jhr. Bonn, 1966. S. 51; ср. Sismondo-Ridway Br. Roman Copies of Greek Sculptures: the Problem of Originals. Michigan, 1984. P. 84).

²³ См. исследования В. Т. Личели (Полевые археологические исследования в Грузинской ССР в 1979 г. Тбилиси, 1982. С. 86).

О ПУБЛИКАЦИИ VI ГЛАВЫ «ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА» М. И. РОСТОВЦЕВА

В этом номере журнала продолжается публикация VI главы неизданного второго тома «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства» академика М. И. Ростовцева, а именно, начало ее второй части под названием «Государство и социальный строй эпохи римского протектората», в которой рассматриваются вопросы политического статуса боспорских царей и степени их зависимости от Рима. В качестве источников для этой темы автор использует нумизматический и эпиграфический материалы, выделяя ряд сюжетов, проливающих свет на политический статус боспорских владык. Серьезность разработок Ростовцева заставляет вспомнить о его намерении написать историю боспорской нумизматики (о чем есть упоминание в первом томе его книги, известной под названием «Скифия и Боспор») и сожалеть, что этот труд Михаила Ивановича так и остался неосуществленным¹. Кроме того, во второй части VI главы затрагиваются вопросы территориального устройства Боспорского царства и сфер его влияния в Европе и Азии, а также подробно разбираются эпиграфические материалы, свидетельствующие о социальной структуре боспорского общества.

Ко многим из этих сюжетов М. И. Ростовцев неоднократно возвращался впоследствии в различных своих работах². Однако сопоставление этих работ с текстом впервые публикуемой здесь главы несомненно доказывает, что общая концепция боспорской истории сформировалась у исследователя уже в конце 10-х годов XX в. и лишь дорабатывалась им в 20—40-е годы.

В следующих номерах журнала выйдет окончание VI главы «Государство и культура Боспорского царства», после чего редколлегия ВДИ намечает обсуждение опубликованных материалов. Текст рукописи и комментарии к нему подготовлены В. Ю. Зуевым. В ходе работы над текстом и благодаря дальнейшим розыскам в архивах М. И. Ростовцева удалось устранить все пропуски в тексте VI главы.

¹ Подготовительные материалы для работы по боспорской нумизматике М. И. Ростовцева имеются в его архиве, хранящемся ныне в ЦГИА (ф. 1041). Об этом же свидетельствует и письмо М. И. Ростовцева из Швеции от 1 августа 1918 г. Б. В. Фармаковскому, в котором он просит прислать ему для дальнейшей работы «все то, что напечатано из моей книги „Исследование по истории Скифии и Боспора“, а также те таблицы монет, которые уже готовы. Их Вам даст А. К. Марков» (Архив ЛОИА АН СССР, ф. 23).

² Иранский конный бог и юг России // Сб. в честь С. А. Жебелева. Л., 1926; The Bosphoran Kingdom // САН. 1930. VIII; Pontus and its Neighbours: The First Mithridatic War // САН. 1932. IX.

ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

2. ГОСУДАРСТВО И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ
ЭПОХИ РИМСКОГО ПРОТЕКТОРАТА

Сложная форма государственного управления эпохи Спартокидов сменилась на Боспоре, как было выяснено выше, ирано-эллинистической монархией Мифрадата Великого. О положении Боспора в эпоху правления Мифрадата, Махара и Фарнака мы, к сожалению, почти ничего не знаем. Не знаем, прежде всего, в какие отношения он стал к гражданам греческих городов. Тот факт, что первыми, поднявшими знамя восстания против Мифрадата, были города Боспора, доказывает, что городам при его правлении жилось нелегко. Особенно давили, как мы видели выше, чрезмерные поборы на военные нужды.

Интересно, что по отношению к соседним скифским и сарматским племенам Мифрадат продолжал политику Спартокидов, входя с ними во все более и более тесные сношения и родственные союзы. Он вел себя как настоящий преемник персидских царей, как настоящий βασιλεὺς βασιλέων, хотя этот титул не был им никогда провозглашен официально и был применен впоследствии лицами, желавшими прославить его внучку Динамию (IOSPE II, 356).

Особенно близка была его политика на Боспоре к политике Спартокидов тогда, когда в его руках осталось одно только Боспорское царство. Особенно интересны сведения о составе его войска. Основу составляли гражданские контингенты греческих городов (App. Mithr. 107 и 118), сверх того наемные варвары (App. Mithr. 111) и войска скифских и сарматских союзников. Как во времена Спартокидов, взимались не только обычные подати (Страбон VII, 4, 6), но и экстраординарные εἰσφοραί на военные нужды (App. 11. II.).

Сын и преемник его Фарнак не довольствуется скромным титулом Мифрадата, а величает себя βασιλεὺς βασιλέων μέγας, как парфянские и армянские цари уже в эллинистическую эпоху, особенно же в римское время.

Временное возвращение к старым традициям Спартокидов мы наблюдаем в эпоху правления Асандра. В первое время, когда он еще чувствовал себя зависимым от населения греческих городов, он носит титул архонта. Позднее он выступает как настоящий преемник Фарнака, на дочери которого он женился. Его титул в надписи IOSPE II, 25 звучит: «В царствование великого царя царей Асандра, друга римлян, спасителя...»¹. Но не надо забывать, что надпись поставлена частным лицом и не является официальным документом. Во всяком случае, гордое βασιλεὺς βασιλέων значительно ослабляется прибавкой эпитета φιλορῶμαιος.

После Асандра наступает, как мы знаем, период прямой зависимости от Рима. Интересно проследить, в какой мере это сказывается на официальной титулатуре боспорских царей. Необходимо, однако, при этом отличать две группы документов. С одной стороны, мы имеем монеты и официальные надписи, поставленные самими царями и дающими титул царя в такой полноте, какая не всегда возможна и желательна была на монетах. К этому присоединяются документы, снабженные официальной

датой: в конце указанием года понтийско-боспорской эры, в начале указанием имени правящего царя. С другой стороны, у нас имеется ряд неофициальных или полуофициальных документов: подписи под статуями царей, посвящения *ὁπὲρ σωτηρίας* правителей.

Официальную титулатуру дает, конечно, только первая серия, но и вторая содержит интересные к ней дополнения, поскольку некоторые добавления к официальному титулу свидетельствуют о желаниях и представлениях самих царей в отношении формулировки их власти. Дополнением к надписям являются обороты медных монет боспорских царей, пределы распространения которых были ограничены, и где цари чувствовали себя свободнее, чем на официальном чекане золота.

В официальной титулатуре на первый план выдвигается указание на вассальную зависимость от Рима. Уже титул Динамии очень показателен: «царица Динамия римлянолюбивая» (так называет она себя сама на подписях под императорскими статуями IOSPE II, 354; IV, 201, 420). Такова же формулировка и титула Аспурга в датировке документа об отпуске на волю раба см. IOSPE II, 364: «В царствование царя Аспурга, друга римлян...». Монеты в это время не показательны, так как на официальном золоте, за исключением кратковременного чекана Динамии, и Динамия, и Аспург принуждены были давать вместо своего имени монограммы, а на меди мы имеем либо (при Динамии) городской чекан Агриппии и Кесарии, либо (при Аспурге), за исключением небольшой и поздней серии, чекан, снабженный монограммами же, но монограммами, либо содержащими воспоминание о великом Мифрадате, либо не имя, а какое-либо прозвище Аспурга. Впрочем, все это вопросы спорные и трудные.

Полнее и богаче становится титулатура боспорских царей при сыне Аспурга — Котисе (правление его брата Мифрадата носит особый, революционный характер и потому его немногочисленные монеты возобновляют традиции великого Мифрадата, давая надпись *βασιλέως Μιφραδάτου*; несомненных монет Полемона, чеканенных на Боспоре, равно как их надписей, мы не имеем). Еще ярче проявляется при нем и при его преемниках вассальная зависимость от Рима. Во-первых, царь кроме своего личного имени имеет родовое имя императора Тиберия, т. е. выдвигает на первый план свое римское гражданство. Весьма вероятно, как на это указано выше, что это гражданство получил уже Аспург. К этому присоединяется эпитет *φιλόκαισαρ*, т. е. прямое указание на зависимость не только от Рима, но и от Цезаря, далее эпитет *εὐσεβής* — перевод латинского *pius*, в котором я вижу прямое указание на отношения пийетета, связывавшие боспорского царя — клиента и его патрона римского императора; наконец, ко всему этому присоединяется указание на пожизненное верховное жречество императорского культа (см. IOSPE II, 32; IV, 204). Тот же титул в сокращении появляется и на монетах преемников Котиса, впервые на монетах Рескупорида, причем вассальные отношения подчеркиваются тем, что на первом месте стоит родовое имя царя римского гражданства, затем титул царя и на последнем месте личное имя.

Традиция, созданная при Котисе, удерживается и при его преемниках вплоть до позднейших времен*.

* Рескупорид I — IOSPE II, 52; ИАК. 45. стр. 10. № 2; Савромат I — IOSPE II, 352; Реметалл — IOSPE II, 33, 353; Савромат II — IOSPE II, 34; Савромат III — IOSPE II, 54. Даю только наиболее типичные надписи. Ср. также всю серию строительных надписей Танаиды, где мы имеем исключительно строго официальный титул царей.

Но наряду с этим полуофициальные документы дают несколько более пеструю и живую картину. Интересно сравнить, прежде всего, официальные надписи Динамии с надписью, которая была поставлена ей жителями Фанагории, IOSPE II, 356: «Царицу Динамию римлянолюбивую, дочь великого царя Фарнака, сына царя царей Мифрадата Евпатора Диониса...». Здесь рядом с официальным титулом царицы подчеркиваются ее происхождение, пышные титулы ее отца и деда, от которых она вынуждена была отказаться.

То же мы видим и при ее преемниках: лица, желавшие почтить царя, да и сами цари не упускают случая указать на высокое происхождение царей, на их связь с великим Мифрадатом; очень скоро к простому βασιλεύς они присоединяют пышный эпитет μέγας.

Так получается богатая титулатура почетных царских надписей, например ИАК. 37. стр. 70. № 7: τὸν ἐκ προγόνων βασιλέων βασιλέα μέγαν | Τιβέριον Ἰούλιον Ῥησ[κ]ούποριν, βασιλέως Κότῳ | ος καὶ βασιλίσσης Εὐν[ε]ίκης υἱόν, φιλοκαίσα | ρα καὶ φιλορώμαιον, ε[ὐ]σεβῆ, ἀρχιερέα τῶν Σε | βαστῶν διὰ βίου, ср. IOSPE II, 39; IV, 446 (Савромат I), IOSPE II, 357 (Савромат II); IOSPE II, 43 и IV, 194 (Рескупорид II) и др.

Очень интересный вариант этого титула дают надписи, где называются мифические родоначальники боспорских царей — Посейдон-Евмолп и Геракл; здесь сопоставление βασιλέων βασιλέα в формуле «Происходящего от Геракла и Евмолпа, сына Посейдонова, и от предков царей царя Тиберия Юлия Рескупорида...» и т. д. звучит совершенно как пышный титул βασιλεύς βασιλέων, см. особ. IOSPE II, 41. Надо помнить, как на это было указано выше, что легенда о происхождении от Геракла и Посейдона была очень популярна на Боспоре и что со времени сыновей Аспурга указание на это происхождение постоянно встречается на боспорском золоте (присоединение к изображению царя знаков в виде трезубца и палицы).

В виде исключения Савромат I совершенно открыто принял титул βασιλεύς βασιλέων, правда, только в своих победных надписях, что от него воспринял его сын Котис II. Так, в надписи Савромата I IOSPE II, 338; ср. ИАК. 47. стр. 113. № 1² стоит: Τὸν ἀπὸ Π[ο]σειδῶνος [κ]α[ι] ἁ[ι] ἁ[ι] | Ῥακλέους βασιλέα βασιλέων μέγαν τοῦ | σύμπα[ν]τος Βοσπόρου Τιβέριον Ἰούλιο[ν] Σαυρομ- | ἀτην, υἱὸν βασιλέως Ῥησκούπορι | [δ]ος, φιλοκαίσαρα καὶ φιλορώ[μαιον] εὐ[σεβῆ], ср. также IOSPE II, 26 и IV, 202. Тот же титул стоит, вероятно, и в надписи IOSPE II, 361, которая поэтому должна быть отнесена к Савромату I; слово ἐλόντα в последней строке указывает на то, что мы и здесь имеем дело с подобной надписью.

Получается, таким образом, очень поучительная картина. Официально боспорские цари — скромные вассальные Риму владыки, ничем не отличающиеся от своих фракийских, мавретанских, малоазийских и альпийских коллег и исполнявшие функции римских прокураторов. Но они были и сознавали себя, как их отдаленные сородичи в Комматене, старым, знатным и гордым родом, всегда помнившим о своем происхождении.

Особенно дорога была боспорским царям их ближайшая связь с Ахеменидами через Динамию, Фарнака и Мифрадата, с одной стороны, и их связь фракийской царской одрисской линией и этим путем, может быть, со старой боспорской династией, с другой. Указывать на первое было небезопасно, и потому боспорские цари только в скрытом виде намекают на эти свои притязания, второе было более невинно, и потому мы видим эту сторону, выдвигающуюся на первый план, как на монетах — знаки трезубца и палицы на золоте, изображения царей с атрибутами Геракла

и Посейдона, серия подвигов Геракла на монетах Савромата II, так и в надписях. Характерно, что это выдвигание Геракла и отождествление себя с ним является вместе с тем отголоском тех же течений, которые мы наблюдаем и при римском дворе, где это преимущественное почитание Геракла стояло в тесной связи с философским стоическим и киническим обоснованием императорской власти династии Антонинов. Недаром же на ряде городских провинциальных чеканов этого времени появляется та же серия великих трудов страстотерпца Геракла, символизирующая великое дело римских императоров, отстаивающих личными жертвами и подвигами мир всего мира, каковую мы видим и на монетах Савромата II. Подвиги этого царя в борьбе против скифов, тавров и сарматов давали ему право, помимо версии о происхождении от Геракла, отождествить себя с этим борцом за человечество и через него с сюзеренами Боспора, великими Антонинами, как и они, боровшимися с надвигавшимися волнами варварства. Изображение Савромата II с атрибутами Геракла и Посейдона находит себе аналогию в таком же украшении себя атрибутами Геракла, которое типично для Коммода и Каракаллы.

Связь с Ахеменидами, как сказано, менее подчеркивается. Со времени Мифрадата VII указание на эту связь воспринималась как тенденция к отделению от Рима. Тем не менее я склонен видеть такое указание в появлении на медных монетах ближайших преемников Аспурга головы женского божества, того же, которое мы видим и на монетах Агриппии и Кесарии эпохи Динамии. Повторение этой головы на монетах Котиса и Рескупорида подчеркивает их связь с Динамией, внучкой Мифрадата. Ту же тенденцию надо усмотреть и в стремлении к титулу μέγας βασιλεύς и βασιλεὺς βασιλέων, титулу, который носили открыто армянские и парфянские цари. Не случайность, что единственным царем, открыто применявшим к себе эти титулы, был Савромат I, сумевший отстоять Боспор в эпоху великой смуты при Домициане и получивший широкие полномочия от Траяна.

Я не стану здесь повторять того, что мною было уже сказано об отношении боспорских царей и боспорского царства к римской империи. Напомню только постепенную эволюцию изображений на оборотах медных царских монет. Они отнюдь не являются копиями ни с римского городского чекана, ни с каких-либо соседних провинциальных городов.

На монетах первых царей господствуют четыре дополняющие один другой главных типа с двумя дополнительными. Все они указывают на отношения боспорского царя к своему сюзерену — римскому императору. На одном изображаются почетные дары — *τετράαι*; это — *arma equestria*, дарованные императором царю: круглый щит и копьё, меч и боевая секира, а также символ подаренного боевого скакуна — голова лошади. Коррелятом этого типа является изображение царя на подаренном скакуне, несущемся на врага. Характерно, что на этих последних ни щита, ни секиры в руках царя не имеется, зато одет он в типичный боспоро-греческий чешуйчатый панцирь (*lorica*), поверх которого развевается плащ (может быть, тоже дары императора — *lorica* и *sagulum purpureum cum fibulis aureis*). Важно отметить, что дарованная царю *arma equestria* носит не общеримский, а специальный характер: в состав их входит скифо-сарматская секира. В качестве объяснительного знака к этим *τετράαι* на монетах с их изображением появляется иногда *sella curulis*, которую подчеркивается характер вооружения как вооружения агента императорской власти.

Параллельно этому на второй серии монет изображаются знаки инве-

ституты царя: *corona aurea gemmata*, лежащая на *sella curulis*, *scipio eburneus*, украшенный портретным изображением императора. Коррелятом к этому типу монет является: изображение *corona aurea* отдельно и изображение царя, облеченного знаками инвеституры и сидящего на курульном кресле. На голове у него *corona*, в руках скипетр. Одет он в третий знак инвеституры, который трудно было изобразить отдельно, в *toga* может быть *picta* и *tunica* может быть *palmata*.

Последним дополнительным к этому типом является изображение Ники на обороте царских монет — символа того, что должно быть результатом деятельности царя*.

Позднее, однако, наряду с этими типами появляются и другие. На дальнейшее развитие связи с Римом указывает изображение храма с надписью *Καπετώλιον* при Евпаторе, что, по всей вероятности, соответствовало сооружению такого храма в Пантикапее, для которого, конечно, требовалось особое разрешение и которое как бы ставило Пантикапей в ряд римских колоний.

Важнее появление при победоносном Савромате I изображений, связанных с его победами; варвары у ворот укрепленного города, царь, попирающий побежденных.

Еще важнее появление на монетах, начиная с Евпатора, нового типа изображения царя уже не на курульном кресле или верхом в пожалованном императорском вооружении, поражающем врагов, а в том же виде, в каком изображали себя сами римские императоры династии Антонинов, т. е. на спокойно стоящей лошади с рукой, протянутой вперед и вверх в жесте адорации. Характерно, что боспорские цари, имитировавшие римский тип, изображали себя не в традиционной вассальной одежде, а в национальном вооружении и с национальными, а не дарованными знаками власти: не в золотом венке, а в диадеме, не в короткой *lorica squamata*, а в длинной сарматской панцирной рубашке, не с *scipio eburneus* в руках, а с длинным старым скифским царским скипетром. Жест руки императора на монетах и медальонах Орешников³ пытается истолковать как жест аллокуции. Но там, где император изображен делающим этот жест, никогда не изображена традиционная сцена аллокуции императора. Толпа — солдаты или народ, с которой говорит император, отсутствует. Иногда изображенный сюжет есть возвращение императора победителя, венчаемого Викторией (*Gnèschi. I medaglioni romani*, II, 45, 2, табл. 72, 2)⁴, после победы над Арменией, иногда это *profectio Augusti*, т. е. отправление в экспедицию в сопровождении Виктории (*ibid.* II, 85, 10 табл. 101, 8 [Александр Север]; 1 табл. 9—11 [Аврелиан, золото]; II, 93, 54 сл. табл. 106, 5 сл. [Гордиан II]; табл. 118, 2 [Тацит]; 119, 3—6 [Пробл]), но чаще всего это просто изображение императора или его статуи (*ibid.* II, 14, 40—42;

* Отмечу в дополнение к тому, что об этом было сказано выше, что все эти подарки вассальным царям традиционны и освящены практикой сената эпохи великих римских завоеваний и побед. Об этом см.: Büthner. *Wobet, De legationibus rei publicae liberae temporibus Romam missis*. Lipsiae, 1876, 52 слл. Кроме обычных *sella curulis*, *sceptrum in summitate aquilam habens* (в императорское время орел заменен бюстом императора), *toga picta*, *tunica palmata*, *patera*, *corona aurea* и *anulus aureus*, часто упоминаются и *equi phalerati*. Так, Евмену и Атталу в 192 г. дарованы были: *equi duo*, *lina equestria arma*, *vasa argentea* (Liv. XXXV. 23); в 170 г.: *duobus Gallorum regulis fratribus torques*, *vasa argentea*, *duo equi phalerati cum agasonibus*, *equestria arma*, *sagula* (Liv. XLIII, 5; ср. XLIV, 14). В (дар) Масиниссе: *sagula purpurea cum fibulis aureis*, *tunicae laticlaviae*, *lina equestria*, *arma cum loriceis*, *tabernacula* (Liv. XXX, ср. App. Pun. 32). Характерно, что дары варьируются в зависимости от национальности одаряемого. Отметим панцырь, подаренный Масиниссе. Возможно, что и панцырь боспорских царей на их изображениях был римским даром.

табл. 48,1,2 [Антонин]; II, 29, 20 табл. 60, 8; 38, 88 табл. 66, 8 [М. Аврелий]; II, 64, 142, табл. 87, 9 [Коммод]). Во всех этих случаях об аллокуции вряд ли может быть речь.

Духу времени гораздо более соответствует жест адорации или молитвы, направленной к верховному богу с просьбой или с благодарностью *.

И тот же жест адорации, несомненно, как показывают изображения на погребальных венках, много изданные, делают и боспорские цари, отправляясь в поход или возвращаясь после победы.

Этот тип и его связь с монетами династии Антонинов находит себе соответствие не только в вышеупомянутых монетах Савромата II, где тот выступает с атрибутами Геракла и Посейдона и где мы также наблюдаем влияние римских настроений и идей в местном аспекте, но и в целом ряде монет, где подчеркивается религиозное настроение монархов, их девоция высшим божеством их родины, вассальные же типы постепенно исчезают совершенно ⁵.

Характерно, что в нумизматике позднейших царей Боспора, на их меди, начиная с III в. по Р. Хр. все более и более господствует наряду с уже упомянутым типом адолирующего царя тип сидящего верховного женского божества, характеризованного иногда приобщающимся из ее рук эротом, как Афродита. Главный же ее атрибут — это модий или калаф на голове. О его значении речь еще будет ниже. Здесь я отмечу только, что богиня, впервые появляющаяся на монетах Боспора при Динамии, прикрывая своим образом самое царицу, спорадически встречающаяся затем при Котисе и Рескупориде, исчезает на время совсем из области монетных типов боспорской меди. Но с Евпатора мы вновь застаем ее здесь сначала как бюст, сопоставленный с бюстом царя или м. б. бюстом верховного мужского божества, затем как полная фигура. При этом характерно, что эта полная фигура часто сопровождается начеканкой бюста императора, чем подчеркивается полная лояльность культа, его естественное состояние с основным культом римской империи — культом императора. То же значение имеет и появление начеканок на меди с типом адолирующего царя: его адорация направлена столько же к верховному богу, сколько к земному богу — римскому императору.

При всех этих особенностях типов медных монет Боспора нумизматика боспорских царей остается строго вассальной, поскольку дело касается главного чекана — золота, постепенно превращающегося в то, что принято называть электром, а затем в серебро, биллон и чистую медь. Этот главный номинал во все времена чеканится с головой правящего императора на обороте.

В государственно-правовом отношении вся серия боспорских монет эпохи вассальной зависимости в высокой степени характерна. Она представляет собою единственное явление на протяжении всей римской империи как по длительности своего существования, так и по оригинальности форм самого чекана. Конечно, этот чекан имеет много общего с чеканами других вассальных Риму царств: Фракии, Понта, Армении, Мавритании. Но даже помимо того, что чеканы всех этих вассальных царств кратковременны, мы не видим нигде такой последовательности и оригинальности в выборе типов, какие мы знаем в боспорском царстве, нигде также мы не видим такой самостоятельности в типе самих чеканов, очень далеких в общем и от чеканов римских городских и от чеканов римских

* См. мысли М. Аврелия о молитве и ее значении М. Aug., *eis éautón*. VI, 23; 44; IX, 40; X, 36. Rendall G. H. Marcus Aurelius Antoninus to Himself. London, 1848, p. CXVIII, ср. CXXVI.

провинциальных. В первых стадиях вассального чекана кое-какое родство наблюдается, особенно при Аспурге, на родство типов медных монет которого с типами мавританских монет правильно указал Бертье-Деллард⁶, но начиная с Котиса боспорская нумизматика вырабатывает свой репертурий типов, которого и держится с некоторыми изменениями вплоть до самых поздних времен существования боспорской династии.

Эти изменения характерным образом движутся все время по одной колее. Все более и более подчеркивается не только вассальный, но и самодовлеющий характер боспорской монархии, ее божественное происхождение. Это божественное происхождение и божественный характер власти выдвигаются одновременно и путем примкновения к общеэллинстическим представлениям (происхождение рода от бога или героя), и путем внесения идей местных, по существу иранских, идеи царской власти милостью верховного бога, идеи, которая не чужда была и римской империи как таковой, причем во II в. она носит более философский, в III в. подчеркнуто религиозный характер в связи с религиозными представлениями, семитическими и иранскими.

Наряду с влияниями римскими в этом нельзя не усмотреть указания на все большее и большее влияние на организацию царской власти местных религиозных идей и представлений населения, которое все более и более иранизуется под влиянием все большего проникновения в его среду этнических сарматских и скифских элементов.

Эту иранизацию мы уже отметили на изменившемся внешнем облике царей. Появление длинной бороды может быть объяснено и влиянием моды, установившейся в Риме со времени главным образом Антонина и М. Аврелия. Гораздо показательнее костюм и инсигнии власти, о которых уже была речь.

Очень интересно, что как раз в это же время, т. е. начиная с Евпатора, а может быть, и раньше, уже при Савромате I и Котисе II, мы видим появление особых родовых знаков царствующих династов, знаков, которые мы наблюдаем уже на некоторых вещах, преимущественно азиатских котлах, найденных в сарматских погребениях позднеэллинстического и раннеримского периода.

Знаки эти, поскольку дело идет о знаках боспорских царей (более ранние до сих пор не были собраны), сопоставлены были Шкорпилем. В настоящее время мы имеем три знака, которые с большой долей вероятности могут быть приписаны Евпатору (Шкорпил, ИАК. 37. 23 слл.), Савромату II (Шкорпил, *ibid*, 40, 112 слл. № 28) и Иинсимею (IOSPE II, 433, 434; Латышев. Мат. по арх. России, IX, 64)⁷. Интересно, что подобные же знаки мы имеем на монетах ольвийских скифских царей Фарзоя и Иинсимея (выше стр. (так в тексте. — В. З)).

Из этих и подобных знаков на Боспоре, как кажется, развивается целая система, целое письмо, может быть, первоначально исключительно для магических надгробных текстов. Такие тексты мы имеем в Стасовской гробнице у входа и на скульптурных львах, служивших в Ольвии и Керчи частью архитектурного убранства больших и роскошных курганных погребений.

Выяснивши, насколько это было возможно, государственно-правовой характер власти боспорских царей в эпоху римского протектората и отношения этой власти к Риму, попытаемся охарактеризовать структуру самого государства, его политический, военный и социальный строй.

Постараемся, прежде всего, определить границы боспорского царства. Как выше было показано, Мифрадат был теократическим сувереном не

только всех греческих городов на понтийском побережье, но и всех окружающих народов и государств, имевших, кроме того, своих отдельных владык. Теоретически таким образом к составу его государства принадлежала и вся Скифия, т. е. скифо-таврское крымское государство Скилура и его наследников, вся Синдика и соседние меотские и кавказские племена. Насколько далеко в глубь страны шло влияние Мифрадата, сказать трудно. Нельзя, конечно, установить и списка зависимых от него и признававших его суверенитет меотских, сарматских и кавказских племен.

Державу Мифрадата унаследовали от него, поскольку дело идет о его боспорских владениях, и его преемники. Вплоть до времени Антонина Херсонес и его область находились в зависимости или, вернее, под защитой от Боспора, правда, с колебаниями, очень плохо нам известными. Одно время пределы боспорской защиты — при Савромате I и Котисе II — распространены были и на Ольвию с ее территорией, что, очевидно, находилось в прямой зависимости от прежних отношений Ольвии к Мифрадату, как к ее *προστάτης*.

Наряду с этим города кавказского побережья, составлявшие и при Мифрадате отдельную сатрапию, с тех пор как Боспор окончательно отделился от Понта, не имеют никакого отношения к Боспору. Со времени Нерона и особенно со времени Веспасиана они, как известно, находились под защитой гарнизонов и войск, стоявших в Каппадокии. Где проходила граница между сферой влияния Боспора и Каппадокии, определить трудно. Возможно, что Бати или Патус (нын. Новороссийск) тяготели к Боспору не только в эпоху правления Динамии.

Неразрывно связаны были с Боспором греческие города Крыма вплоть до Феодосии, одно время влачившей лишь жалкое существование, и города Тамани. К сожалению, мы не в состоянии с точностью сказать, какие из них продолжали существовать и в римское время. Несомненно это для Фанагории, города, на месте которого находится нын. Таманская станица, и Горгиппии.

Прочно держал в своих руках Боспор и Танаиду, постоянно укрепляя ее и энергично защищая от напора соседей.

Труднее сказать, насколько далеко проникало влияние Боспора в глубь племен, соседивших с греческими городами. Несомненно, к составу Боспорского царства принадлежала Синдика, занятая частью вышеупомянутыми Аспургиянами. Но каковы были границы Синдики, это, к сожалению, определению не поддается. Вряд ли эти границы были когда-либо точно установлены и определены. Вопрос этот тесно связан с вопросом об отношениях Боспора к меотам.

Хотя Спартокиды и называли себя вплоть до позднейших времен царями меотов, представляется весьма вероятным, что зависимость тех племен, которых боспорцы называли меотами (вряд ли этот термин можно считать вполне определенным и включающим в свой состав определенное количество определенных племен) была скорее всего номинальной. Только довольно неопределенные указания на зависимость находим мы в эллинистической новелле о Тиргатао, переданной нам Полиэном, и в новелле Лукиана о скифской дружбе в диалоге Тохарис.

Совершенно определенно говорят об этой неустойчивости отношений эллинистические источники Страбона (XI.2.11): «Из всех азиатских меотов одни подчинялись владетелям торжища на Танаиде, другие — боспорянам, но иногда то один, то другой народ отпадали от них. Нередко боспорские повелители владели и землями до Танаида, в особенности последние — Фарнак, Асандр и Полемон. Фарнак, говорят, однажды отвел даже те-

чение Гипаниса к дандариям через какой-то старинный канал, который он расчистил, и таким образом затопил их страну» (SC. 1. С. 133)⁸.

Мы видим, что в последние времена эпохи Спартокидов Танаида была совершенно независима от Боспора и держала даже в подчинении от себя часть меотов; другая находилась в зависимости от Боспора. Но борьба с меотами ни на минуту не прекращалась. Понятно поэтому, что в эпоху Мифрадата они действуют совершенно самостоятельно и заключают с Мифрадатом договоры. Как особо сильное племя выступают ближайшие соседи Боспора дандарии, династ которых Олфак играл немаловажную роль при дворе Мифрадата (App. Mithr. 102; Plut. Luc. 16; ср. App. Mithr. 79). Весьма вероятно, что к царству Мифрадата принадлежала так или иначе и Танаида. После его смерти его наследники встретились, однако, с крупными затруднениями в области поддержания своего авторитета на берегах Азовского моря. Как мы видели, Фарнаку пришлось вести серьезную борьбу с дандариями. Немало усилий пришлось употребить и Асандру для поддержания своего авторитета среди меотов. Целью обоих было, несомненно, установить связь между подвластной им Синдикой и Танаидой, а также обеспечение свободного плавания вдоль берегов Азовского моря. Пришлось продолжать борьбу и Полемону. Осложнилась она оккупацией одной части Синдики, по всей видимости, сарматским племенем аспургиянов. Отложились от государства или настаивала на своей самостоятельности и Танаида. Мы видели, как все эти события связались с внутренним кризисом внутри самого Боспора.

Хотя Полемон и нанес Танаиде серьезный удар, тем не менее не может быть и речи о гибели этого города. Единственным последствием расправы Полемона была отныне тесная связь Танаиды с Боспором. Задача установления тесной связи с Танаидой стояла таким образом и перед преемниками Полемона. А priori поэтому вероятно, что и им приходилось вести постоянную борьбу с меотами, особенно с уже упомянутыми дандариями. Вряд ли Фарнаку удалось окончательно сломить их сопротивление. Вскоре после смерти Аспурга они играют немаловажную роль, наряду с сарматскими сираками, в борьбе между Котисом, поддерживаемым Римом, и Мифрадатом. Мифрадату удалось стать во главе этого народа (Tac. Ann. XII.15) и восстановить свою связь с сираками. Слова Тацита: «...царь сираков Зорсин возобновил враждебные к ним отношения...» (SC. II. С. 238) позволяют думать, что в борьбе Дидия Галла с Мифрадатом на стороне последнего были и сираки, так что поход Дидия Галла в общем имел те же цели, что позднейший поход Плавтия Сильвана, т. е. должен был предохранить боспорское царство от слишком определенного влияния соседних сарматских племенных держав.

Привела ли победа Дидия Галла к установлению прочной зависимости дандариев от Боспора, сказать невозможно. Вряд ли это так. Во всяком случае, власть боспорских царей вряд ли проникала глубоко в долину Кубани, так как в ниже выясняемой организации боспорского царства мы в противном случае встретились бы с новым военным и административным органом, ведавшим управлением этих племен. Наряду с губернаторами Горгииппии, «Острова», т. е. Тамани, Аспургиян и Танаиды, мы не встречаем губернатора племен по Азовскому морю и по течению Кубани.

Надо думать, что меоты продолжали быть независимыми или полужависимыми, колеблясь между союзом с Боспором или ближайшими сарматскими державами. Азиатская часть владений боспорских царей вряд ли когда-либо была очень значительной и характеристика Страбона (VII.4.4): «а с его времени [т. е. со времени Мифрадата. — М. Р.] царство подчинено

власти Римлян. Большая часть его лежит в Европе, но некоторая и в Азии» (SC. I. С. 125) может быть отнесена и к позднейшим временам.

Очень скудны наши сведения и о пределах распространения власти боспорских царей на европейской стороне Боспора, т. е. в Крыму. Номинально со времени Мифрадата весь Крым входил в состав боспорской державы. Об этом Страбон говорит повторно и совершенно определенно, см. VII.4.5 (речь идет о Таврике вообще): «им владеют боспорские повелители, *после того как* он весь сильно пострадал от непрерывных войн. Раньше [т. е. до Мифрадата. — М. Р.] боспорские тираны [т. е. Спартокиды. — М. Р.] владели лишь небольшой *областью* при устье Меотиды и *при* Пантикапее до Феодосии, а наибольшую *часть страны* до перешейка и Каркинитского залива занимало скифское племя тавров» (SC. I. С. 125 сл.); то же говорит он несколько раньше (VII.4.4): «За вышеупомянутой *горной областью* [т. е. горная часть Крыма. — М. Р.] лежит город Феодосия с плодородной равниной и гаванью, пригодной даже для сотни судов. Он был прежде [т. е. при Спартокидах. — М. Р.] границей владений боспорян и тавров» (SC. I. С. 124); наконец, то же он повторяет VII.5.7: «Теперь вся эта страна находится под властью боспорских царей, которых назначают Римляне» (SC. I. С. 128).

Мы видим, что Страбон считает боспорских царей хозяевами всего Крыма вплоть до Перекопского перешейка.

Но это владычество Боспора было только теоретическим и номинальным. Мы видели, что вся западная и центральная часть Крыма, равно как и весь горный Крым, были фактически независимы и что Боспору все время приходилось бороться не столько даже за власть свою в Крыму, сколько за безопасность действительно подчиненной им территории.

Действительные границы территории, подвластной боспорским царям в Крыму, не поддаются определению и, вероятно, постоянно колебались, так как естественных легко защитимых границ в Крыму, особенно степном, не имеется.

Если вал Асандра, о котором говорит Страбон, действительно проходил по Перекопскому перешейку, то в этом, может быть, можно было бы усмотреть указание на то, что Асандр действительно господствовал на всем протяжении степного Крыма. Но уже во время похода Плавтия Сильвана скифы были хозяевами степного Крыма и даже после крупных успехов Савромата I в борьбе со скифами, а также после планомерной оккупации отдельных пунктов горного Крыма римскими гарнизонами со времени имп(ератора) Антонина владения Боспора и боспорская территория вряд ли простирались по берегу на юг дальше Аю-Дага, а внутрь страны дальше теп(ерешнего) Эски-Крыма. Надо помнить, что и власть римлян в горном Крыму была призрачной и ограничивалась, вероятно, занятием отдельных командующих пунктов на больших дорогах, связывавших херсонесскую область с хлеборобными степями северного и западного Крыма. В степях Крыма, надо думать, положение дел постоянно колебалось в зависимости от большей или меньшей сплоченности населявших эти степи скифских племен. Ничего подобного тому процессу образования городских центров, который мы наблюдаем в дунайских провинциях, мы здесь не видим, хотя попытки к этому римлянами сделаны были.

Не вносит света в этот темный вопрос и система валов, отделяющих от степи ближайшую территорию к Пантикапее. Помимо того, что мы не имеем даже точной съемки этих валов и систематического их исследования, которые одни могли бы объяснить нам их цель и значение, объем захваченной ими территории (наилучше сохранившийся вал идет по линии

озера Узунлара) таков, что вряд ли он когда-либо мог быть территорией Боспора. Надо помнить, что он исключает Феодосию. Скорее всего надо думать об очень поздних сооружениях, которые должны были служить оплотом боспорским стадам и земледельцам против набегов степняков, когда боспорская живая сила уже не в состоянии была создать условий безопасного хозяйства на территории царства.

В более счастливые времена охрана территории Херсонеса и Боспора, осуществлялась, очевидно, иным способом. Римляне, как сказано, устроили ряд наблюдательных военных постов на дорогах, ведущих в Херсонесскую область (крепость около Симферополя, Ай-Тодор и, может быть, другие); надо думать, что и Боспор действовал тем же путем. Находка надписей боспорских царей около Аю-Дага и Эски-Крыма, если только эти надписи не попали туда случайно, позволила бы думать, что и боспорцы со своей стороны создали в наиболее важных пунктах сообщения своей территории опорные центры, служившие для наблюдения за скифами и для предотвращения их набегов. При данном положении исследования ничего определенного об этом, однако, сказать нельзя.

Объектом защиты была, по всей вероятности, область между Пантикапеем и Феодосией, может быть и дальше по побережью, которую Страбон описывает следующим образом (VII.4.4): «От Феодосии до Пантикапея около 530 стадий; вся эта земля богата хлебом, имеет деревни и город с хорошей гаванью, называемый Нимфей» (SC. I. С. 124).

Но и за этими пределами, как указано было выше, страна была плодородной и земледельческой (Страбон. VII.4.6: «*Что же касается Херсонеса, то за исключением горной области на морском берегу до Феодосии вся остальная часть его представляет равнину с хорошей почвой и чрезвычайно богатую хлебом...*» — SC. I. С. 126).

Сношения между этим скифским земледельческим Крымом и Боспором должны были быть очень оживленными, особенно в моменты затишья военных действий.

Такова была территория Боспорского царства, непостоянная, колеблющаяся, плохо нам известная, постоянно подверженная нападениям извне. Сводилась она, очевидно, к ближайшим окрестностям греческих городов. Все, что находилось дальше, было, очевидно, в лучшем случае объектом для взимания той или другой дани в виде натуральных продуктов или материалом для регулярных торговых сношений.

Как же организована была эта боспорская территория? Что представляли из себя в политическом и социальном отношении города Боспорского царства?

И об этом знаем мы очень немного, и сведения наши разбросаны на прострaнстве почти трех веков. Но все-таки кое-какое представление мы себе составить можем.

Важно прежде всего установить, что в эпоху вассальной зависимости Боспора от Рима города Боспорского царства, во всяком случае города азиатской его части, имеют известное самоуправление, кое-какие следы которого мы могли установить и для Спартокидов. Указанием на существование такого самоуправления являются: появление городских *δημοι* как посвятителей надписей, появление в некоторых городах целой серии городских магистратов, существование в городах собственной милиции, которая, как кажется, находится в тесной связи с засвидетельствованными для почти всех городов коллегиями, носящими частью сакральный, частью профессиональный, частью военный характер.

Появление этих следов самоуправления стоит, по всей видимости

в связи с теми реформами, которые проведены были внутри Боспора римлянами, гл(авным) обр(азом), вероятно, Агриппой и Августом, при организации Боспора как вассального Риму царства. Это самоуправление городов могло быть рассматриваемо как противовес слишком широким правам царей и как обычное для всей римской империи желание объединить под главенством Рима ряд объединенных в более крупные административные комплексы городских территорий.

Каждый крупный город сделался центром большой территории, каждая из которых одновременно организована была как особая административная единица, как особая сатрапия. Таких сатрапий мы в настоящее время знаем пять: сатрапия Танаида, сатрапия Νῆσος с центром в Фанагории, сатрапия Горгиппии — все три на азиатской стороне и сатрапия Феодосии на европейской; возможно, что Патикапей с его областью составлял пятую сатрапию.

Рассмотрим каждый округ в отдельности.

Места, где предположительно расположена была древняя Фанагория, руины которой, как было сказано, до сих пор не были исследованы, дали нам ряд надписей, свидетельствующих об известном самоуправлении города. Демос Агриппеев ставит статую в честь царицы Динамии (IOSPE II, 356), народ и совет воздвигают такую же Котису II (II, 359), народ один (без совета) чтит какого-то царя, имя которого не сохранилось (II, 360), наконец архонты Ἀγριππέων Καίσαρέων ставят в 107 г. по Р. Хр. надгробную стелу полководцу царя и его сыну, которые, может быть, пали в битве около Фанагории (II, 363).

Наиболее интересны из указанных надписей II, 359 и 360; к сожалению, обе дошли до нас в неполном виде. Во всяком случае, из текста надписей видно, что в обеих речь шла о каких-то благодеяниях царей по отношению к городу: в надписи 360 речь идет о земельном подарке, упоминается, кроме того, гимнасий, в надписи 359 мы слышим о каких-то дарах ἐκ τῆς βασιλείας προσόδου.

Интересно, что в надписи 360 упоминаются πόλεις во множественном числе, а в надписи 359, 3 сл. мы читаем: ἡ βουλ[η] καὶ ὁ δήμος ὁ Ἀγριππ[έ]ων [καὶ] τετ... Возможно, что эти обрывки надо дополнить в τετ[άρων πόλεων]. Получилось бы, таким образом, указание на группировку около Фанагории других городов Тамани, составлявших с нею как бы одно целое, с одним δήμος и с одной βουλή. Само по себе это представляется и допустимым, и вероятным. Дальнейшие находки дадут нам, надо надеяться, возможность проверить и дополнить эту гипотезу. Во всяком случае, несомненно, что Фанагория в римское время имела обычные органы греческой πόλις — δήμος, βουλή, архонтов.

С демосом встречаемся мы и в Горгиппии. В надписи ИАК. 37. стр. 70. № 7 народ Горгиппии ставит статую в честь Рескупорида I. Существование демоса в городе на месте нынешней Таманской стан. засвидетельствовано надписью IOSPE II, 355.

В Горгиппии мы находим и целую серию носящих, несомненно, городской характер магистратов. Надписи называют нам следующих: στρατηγός — IOSPE II, 402, 32; 404,9; IV, 433.11 — στρατηγός π[ο]λεϊτῶν; ИАК. 10. табл. 1 и Minns. App. ep. № 69, рис. 351; λοχαγός — II. 402.24; IV. 436,16; γυμνασιάρχος — II. 402.14 сл.; ἱερέως — II. 402.29 сл.; 404,16; 410.3. Кроме того мы встречаемся с ὀφθαλμοφύλαξ — IV. 434 b и с, 4; ИАК. 37.46.7.3 и ἐννεκλήτων οἰκονόμος — ИАК. 37.38.2. 16—20^а.

Оригинальную организацию застаем мы в Танаиде. Мы находим здесь две организации населения: одну группу составляют Ἑλλήνες, дру-

гую *Ταναῖται* (см. IOSPE II, 428—192 г. по Р. Хр., где обе группы со-
оружают башню). Во главе эллинов стоит представитель — *ἐλληναρχῆς*
(IOSPE II, 423.18 слл.; 427.8 сл.; 430; 431; 432; 434), Танаиты имеют своих
магистратов (*ἄρχων Ταναίως* — II, 423.16 сл.; 427.7; 430).

Надо думать, что организация эллинов выросла первоначально из кор-
порации греческих торговцев, не граждан города, причем рядом с ними
стояли полноправные граждане — Танаиты. С течением времени, по всей
вероятности, обе группы мало чем отличались одна от другой и действуют
обыкновенно совместно.

Предположенное происхождение двух указанных групп подтверждают
строительные надписи Танаиды, в которых выступают как строители *ἡ πόλις*
καὶ οἱ ἔμποροι (IOSPE II, 429; 430; 13; 432, 433).

Аналогичное явление застаем мы и в Горгипии. Здесь мы видим, что
городские коллегии, о которых еще будет речь, выступают то как коллегии
навклеров, то как *οὐνοδοί* без дальнейшей квалификации.

В Фанагории мы до настоящего времени с подобного рода явлениями
не встречались.

Историческое объяснение указанных явлений лежит, вероятно, в уже
указанном факте существования еще в эпоху Спартокидов особой органи-
зации *ἐμποροι* или *ναύκληροι* в Пантикапее, организации, игравшей, как
мы видели, в жизни государства немаловажную роль*.

Эта организация крупных экспортеров, владельцев судов и торговых
факторий, очевидно с большим подчиненным им персоналом, может быть,
даже с собственными дружинами сохранилась, очевидно, и после падения
Спартокидов и продолжала выделять себя из состава гражданства тех го-
родов, где она имела пребывание. Явление это в греческой жизни исконное,
напомню хотя бы организацию навкратидов в Египте.

С течением времени осевшие в городах Боспора крупные торговцы и
экспортеры в значительной степени слились с местным населением, но
свою организацию удержали. Вызвано было это, вероятно, желанием
отмежеваться от группы гражданства, несшей известные обязанности
и повинности, в которых группа *ἐμποροι* и *ναύκληροι* по своей консти-
туции не принимала участия**.

В чем состояли эти обязанности гражданства, легко предположить.
Дело шло, вероятно, об известных налогах, с одной стороны, об обяза-
тельной воинской повинности, с другой.

Возможно, что такое же деление населения на группы, т. е. на группу
граждан, *ἐμποροι* и остального населения существовало и в Пантикапее.
Я заключаю это из того, что в известной надписи царя Тиб(ерия) Юлия
Тейрана (IOSPE II, 29) наряду с другими должностями мы встречаем
должность *πολεμάρχης*, названную рядом с чисто военною должностью

* Будучи экспортерами и владельцами кораблей, *ἐμποροι* в то же время, как ука-
зано было выше, совершали постоянные путешествия с торговыми целями к соседям,
что, конечно, сопряжено было или с вооружением торговых речных вооруженных су-
дов, или больших охраняемых же караванов, см. надпись ИАК. 10.66. № 69: «Хре-
стион, сын Азиатика, прощай — умер я в земле Сираков, и меня, купца, Гермес, сын
Маи, не послал домой» и т. д.¹⁰ Христион мог быть и пантикапейским гражданином.

** Ряд навклеров засвидетельствован и эпиграфически. Происходят они по боль-
шей части из городов противоположащего побережья Черного моря — Вифинии и Пон-
та. Очень характерна надпись навклера-тианца, прожившего в Пантикапее во всяком
случае весь конец своей жизни, если не всю жизнь, но сохранившего тесную связь
с родиной. См. ИАК. 58.23. № 9: Τέρτιος Ρούφρου Τιανός ναύκλη|ρος ἐτῶν ἑβ'.
Τὴν δὲ στήλην ἐπεμ|ψαν οἱ συγγενεῖς| [μνήμης χά|ριν]¹¹, ср. надпись другого тианца
129 г. по Р. Хр. См. также [так в тексте. — В. З.].

λογαρχός. То же, т. е. отдельную организацию городского гражданства, я заключил бы и из метрической надписи некоего Μαστοῦς: «Почетсть стяжавший царей и сограждан, обычаем добрый Мاست по кончине своей в славной гробнице лежит» (ИАК. 14. 120. 42)¹².

Главной обязанностью гражданства городов, в узком смысле этого слова, была, надо полагать, обязательная воинская служба. О существовании такой повинности в эпоху Спартокидов речь была уже выше. Мне кажется, что это обязательство сохранилось на Боспоре и в римское время и сделалось даже основным государственным институтом, на котором покоилось самое существование государства.

Наличность гражданского войска в городах Боспорского царства может быть установлена с несомненностью на основании уже выше разобранный надписи IOSPE II, 423 из Танаиды, где речь идет о большой победе Савромата II над скифами и сарматами. Про эту победу говорится, что одержана она была (сер. 7 сл.): «...при воеводе граждан... Зинон, сын Дады, внук Евия, и при Юлии Д...оне и Юлии Родоне, бывших наместниках царской страны...».

Мы имеем, таким образом, трех военачальников, очевидно, высшего ранга, бывших царских чиновников (см. ниже), которые стоят во главе гражданского войска, скорее всего не по выбору гражданства, а по назначению царя. Вряд ли здесь идет речь только о гражданском войске Танаиды; скорее мы имеем дело с гражданским войском всего государства.

С этим сведением надо сопоставить, что в вышеуказанных надписях горгиппийских коллегий среди членов коллегии, не среди их магистратов, не раз упоминаются стратеги и лохаги гражданского войска; в одном случае мы имеем ταρχμ|τάρχης. Наконец, в Пантикапее в некрополе найдена была Tabella ansata с надписью Στρατηγῶν (ИАК 3.33.1)¹³. Возможно, что в ту же серию надо включить и надгробную надпись Δαμῆς Γαίου στρατηγός|Τελωνδεῶν [так в тексте.— В. З.], если только здесь речь не идет о каком-либо военачальнике союзного контингента.

К сожалению, мы ничего не можем сказать о том, каков был характер этих военных магистратов, были ли они выборными или назначенными, срочными или бессрочными. Важно, однако, то, что существование этих магистратов устанавливает с несомненностью существование гражданского городского войска в Боспорском царстве и особую организацию граждан как таковых.

Данное выше сопоставление важнейших сведений об организации городов Боспорского царства позволяет установить с несомненностью: 1) существование известного самоуправления, наряду с царской администрацией, всех крупнейших городских центров Боспорского царства; 2) существование в этих же центрах нескольких групп населения; на первом плане полноправного гражданства, затем особой организации ἑμποροὶ и ναύκληροι, наконец, остальной массы населения; 3) существование особого гражданского войска, состоящего из граждан отдельных городов.

Эти общие положения не указывают, однако, на то, чтобы все города Боспорского царства организованы были одинаково. Даже при скудости и отрывочности наших сведений мы видим, что отдельные города имеют свои специальные особенности, которые требуют сопоставления и выяснения.

Из сопоставленных сведений вытекает как будто, что наибольшую меру самоуправления и автономии имела Фанагория. Мы уже видели, что здесь в Фанагории мы имеем все составные части обычного городского автоном-

ного самоуправления: народ, совет, архонтов. Характерно, что наряду с этим в одной только Фанагории не засвидетельствованы военные магистраты городского войска — стратеги и лохаги. Это надо поставить в параллель с тем, что в Фанагории слабее всего представлены гражданские коллегии, о тесной связи которых с военной организацией государства речь будет ниже. Важно также, что Фанагория сохраняет свое имя Агриппии и имеет особо организованный культ императоров (IOSPE II) [нет номера. — В. 3.]. Чрезвычайно интересно также то, что Фанагориты как будто имели возможность непосредственно сноситься с Римом. Об этом как будто говорит надпись, найденная в Риме (CIL. VI 5207; IGr. XIV, 1636; IGr.ad r.R.p. I, 261). Здесь наряду с боспорским дипломатическим агентом для сношений с сарматами называется “Ἦδῳκος Εὐόδοῦ προεστῆς Φανα|γορείῳ τῶν κα|τὰ Βόσπορον. К сожалению, время этой надписи не может быть установлено. Во всяком случае, постоянное и регулярное представительство Фанагоритов в Риме вряд ли вероятно. Речь идет, скорее, о специальном после, аналогичном подобным же послам Херсонеса. Но даже и при таком толковании самый факт в высокой степени характерен и свидетельствует о сравнительно независимом положении Фанагории в пределах Боспорского царства.

Такое, как кажется, исключительное положение Фанагории находит себе объяснение в истории города. Отвлекаясь от темного вопроса о связи Фанагории с царством Спартокидов, о котором речь была выше, мы должны вспомнить, что Фанагория первая подняла знамя восстания против Мифрадата, получила автономию за это от Помпея и тогда, когда она все-таки вынуждена была войти в состав Боспорского царства, по всей вероятности, поставлена была внутри этого царства в особые условия. Об этом говорит как ее ближайшая связь с Динамией, так и почетное имя Агриппии, которое она получила. Весьма вероятно, что в это же время, т. е. при Августе, ей были подтверждены и некоторые привилегии, к числу которых, надо думать, принадлежала и автономная городская организация.

На втором месте надо поставить Танаиду. Здесь, правда, существование совета не установлено, но засвидетельствованы эллинархи, наряду с военными магистратами. Возможно, что и Танаида, и раньше почти независимая от Спартокидов, имела известные привилегии, выделявшие ее из состава остальных городов Боспора.

Иначе Горгиппия. Здесь до сих пор засвидетельствованы только военные магистраты и существование демоса. Ни о совете, ни об архонтах мы ничего не слышим. Существование особых магистратов финансового характера и для целей благотворительности большого значения не имеет, к тому же мы не знаем, имеем ли мы действительно дело с постоянными городскими магистратами.

Как это ни странно, но меньше всего знаем мы о самом Пантикапее и о городах европейской части Боспорского царства. Вряд ли это можно приписать случайности. Правильнее думать, что Пантикапей, царская резиденция, как и раньше, настоящего городского строя не имел, а имел только некоторые суррогаты самоуправления, связанные с организацией гражданских коллегий. О Феодосии, Нимфее и других городах мы никаких сведений не имеем. Вспомним, однако, что здесь никогда систематических исследований проведено не было, не делалось и никаких строительных работ, как в Таманской ст(анице), Анапе и самой Керчи (исключение составляет Феодосия, вряд ли имевшая крупное значение в римское время).

Общим почти для всех городов Боспорского царства и в высокой степени оригинальным явлением, позволяющим глубже заглянуть в социаль-

ную и политическую структуру его городов, надо считать существование особого типа, очень сложных и не сразу ясных коллегий *.

Я не стану углубляться в характеристику общей структуры этих коллегий, мало чем в схеме разнящейся от структуры других античных организаций того же типа. Остановлюсь только на тех особенностях, которые обуславливают особое положение Боспорских коллегий в ряду других организаций того же характера.

Связующим отдельные коллегии звеном был, несомненно, общий культ θεὸς ὕψιστος уже со времени по крайней мере Реметалка. Возможно, что того же бога почитали коллегии и в Пантикапее (см. Ант. дек. жив. 432 сл.)¹⁶, но доказать это невозможно. Вполне допустимо, что в надписи IOSPE II, 57 времени Савромата II, содержащей список членов коллегии, мы имеем посвящение Θεῷ σὺνταίρᾳ, т. е. тому верховному женскому божеству, культ которого был, по всей вероятности, главным официальным культом Боспорского царства.

Характерно, что в надписи ἀριστοπολίται, о которой еще будет речь, названы как боги, которым надпись посвящена, Ζεὺς σὺνταίρ и Ἥρα σὺνταίρα, т. е. соединение верховного мужского и верховного женского божества, как иногда на монетах.

В Горгииппии крупная роль культа θεὸς ὕψιστος в жизни коллегий также засвидетельствована (IOSPE IV, 436в; ИАК. 10.28). Но, наряду с этим, мы имеем список навклеров (ИАК. 37.38. № 2 = Minns. App. ер. 51), посвященный главному богу Горгииппии Посейдону **. Вполне возможно, что культ θεὸς ὕψιστος в Горгииппии в значительной мере соотечался с местными культами, как это вероятно и для Пантикапея ***.

Представляется, таким образом, весьма вероятным, что главным богом коллегий каждой отдельной местности было верховное божество данного города, культ которого был главным официальным культом города.

Вряд ли, однако, культовые цели были основным моментом в образовании и существовании коллегий. Надо, прежде всего, отметить, что интересующие нас коллегии засвидетельствованы рядом памятников для всех городов Боспорского царства, о которых мы вообще имеем эпиграфические свидетельства. Не говоря уже о Пантикапее, Горгииппии и Танаиде, мы имеем ряд свидетельств и для Фанагории, и для Феодосии, даже для мелких городов Крымского побережья, предполагаемых Гера-

* О них см. И. Помяловский. Труды VI Арх. съезда в Одессе, 1888, II, 24 сл.; Латышев, IOSPE II, 246; *ποινικά* [так в тексте. — В. З.]; E. Ziebarth, Das griechische Vereinswesen. 58 слл., 207 слл.¹⁴; Poland, Geschichte des griechischen Vereinswesens, Leipzig, 1909. К сожалению, немецкие исследователи, разбирающие коллегии как одно целое во всем античном мире, не уловили особенностей боспорских коллегий, понявших только в местных условиях и в рамках определенной исторической обстановки. Ценные замечания содержит статья Шкорпила (ИАК. 37. 42 слл.) и книга Minns'a, *Scythians and Greeks*. 620 слл.¹⁵

** Храм Афродиты Навархиды был сооружен правителем Горгииппии в правление Савромата I (ИАК. 32.46. № 32). Эта последняя, однако, почиталась в Горгииппии совместно с Посейдоном (см. известную надпись Асандра IOSPE II, 25), храм которого может быть засвидетельствован в обломке надписи ИАК. 37.61. № 43. Из этого явствует, что культы Посейдона и Афродиты Навархиды были основными культами Горгииппии, т. е. и здесь мы имеем те же два основных божества, только в несколько другом аспекте и эллинизованными на иной лад.

*** Надпись IOSPE IV, 430: Ἀγαθῇ Τύχῃ. Θεὸς δικαίῳ ἀνέστησεν τὸ πρόπύλαιον, и ИАК. 37.61. № 43.4: ἐν τῷ τοῦ μεγάλου θεοῦ τεμένει, хотя и содержат обозначения божества именами θεὸς δικαίος и θεὸς μέγας, типичными для Сабазия, тем не менее относятся, вероятно, к главному божеству Горгииппии, отождествленному (пропуск в тексте. — В. З.) с синкретизмом греческих имен и представлений, местных религиозных воззрений и культа великого бога Сабазия.

кия и Киммерика. Такое изобилие материала не может быть случайным. Вспомним, что вообще эпиграфика Боспора сравнительно скудна. Очевидно, что мы имеем дело с каким-то основным, общим для всего царства учреждением.

Надписи, относящиеся к коллегиям, распадаются на две большие категории. С одной стороны, мы имеем надгробные стелы, поставленные коллегиями одному из своих покойных сочленов, с другой — ряд списков членов отдельных коллегий. Последние, как это правильно было отмечено, изготовлялись периодически, по всей вероятности, ежегодно, как можно судить по датам, и выставлялись во всеобщее сведение в каком-либо общественном месте, скорее всего в храме главного городского божества. Члены коллегии перечислялись в строгом порядке, во главе с магистратами коллегий. В Танаиде мы, кроме того, имеем списки ἀδελφοί εἰσποιητοί, т. е. новых членов, молодых, вновь вступавших фиасотов.

Простой случайностью надо объяснить то, что в Пантикапее и Фанагории преобладают надгробные стелы, в Танаиде и Горгиипии — списки. Надо помнить, что в Пантикапее и Фанагории раскопки велись почти исключительно в некрополе, между тем как надписи Горгиипии и Танаиды происходят из раскопок городища. Весьма возможно, что в Горгиипии в последнее время случайные работы наткнулись как раз на место официального выставления надписей, которое, однако, систематически расследовано не было.

Надгробные надписи доказывают, конечно, что коллегии наряду с другими своими целями ставили себе задачу заботиться о достойном погребении своих сочленов, т. е. были до известной степени погребальными коллегиями. Но это вряд ли могло быть основной целью образования коллегий.

Надо отметить, что отдельные надписи в отдельных городах поставлены не одной и той же коллегией. Судя по именам жрецов и магистратов, мы имеем дело с рядом отдельных организаций. Но поразительно то, насколько однородна структура всех этих коллегий, насколько однообразно строение надписей, их формуляр. Везде мы имеем одних и тех же магистратов, почти везде одинаковый порядок их перечисления. Все это позволяет думать, что мы имеем дело не столько с отдельными самостоятельными коллегиями, сколько с отделами одной большой организации.

Основной чертой строя всех коллегий является то, что они, как это отметили уже Помяловский и Цибарт, состоят главным образом из молодых людей — νεανίσκοι и что одною из целей их объединения являются совместные упражнения в гимнасиях. Это засвидетельствовано постоянным появлением в составе должностных лиц особых гимнасиархов и неанискархов.

Отсутствие этих магистратур в некоторых коллегиях объясняется, вероятно, тем, что в одни коллегии вступали только юноши, в другие только взрослые. Возможно, однако, что в каждой коллегии группа юношей была выделена. На это указывает метрическая надпись некоего Лисимаха IOSPE IV, 317.4 сл.: στήλαν δ' ἀθρήσον, τήν μοι θέσαν ἀ[ρτ]ιθάvonτι ἤλικες θιέσου, δάκρυ' ἀμει[βό]μενοι.

На то же указывают и εἰσποιητοί ἀδελφοί Танаиды.

По происхождению эти νεανίσκοι и взрослые члены коллегии принадлежат не только к классу граждан. В Танаиде в состав коллегий входили и «греческие» купцы, как это видно из того, что члены коллегий делаются эллинархами. С другой стороны, в коллегию навклеров Горгиипии входят не только одни навклеры, как можно судить по именам ее магистратов и членов.

Дальнейший, очень важный признак, характеризующий коллегии, подмечен Шкорпилом. Он первый указал на то, что коллегии состоят исключительно из мужчин, женщин мы не встречаем ни в одной. Объяснить это можно двояко: с одной стороны, религиозными причинами; как в коллегиях Мифры, культ божества не допускал присутствия в составе коллегий женщин; с другой стороны, что и вероятнее, тем, что цель коллегий исключала вхождение в ее состав женщин.

В связи с этим стоит и другое наблюдение Шкорпила. Он первый указал на то, что там, где надгробные стелы фиасотов украшали рельефами, рельефы эти изображают исключительно юношу, опирающегося на колонку, около которой висит оружие, или юношу, сидящего на коне в полном вооружении.

Сопоставляя все эти указания, мы должны прийти к выводу, что в состав коллегий входило исключительно мужское население города, способное носить оружие.

При этом надо иметь в виду давно уже сделанное наблюдение, что в состав коллегий входили исключительно наиболее знатные и богатые жители городов. Уже Помяловский, Цибарт и др. указали на присутствие в составе коллегий высших чиновников царства, на случаи, когда члены коллегий получали высшие должности в государстве.

Блестящей иллюстрацией к этому положению может служить надпись горгийских навклеров (ИАК. 37.38. № 2). На первом месте здесь назван царь, согласившийся вступить в число членов коллегии. Соответственно этому презодий коллегий состоит из высшей должностной аристократии: его жрецом является *πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας, συναγωγός* — губернатор Горгиии; во главе списка династов стоят местные *στρατηγοί* и другие магистраты, появляющиеся регулярно и в других списках горгийских коллегий.

Все это заставляет меня предположить, что боспорские коллегии I—III вв. по Р. Хр. были организациями, официально признанными и, может быть, даже создававшимися по официальной инициативе. В состав их входило мужское способное носить оружие население двух высших классов — гражданства и купечества.

Только при этом предположении становится понятным, почему раньше спорадически засвидетельствованные религиозные коллегии начиная с I в. по Р. Хр. появляются повсюду в большом числе, имеют повсюду одну и ту же организацию, примыкают теснейшим образом к главным государственным культам и объединяют в своем составе мужскую часть высших классов населения.

Ясно, что мы имеем дело с планомерной организацией, целью которой было объединить способное носить оружие население городов государства в государственные коллегии военно-религиозного характера. Этим, очевидно, преследовалась задача поднять чувство культурной и государственной солидарности высших классов и создать сплоченные кадры защитников государства против надвигавшейся опасности поглощения варварскими элементами. Одновременно в этих организациях юношество готовилось к своей будущей военной и административной карьере, воспитывалось в сознании единства высших классов, объединенных около государственной власти.

Нельзя не отметить, как близко стоит эта организация к той, которую создал Август в Италии и которая отсюда распространилась по западным провинциям империи, везде примыкая к уже раньше существовавшим объединениям того же характера. Я говорю об организации римской

iuventus в самом городе Рима и в итальянских муниципиях, сущность и историческое значение которых я выяснил в целом ряде отдельных работ. И здесь мы видим объединение местной аристократии, способной носить оружие, преимущественно молодежи, и здесь мы наблюдаем тесную связь с местными культами и с городской организацией вообще, и здесь имеется ближайшее отношение к правящему дому. И там, и здесь целый ряд связующих звеньев ведет к греческой эфебии и коллегиям νεοί, с одной стороны, к эллинистическим пажеским корпусам, организациям νεανίσκοι βασιλικοί, с другой.

Имеется ли между тем и другим явлением прямая и непосредственная связь, это, конечно, выяснению не поддается. Возможно, что оригинал установления надо искать ближе, в Малой Азии, полной коллегиями νεοί и подобного рода организациями.

Интересно, что к одной из этих организаций — к коллегии νεοί в Вифинской Никее (о связи Вифинии с Боспором речь была выше) один из боспорских царей — Савромат I находился в очень близких отношениях. Никейские νεοί в одной надписи называют Савромата I своим κτίστης.

Между тем, именно начиная с правления Савромата I мы имеем сплошную серию надписей коллегий, причем характерно, что в Горгиппии организация коллегий совпадает с новым основанием этого города, которое выше мы приписали этому великому воителю и организатору Боспорского царства. Мне представляется весьма вероятным приписать тому же Савромату I планомерное развитие интересующих нас коллегияльных организаций и в остальных городах Боспора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эпиграфические тексты приводятся в данной публикации в переводе В. В. Латышева.

² В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1912 г.). 1. Дополнения и поправки к изданным надписям. М. И. Ростовцев приводит надпись с мраморного пьедестала памятника в честь боспорского царя Тиберия Юлия Савромата, найденного в станице Таманской.

³ Орешиников А. В. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья // НС. 1915. Вып. III.

⁴ Gnecchi F. I medaglioni romani. V. I—III. Milano, 1912.

⁵ К вопросу о трактовке изображений на боспорских монетах (жест адорации) М. И. Ростовцев вернулся в 1926 г. в статье «Иранский конный бог и юг России». Эта работа была написана М. И. Ростовцевым в Америке специально для юбилейного сборника в честь С. А. Жебелева. В ней М. И. Ростовцев усиливает аргументацию в пользу своей точки зрения, дополняя нумизматический материал не только римскими, но и восточными (североиндийскими) аналогиями. К сожалению, сборник 1926 г. в честь С. А. Жебелева до сих пор существует только в рукописных вариантах (четыре полных и нескольких разрозненных). Один из экземпляров хранится в фондах Ленинской библиотеки. Свою статью М. И. Ростовцев переиздал позднее в Праге в одном из сборников Семинария в честь Кондакова. Данный пример убедительно доказывает, что, будучи уже на Западе, М. И. Ростовцев не оставил попыток довести до широкой научной общественности результаты своей работы над вторым томом «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства», который был закончен им в 1918 г. в России.

⁶ Бертъ-Делазард А. Л. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене // НС. 1911. Вып. 1.

⁷ Шкорпил В. В. Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия // ИАК. 1910. 37. С. 23—35; Шкорпил В. В. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. // ИАК. 1911. 40. С. 92—114. Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России // МАР. 1892. IX.

⁸ Тексты древних авторов приводятся в данной публикации в переводе на русский язык по книге: Латышев В. В. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I, II. СПб., 1893—1900, 1904 (= SC).

⁹ *Он же.* Неизданные Горгиппийские надписи. Раздел 6. Надписи религиозных обществ // ИАК. 1910. 37. С. 36—63.

¹⁰ *Он же.* Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901—1903 гг.) // ИАК. 1904. 10. С. 1—91.

¹¹ *Шкорпил В. В.* Боспорские надписи, найденные в 1914 г. // ИАК. 1915. 58. С. 17—27.

¹² *Латышев В. В.* Эпиграфические новости из Южной России (находки 1903—1905 гг.) // ИАК. 1905. 14. С. 94—137.

¹³ *Он же.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 г. // ИАК. 1902. 3. С. 21—57.

¹⁴ *Помяловский И. В.* О танаитских коллегиях // Труды VI Археологического съезде в Одессе. Т. II. 1888. С. 24—28; *Латышев В. В.* *Понтий*. СПб., 1909; *Ziebarth E.* Das griechische Vereinswesen. Lpz., 1896.

¹⁵ *Шкорпил.* Заметка о рельефе на памятниках с надписью Евпатерия; *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambr., 1913.

¹⁶ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Т. 1. СПб., 1914.

(Продолжение следует)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

I. M. DIAKONOFF, S. A. STAROSTIN. Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian Language. MÜNCHEN, 1986. 103 p.

За последние четверть века в древнейшей истории народов мира и сравнительно-историческом языкознании был сделан ряд открытий первостепенной важности, внесших существенные изменения в научные представления о генетической классификации языков и о лингвистической карте мира в XV—V тыс. до н. э.: В. М. Иллич-Свитычем и А. Б. Долгопольским была доказана справедливость ностратической гипотезы и продемонстрировано родство шести больших языковых семей Старого Света, а С. А. Старостиным и С. Л. Николаевым было обнаружено, что северокавказские языки объединяются в одну семью, и осуществлена прасеверокавказская реконструкция (к сожалению, пока не опубликованная в полном объеме). Быстрый прогресс в этой области поставил в настоящее время серьезные и далеко не простые проблемы перед археологами и другими специалистами, занимающимися этим периодом: проблемы археологической «привязки» соответствующих лингвистических данных, изучение которых фактически только начинается.

Аналогичные по масштабам трудности могут теперь возникнуть и перед историками и археологами, исследователями древней Передней Азии. Причина тому — рецензируемая книга, авторы которой, И. М. Дьяконов и С. А. Старостин, основываясь на северокавказской реконструкции С. А. Старостина и С. Л. Николаева, поставили перед собой задачу доказать принадлежность хурритского и урартского языков к северокавказской языковой семье, а точнее, к одной из ее составляющих — восточнокавказской. Сразу хотелось бы сказать, что эта задача, как нам представляется, решена авторами и притом — исключительно строго и красиво. С точки зрения истории древней Передней Азии и археологии региона особенно существенно то, что лингвистические суждения авторов указывают теперь направление, в котором следует искать прародину хуррито-урартских племен, и по-новому ставят вопрос об анатолийско-хурритских (геср. анатолийско-восточнокавказских) этноязыковых, культурных контактах.

Основным доказательством родства хуррито-урартского и восточнокавказских языков служат 168 этимологий, на базе которых устанавливаются закономерные звукосоответствия, и краткий очерк сравнительной грамматики, в котором рассматриваются материальные тождества хуррито-урартских и восточнокавказских служебных морфем в имени и глаголе. Необходимо отметить, что для обнаружения фонетических корреспонденций между хуррито-урартским и восточнокавказским решающую роль сыграла не только северо- и восточнокавказская реконструкция С. А. Старостина и С. Л. Николаева, но и реконструкция фонологического строя хурритского и урартского языков, осуществленная И. М. Дьяконовым на основе клинописных передач, а также его восстановление прахуррито-урартских форм.

Подавляющее большинство этимологий, предлагаемых авторами, весьма убедительны и с семантической точки зрения, и фонетически (в том смысле, что они не нарушают устанавливаемой в книге довольно сложной системы звуковых соответствий). Здесь достаточно ограничиться несколькими примерами: урарт. *bedā* 'сторона' — вост.-кавк. **pVdV* 'id.'; хурр. *fāvanā* 'гора', урарт. *vāvānā* 'id.' (с удвоением) — вост.-кавк. **f'anV* 'id.'; хурр. *tāla* 'дерево' — вост.-кавк. **t'wālq̃* 'шест, палка, бревно'; хурр. *šawala* 'год', урарт. *šāle* 'id.' — вост.-кавк. **swyrHo* 'id.'; хурр. *ḫill-* 'говорить' — вост.-кавк. **HiḫēV-* 'id.'; хурр. *ukrā* 'нога', урарт. *qurā* — вост.-кавк. **ḫwirV* 'id.'. Возражения возникают лишь в связи с отдельными этимологиями, кото-

рые не кажутся слишком удачными, ср., например, семантически слабое сопоставление хурр. *tad* 'любить' с вост.-кавк. **dada*₁*V* 'мать'. Не кажется окончательным решение авторов относительно урарт. *burgana* 'башня, колонна' (см. семантическую поправку на с. 99 книги), объясняемого в связи с вост.-кавк. **p'or9uV* 'стойло, навес' или **bən̄iḳV*/**bər̄iḳV-nV* 'шест, столб'; арм. *burgn* 'башня' рассматривается при этом как заимствование из урартского (восточнокавказский источник предполагается и для греч. πύργος 'башня'). При этом вне поля зрения авторов остается довольно сложный вопрос о соотношении греческой и армянской форм (а следовательно, и восточнокавказского слова) с и.-е. **bherǵh-* (гот. *baurgs* 'город, башня').

Говоря чисто теоретически, даже значительное число этимологий, основанных на регулярных фонетических соответствиях, еще не может служить окончательным доказательством языкового родства и может объясняться, например, интенсивным процессом заимствования. Действительно, среди приводимых авторами параллелей немало элементов культурной лексики. Существенно, однако, что наряду с ней широко представлена и лексика базисная (числительные первого десятка, наиболее элементарные глаголы и т. п.), что, в общем, позволяет полностью исключить любое иное объяснение, кроме исконного родства восточнокавказских языков с хуррито-урартским.

На это же указывают и нетривиальные, но регулярные фонетические соотношения, обнаруженные исследователями. Заслуживают внимания, например, рефлексация вост.-кавк. **r* как хурр.-урарт. *t-* в начале слова, но как *-r/-l-* в инлауте, отражение ряда аффрикат в начальной позиции как спирантов, но внутри слова — как аффрикат. Замечательно, что хуррито-урартские соответствия восточнокавказских фрикативных латеральных в начальной позиции различны в зависимости от тембра последующего гласного. Эти и другие детали сравнительно-исторической фонетики служат косвенным, но важным свидетельством в пользу доказываемой в книге гипотезы. Несколько слабее выглядит та часть фонетической реконструкции, которая посвящена гласным.

В разделе, посвященном сравнительно-исторической морфологии, рассмотрен ряд словообразовательных формантов в хуррито-урартском, имеющих восточнокавказское происхождение. Авторам удалось, исходя из восточнокавказских данных, полностью объяснить систему склонения хуррито-урартского имени и интерпретировать основные морфологические элементы, использующиеся в весьма сложном глагольном словоизменении. В этом же разделе даны толкования местоимений и некоторых служебных слов.

Таким образом, родство хуррито-урартского с восточнокавказскими языками доказано. Последствия этого выдающегося открытия для ранней истории Передней Азии и Кавказа трудно переоценить.

В. Э. Орел

НОВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕКСТЫ ИЗ СОБРАНИЯ ОКСИРИНХСКИХ ПАПИРУСОВ

(The Oxyrhynchus papyri. V. 53. L., 1986)

Вышедший в свет летом 1986 г. 53-й том Оксиринхских папирусов, образцово изданный М. Хазламом, посвящен целиком литературным текстам и тому, что обозначается труднопереводимым термином *subliterary texts*, под которыми разумеются комментарии к античным авторам, мифологические компендии, трактаты по филологии, метрике, музыке и т. д. Сообщаемые в этих отрывках сведения бывают подчас не менее интересны для историков и философов, чем для литературоведов.

В т. 53 № 3695—3711 содержат новые тексты; № 3712—3721 — фрагменты из папирусов с уже известными текстами, которые могут быть полезны не только в текстологическом плане, но и для выводов историко-культурного порядка. Мы начнем настоящий обзор, естественно, с новых текстов, но расположим их не в той последовательности, в какой они помещены в т. 53, а в примерном хронологическом порядке смены жанров вместе с относящимися к ним материалами в древнегреческой литературе.

Чтобы осветить сколько-нибудь подробно все включенные в т. 53 тексты и возникающие в связи с ними вопросы, потребовалась бы не одна статья. Поэтому здесь мы ограничимся достаточно кратким обзором с выделением в нем важнейших новых данных.

1. Следуя жанровому принципу, начнем с большого отрывка из комментария к XX книге «Одиссеи» (№ 3710, II в. н. э.). От свитка высотой примерно в 22 см дошли в разной степени сохранности 4 колонки, содержавшие по 55 строк каждая. В начале первой из них речь шла о том, как согласовать между собой стихи 103 сл. и 113 сл. из указанной XX книги: в первом случае Зевс в ответ на просьбу Одиссея прогремел с Олимпа громом из облаков, во втором — служанка видит добрый знак в том, что Зевс послал со звездного неба гром как благоприятное знамение, хотя облаков на небе и не было. В конце этой же колонки, отделенном от начала примерно 15 плохо сохранившимися строками, обсуждались, по-видимому, ст. 129—133.

Вторая колонка сохранилась лучше всего. В строках 6—14, 20—52 встречаем в виде лемм словосочетания из ст. 135, 138—140, 145, 149, 151, 154, 156 и их обсуждение с отсылками к античным авторитетам. К ст. 135 предлагается доселе неизвестное различие, заимствованное РIANOM и Зенодотом из «Киприй» (ἐτήτυμον вместо ἀναΐτιον), а в связи со ст. 139 приводится великолепная этимология слова τὰ δέμνια («постель») — от места, «где пребывает тело» (τὸ δέμας μένει) (ст. 6—13). Далее упоминается Пармений Византийский (вероятно, холиямбограф III в. до н. э.), указавший, что глагол *χορεῖν* («чистить»), императив от которого встречается в ст. 149, — аттический синоним для *καλλύνειν* (с тем же значением). В дальнейшем, впрочем, *χορήσατε* объясняется, как и в ряде других источников, через *καθάρσατε*: *χορεῖν* происходит от *χόρη* «ибо девушка еще чиста (*καθάρᾳ*) от порчи» (сткк. 22—27). В стк. 33 выписана первая половина ст. 156, но следующее затем подробное рассуждение касается слова *ἐορτή*. «Аристоники говорят, что тогда было новолуние, откуда (и праздник в честь) Аполлона, так как сам он подобен солнцу» (34 сл.). Здесь имеется в виду пророчество о возвращении Одиссея в последний день уходящего лунного месяца, который одновременно является первым днем нового (XIV 162 = XIX 307) и отмечается как праздник Аполлона (XX 276—278; XXI 258).

В дальнейшем, однако, комментатор уходит далеко в сторону от своей прямой задачи и пускается в рассуждение о совпадении новолуний с затмением солнца. Он ссылается на Аристарха Самосского, который отождествлял новолуния с затмениями, ссылаясь на Фалеса. Тот говорил, что солнце затмевается, когда луна оказывается впереди него, обозначая, таким образом, день, который одни называют тридцатым, другие — новолунием (сткк. 36—43; см. примечания Хазлама). В этой связи приводится высказывание Гераклита, до сих пор нигде не засвидетельствованное. Мысль эфесского философа сводилась, по-видимому, к тому, что «при встрече месяцев» состояние между концом первого цикла и началом следующего может оказаться то больше, то меньше¹. Диодор (вероятно, Александрийский) растолковывал эту мысль таким образом, что когда луна скрывается, идя впереди солнца, при окончании лунного месяца, тогда она попадает в сияние лучей солнца и как бы исчезает, становясь неви-

¹ См. Mouraviev S. N. P. Oxy. LIII, 3710: Les nouveaux fragments d'Heraclite // ZPE. 1988. 71. S. 32—34.

димой (сткк. 43—52). Здесь вторая колонка заканчивается, но обсуждение астрономических вопросов продолжается в первой трети следующей колонки.

Первые восемь строк этой третьей колонки основательно испорчены; в дальнейших 12 строках все время развивается в сущности одна мысль: появившись на второй вечер после новолуния, тонкий серп месяца прибавляет в размере до 16-го дня (полнолуние), а затем в течение 14 дней сокращается и сходит на нет. (Потому-то этот последний день и можно называть тридцатым; сткк. 8—19.) На этой же 19 стк. вновь появляется лемма из XX книги. Цитируя начало ст. 159 («Другие же трудились в доме»), комментатор несколько сбивчиво излагает предложение Кратета перенести сюда стих 276. По-видимому, Кратет считал целесообразным поместить ст. 276—278 после ст. 159: сначала должно было сообщаться об участии в празднике всех жителей Итаки, а потом уже о приготовлении к пиру со стороны женихов (сткк. 19—26). Предложение это и в новое время поддерживали некоторые филологи. В оставшейся части третьей колонки — леммы к ст. 163, 171, 174, 176, 185 и их обсуждение. Из плохо сохранившегося обрывка кол. IV ясно, что здесь комментировались ст. 245—251.

Представленный № 3710 комментарий составлен подробнее, чем существующие схолии к «Одиссее», и чаще называет источники. Наиболее поздний из них — уже упоминавшийся александрийский ученый конца I в. до н. э. Аристоник; едва ли комментарий составлен намного позже, т. е. его следует датировать I в. н. э.

2. В область послегомеровского эпоса уводят нас начала 30 с лишним гексаметров (№ 3698, II в. н. э.), сохранившихся на левой половине папирусной колонки. Другой отрывок из той же рукописи был найден раньше и опубликован в т. 30 Оксиринхских папирусов (№ 2513). Издавший его Э. Лобель счел возможным отнести этот отрывок к жертвоприношению Ифигении²; в новом куске, однако, речь идет явно о походе аргонавтов; здесь упоминаются сын Эагра, т. е. Орфей с его флейтом (10 сл.); Мопс, прорицающий о возвращении и предстоящем браке Эсониды, т. е. Ясона, с дочерью Ээта (14—22). Повествование ведется от первого лица (ἐγώ, 12) и, таким образом, представляет собой, очевидно, рассказ Ясона. Хотя соотношение этого отрывка в пределах одной рукописи с Р. Оху. 2513 не ясно, они все же находились, вероятно, неподалеку друг от друга: оба написаны на обороте какого-то регистра. Какая между ними могла быть связь по содержанию?

Наше внимание привлекает любопытное обстоятельство. В отрывке об аргонавтах Ясону предстоит вступить в брак с дочерью Ээта (χρή τελέσαι γάμ[ον], 16); в отрывке об Ифигении в первом, мало-мальски разборчивом стихе есть основание подозревать указание на Ахилла ([Πηλεΐ]άδην, 4), чье имя в эпической традиции, начиная с «Киприй», играет роковую роль в будущем Ифигении: она была вызвана в ахейский лагерь под тем предлогом, что Ахилл требует ее в жены. Не был ли свиток, от которого дошли Р. Оху. 2513 и 3698, собранием отрывков из послегомеровского эпоса на тему о последствиях неудачного (действительного или мнимого) брака?

3. Сходный пример композиции по аналогии являет, на мой взгляд, гораздо более поздний источник, имеющий, однако, дело тоже с легендарными персонажами, — отрывок из мифологического компендия (№ 3702, II—III вв.). Он представлен двумя фрагментами. Фр. 1 состоит из правого края одной колонки и почти полностью сохранившейся другой. Фр. 2 — узкая полоса с серединами 12 строк, в которых легко угадывается сухой перечень аргонавтов. Для дальнейшего рассуждения этот обрывок нам не нужен.

Что же касается фр. 1, то кол. I — остаток такого же сухого перечня участников Троянской войны, который заходит на кол. II; сверху ее сохранилось число 122 — стало быть, найденным двум колонкам предшествовал достаточно длинный список персонажей из других мифов. В кол. II перечень троянских вождей занимает три верх-

² Это предположение получило дальнейшее развитие в статье: Janko R. Р. Оху. 2513: Hexameters on the sacrifice of Iphigeneia? // ZPE. 1982. 49. S. 25—29.

ние строки. Затем, после горизонтальной черты, следует подзаголовок: «женихи Пенелопы, дочери Икария», которые, однако, не перечисляются поименно, как, например, в эпитомах Аполлодора (VII 26—30). Наш составитель ограничивается только общим числом женихов с каждого острова, повторяя данные «Одиссеи» (XVI 247—252): с Зама — 24, с Дулихия — 52, с Закинфа — 20; стоящее в начале число 12 имеет в виду, конечно, претендентов на руку Пенелопы с самой Итаки — 12 человек, к которым добавлены названные поименно глашатай Медон и певец Фемий. Вся эта информация занимает всего 4 строчки, начиная с 30-й и захватывая самое начало 34-й. Далее в этой же строке, после отступа в 5—6 знаков, упоминаются дочери Даная, которые убили сыновей Египта (34—36), причем врывается совершенно неожиданная интонация непосредственного обращения к читателю: «А по какой причине это произошло, я тебе изложу» (36—38). История бегства Данаид — вполне традиционна, что же касается их вынужденного брака с Египтиадами, то он отнесен к тому времени, когда Данай после непродолжительного царствования в Пелопоннесе умер, и оставшиеся беззащитными девушки были силой принуждены к браку с Египтиадами (45—49)³. Здесь фрагмент кончается.

Как видно, в двух следующих одна за другой колонках хронологический порядок мифологических событий не соблюдается: бегство Данаид и их расправа с женихами предшествует на несколько поколений Троянской войне и ее последствиям. Я думаю, что и здесь, как в рассмотренном выше Р. Оху. 3698, сюжеты расположены по принципу аналогии: претенденты на руку Пенелопы так же плохо кончили в своих брачных устремлениях, как задолго до них — Египтиады, покусившиеся на ложе Данаид.

4. На рубеже между мифом и историей находится изложение в любопытном документе, дошедшем до нас в двух неполных папирусных колонках (№ 3711, II в. н. э.). Первое впечатление от них, что это остатки комментария к Алкею: в кол. II, 31—33 цитируются три его стиха, уже известные из ранее найденного папируса (фр. 130, 24—26 LP); упоминаются Дионис-Сыроядец (II 24—26, ср. Алк., фр. 129,9) фракийский город Энос (II, 33—35, ср. Алк., фр. 45,1), дважды встречается имя Мирсила (кол. I, 24 сл., II 17).

Вскоре, однако, выясняется, что упоминаемый здесь Мирсил не имеет никакого отношения к событиям на Лесбосе на рубеже VII—VI вв., к которым был причастен Алкей; в обоих случаях речь идет, как видно, о Мирсиле из Мефимны, историке III в. до н. э. Незадолго до первой ссылки на Мирсила находим имя Алкея, но опять же какого-то другого Алкея — эпического поэта (ὁ τῶν ἐπῶν [ποιητῆς], I 17). Как видно, и здесь имеется в виду не знаменитый поэт-мелик, а некий не известный ранее, более поздний автор с Лесбоса. Наконец, одна цитата из Алкея на две колонки, и к тому же оставленная без объяснений; отсутствие в нашем тексте парафраз и толкований, столь необходимых в объяснении древней эолийской поэзии, — все это заставляет усомниться в справедливости первого впечатления. Вероятнее всего, перед нами остаток материалов по ранней истории Лесбоса. Перейдем к их изложению.

В плохо сохранившемся начале первой колонки находим имя Фемиды, упоминание о митиленских камянках и митиленском пританее. Связь пританея с Фемидой как символом правосудия вполне можно себе представить. Что касается камянок, то Хазлам ссылается на сообщение все того же Мирсила из Мефимны, что Гиады были дочерьми Кадма (FGH 477 F 15). Поскольку они же, по одной из версий, были кормилицами Диониса, о котором речь пойдет дальше, то, может быть, у местных лесбосских историков и находилось какое-то объяснение их пребыванию на Лесбосе. После лакуны встречаем на этой же колонке ссылку на кого-то (Гелланика?), кто «говорит, что есть лесбийский закон... а называют этот закон львом, так как карой преступнику была смерть. Но Алкей, эпический поэт, утверждает, что Гефест, изготовив

³ См. *Luppe W.* Ein neues Zeugnis der Danaiden-Sage, P. Oxy. 3702 // ZPE. 1986. 66. S. 17 f.

медного льва, вложил в него средство, помогающее людям. Макар же доставил его на Лесбос из Фолон и спрятал. Так он намеревался оберегать (?) остров. Мирсил сообщает, что лев был спрятан у границ (?) Мефимны. В оракуле Сивиллы (говорится), что лев был созданием Гефеста (и хранил) письма, предназначенные оберегать остров, а Макар его спрятал, и он стал (невидим? ἀφανὲς?)» (I, 14—31).

Как видим, составитель этого текста излагает отдельные версии об учреждении общественной жизни на Лесбосе, причем образ льва выступает то в прямом смысле (медная статуя, хранящая в себе какой-то важный документ — письма или другое «средство, помогающее людям»), то в переносном (суровый закон). Многие остаются неясным. По-видимому, предполагалось, что Гефест, создавая льва и закладывая в него предписания для общественного блага, не имел в виду конкретно о-в Лесбос — туда лев попал потому, что его доставил Макар из Фолон. Макар — традиционный первожитель Лемноса, происходивший из Олена; к Фолос, находившейся в стране кентавров, он отношения не имел, и Хазламу приходится допускать версию о пути Макара из Олена на Лесбос через Фолою. Так ли это, сказать трудно.

Во второй колонке в первых двух десятках плохо сохранившихся строчек появляются культовые обозначения Диониса — $\omega\mu\eta\sigma\tau\acute{\eta}\varsigma$ — «сыроядец» (13) и Аполлона — Сминфей (14). Последнее упоминается, вероятно, в связи с культом Феба на материке напротив Лесбоса, а истории первого из них посвящены в дальнейшем строки 18—30. Из них следует, что сыроядцем являлся не Дионис, а человек, приносящий ему жертву в святилище бога. «Отсюда и самого Диониса называют сыроядцем. Многие же утверждают, что (Дионис получил это прозвище) из-за менад, которые пожирают сырым мясо попавших в их руки животных» (26—30). К этому без всякого перехода присоединяется уже упомянутая лемма из Алкея (130, 24—26 LP), заставляющая уточнить прежнее прочтение папируса. Здесь Алкей, жалующься на свое изгнание, говорит, что он, «избегая (не по своей воле) войны, уподобился, как Ономакл афинский, затравленным волчицам» ($\lambda\upsilon\kappa\alpha\lambda\chi\rho\acute{\iota}\alpha\varsigma$, асс. pl.) (31—33). Лемма эта остается без всяких объяснений, хотя и происхождение афинянина Ономакла, и редчайшее слово $\lambda\upsilon\kappa\alpha\lambda\chi\rho\acute{\iota}\alpha$, несомненно, в них нуждались. Вместо этого составитель сразу же переходит к новой справке: «Энос — город во Фракии» (34) и добавляет, что населявшие (?) Энос алопеконнесцы подвергались чему-то со стороны фракийцев (35—36). Действительно, известно, что первыми из эллинов заселили Энос жители Алопеконнеса (с западного берега фракийского Херсонеса), к которым затем присоединились переселенцы из Митилены и эолийской Кимы ⁴. Таким образом, Энос мог иметь прямое отношение к истории Лесбоса, но переход к этому обстоятельству от предыдущей леммы совершенно необъясним.

Остается предположить, что новый папирус — отрывок из черновика, составленного человеком, который готовился писать историю Лесбоса и собирал отовсюду материал. Подтверждение этому могут дать значки χ и χ , встречающиеся 10 раз

на левом поле второй колонки (первая колонка сильно повреждена как раз слева, но там, где уцелел кусочек поля, начертан тот же знак χ). Скорее всего, это помет-

ки составителя, который отмечал в своем наброске пункты, нуждающиеся в дальнейшей разработке. Как бы то ни было, доставленные новым отрывком сведения по истории Лесбоса уникальны и подлежат дальнейшему исследованию.

5. Если разобранный выше № 3711 дал нам более надежное чтение трех стихов из Алкея, то 20 отрывков (№ 3695, I в. н. э.), объединенных еще Лобелем и отнесенных им к Анакреонту по совпадению двух стихов во фр. 3 с уже известной цитатой из этого автора (фр. 98 PMG), только подтверждают достаточно устойчивую характерис-

⁴ См. Р. Оху. 53. Р. 124.

тику поэта из Теоса. Мы встречаем в отрывках слова τοξ (фр. 1, 2), βέλος (фр. 19,2), [ῥΕρω]τος βέλος (фр. 12, 19) — очевидные орудия Эрота; сюда же можно было бы отнести λαβρῶ[ι] — «секирой» (фр. 12, 7), если бы не предшествующее ему окончание причастия женского рода [εῖσα; в описываемых у Анакреонта ситуациях этим персонажем женского рода могла бы быть Киприда, но поражать людей ударом стрелы или секиры и купать в ледяной воде — все же обычно дело Эрота (ср. фр. 68 PMG и [χε]μέρειον в новом фр. 12, 6; χε[ι]ρ[α] — фр. 1.4).

Другой характерный для поэзии Анакреонта образ — одержимость любовным безумием (μαίνομαι καὶ μαίνομαι, фр. 83,2, ср. 14,2 PMG) — тоже встречается в новых отрывках: μαίνομαι (18,7).

Еще два отрывка из лирических текстов относятся к хоровой мелике.

6. Фрагмент, исписанный с обеих сторон (№ 3696, III—IV вв.) и принадлежавший, следовательно, к кодексу, примечателен тем, что в нем сохранился значок **1** ,

отмечающий окончание строфы; антистрофа начиналась с εἶπεν — ср. Пиндар, Истм. 6,51 (εἶπεν τε φωνήσις) и лилльский фрагмент Стесихора (253: [μ]ῦθον εἶπε — в конце первого стиха строфы). Встречается имя Полидевка и отдельные слова из лирического словаря (πῶ[ι]α, εἰεῖδ[ι]ς), πέλαα, ὄρθρα, εἰχά, но всего этого явно недостаточно, чтобы делать какие-либо заключения о содержании отрывка и его авторе.

7. В еще большей мере это применимо к совсем маленькому кусочку папируса (3697, II в. н. э.), где читаются ἀρχαγέτ[α], θερ[ε]ξενος и начальные буквы ἦρα[, ва которыми могут скрываться как Геракл или Гераклиды, так и сама Гера.

8. Непосредственное отношение к лирике имеет отрывок из трактата о метрике (№ 3707, II в. н. э.), представляющий собой, вероятно, другую копию того же труда, который известен из опубликованного в конце прошлого века Р. Оху. 220. Новые отрывки происходят из раздела, где обсуждались семи-, одиннадцати- и шестнадцатисложные стихи, иллюстрируемые примерами из лесбосских меликов и Каллимаха. Одна [цитата — новая; λιγέως ἄβροις (или ἀβροις). Оба слова — из лексики Сапфо; ἄβρός встречается и у Анакреонта. Может быть, это, как предположил Хазлам, из начала стихотворения: «(О, Муза), сладкозвучно, нежными (словами начини песнь...)»?

9. В связи с памятниками лирики надо упомянуть еще один отрывок, исписанный с обеих сторон (№ 3709, III в. н. э.). Одна из них связному прочтению не поддается, на другой читаются остатки пяти строк. Речь идет здесь о «празднике в Абдерах» и о том, чем «кормится фармак»; упоминается Аттика, где кто-то «совершает праздник». Праздник, который справлялся в Афинах и Абдерах с участием фармака («козла отпущения»), — Фаргеллии. (Об этом сообщается у Каллимаха, фр. 90 и обширный античный комментарий к нему, и у Овидия, Ибис, 469 сл.). О снеди, которую предлагали фармаку, прежде чем обрушить на него град камней, известно из Гиппонакта (фр. 28 Дегани). Таким образом, наш папирус производит впечатление отрывка из схолиев к античному изданию Гиппонакта или Каллимаха.

10. Переходя к прозе, начнем с группы из пяти фрагментов различной величины, принадлежавших к рукописи II в. н. э. (№ 3699).⁶ Самый крупный из них (26 × 14 см) — фр. (а), сохранивший остатки четырех колонок. От крайней слева дошли только последние буквы от нескольких строк; от двух следующих колонок — достаточно связное изложение, уступающее соответственно в 15 и 11 строках; от последней четвертой, — начало семи строк. Верх и низ везде оборваны. Другой, сравнительно крупный отрывок — (d), на котором сохранилась нижняя часть двух колонок (соответственно 13 и 8 строк). Остальные фрагменты значительно короче, включая сюда и ничтожный фрагмент (е), сохранивший 5 букв от середины верхней строки в колонке. Расположение фрагментов относительно друг друга неясно, но это, как ни странно, не имеет

особого значения, поскольку везде в форме диалога⁵ развивается одна и та же тема о безразличии мудрецов к мирским благам и об их вреде для необразованных (*ἡπαιδευτοί*).

Иллюстрировать эту мысль призвана мифологическая парадигма. Ее первая часть касалась, по-видимому, Эрифилы, которую Полиник подкупил драгоценным ожерельем Гармонии. Ради него Эрифила уговорила своего мужа Адраста выступить в поход против Фив, откуда он не вернулся. Вот пример того, что можно «...сделать ради денег. Опять же Алкмеон, — продолжает свою мысль говоривший, — как какой-нибудь одержимый и желая, убив мать, угодить либо отцу, либо богам... решился ее убить; потом же⁶, свершив дело, стал раскаиваться и проклинать себя, и безумствовать» (фр. а, кол. II, 3—15). Судьба Алкмеона сама по себе не может служить примером власти денег, но доказывает ее губительное воздействие по меньшей мере на два поколения: отца, мать и сына. Дальше начинаются вариации на указанную выше нравственную тему. «Чья жизнь, — сказал он, — бесполезна и вредоносна, чего тому будет достаточно для ощущения пользы?» (фр. с, кол. I). «(Разве не) бесполезна и вредоносна такая жизнь? — Конечно, бесполезна, — ответил тот. — Итак, — сказал он, — разве жизнь каждого необразованного человека не развратна и не таковы же дела его? — Конечно, — ответил тот. — Что же могло бы оказаться полезным такому человеку? — сказал он. — Ведь если бы кто-нибудь стал исследовать по порядку...» (фр. а, кол. III). «Слава, сила, красота... (все) это ... бесполезно для такого человека. Что-либо из этого становится для необразованного человека как бы ножом в руках ребенка. Когда (у него) средств в достатке, это толкает его к потере власти над собой в страстях, и — еще больше того — в азартных играх и в отношениях с женщинами...» (фр. d, кол. I). «И если людям от рождения дана сила, о которой мы говорили, они становятся насильниками дерзкими, незаконно ввергают (других) в опасности» (фр. а, кол. IV).

В пределах нашего папируса все это завершается цитатой из Еврипида (фр. 282, 1—5) — знаменитым опровержением атлетических доблестей: «Когда в Элладе и так существуют тысячи бед, нет ничего хуже племени атлетов. Они и не учат хорошо жить, и не могли бы (этому научить). Если человек — раб своих челюстей и в подчинении у своего чрева, как бы он мог приобрести...» — здесь цитата обрывается (фр. d, кол. II), хотя мы и можем дополнить ее по другим источникам: «...благополучие, превышающее благополучие его отца?»

Из переведенных здесь отрывков видно, что мы имеем дело с философским диалогом, который передается его свидетелем. Был ли одним из его участников Сократ, невозможно ни утверждать, ни опровергнуть. Ход мыслей напоминает, насколько можно судить по весьма неполным сведениям, «Протрептик» Антисфена, в котором люди необразованные характеризовались как «спящие на ходу», или одноименное сочинение из ранних произведений Аристотеля, хотя и неизвестно, было ли оно написано в диалогической форме. В любом случае новый отрывок — еще одно свидетельство распространенности сократического диалога в IV в. до н. э.

Обратившись к художественной прозе, задержимся ненадолго еще на двух папирусных фрагментах.

11. Два листа из кодекса конца II в. н. э. (№ 3708) составляют часть трактата по риторике. От первого листа (фр. 1) дошла полоса из середины колонки, сильно испорченная с одной стороны и почти совершенно стершаяся с другой. На втором листе (фр. 2) частично сохранились все четыре поля, так что мы получаем представление о характере рукописи. Размер листа составлял 15 × 24,5 см. На этой площади в ко-

⁵ Ср. εφγ — фр. С, кол. I, 2; фр. А, кол. III, 3, 7, 8, 11. Все речи переданы в третьем лице.

⁶ Отсюда (стк. 12) и до конца колонки все глаголы в оригинале переданы в инфинитиве, являющемся логическим сказуемым к упомянутому выше Алкмеону. Ожидаемый при этом глагол типа λήγεται находился, судя по всему, за пределами кол. II. См. Luppe W. Zur Alkmeon-Geschichte im Dialog P. Oxy. 3699 / ZPE. 1986. 66. S. 15.

лонке шириной до 11 см умещались 57 строк текста с числом знаков, доходившим до 38—39 в строке. На одной стороне листа (фр. 2↓) обсуждался вопрос об убедительности доказательств (7). Они могут быть безыскусными, как, например, высказывания свидетелей, среди которых могут оказаться, впрочем, и друзья, и враги тяжущихся сторон, а также их соседи (10—33), или показания, полученные под клятвой, причем и здесь важно, кто клянется — человек богобоязненный или безбожник, богатый или бедный, счастливый или неудачливый, старый или молодой (33—35). На другой стороне листа (фр. 2→) шло изложение системы «общих мест», которые, как видно, могут быть употреблены для искусного построения доказательств, исходящих от оратора.

Среди этих общих мест (τόποι) сначала кратко выделяются употребляемые для выяснения обстоятельства, предшествующих «делу» (τῆς γὰρ ἀφορμῆς): время, причина, образ действия, а также ступени достижения оратором своей цели («начало», «продвижение», «итог») (2—6). Затем следует очень детализированная классификация «общих мест», приближающих к самому «делу»: доказательства, идущие от сопровождающих обстоятельств (раньше, позже, одновременно), по сходству («сопоставление», «пример», «образ»), по противопоставлению («противоположное», «по отношению к чему», «наличие и отсутствие», «противоречие»), по сравнению («превосходящее», «равное», «худшее») (6—18). Наконец, следовал переход к самому делу (τὰ κατ' αὐτὰ καλοῦμενα), рассматриваемому по существу случившегося и по его свойствам (18—20). Речь могла идти, в частности, о случившемся по неизбежности или по непредвиденным обстоятельствам (33—36).

В подробнейшем комментарии к этой публикации Хазлам указывает на многочисленные точки соприкосновения нового папируса, с одной стороны, с риторической теорией Аристотеля, получившей разработку во II в. до н. э. у Гермагора, с другой — с ее поздним латинским вариантом в работе Атилиа Фортунатиана (IV в. н. э.). Таким образом, отрывок нового трактата по риторике оказывается как бы промежуточным звеном между греческой и латинской риторической доктриной и представляет значительный интерес для исследователей этой стороны античной культуры.

12. Значительно менее информативен текст, написанный крупным почерком на обороте счета (№ 3703, V в.). Хазлам считает его отрывком риторической декламации — и в самом деле, мотив морского могущества Афин, кажется, различим в четырех сохранившихся строках. Правда, удивляет переход от множественного числа причастия ἔχοντες к единственному числу χρήτας и 3 л. того же числа ἀναστίζεταί, а затем к императиву εἰπέ μοι.

13—16. Назову здесь, далее, еще четыре прозаических фрагмента, от обсуждения которых я, в силу своей некомпетентности в этих вопросах, воздерживаюсь: № 3701 — собрание фармакологических предписаний с указанием, какое средство (ветвь оливы, желчь морского скорпиона) против чего может быть употреблено; № 3704 и 3705 — отрывки с музыкальными обозначениями; № 3706 — трактат по музыке — или из сочинения самого основоположника античной музыкальной теории Аристоксена, или изложение его теории.

17. Обзор новых текстов завершим № 3700 — отрывком из мима на обороте документа, датированного девятым годом правления Тиберия. Содержание его составляет начальная сценка, представляющая собой, на мой взгляд, диалог между привратником публичного дома и пытающимся проникнуть туда несостоятельным клиентом. Сохранившееся перед началом диалога упоминание Геракла, состоящего на службе у царицы Омфалы, позволяет расценивать новый отрывок мима как разновидность мифологической трагедии, восходящей по жанру к традиции аттической комедии и флиаков. Подробнее об этом фрагменте см. мою статью ⁷.

⁷ Jarcho V. Zu dem neuen Mymos-Fragment (P. Oxy. 53, 3700) // ZPE. 1987. 70, S. 32—34.

Среди отрывков из известных произведений античных авторов большинство составляют фрагменты из поздних трагедий Еврипида, которые должны войти в последний, 3-й том нового оксфордского издания этого автора, подготовливаемого Джоном Дигглем (тома 1 и 2 уже вышли — соответственно в 1981 и 1984 гг.). С помощью Диггла подготовлены к публикации и фр. 3712—3719 (№ 3712—3715 — «Финикиянки», № 3716—3717 — «Орест», № 3718 — «Орест» и «Вакханки», № 3719 — «Ифигения в Авлиде»).

Самый крупный из них — № 3718 представляет собой остатки четырех страниц из кодекса V в., исписанных соответственно с двух сторон. Дошли в разной степени сохранности стихи из «Ореста» (1407—1410, 1432—1440, 1621—1635 и 1650—1660) и «Вакханок» (194—245, 254—262, 285—290). Судя по тому, что ст. 194—222 и 223—245 занимают страницы 198—199 античной рукописи, надо сделать вывод, что это был достаточно объемистый кодекс, в котором «Вакханкам» предшествовало еще 190 стр., т. е., считая по 29 строк в странице, 5510 стихов. Из них 59 стр. занимал «Орест» (1693 стиха текста плюс место для заглавия и списка действующих лиц). Чем были заняты предшествующие 131 стр.? Естественнее всего было бы предположить здесь византийскую триаду, в которую входил «Орест», но для «Гекубы» и «Финикиянок», вместе взятых, достаточно (включая заглавия, колофоны и списки действующих лиц) 106—107 стр. Хазлам предложил заменить «Гекубу» в наших расчетах «Медеей», поскольку в остатках одного из папирусных кодексов «Медей» соседствует с «Вакханками», но выигрыш в этом случае невелик — всего 4 стр., и неизвестно, чем занять остающиеся 20 стр. Поэтому, может быть, лучше отказаться от весьма объемистых «Финикиянок» и остающиеся до «Ореста» около 3800 стихов поделить между тремя трагедиями?⁸ Например, «Медей», «Гекуба» и «Рес» дадут в сумме 3710 стихов, и тогда около 3 стр. придется отдать на заглавия, колофоны, списки действующих лиц и пробелы между трагедиями. Это количество можно свести до неполных полутора страниц, если заменить «Медью» «Ипполитом» (1466 стихов против 1419). Предлагаемый здесь расчет представляется наиболее вероятным; ясно, во всяком случае, что «Финикиянок» из него надо исключить.

Зато они снова появятся в самом кратком по содержанию папирусе из известных произведений, вошедших в т. 53: это отрывок с заключительным колофоном: «Финикиянки Еврипида» (№ 3715, II в. н. э.) из издания люкс: поля, оставленные слева и справа от колофона, составляют 7,4 и 5,2 см, под ним — 4,5 см.

Новые папирусы, кроме того, что они, как всегда, дают повод для решения некоторых важных текстологических вопросов, интересны в историко-культурном отношении. Прежде всего они позволяют (с допущением за счет случайности находок) определить популярность отдельных трагедий Еврипида в императорскую эпоху. Так, общее число папирусов, содержавших целиком или в отрывках трагедию «Финикиянки», доходит теперь до 24; для «Ореста» это число составляет 20; отсюда следует, что так называемая византийская триада, содержавшая кроме «Финикиянок» и «Ореста» еще «Гекубу» и отраженная в подавляющем числе поздних рукописей, стала складываться уже в позднеантичные времена. С другой стороны, среди папирусов из т. 53 есть № 3712, на котором рукой школьника запечатлены переписанные откуда-то или написанные под диктовку ст. 50—69 из «Финикиянок», т. е. из пролога, как это имеет место и в нескольких других папирусах. Этим лишний раз подтверждается, что для всякого рода сборников и в учебных целях чаще всего выбирали пролог.

Два последних отрывка из известных произведений относятся к прозе. № 3720 (III в. н. э.) — из «Жизнеописания Эзопа» — совпадает по содержанию с § 107—111 издания Перри (авилонский царь призывает для разгадывания очередной загадки несправедливо осужденного Эзопа, который читает наставление оклеветавшему его приемному сыну, заменяя, таким образом, Акихара из египетской дидактической ли-

⁸ Речь идет, разумеется, только о трагедиях, выбранных из всего творчества Еврипида в середине II в. н. э., когда аналогичный отбор был сделан также из Эсхила и Софокла.

тературы⁹). № 3721 (II в. н. э.) — отрывок из сочинения Феофраста «О ветрах» (от конца § 4 до конца § 7).

В целом том 53 представляет исследователям много интереснейшего, зачастую уникального материала, как всегда в этой серии, великолепно обработанного и изданного.

* * *

В то время как настоящий обзор готовился к печати, весной 1988 г. вышел в свет следующий, 54 том Оксиринхских папирусов (на титуле он обозначен 1987 г.), в котором пять номеров отданы новым литературным текстам. Я пользуюсь случаем, чтобы дать здесь краткую справку об их содержании.

Первым в томе идет № 3722, состоящий из 113 фрагментов, собранных и пронумерованных еще Лобелем. Издание их подготовил Х. Мелер. Это — обрывки комментария к Анакреонту, написанного скорее всего в второй половине II в.н.э. на обороте какого-то счета. Среди читаемых остатков мелькают слова из симпотического лексикона Анакреонта, термины филологического характера (метафора, аллегория, тавтология), а также имена Аристофана (Византийского), Дидима, Аристарха и, вероятно, его ученика Аммония. Стало быть, все они так или иначе были причастны к комментированию Анакреонта.

Самый крупный отрывок в 54 т. (№ 3723, подготовленный к изданию, как и все остальные литературные тексты, П. Парсонсом) представляет и наибольший интерес среди всех, вошедших в этот том. Прежде всего это один из редчайших образцов «малоформатного» папирусного списка: высота свитка еле достигает 8 см, а высота колонки — 5,5 см. Правда, это не издание на продажу, а свиток для домашнего употребления, для которого был использован какой-то документ II в.н.э., обрезанный вдоль свитка на указанную выше ширину. Сохранились остатки двух колонок, написанных и не слишком аккуратно, и неравномерно: в левой колонке — 11 строк, в правой — 12. Как всегда в таких случаях, от левой колонки читаются концы стихов, от правой — начала, впрочем, достаточные для того, чтобы понять их содержание. В 23 строках, написанных элегическим дистихом, содержится три мифологических примера любви богов к мальчикам: пары составляют Аполлон и Гиакинф, Дионис и какой-то индийский юноша, Геракл и Гил, по неизвестным причинам названный фракийцем. Построены все три примера однотипно: характеристика бога (например, Дионис, ведущий пляски с вакханками на Тмоле и Кифероне, или могучий сын Алкмены, сокрушивший силу немейского льва), объект любви и готовность влюбленного взять на себя бремя любовной страсти. Последний стих содержит обращение от первого лица: «О моя душа (моя любовь?), кому мне молвить слово?». Назначение мифологических образцов может быть истолковано скорее всего как мораль, адресованная самому себе («Все боги любил! Почему мне нелзя?»). Что было дальше, неизвестно. Так как ст. 23 — гексаметр, за ним должен был следовать пентаметр, и, стало быть, эта любительская элегия переходила во всяком случае на третью колонку¹⁰.

№ 3724 (конец I в. н. э.) — список эпиграмм. Одна из них, Асклепиада (Пал. Авт. V. 145), выписана полностью, от других, как видно, только первые строчки в гексаметрах. Всего их набирается свыше 170, из которых идентифицированы только 31 (в том числе 25 эпиграмм Филодема)¹¹. О сходном документе, но более раннем (III в. до н. э.), недавно приобретенном Австрийской Национальной библиотекой, докладывала на XVI Международном папирологическом конгрессе Х. Харрауэр — там насчитывает-

⁹ См.: Басни Эзопа / Пер., статья и комм. М. Л. Гаспарова. М., 1968. С. 53—55; *Führer R. Zu P. Oxy. 3720 (Life of Aesop)* // ZPE. 1986. Bd 66. S. 19—22.

¹⁰ Интереснейший анализ отрывка — в статье П. Парсонса: *Eine neugefundene griechische Liebeslegie* // *Museum Helveticum*, 1988. 45. S. 65—74.

¹¹ См. *Sider D. Looking for Philodemus in P. Oxy. 54, 37, 24* // ZPE. 1989. 76. P. 229 — 236.

ся около 400 начальных строк с указанием числа стихов в каждой эпigramме. Однако публикации этого любопытного папируса до сих пор нет.

№ 3725 и 3726 — отрывки из эпigramм. В нескольких строках опознаются Пал. Ант. V. 40, XI 241 (автор обеих — Никарх) и IX 434, остальные не идентифицируются.

В. Н. Ярхо

ОБ ИСКУССТВЕ БИБЛИОГРАФА

Platon 1958—1975 par Luc Brisson // *Lustrum*. T. 20. 1977. 304 p.
Platon 1975—1980 par Luc Brisson, avec la collaboration d'Hélène Ioannidi // *Lustrum*. T. 25. 1983. P. 31—320; T. 26. 1984. P. 205—206.

Platon 1981—1985 par Luc Brisson, avec la collaboration d'Hélène Ioannidi // *Lustrum*. T. 30. 1988. P. 11—294.

Рецензируемая работа служит прямым продолжением Платоновской библиографии за 1950—1957 гг., подготовленной в свое время и опубликованной в «Луструме» известным американским специалистом по Платону и Аристотелю Харольдом Черниссом¹. Не удивительно поэтому, что ее составитель Люк Бриссон в общем и целом сохраняет в ней систему подачи материала, столь тщательно разработанную его предшественником. Имеются, однако, и различия, и число их (это естественно) с каждым новым выпуском растет. Так, в первом из них Л. Бриссон отказывается от комментария, который у Х. Чернисса следовал за описанием каждой работы. Причина такого решения простая: «это увеличило бы в 3—4 раза число страниц настоящей библиографии» (20, с. 6). Однако во втором выпуске Л. Бриссон восстанавливает принцип сопровождающего комментария; это тоже не удивительно — ведь первый выпуск посвящен периоду в 18 лет, а второй — только в 6 лет. Правда, комментарий этот существенно отличается от черниссовского: в нем отсутствуют какие-либо эксплицитные оценки, большинство из них к тому же заимствованы в «Анне филологик» и лишь небольшая часть составлена Элен Иоанниди и самим Бриссоном. Следует заметить, что Э. Иоанниди принадлежит большая часть аннотаций (ибо фактически речь идет об аннотациях) работ, написанных по-русски и по-новогречески (25, с. 32). В третьем выпуске доля аннотаций написанных по-русски работ, которые Э. Иоанниди пришлось составить самой, уменьшилась благодаря использованию аннотаций, подготовленных автором этих строк и публикуемых с 1978 г. в «Анне филологик».

Другое существенное отличие этих трех выпусков от черниссовского: Л. Бриссон за редким исключением, опускает все второстепенные работы, сохраняя лишь те, «которые посвящены Платону либо в основном, либо полностью» (20, с. 7). Третье новшество, введенное во втором выпуске: вслед за каждым описанием даются (когда они есть) ссылки на рецензии, а в приложении (25, с. 312—320; 30, с. 290—294) перечисляются все рецензии на работы 1958—1975 гг., вышедшие в 1975—1980 и 1980—1985 гг.

Но наибольший интерес представляет общая структура и те «мелкие» (на первый взгляд) усовершенствования, которым она подверглась. В каждом выпуске три основные части: 1. Списки периодических изданий и сборников, содержащих упомянутые во второй части статьи; 2. «Платон и его наследие» — полное библиографическое описание вышедших в свет изданий, переводов и комментариев произведений Платона

¹ Plato 1950—1957 by Harold Cherniss // *Lustrum*. T. 4. 1959. P. 5—308; T. 5. 1960 P. 323—648.

и работ, посвященных ему, его диалогам и его учению; 3. Общий аналитический указатель. Ко второму и третьему выпускам приложены списки дополнительных ссылок к предыдущим выпускам (включая чернишевский), состоящие в основном из переизданий, переводов и продолжений многочастных изданий (25, с. 308—312; 30, с. 235—290).

Первая часть подразделяется на: а) указатель периодических изданий, в котором перечисляются их сокращенные обозначения и полные названия (в алфавитном порядке первых) и б) библиографическое описание использованных трудов конференций, фestsрифтов и различных тематических сборников (причем каждому из этих трех классов посвящена отдельная рубрика).

Вторая часть тоже состоит из двух разделов: а) издания, переводы и комментарии произведений Платона и б) работы о Платоне и его произведениях. В разделе а сначала приведены полные собрания сочинений (на древнегреческом и/или на современных языках), затем издания избранных сочинений, отдельных сочинений и, наконец, антологии. Все гнезда пронумерованы арабскими цифрами с литерой Т: Т 1 — Т 174 в первом выпуске, Т 175 — Т 230 во втором, Т 231 — Т 274 в третьем (для продолжающихся изданий сохраняются их прежние номера). В разделе б описаны книги и статьи о Платоне, его произведениях и учении, расположенные в алфавитном порядке фамилий их авторов. Все гнезда пронумерованы арабскими цифрами без литеры: 1—3326 в первом выпуске, 3327—4599 во втором, 4600—5838 в третьем. Как уже говорилось, начиная с № 3327 все описания (кроме переизданий и переводов) имеют аннотацию и ссылки на рецензии.

Поражают тщательность и полнота каждого описания: указаны не только пагинация, но и иллюстрации, указатели, библиографии; не только название, но и серия, коллекция, издательство; короче — все, что можно. Аннотации — менее ровные ввиду их разного происхождения, но те, что выполнены авторами рецензируемой работы, явно превосходят остальные.

Хотя вторая часть каждого выпуска занимает больше всего места в нем, наибольший интерес представляет третья часть — аналитический указатель, по рубрикам которого расписаны все описанные во второй части труды. Это по существу тщательно продуманная систематическая классификация тем исследований о Платоне и, косвенным образом, всей огромной платоновской проблематики. Она настолько подробна и сложна, что библиограф был вынужден предварить ей оглавление. В своей основе эта классификация принадлежит Чернису, но Л. Бриссон внес в нее более 70 дополнительных рубрик, каждой из которых предшествует небольшое введение, поясняющее, какие работы в нее включены.

Указатель этот ценен в трех отношениях: 1) для исследователсы творчества Платона — не только в силу своего прямого назначения, но и как своеобразное отражение нынешних тенденций платоноведения и, в какой-то мере, объективной структуры самого его предмета; 2) для библиографов — как модель (как положительная, так и отрицательная) либо для подражания, либо для усовершенствования, а кое в чем, возможно, для создания «от противного» аналогичных классификаций, имеющих отношение к другим мыслителям или писателям, пользующимся столь же большой популярностью, что и Платон; наконец, 3) для «метабиблиографа» (т. е. попросту для человека, задумывающегося над нынешними проблемами библиографии) — как красноречивый образец того тупика, к которому вплотную подходит обычная, книжная библиография, и как повод для некоторых выводов о том, как из него выйти. По всем трем причинам имеет смысл воспроизвести здесь в русском переводе структуру этого указателя (Д = Дополнение [Аппендeкс]); одна звездочка указывает, что данная рубрика введена в первом выпуске две — во втором, три — в третьем).

I. Общие работы.

*Д 1: Археология; *Д 2: Стилoметрия (с использованием ЭВМ или без); *Д 3: Психoанализ Платона; **Д 4: Марксизм [т. е. марксистские работы о П.].

1. А. Обвинения против П. и ответы на них.

- I В. Общие проблемы интерпретации.
- I С. Общие проблемы интерпретации.
- II. Жизнь Платона и его отношение к предшественникам и современникам.
 - II А. Платон и Сиракузы: Дион, Дионисий I, Дионисий II.
 - *II В. Деятельность Платона в Академии. «Неписанное» учение П.: изложение и полемика.
 - II С. Отношение П. к его предшественникам и современникам [с перечислением их поименно в алфавитном порядке].
- III. Платоновский корпус.
 - III А. Трансмиссия текста. а) Прямая традиция; б) Косвенная традиция.
 - III В. Аутентичность (а) и хронология (б).
 - III С. Интерпретация диалогов.
 - *а) Крупные деления платоновского корпуса: диалоги юношеские; диалоги зрелого возраста; диалоги старческие; *** сомнительные и апокрифические диалоги.
 - б) Отдельные произведения [в алфавитном порядке латинских названий по изд. Бёрнета; внутри каждого диалога перечислены (в пагинации Этьена) все разобранные пассажи].
- IV. Платон — писатель.
 - IV А. Стил. *Д.1: Отношение П. к риторике.
 - IV В. Диалог: истоки, строение, техника, установка.
 - IV С. Миф и аллегория: а) Общее; б) Частное [со списком-указателем конкретных платоновских мифов]. **Д.1: Эсхатологические мифы.
 - IV Д. Юмор, шутка, ирония, *** пародия. **Д.1: Теория комического.
 - IV Е. Отношение к письму.
- V. Учение Платона. *Д.1: Причинность.
 - V А. Диалектика: *а) В широком смысле слова; *б) Как метод рассуждения: *** доказательство, *** диереза, **элеγχос, синагоге, определение, аналогия, гипотеза, *** апория. *Д.1: Логика. а) Вообще; б) «Предикация, самопредикация ** и павловская (pauline) предикация» [по-англ.].
 - V В. Теория умопостигаемых форм. *Д.1: Причастность; *Д.2: Промежуточные реальности.
 - V С. Учение о душе. *Д.1: Антропология.
 - а) Состав души и ее бессмертие. *Д.1: Смерть; *Д.2: переселение душ [только в в 1-м вып.]; **Д.2: Эволюция души в зависимости от возраста; **Д.3: Самоубийство.
 - б) Душа как субъект познания. *Д.1: Анамнесис (припоминание); *Д.2: Проблемы ошибки; *Д.3: Речь. с) Душа — автономная причина движения. *Д.1: Зло.
 - д) Душа, вожеление, даймон. Теория любви. *Д.1: Душа как воля и свобода; *Д.2: Душа и ее расстройства: безумие, предвидение, вдохновение, одержимость.
 - V Д. Чувственно воспринимаемые вещи.
 - V Е. Математика и науки о природе.
 - а) Наука и техника.
 - б) Математика (и ее продолжение в музыке). *Д.1: Число; *Д.2: Несоизмеримость.
 - с) Астрономия, география, космология. *Д.1: Время.
 - д) Физика, химия. *Д.1: Материя или «пространственная среда».
 - V Ф. Религия, теология.
 - V Г. Этика.
 - *а) Единство и разнообразие добродетелей: *1) Их единство; *2) Их разнообразие: *а) Мудрость, *б) Храбрость, *с) Умеренность, *д) Справедливость/** несправедливость, *е) Благочестие.
 - *б) Образы жизни.
 - *с) Гедонизм: проблема наслаждения. *Д.1: Противопоставление *nomos* — *physis*.
 - *д) Сократовские парадоксы **и возможность дурных поступков.
 - V Н. Политика, общество.

*а) Политическая теория. *Д. 1: Личность и государство; *Д. 2: История; **Д. 3: Война.

*б) Законодательство. *Д. 1: Гражданское и уголовное право; *Д. 2: (Не)послушание закону; **Д. 3: Чиновники.

*с) Общественное устройство. *Д. 1: Рабство; *Д. 2: Статус и роль женщин; **проблема семьи; **Д. 3: Отношение П. к гомосексуализму; **Д. 4: Конфликт между поколениями; **Д. 5: Демография; **Д. 6: Градостроительство.

*д) Экономика. **Д. 1: Бедные/богатые; **Д. 2: Наемные работники.

V.I. Воспитание. *Д. 1: Обучение добродетели; *Д. 2: Обучение философии; *Д. 3: Физическое воспитание, атлетика;

**Д. 4: Парадоксы поиска [«Менон» 80 d—e].

V J. Эстетика.

*а) Музыка, танец. *** Зрелище. *б) Живопись, ваяние. *с) Пoesия.

**Д. 1: Трагедия, комедия.

*V K. Метафизика. **Д. 1: Проблема бытия — небытия.

VI. Лексика.

а) Указатель имен собственных (реальных или мифологических).

б) Указатель греческих терминов (и выражений): Тематические подходы [**с перечислением тем]. В алфавитном порядке.

Мы не будем здесь рассматривать вопрос, чем хороша или чем плоха в целом сама эта классификация, или насколько удачно Л. Бриссон практически ее применяет (т. е. подпадают ли действительно те или иные указанные им работы под те рубрики, под которыми они у него фигурируют): без достаточно глубокого знакомства с основной массой литературы по Платону и хотя бы с какой-нибудь одной конкретной областью платоноведения (каковым знакомством мы не обладаем), всякое подобное суждение было бы опрометчивым.

Зато мы подчеркнем принципиальное значение той детализации, коей Л. Бриссон подверг первоначальную схему Х. Чернисса. Она нацелена не только и не столько на восполнение пробелов последней (хотя и не без этого: что сказать об отсутствии у Чернисса такой рубрики, как ... метафизика Платона!), сколько на облегчение читателю отсева всего тематически ему ненужного. Так, если пользовавшийся библиографией Чернисса должен был в поисках работ, где речь идет об отношении Платона к *sōphrosynē*, просмотреть все исследования, указанные под рубрикой «Этика», то пользующийся библиографией Бриссона может сразу обратиться к исследованиям, перечисленным под *VG* с, и уже в них будет искать ссылки на более общие труды, где данная тема затронута.

Иначе говоря, систематизация материала нужна в первую голову, чтобы спасти исследователя от эффектов «информационного бума». О том, что это за бум, хорошо свидетельствует сама библиография Чернисса—Бриссона: количество работ, непосредственно посвященных Платону, огромно и растет из года в год, достигая в настоящее время 200—300 названий ежегодно!

Но насколько хорош способ спасения, предложенный Черниссом и развиваемый Бриссоном и Иоанниди? По нашему мнению, он не лишен весьма существенных недостатков, присущих в равной мере и множеству других подобных справочников. Нижеследующие замечания, следовательно, имеют в виду не одну лишь рецензируемую работу, а являются скорее критикой жанра. В пределах же условностей жанра работа Л. Бриссона несомненно принадлежит к числу лучших. Единственное, в чем ее, может быть, следовало бы упрекнуть, это в чрезмерном многословии: это относится и к аннотациям, и к предисловию, и к пояснениям в систематическом указателе — все эти тексты можно было бы сократить наполовину без какого-либо ущерба для содержания. Многовато и опечаток, но вина ли это составителей или издателя, сказать трудно.

Составители подобного рода библиографических работ, т. е. выходящих периодически аннотированных и систематизированных указателей исследований на заданную

общую тему, все сталкиваются с тремя сложными проблемами, удовлетворительно решить которые принципиально невозможно в рамках самого этого «жанра».

Первая проблема: куда помещать библиографическое описание данной работы: в алфавитную часть в систематическую или, скажем, в хронологическую (кстати, хронологическая часть, т. е. распределение работ по годам издания, у Л. Бриссона начисто отсутствует, что досадно, особенно когда речь идет о таких больших отрезках времени, как 1958—1975 гг.)? Для читателя («потребителя») библиографии удобнее всего, когда оно дано в систематической части — все, кто пользуется «Аннэ филоложик», это подтвердят. Так, если меня интересует платоновская *sōphrosynē*, то, найдя соответствующую рубрику в систематическом указателе, я бы предпочел обнаружить в ней не ничего ни уму, ни сердцу не говорящие номера 11, 480, 777, 1231, 1469, 2350, 2490, 2809, а хотя бы предельно краткие, но включающие все самые необходимые элементы описания (автор, название [сокр.], город, год — или журнал, том, год, страницы), указания, а также и аннотацию, а не извлекать эти данные из восьми разных мест. Но для составителя и издателя справочника это неудобно — пришлось бы повторять эти описания в нескольких местах или опять-таки же прибегать к ссылкам. Подпроблема первой проблемы: как строить систематическую часть — в виде предметно-понятийной классификации или в виде алфавитного указателя? Для наглядности лучше первое. Но алфавитный порядок имеет немалые другие преимущества: читателю не навязывается никакая схема вроде приведенной выше; в указатель можно включить любые понятия, любые разделы, которые иначе потребовали бы перекройки всей системы или всевозможных натяжек; найти ключевое понятие в алфавитном указателе легче, чем в систематическом (кому придет в голову искать метафизику Платона в самом конце главы, посвященной его учению, после этики и эстетики!). Но включить библиографические описания, а тем паче аннотации в алфавитный указатель тем — еще труднее, чем в систематический.

Вторая сложная проблема: перекрестные ссылки от выпуска к выпуску, включение упущенных по недосмотру изданий в выпуск, относящийся к другому периоду, размещение новых рецензий на описанные ранее работы и т. д. и т. п. Все это создает большие трудности для потребителя библиографии, которому приходится собирать данные, фактически относящиеся к одной и той же теме и опубликованные в течение одного и того же периода (или во всяком случае имеющие к нему прямое отношение), во множестве разных мест, о которых ему еще надо заранее догадаться. Не говоря о неудобствах, вытекающих из совершенно неизбежного деления библиографии на периодические выпуски, в каждый из которых приходится заглядывать по отдельности.

Наконец, третий и самый сложный вопрос: как избежать субъективности всякой систематической классификации, всякого разбиения на темы, основные понятия, изучаемые области: как учесть все богатство содержания работ многоплановых? Что делать читателю, ищущему работы о непредусмотренном составителе сюжете, например исследования 1950—1957 гг. по метафизике Платона? Алфавитное расположение тем может спасти от навязывания материалу слишком жесткой схемы, но бессильно как средство заполнения лакун в самом перечне тем (рубрик).

Разумеется, ни один из этих вопросов, ни одна из этих трудностей не принадлежит к числу непреодолимых: ищите и обрящете. Но ценою каких усилий?

А ведь все эти трудности можно избежать. Каким образом?

Да будет нам позволено высказать здесь одну идею, вернее — мечту, которую мы уже давно лелеем, хотя и без всякой надежды когда-либо увидеть ее осуществленной. Заключается она в следующем технически вполне осуществимом нововведении.

Библиографии типа рецензируемой должны издаваться не (или не только) в виде книг, а в виде наборов листов или карточек типа каталожных, но, возможно, большего формата (с открытку). На каждой карточке (а если не помещается, то на двух...) должны быть помещены все данные, относящиеся к одной работе: 1) библиографическое описание и аннотация (скажем — на обороте), 2) ссылки на все рубрики /темы/ пассажи и

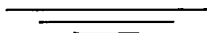
т. п., к которым она имеет отношение с точки зрения составителя, 3) ссылки на рецензии, другие издания, репринты, переводы; причем фамилия автора (издателя, составителя, переводчика) должна быть повторена в одном верхнем углу, а год издания (или первого издания) — в другом. Каждый листок должен тиражироваться так, чтобы в каждом комплекте их было $3 + n$, а именно, один — для алфавитного каталога, один — для хронологического указателя, один — для основной тематической рубрики и n — по числу тематических рубрик (плюс два-три запасных).

К набору карточек должны быть приложены: 1) разделители с алфавитом, разделители по годам, а также пустые — для рубрик систематического каталога; 2) брошюра с использованной составителем системой рубрик (и ссылками на номера соответствующих листков?); 3) листы с названиями этих рубрик, напечатанными на липкой бумаге, которые можно было бы приклеивать к разделителям; 4) подобные же листки с дополнениями к карточкам прежних выпусков (новые рецензии, переиздания, переводы), если на них есть достаточно места (в обратном случае следует печатать дополнительные листки); а также — на усмотрение потребителя — ящичек подходящих размеров.

Потребитель библиографии имел бы в своем распоряжении единый полный алфавитный каталог, единый хронологический каталог, которые бы он пополнял каждые пять лет и мог бы самостоятельно строить и развивать свой собственный систематический указатель, руководствуясь изложенной в брошюре системой, сообразуясь со своими задачами и взглядами, игнорируя ненужные ему области и детализируя те, которые его интересуют вплотную.

В будущем подобные библиографии могли бы «издаваться» и в виде магнитных записей, предназначенных для использования на персональных компьютерах.

С. Н. Муравьев

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ БРОНЗА В СОБРАНИИ МУЗЕЯ ГУГУН (ПЕКИН)

В самом центре Пекина, начиная от площади Тяньаньмэнь, простирается к северу обнесенный мощными стенами многокилометровый ансамбль императорского «Запретного города» — ныне широко открытый людям музей Гугун. Этот замечательный памятник средневекового зодчества, основанный в XV столетии и с тех пор в течение пяти веков служивший резиденцией минских и цинских правителей, хранит огромные богатства древнего и средневекового национального искусства — бронзы, живописи, каллиграфии, керамики, прикладных изделий.

История возникновения этого крупнейшего в Китае музея многоступенчата. Революция 1911 г. положила конец власти цинских правителей, и в 1914 г. в передней, южной части ансамбля впервые был основан Музей древностей, северная же часть до 1924 г. принадлежала отрекшемуся от престола последнему императору Сюань-туну (Пу И). В 1924 г., после изгнания из Пекина Сюань-туна, его покои были преобразованы в дворцовый музей, существовавший параллельно с Музеем древностей. Только в 1945 г., после освобождения страны от японских интервентов, вся территория ансамбля поступила в ведение Национального музея, названного Гугун (Древний дворец). Хотя значительная часть хранящихся в нем ценностей была в конце 40-х гг. вывезена на Тайвань, а в 60-х годах наступила пагубная для духовной жизни страны эра «культурной революции», деятельность музея не прервалась, и он сохранился как цельный организм. В настоящее время в Гугуне виднейшими учеными Китая ведется большая собирательская и научно-исследовательская работа. Его фонды насчитывают более 910 000 произведений художественной культуры прошлого. Важное место в экспозиции и фондах занимают классические образцы древней бронзы XVI—III вв. до н. э., их насчитывается свыше 500.

Высокий художественный уровень, техническое совершенство, неповторимость узоров и форм поставили древнюю бронзу Китая в ряд высочайших достижений мирового искусства. Несмотря на то что отдельные экземпляры попадали в руки зарубежных коллекционеров, китайская бронза оставалась почти неизвестной в странах Европы вплоть до начала XX столетия, и лишь первые крупномасштабные раскопки, проведенные в 1928—1937 гг. к северо-западу от Аньяна, прославили ее на весь мир. Однако в самом Китае собирательская деятельность при императорском дворе началась еще в глубокой древности. Известна легенда о том, что уже Юй (2205—2198 гг. до н. э.), легендарный правитель династии Ся, получил в дар от девяти провинций девять сосудов дин в знак их полного повиновения. Монументальные ритуальные сосуды династического периода Шан-Инь почитались священными уже в период Чжоу (XI—III вв. до н. э.). Находка древнего бронзового изделия в период Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) расценивалась как государственное событие. В период Сун (950—1279), во время ряда военных поражений и потерь земель в Китае, особенно усилился интерес к древности, национальной истории. Большое внимание стало уделяться изучению древней бронзы. При дворе императора Хойцзуна (1101—1125) были собраны

и систематизированы предметы ритуальной бронзы, составлены каталоги, установлены названия разных типов, принципы надписей на внутренней поверхности бронзовых сосудов. Естественно, что с позиций современной науки в оценках сунских ученых было много заблуждений и неточностей. Но именно они первыми заложили основы китайской археологии.

Деятельность пекинского императорского дворца по собиранию и систематизации древней бронзы стала следующим этапом ее изучения. Основы этого процесса заложили еще в XV в. минские императоры, но наиболее ревностным собирателем бронзы стал Цяньлун (1736—1795), который сформировал свою коллекцию еще в молодые годы, взимая дань от провинций, принимая от подданных в дар древние ритуальные предметы и даже конфискуя частные собрания.

Цяньлун повелел ученым составить четыре каталога древней бронзы, хранящейся в императорских владениях¹. Первый, заверченный в 1749 г., и второй посвящены собранию Запретного города в Пекине; третий и четвертый, заверченные в 1781 г., посвящают коллекции, размещенные в других императорских дворцах. Цинские ученые при их составлении опирались на сведения, содержащиеся в сунских описаниях, и, хотя их работы не лишены поверхностности и ошибок, ценность цинских каталогов, снабженных скрупулезно выполненными рисунками, сохраняется до наших дней. Именно они позволяют ученым установить историю и масштабы собрания, а также проследить пути перемещения тех или иных бронзовых изделий из пекинского императорского дворца в другие места. Благодаря им стала возможной и идентификация каталожных рисунков с предметами, вывезенными за рубеж и хранящимися ныне в разнообразных музеях мира. Утечка предметов древней бронзы из императорских дворцовых собраний в Пекине началась еще в 60-х гг. XIX в., когда иностранные войска подвергли жестокому разграблению столичные и загородные дворцы. В конце XIX — начале XX в. большое количество предметов было подарено и продано европейским и американским коллекционерам. Утратившее множество ценных экспонатов собрание императорского дворца вновь пополнилось уже после основания музея. Многочисленные изыскания ученых КНР, помощь коллекционеров поставили музейное дело Гугуна на новую научную основу.

Бронзовые изделия, собранные в Гугуне, восходят к самым отдаленным эпохам и включают в себя оружие, предметы конской сбруи, ритуальные сосуды и музыкальные инструменты. Но в более узком и распространенном смысле понятие художественная «древняя бронза» подразумевает ритуальные сосуды и колокола как наиболее почитаемые памятники древнекитайского искусства.

Экспозиция музея Гугун, развернутая в трех восточных павильонах средневекового ансамбля бывшего императорского дворца, тщательно подобрана и включает в себя классические образцы ритуальных сосудов от периода Шан-Инь до конца периода Чжаньго. Составляющие органичное единство со стилем традиционной китайской архитектуры, эти сосуды своей тектонической мощью и уравновешенностью формы в свою очередь формируют среду своего бытования, приобретая в средневековом ансамбле особую значительность.

Шан-иньские сосуды служили исключительно культовым целям и употреблялись высшей знатью при жертвенных обрядах, посвященных культу предков. Это определило их структуру, тектонику, размеры, формы. Посвященные самым важным событиям, они, подобно древним храмам и алтарям, служили целям монументальным, вечным. Поэтому как малые, так и большие отмечены устойчивостью, отличаются структурной четкостью. Древние сосуды Китая не только составили часть ритуального комплекса, но по своей сути сами являлись комплексами, обобщая и собирая мифы, отражая всю сумму тогдашних представлений о мире.

¹ Poor R. Notes on the Sung Dynasty Archaeological Catalogs // Archives on the Chinese Art Society of America. 1965. 19. P. 33—34.

Вершина развития бронзовой культуры относится учеными к XIV—XI вв. до н. э. Достигнутый к этому времени технологический и артистический уровень остался непревзойденным. Сосуды этой поры весьма разнообразны по типам, узорам, формам. Однако они легко поддаются классификации. Массивные чаны типа дин, ли и гуи предназначались для приготовления жертвенной пищи. Формы кубка, вазы, кувшина (гу, цзун, ху) служили емкостями для воды и вина. Их обильный фантастический узор также поддается систематизации и расшифровке. Он включает в себя ряд повторяющихся условных и реальных изображений, имеющих символическое значение. Из них наиболее распространенными являются охранители стихий воды и воздуха дракон и феникс, жертвенные животные — бык, баран, олень, слон. Подчас звери-охранители приобретают собирательный облик, обобщая, подобно условной маске — таоте, черты наиболее почитаемых животных — тигра, барана, дракона. Выполненные на поверхности сосудов как в высоком, так и низком рельефе, звериные головы и маски сплетаются с геометрическими орнаментальными узорами грома, воды, облаков. Для конца шан-иньского периода характерно сочетание выпуклого рельефного изображения с тончайшим гравированным меандром, четкое распределение узоров по поясам, разделение поверхности на тектонические вертикальные зоны. Важную документальную роль играют гравированные надписи внутри сосуда. Более ранние отмечены большой лаконичностью, сообщая лишь наименование клана или титул предка, которому посвящен сосуд. Более поздние приобретают известную повествовательность, рассказывая о том, кем и в честь какого события выплавлено драгоценное изделие. Благодаря обнаруженным учеными керамическим тиглям, моделям и формам с оттиснутым на внутренней поверхности узором расшифрован секрет сложного и трудоемкого процесса изготовления бронзы — путем заполнения пространства между внешней формой и моделью расплавленным металлом, но как достигались исключительная точность и высочайшее мастерство, достигнутые во II тыс. до н. э., — продолжает оставаться своего рода загадкой. Артистизм проявляется как при изготовлении малых форм, так и сосудов-колоссов, дин, достигающих 600-килограммового веса и метровой высоты. Археологический материал, имеющийся в распоряжении ученых, показывает, что технический уровень бронзолитейного дела, достигнутый в шан-иньский период, был значительно выше, чем в других странах.

В связи с обильными жертвенными возлияниями наибольшее распространение в период Шань-Инь получили сосуды для вина. К числу наиболее типичных и совершенных образцов шанской бронзы подобного рода принадлежат хранящиеся в музее Гугун фан цзунь (квадратный цзунь), сы сян гу (гу с четырьмя слонами) и фан цзя (квадратный цзя) (рис. 1). Каждый из них имеет свои особенности. Тип цзунь имеет целый ряд разновидностей форм и узоров. Принадлежащий музею Гугун экземпляр представляет наиболее классическую форму. Это высокая, почти полуметровая ваза, расчлененная на три отчетливые горизонтальные зоны: квадратную устойчивую нижнюю часть, сужающуюся к тулову, выпуклую центральную и горловину, завершающую квадратным, четко обозначенным широким отверстием. Вся поверхность сосуда заполнена символическими рельефными зооморфными мотивами. Головы слона, оленя и барана выступают в виде ритмически повторяющихся скульптурных мотивов по оплечью тулова. Фигуры драконов и звериная маска таоте разнообразно сгруппированы по поверхности, располагаясь в свою очередь на фоне еле различимого гравированного меандра. При этом обилии узоров вся орнаментальная система введена в единую ритмическую структуру. Строгая архитектурность сосуда подчеркивается как членищими его вертикальными ребрами, так и выходящими за пределы формы полосами бронзы, напоминающими характерные для китайского зодчества опорные кронштейны доугун. На примере типологически близких шанских изделий видно, что мастера стремились использовать единый арсенал выразительных средств. Однако далеко не всегда они достигали такого великолепия форм и узоров, как в гугунском образце. Сосуд цзунь объединен с целым рядом бронзовых изделий и надписью из девяти знаков, выгравированной на его внут-

Рис. 1. Большой ритуальный сосуд для вина Фан цзунь (квадратный цзунь). Поздний период Шан

Рис. 2. Бронзовый кубок для жертвенных возлияний Гу. Период Шан

ренной стенке. Она свидетельствует о том, что клан Сю Я, давший свое имя многим драгоценным бронзовым изделиям, состоял в родстве с кланом шанских правителей. Это дало возможность Тан Ланю, крупному археологу, одному из виднейших ученых музея Гугун, подтвердить территориальные и хронологические границы этого и ряда других замечательных памятников ².

Высокий стройный кубок Гу, также хранящийся в музее Гугун, предназначался для жертвенных возлияний (рис. 2). Классический образец шанской бронзы, этот тип полностью исчезает в период Чжоу в связи с запрещением жертвенных возлияний и возрождается уже в керамике периода Сун. Достаточно лаконичный по орнаментации, он вместе с тем отличается от многих своих типологических аналогов динамикой изображенных на нем мотивов четырех трубящих слонов, выполненных по его подножию в выпуклом рельефе.

Третью разновидность сосудов для вина представляет хранящийся в музее Гугун тип цзя, предназначенный для подогревания вина и ведущий свое начало от неолитических керамических триподов (рис. 3). Однако он представляет собой более редкую типологическую разновидность, поскольку снабжен не тремя, а четырьмя ножками. Орнамент из условных фигур драконов и цикад, массивные выступы на крышке, кинжалообразные острые ножки сообщают ему особую выразительность. Сочетание архаичности формы с изысканностью и ритмической завершенностью узора придают этому экспонату музея Гугун, почти не имеющему аналогов, особую ценность. Характерно, что в период Чжоу подобные типы бронзовых изделий также уже не встречаются.

Племя чжоу, завоевавшее в конце XI в. до н. э. государство Шан-Инь, во многом унаследовало его традиции. Раннечжоуская бронза по своей выразительности декора близка шанской. Однако типы и назначение сосудов заметно изменяются. Количество сосудов для вина убывает, но увеличивается число контейнеров для пищи, чанов и

² Treasures of the Forbidden City. Hongkong Branch, 1986.

Рис. 3

Рис. 3. Ритуальный бронзовый сосуд Фан цзя. Сосуд для подогревания вина (квадратный цзя). Период Шан

Рис. 4

Рис. 4. Ритуальный бронзовый сосуд для подогревания пищи Гуй. Раннечжоуский период

Рис. 5

Рис. 5. Бронзовый ритуальный колокол Сы ху по (колокол с четырьмя тиграми). Период Западный Чжоу (XI—VIII вв. до н. э.)

Рис. 6

Рис. 6. Бронзовый сосуд для вина Хи. Период Чжаньго (V—III вв. до н. э.)

котлов для ее подогрева. Особенно характерным для периода Чжоу является тип сосудов «гуй», предназначенный для хранения пищи. В музее Гутун имеется один из ранних образцов подобного рода (рис. 4). Для него характерна устойчивая цокольная база, округлая, отличающаяся приземистостью форма тулова, снабженная двумя ручками, напоминающими уши с оттянутыми мочками, плавность орнаментальных мотивов, лишенных былой геометрической заостренности. О принадлежности сосуда к раннему периоду Чжоу свидетельствует и более пространный, чем прежде, надпись, сообщающая о посвящении его мастером своему предку.

На протяжении длительного и неоднородного периода Чжоу существенно меняется стиль бронзовых изделий. В узорах ощутима тяга к условности, геометризированной линейности. Важное место занимают в ритуалах трапециевидные колокола, пришедшие на смену шанским плоским гонгам (рис. 5). Колокола изготавливались наборами, их количество соответствовало социальному рангу владельца. Выплавка таких музыкальных инструментов требовала от плавильщиков особого знания технологии бронзы. Подчас они употребляли до шести разнообразных вариантов сплавов, способствующих чистоте звука. Каждый колокол в наборе отличался не только своими размерами, но и особым звучанием. В музее Гугун хранится несколько наборов таких ритуальных колоколов. Наиболее наряден и декоративно оформлен *си ху по* (колокол четырех тигров). Выразительными и стройными линиями его уплощенного силуэта соответствует и уплощенный, строго геометризованный орнамент маски таоте, драконов и обрамляющих колокол с двух сторон фигур четырех тигров. Этому памятнику древнего искусства имеется немного аналогов. Близки к нему колокола из Шанхайского музея и японских собраний.

Наиболее значительные перемены в стиле и технике бронзовых изделий совершились на протяжении периода Чжаньго (V—III вв. до н. э.). Вслед за открытием железных месторождений и изготовлением из железа разнообразных предметов бронза в значительной мере утратила свои универсальные функции. Огромные социальные и духовные сдвиги, происходившие в обществе, новые оценки явлений вызвали к жизни и новые потребности. Из бронзы стало выплавляться все большее количество бытовых и утилитарных изделий — светильников, весов, посуды. Значительно преобразовалась и технология изготовления бронзовых предметов, выплавляемых уже при помощи утраченного воска со штампованными узорами и приращенными после плавки деталями. Изменился и стиль бронзовых сосудов, утративших свой всеобъемлющий магический смысл. Их стенки стали тоньше, формы более плавными и обтекаемыми. Скульптурный орнамент стал встречаться реже, сменившись тонкой инкрустацией из золота и меди, напоминающей парчу. Разнообразнее стал и круг сюжетов, вместивших в себя мир новых легенд. Поверхность сосуда зачастую служит фоном для целого ряда фризобразно расположенных сцен, повествующих о битвах зверей, пирах и охоте, где фантастические сцены причудливо сплетаются с реальными. Хранящийся в музее Гугун изящный трехногий сосуд *хи*, предназначенный для вина, заметно отличается от шанских и чжоуских (рис. 6). Его гладкое округлое тулово с крышкой, ручкой и носиком своей утилитарностью напоминает чайник. Разделенное фризобразными поясами, оно покрыто тонкими гравированными узорами стилизованных облаков, драконов и птиц, сражающихся со змеями. Пластическая выразительность здесь строится на других основах, чем в шанских и чжоуских изделиях. Скульптурные мотивы выявляют объем, подчеркивают осязательность формы. Изогнутая ручка в виде дракона плавной дугой перекидывается от плеча к плечу, подчеркивая ее округлость; носик в виде головы птицы с открытым клювом, а также фантастические «атланты», подпирающие тулово, сообщают сосуду чрезвычайную живость. При всей фантастичности эти сказочные образы, влившиеся в китайскую мифологию, оживили ее сюжетный репертуар, придали искусству новую жизненную силу. Многообразные и неповторимые шедевры китайской бронзы, хранящиеся в музее Гугун, позволяют понять специфику художественного мышления, достигнутого китайским народом в глубокой древности. Созданные мастерами отдаленных от нас эпох образы донесли до последующих поколений силу поэтического вымысла, дали мощный импульс последующему развитию художественного творчества Китая.

Н. А. Виноградова

Fig. 1. Fang zun (square zun). Wine vessel. Shang dynasty. Later period

Fig. 2. Gu. Wine vessel. Known as si xiang gu. Shang period

Fig. 3. Jia (square jia). Wine vessel. Shang period

Fig. 4. Gui. Food container with two «ear». Early Zhou period

Fig. 5. Bo. Bell. Known as si hu bo «four tiger bo». Western Zhou period

Fig. 6. He. Wine pourer. Period of Warring States

К 75-летию ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ШТАЕРМАН

28 сентября 1989 г. — 75-летие Елены Михайловны Штаерман, нашего крупнейшего антиковеда. «Вестник древней истории» шлет свои поздравления и пожелания крепкого здоровья и новых успехов в исследовании милого ее сердцу древнего Рима!

Этот юбилей позволяет еще раз окинуть взором творчество Елены Михайловны, богатое в равной степени глубоким теоретическим осмыслением древнеримской истории и тщательным, разносторонним изучением самых разных ее аспектов. Работы Е. М. Штаерман, ее книги и статьи, переводы и комментарии римских авторов, юристов, надписей — важные этапы в развитии советского антиковедения. Изучая самые разнообразные сюжеты античной истории, Елена Михайловна всегда тем самым вносит свою лепту в духовный климат современности. Ее сочинения — это полнокровная часть нашей культуры, благодаря на редкость органичному соединению академизма с осмыслением проблем быстро текущей действительности. Не случайно, что сейчас, когда подвергается переоценке многое в нашей жизни и культуре, творческое мастерство Е. М. Штаерман подтверждается с новой силой. Свидетельство того — и присуждение ей Государственной премии СССР 1987 г. за работу во «Всемирной истории», относящуюся еще к 50-м годам, и награждение Елены Михайловны премией имени В. П. Волгина в 1989 г. за монографию «Социальные основы религии древнего Рима» (М., 1987), ставшую итогом многолетних занятий древнеримской религией и долгих раздумий над более общими проблемами власти и идеологии.

В творчестве Елены Михайловны нашли продолжение многие лучшие традиции русского антиковедения — целостный подход к древнеримской истории в единстве ее экономических, социальных, культурных и идеологических сторон; блестящий анализ разных источников — надписей, данных археологии и нумизматики, юридических текстов, не говоря уже о превосходном знании античных авторов. В то же время, ее трудами (как и работами многих других коллег) формируются традиции советского антиковедения — устремленность к широким обобщениям теоретического плана, интерес к мировой историко-философской мысли, особое внимание к глубинным социально-экономическим процессам древней истории, деятельности, мыслям и чаяниям простых людей.

Развитие советской науки об античности, естественно, не лишено трудностей и противоречий. Пересмотр ряда устоявшихся выводов, изучение новых проблем или новые подходы к старым становятся настоятельно необходимы. И здесь вновь проявляются научная смелость и чутье исследователя, столь присущие Е. М. Штаерман.

ВДИ поздравляет Елену Михайловну Штаерман — многолетнего автора и члена редколлегии, а ныне члена редсовета — и выражает надежду на ее плодотворное сотрудничество с журналом и в дальнейшем.

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА С. Я. ЛУРЬЕ

12—13 января 1988 г. на кафедре истории древнего мира и средних веков Львовского государственного университета состоялись Вторые научные чтения, посвященные памяти профессора С. Я. Лурье. В них приняли участие сотрудники кафедры классической филологии Львовского университета и преподаватели других вузов Львова, специалисты по древней истории и филологии из Института всеобщей истории, Института истории СССР АН СССР, Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, вузов Москвы, Полтавы, Симферополя, Черновиц, Тернополя, Воронежа, Омска, Ростова-на-Дону, Казани, Иванова, Минска и Гродно.

Открывая пленарное заседание, декан исторического факультета проф. С. А. Марчук подчеркнул вклад С. Я. Лурье, ученого с широким научно-исследовательским диапазоном, в отечественную историографию античности. Работая в Львовском университете в 1953—1964 гг., С. Я. Лурье вел большую педагогическую, воспитательную и научную работу. Им было опубликовано свыше 80 трудов, в том числе монография «Язык и культура Микенской Греции» (М.—Л., 1957), новый вариант книги для детей «Письмо греческого мальчика» (Киев, 1957), книги «Заговорившие таблички» (М., 1960), «Неугомонный» (М., 1962), пособия для студентов «Неизменяемые слова в функциях сказуемого в индоевропейских языках» (Львов, 1955) и «Латинский язык как древнейший этап французского языка» (Львов, 1959).

На пленарном заседании прозвучало пять докладов. *Я. С. Лурье* (Ленинград) в докладе «Проблема метеков и метекства в трудах С. Я. Лурье» подверг анализу ряд трудов ученого, выделив в них мысль о самосознании народа как важнейшем факторе его существования. Исходя из общен исторического значения этой проблемы, Я. С. Лурье считал нужным остановиться на теме метекства в средневековой русской литературе, на метекстве и идеях, противостоящих антагонизму между народами, борьбе «филономической морали», основанной на признании государства объектом нравственного чувства, с «онтономической» моралью, признающей права отдельной личности.

Л. М. Глушкина (Ленинград) посвятила свой доклад проблеме дельфийской автономии, отметив, что борьба за автономию, характерная для всей истории дельфийского святилища, была связана прежде всего с противодействием Фокиде, постоянно стремившейся подчинить себе Дельфы: Фокиду обычно поддерживали Афины; Дельфы же полагались на содействие Спарты. Автор считает, что, хотя в исторической традиции начиная с XIX в. прочно утвердилась тенденция связывать известные внутриполитические распри в Дельфах с борьбой там про- и антифокидских группировок, анализ источников показывает, что для этого нет никаких оснований (ни в одном из них нет даже намека на существование когда-либо в Дельфах профокидской политической группы).

И. У. Кобиев (Львов) выступил с докладом «Профессор С. Я. Лурье — переводчик древнегреческих историков». Достоянием науки стали: комментированный перевод «Греческой истории» Ксенофонта (1935), «Избранные биографии» Плутарха, изданные в 1941 г. под редакцией С. Я. Лурье, с его переводом жизнеописаний Аристиды и Перикла, двумя статьями о Плутархе и его времени и комментарием к биографии греческих политических деятелей, а также перевод полемического сочинения Плутарха «О злокозненности Геродота», изданный в качестве приложения к книге ученого «Геродот» (1947).

А. К. Гаврилов (Ленинград) темой своего доклада избрал историю переписки С. Я. Лурье с У. Вилламовицем. Используя ряд документов из эпистолярного архива С. Я. Лурье (ЛО ААН), докладчик попытался реконструировать историю заочного знакомства обоих ученых и охарактеризовать смысл их соприкосновения.

В. Н. Кутик (Львов) остановился на содержании фонда С. Я. Лурье в ЛО Архива АН СССР и его ценности для дальнейшей поисковой работы. Докладчик сообщил

также о состоянии работы над библиографическим справочником «Профессор С. Я. Лурье».

На секции истории и культуры древней Греции и Рима было заслушано семь докладов. *Г. Я. Велласом* (Воронеж) был зачитан доклад на тему «История Эпира в древнегреческом эпосе». Принимая во внимание сведения «Илиады», «Одиссеи», гесиодовской поэзии и других сочинений, докладчик попытался реконструировать древнейшую историю Эпира.

В докладе *О. Б. Лопуховой* (Москва) «Делос и Дельфы: два святилища Аполлона» подчеркивалось, что судьбы делосского и дельфийского полисов были тесно связаны с расположенными при них знаменитыми храмовыми центрами Аполлона. Наличие святилищ, постоянное внимание к ним со стороны ведущих греческих (а позднее и эллинистических) государств предопределяли специфику полисных организмов: малочисленность населения, внешнеполитическую пассивность и непропорциональное экономическое развитие.

В докладе *В. В. Чолач* (Тернополь) «Женские возрастные группы в древней Греции» говорилось о недостаточной изученности вопроса о женских возрастных группах, что объясняется, по мнению докладчика, лишь косвенными упоминаниями о них в античных источниках. Следы этого института можно найти в различных спартанских культах — Диониса, Елены, Артемиды Ортии, Гиакиний, Артемиды Лимнарис и др. Следы этой древнейшей организации сохранились и в других районах древней Греции — на Крите, в Эфесе, Аркадии, Афинах. Этнографические параллели показывают, что возрастные объединения женщин оказывались менее прочными и продолжительными: обычно после выхода замуж на женщин уже не распространялись нормы возрастной системы.

Доклад *А. Г. Бандровского* (Львов) «Северо-восточная граница Римской империи и эволюция нижнедунайского лимеса в I—III вв. н. э.» был посвящен анализу развития системы пограничных коммуникаций (лимеса) на границе придунайских провинций Римской империи с племенами Карпатского региона. Первый этап развития дунайского лимеса (10—79 гг.) был связан с созданием наиболее простой формы укреплений — использованием речной преграды (р. Дунай). Второй этап (80—170 гг.) соответствовал периоду реконструкции паннонского лимеса и строительству западного и восточного участков дакийского лимеса. Главными чертами третьего этапа (170 г. — середина III в.) являются: сооружение нового типа лимеса (с земляным валом, рвом) и использование новой системы обороны («глубокая оборона»).

В докладе *А. В. Подосинова* (Москва) исследовался вклад М. Випсания Агриппы (I в. до н. э.) в развитие географической теории и практики древнего Рима. На основе разрозненных высказываний Плиния, Страбона и некоторых позднеантичных источников была сделана попытка более детально определить, из чего состояло географическое наследие Агриппы. Наряду с картой мира, которая, будучи своеобразным памятником Агриппе, имела преимущественно пропагандистско-патриотические функции, Агриппой было создано произведение, описывающее мир по канонам хорографического жанра. Возможно также существование таблиц с перечнем отдельных областей с указанием их границ и размеров.

С. В. Пивоваров (Черновцы) показал в своем докладе, как в результате тесных экономических и военно-политических связей с позднеантичным миром племена черняховской культуры заимствовали важные технические достижения античности в ремесле и сельском хозяйстве: рало с полозом, снабженное широколезвийным наральником и череслом, черешковые серпы и ручной жерновой постав, а также, возможно, некоторые виды сельскохозяйственных растений и животных.

В докладе *Р. М. Шуста* (Львов) был дан анализ античных монет в фондах музеев г. Львова, показана их значение как исторического источника. Докладчик рассказывал о ведущейся подготовке к публикации этих монет.

На секции историографии было заслушано и обсуждено восемь докладов. *Н. С. Талашова* (Иваново) в докладе «Античная культура в творчестве К. Маркса» подчеркнула, что в духовном развитии молодого Маркса античная культура выступала активным формирующим фактором: он активно использовал знания по античной культуре в публицистике, переписке, научных работах и в «Капитале» (не на уровне цитирования и заимствования, а на уровне внутреннего понимания образа, символики, метафоры).

Доклад *В. В. Федотова* (Москва) был посвящен проблемам исторической демографии античной эпохи в историографии 1960—1980-х годов. Докладчик подчеркнул, что в зарубежных исследованиях по исторической демографии античности доминирует узкоспециальная тематика, направленная на уточнение количественных характеристик населения, что не соответствует задачам современного этапа демографии. Перспективными представляются докладчику задачи по уточнению восприятия понятия «качество» античным населением применительно к разным территориям, историческим

периодам и социальным группам, по выявлению на конкретном историко-географическом фоне предпосылок и признаков изменения типа воспроизводства населения и его демографической структуры.

В докладе *И. А. Лисового* (Львов) говорилось о достижениях чехословацкой историографии по проблеме становления и развития афинской рабовладельческой демократии. Анализировались работы *П. Оливь*, *В. Окала* и *Я. Печирки*, посвященные афинской рабовладельческой демократии, был показан их вклад в марксистскую историографию античной истории. Доклад *К. А. Ревяко* (Минск) был посвящен проблеме Пунических войн в историографии Польши, Венгрии и ГДР.

«Факторы развития русской романистики второй половины XIX — начала XX в.» — тема доклада *В. А. Летаева* (Казань). Докладчик подчеркнул, что определяющими процессами в русской романистике второй половины XIX — начала XX в. стали: дифференциация и интеграция в предмете, методах, источниках в рамках классической филологии и всеобщей истории; теснейшая взаимосвязь с западно-европейскими научными центрами; международные конгрессы; личные контакты.

А. М. Мельников (Полтава) в докладе «Некоторые аспекты истории раннего колоната в англо-американской историографии» обратил внимание на то, что англо-американские исследователи не связывают генезис колоната с кризисными явлениями в рабовладельческом Риме I—II вв. н. э.: главной причиной упадка древнеримского сельского хозяйства, по их мнению, был рост латифундий, что и вело к появлению колоната (*Davis, Finley, Star*).

В докладе *Г. К. Сабретдинова* (Омск) «Луи Альфан о роли варварских миграций в судьбах Римской империи» рассматривались труды французского историка Луи Альфана (1880—1950), в которых кратко, но совершенно определенно ставился вопрос об азиатских началах так называемого великого переселения народов, об исторической важности варварских миграций эпохи раннего средневековья, о месте Азии в мировой истории. Альфан обратил внимание на сходство миграционных процессов начала нашей эры в Азии и Европе, указал на роль варваров в крушении великих держав древности — Ханьской и Западной Римской империй.

Изучению античной истории в Черновицком университете в конце XIX — начале XX в. был посвящен доклад *Г. К. Кожоляню* (Черновцы). Первым исследователем античности в Черновицком университете был профессор Иоган Лосерт, опубликовавший в 1880—1893 гг. несколько работ о коллекции античных монет университета. Создание в 1899 г. кафедры древней истории под руководством Вальтера Юдейха означало открытие нового этапа в изучении античности на Буковине. В 1914 г. кафедру древней истории возглавил профессор Иоган Кромаер. Изучением античной истории в крае занимались также доктор Юлий Ютнер, работавший на кафедре классических языков, Иозеф Гуттер и Дионисий Олинеску — научные сотрудники Черновицкого краеведческого музея.

На секции классической филологии было заслушано 11 докладов. *Л. С. Баюн* (Москва) в докладе «Греки и фригийцы: к проблеме соотношения языков и культур» подчеркнула, что длительный период существования фригийцев в Малой Азии (где формировалась собственно фригийская государственность) наложил определенный отпечаток на материальную и духовную культуру фригийцев и их язык, что тем не менее не может скрыть факта специфической близости фригийского и греческого языков, свидетельствующей о том, что они восходят к одному источнику. Язык новофригийских надписей II—III вв. н. э. обнаруживает определенное количество общих с греческим грамматических и лексических инноваций, что следует рассматривать как результат параллельного развития в условиях теснейшего языкового и этнокультурного взаимодействия.

Б. Б. Виц-Маргулес (Гродно) в докладе «К вопросу об атеизме древнегреческих софистов V в. до н. э.» пришла к выводу о том, что атеизм в древней Греции в более открытой и решительной форме начинается лишь с выступления на историческую арену софистов, к которым можно причислить и Диогора Мелесского. Автор считает, что важно делить софистов V в. не только на «старших» и «младших», но и на демократов и приверженцев олигархии (использование последними идей атеизма и свободомыслие не всегда оказывались прогрессивными).

Греческим топонимам восточного побережья Меотиды и проблеме их хронологизации был посвящен доклад *В. И. Дегтярева* и *Б. Н. Проценко* (Ростов-на-Дону). Докладчики на основе анализа топонимов Подонья, зафиксированных в произведениях античных историков и географов, выделили две группы топонимов, из которых одна имеет более древнюю хронологию и обнаруживает собственно греческие топонимы — Танаис, Алопекия, другая же датируется рубежом новой эры и первыми ее веками, причём собственно грецизмы в этой группе (Навалис, Марубий, Патарва, Паниардис) не представлены. В связи с этим авторами предложен новый поиск источника наиме-

нования — северокавказские языки, обнаружены также параллели данным названиям в анатолийских языках.

В докладе *Л. В. Павленко* (Симферополь) «Поликрат, Метнох, Парфенопа: развитие новеллистического сюжета от античности до средневековья» делается попытка выяснения путей миграции античного сюжета от «Романа о Метнохе и Парфенопе» в новой (Берл. папирус 21179) колляции к поэме персидского поэта XI в. Унсури «Вамек и Азра». Сравнение мотивов, топики, образов обоих произведений приводит докладчика к выводу о существовании в арабской литературе IX—X в. повести, «народного романа» или простого перевода античного романа, который и был использован в процессе формирования романического эпоса Унсури.

Слово и образ в оде Горация «К Мельпомене» (III. 30) анализировались в докладе *А. А. Содоморы* (Львов). Докладчик отметил, что в этой оде нашел свое яркое выражение характерный для Горация поэтический прием — построение художественных образов с использованием полисемии слов: в частности, размышления о своем бессмертии Гораций как бы проецирует на образ дерева (второй план), символизирующего живую, постоянно обновляющуюся славу и противопоставляющегося чуждому для поэта безмолвному, мертвому величию пирамид и бронзовых монументов (первый план).

Доклад *С. Я. Шарыпкина* (Львов) был посвящен некоторым аспектам эволюции падежной системы на раннем этапе истории греческого языка. Автор считает, что по крито-микенским текстам видно, что пятипадежная система классического древнегреческого языка является результатом редукции более полного падежного списка (в микенском диалекте сохранился еще самостоятельный инструменталис). Есть также все основания полагать, что на древнейшем этапе самостоятельной истории греческого языка продолжалось действие тенденции к формированию полноценной падежной системы и лишь при переходе к микенскому языковому состоянию эта тенденция угасает и начинается обратный процесс редукции падежной системы.

А. В. Сафроняк (Львов) прочел доклад на тему «Грамматическая терминология Аполлония Дискола» (ἁπολ· α), в котором показал, что учение этого выдающегося древнегреческого грамматика II в. н. э. — наиболее развитая система грамматических понятий и терминов древнегреческого языка. Хотя Аполлония Дискола справедливо называют основателем синтаксиса, значительно глубже он разработал вопросы морфологии. Терминология акциденций имени в грамматической доктрине Аполлония Дискола следующая: 1) виды — εἶδη; 2) роды — γέννη; 3) формы — σχήματα; 4) числа — ἀριθμοί; 5) падежи — πτώσεις.

В докладе *Л. В. Остапенко* (Львов) «Семантический состав и синонимические связи латинских прилагательных, обозначающих временную протяженность (на материале писем Цицерона)» рассматривались развитие семантических значений и синонимические связи прилагательных ряда antiquus, vetus, vetustus, pristinus — «давно существующий, давно происшедший» и прилагательных ряда novus, recens с доминантной семей «недавно существующий, только что возникший». Докладчик делает вывод, что различия между конкретными значениями прилагательных зависят от признаков, уточняющих временные параметры, контекст максимально способствует конкретной семантической реализации значений и выявлению их синонимических возможностей.

Доклад *Л. М. Глущенко* (Львов) был посвящен субстантивам — контекстуальным субститутам терминов optimates и populares у Цицерона. Как считает исследовательница, необходимость в многократном повторении ключевого термина трактатов «О государстве» и «О законах» optimates приводит к его замене субстантивами, мотивированными прилагательными, обозначающими этические и интеллектуальные качества политических деятелей. Один из них, с лаудативной, положительной семей (boni, optimi, summi, fortes, innocentes, pii, probi, sapientes, prudentes, sani), он адресует оптиматам, а другие, с пейоративной семей (improbi, impii, insipientes, ingrati, inimici, invidi), — популярам, делая их ситуативными субститутами этих политических терминов.

Р. Л. Олищук (Львов) в докладе «Сложные слова с причастным компонентом в латинском языке» пришла к выводу, что большинство из них — имена прилагательные (в частности, всегда являются прилагательными сложные образования со вторым компонентом — причастием настоящего времени действительного залога). Решающее значение в переходе в разряд имен прилагательных сложных образований со вторым компонентом — причастием прошедшего времени страдательного залога имело синтагматическое окружение, в которое они попадали в контексте.

О. Ю. Назаренко (Львов) посвятила свой доклад анализу микросистем плюративов — сигнификатов лиц, связанных с военным делом, в исторической прозе Цезаря, Тацита и Ливия. По ее мнению, микросистему образуют пять лексико-семантических групп: названия воинов по профессиональному признаку (beneficiarii, evocati), по вооружению (armati, cetrati), по месту в строю (triarii, rostrarii), по принадлежности

к определенному легиону в зависимости от его порядкового номера (*primani, tertiusdecimani*), по роду и виду войск (*classici, auxiliares*). В их составе преобладают субстантивированные прилагательные, менее употребительны субстантивированные причастия, греческие кальки, гречизмы и исконные плюративы.

Кафедра приняла решение провести Третьи научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения С. Я. Лурье, в январе 1991 г.

Ю. М. Гроссман, И. А. Лисовой

ПАМЯТИ МАРИИ МИХАЙЛОВНЫ КОБЫЛИНОЙ

24 августа 1988 г. на 91 году жизни скончалась Мария Михайловна Кобылина, профессор Московского государственного университета, доктор искусствоведения, один из старейших антиковедов Советского Союза. Всю свою сознательную жизнь Мария Михайловна посвятила избранной еще в молодые годы специальности — истории античной культуры и искусства. Она была неутомимым исследователем, изучавшим античные памятники, работая в музеях, путешествуя по странам Средиземноморья и участвуя в археологических раскопках древних городов Северного Причерноморья.

М. М. Кобылина родилась 17 октября 1897 г. в г. Бугуруслане, в семье ремесленника. Она училась в Самарском государственном университете, который окончила в 1922 г., совмещая учебу с работой помощника заведующего кабинетом археологии и искусства университета. В 1923 г., переехав в Москву, она работала ассистентом при кафедре теории и истории искусства 2-го МГУ. Марию Михайловну интересовала история и русского и античного искусства, но на окончательный выбор специальности несомненно оказало ее знакомство с Владимиром Дмитриевичем Блаватским, перешедшее в многолетнюю творческую дружбу.

В мае 1924 г. Мария Михайловна поступила на работу в Музей изобразительных искусств (ныне ГМИИ им. А. С. Пушкина) в качестве помощника хранителя Отдела Востока, затем перешла в Античный подотдел Отдела Древнего мира. Поступив в том же году в аспирантуру РАНИОН без отрыва от работы, Мария Михайловна избрала темой своей кандидатской диссертации так называемые боспорские красnofигурные пелики. Выбор этой темы отразил разносторонность интересов исследовательницы: как музейного сотрудника, хранившего и изучавшего произведения вазовой живописи, и как полевого археолога, находившего при раскопках античных городов Северного Причерноморья расписную керамику. С 1926 г. М. М. Кобылина принимала активное участие в археологических исследованиях в Ольвии и на Таманском полуострове. Пройдя великолепную археологическую школу в Ольвии у Б. В. Фармаковского, она в 30-е гг. активно работала в экспедициях ГМИИ в Камыш-Буруне, Хараксе и Фанагории под руководством В. Д. Блаватского.

Защитив в 1929 г. кандидатскую диссертацию, Мария Михайловна продолжала работать в ГМИИ уже в качестве старшего научного сотрудника, а с 1936 г. — заведующего Античным подотделом Отдела Древнего мира. В эти годы определяется новое, ставшее основным направление ее интересов в области античного искусства — изучение скульптуры Греции и Рима. В 30-е гг. появляются ее публикации ряда памятников из собрания Музея: знаменитой головы богини из собрания В. С. Голенищева, статуи правителя древней Горгиппии Неокла и др. Параллельно с работой в ГМИИ М. М. Кобылина с конца 20-х гг. читает лекции по истории античного искусства сначала на искусствоведческом отделении МГУ, затем в ИФЛИ. Именно из курса ее лекций родилась книга «Искусство древнего Рима» (1939) — первое в отечественной литературе специальное исследование на эту тему.

Война нарушила интенсивную научную деятельность Марии Михайловны, но не прервала ее: будучи в эвакуации, она продолжала преподавание. Вернувшись в Москву, с 1944 г. она возобновила работу в Античном отделе ГМИИ и чтение лекций в МГУ. В 1945 г. М. М. Кобылина успешно защитила докторскую диссертацию, посвященную аттической скульптуре VII—VI вв. до н. э.

Послевоенные годы — расцвет научной деятельности Марии Михайловны. Еще в 1944 г. она начала работать старшим научным сотрудником в ИИМК АН СССР, совмещая до 1946 г. эту работу с работой в ГМИИ. Но и оставив затем музей, она не прервала тесной связи с ним: руководила аспирантами ГМИИ, была постоянным консультантом сотрудников Античного отдела.

В ИИМК (с 1959 г. — Институт археологии АН СССР) интересы М. М. Кобылиной были сконцентрированы на различных проблемах культуры и искусства античных городов Северного Причерноморья. Она принимала деятельное участие в ряде археологических экспедиций (в Пантикапее и Орике), а с 1947 г. по 1975 г. возглавляла Фанагорийскую экспедицию.

При всем многообразии тематики научных работ М. М. Кобылиной доминирующим оставался ее интерес к скульптуре. В 1953 г. отдельной монографией вышла в свет ее докторская диссертация «Аттическая скульптура VII и VI вв. до н. э.» — первое в советской науке специальное исследование архаической греческой пластики. Ее книга об античной скульптуре Северного Причерноморья (1972) предшествовала серии публикаций, всегда отличавшихся глубиной анализа. Огромную работу провела Мария Михайловна, подготовив и осуществив издание — «Свод терракот Северного Причерноморья». Занятия археологией и искусством Северного Причерноморья привели М. М. Кобылину к изучению метрополии боспорских городов — Милета, истории и памятникам которого посвящена ее книга «Милет» (1965) — первый в русской и советской литературе обобщающий труд на эту тему.

Многочисленные научные интересы Марии Михайловны позволили ей с честью представлять нашу науку на международных конференциях. Авторитет М. М. Кобылиной в научных кругах был очень высок и у нас и за рубежом. Ее книга «Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э.» была издана в 1976 г. на французском языке в серии «Etudes préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain».

До конца своих дней Мария Михайловна продолжала вести научную работу, интересовалась всеми событиями в области антиковедения, руководила аспирантами МГУ, выступала оппонентом на диссертациях. И, вероятно, есть закономерность в том, что в последней своей статье М. М. Кобылина снова соприкоснулась с началом своей деятельности: в рецензии на альбом «Античная расписная керамика ГМИИ им. А. С. Пушкина» (СА. 1988. № 2) она дала по существу краткую характеристику музейной коллекции, дополнив ее интересными воспоминаниями о своей работе в Музее.

М. М. Кобылина щедро делилась своими знаниями с сотрудниками своей экспедиции, помогала им публиковать новые находки. Она была благожелательным редактором статей своих товарищей по работе. Мария Михайловна являлась не только в высшей степени талантливым исследователем, но и внимательным, доброжелательным научным руководителем, о чем всегда будут помнить ее многочисленные коллеги, друзья и ученики.

Н. А. Сидорова

АНТИЧНОЕ АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В КРЫМУ. ПРОБЛЕМА ЕГО СОХРАНЕНИЯ

Северное Причерноморье, особенно Крым и его побережье, являются средоточием богатейших материальных остатков античной и современной ей скифской культуры. Как правило, это вскрытые археологическими раскопками руины, восстановленные фрагменты архитектурных и градостроительных объектов или еще неисследованные культурные слои. Значение их постоянно игнорируется неспециалистами. Поэтому столь часто настоятельная необходимость археологических исследований и сохранения древних памятников Крыма вступает в противоречие с планами современных градостроителей, руководителей местных органов власти, директоров здравниц и предприятий. Памятники бездумно разрушают, территории древних поселений застраивают, заливают бетоном.

О масштабах уничтожения памятников и последствиях, к которым оно приводит, говорилось на конференции по проблемам античной культуры, проходившей в Симферополе в сентябре 1988 г., которая была организована Симферопольским гос. университетом им. М. В. Фрунзе и Отделом археологии Крыма ИА АН УССР. Ученые из 35 городов страны поручили организационному комитету обратиться с открытым письмом к министерствам культуры СССР и УССР, к госстроям СССР и УССР о недопустимости варварского отношения к архитектурному наследию Крыма¹.

¹ Крымский комсомолец. 14 января 1989 г. № 3.

Разрушение памятников эпохи бронзы, античности и средневековья происходит в Крыму повсеместно. В Судаке дома отдыха львовских железнодорожников и симферопольской милиции возведены на некрополе эпохи бронзы и кварталах поселений VI—VII вв. Частично вскрытые раскопками территории античных Тиритаки и Мирмекия в Керчи теснят застройку и промышленные предприятия, а на руинах Нимфея собираются строить пансионаты и пионерлагеря. Неаполю Скифскому, частично перекрытому (без должного исследования) сооружениями центральной водонапорной станции Симферополя, угрожает дальнейшее уничтожение в результате расширения этой станции. А снизу, в толще скалы, на которой расположен этот всемирно известный памятник, в ближайшем будущем начнут строить индивидуальные гаражи на 3500 машин. Результаты такого вмешательства в геологию места трудно предсказуемы, поскольку скалу надо разрабатывать отбойными молотками либо взрывать, что приведет к эрозии искусственно созданных в древности каверн. Ведь только посвященные (может быть, к счастью) знают, что в склоне плато находятся аккуратно заложенные археологами и перекрытые спонтанно возникшей свалкой склепы с уникальными образцами росписей.

В Северо-Западном Крыму, на Тарханкутском полуострове, расположено большое количество античных и позднескифских поселений, сельскохозяйственные укрепленные усадьбы, остатки античного землеустройства и скопление курганов. Однако все археологические объекты здесь не ограждены, что ведет к их неизбежному разрушению отдыхающими с расположенных рядом пляжей. Курганы и некрополи грабительски раскапываются. А на территории ландшафтного заповедника «Джангуль» беспощадно распахиваются остатки античного сельскохозяйственного размежевания, бесценные для мировой науки.

На Тарханкуте с его уникальным природным ландшафтом необходимо создать ландшафтно-археологический заповедник, организовать научно-методический центр и музей для хранения и экспозиции собранного в этом районе обширного археологического материала. Необходимо огородить раскопки (Беляус, Тарпанчи, у поселков Панское, Черноморское, у бухты Большой Кастель и пр.) и организовать систему охраны разбросанных памятников с помощью объездчиков.

Таково же положение в Восточном Крыму, вдоль северного и южного берегов Керченского полуострова, где находились сельскохозяйственные поселения Боспорского царства. Их территория также распахивается занимающими эти земли хозяйствами и захватываются под частные огороды. Не способствует сохранности поселений и активная промышленная деятельность. Между тем обнаруживаемые в районе новые археологические материалы не только обогащают имеющиеся коллекции, но и дают повод для пересмотра наших представлений об истории существовавших здесь некогда государств². Положение, в котором оказался сегодня Херсонес, окруженный кольцом стен и более или менее «спасенный» лишь чудом удерживающимся культурными традициями XIX в. с ореолом первой купели русского христианства, тоже не может считаться благополучным. В городских предместьях Херсонеса, культурный слой которых содержит — подобно афинскому Керамику — ценные, но неисследованные остатки, размещаются различные подсобные хозяйства военно-морских сил, которые не считаются в своей деятельности с заповедным статусом этой территории. Характерно, что важнейший вопрос об укреплении подмываемых морем берегов Гераклейского полуострова, вместе со скалами которого исчезают ценнейшие архитектурно-археологические памятники Херсонеса, никто даже и не поднимает. Все привыкло к мысли, что на получение действительно крупных средств для сохранения культурно-исторического наследия рассчитывать невозможно.

Особенно острое положение сложилось в Керчи, где памятники археологии и архитектуры уничтожаются для расчистки места намеренно. Происходит поспешный снос зданий впрок, пока как говорится, не схватили за руку. Уже во время разработки в 1976—1979 гг. исторического опорного плана города, выполнявшегося НИИМ объединения «Союзреставрация», начался снос ценных, отмеченных в плане ансамблей и зданий — застройки Фонтанной площади, улицы Пирогова, здания Таможни. С еще большей легкостью были уничтожены разбросанные по городу археологические остатки. Был закончен начатый в 1960-х годах снос застройки XIX в., окружавшей восьмигранную площадь Ленина, что превратило этот образчик русского градостроительства Крыма в бесформенное, неорганизованное пространство. Были покрыты асфальтом припортовая территория античного Пантикапея, античного и византийского Боспора, русского Корчева, генуэзского Черкио и турецкой крепости.

² Сазанов А. В. Позднеантичный Боспор: периодизация и историческое развитие // Тезисы докладов Крымской науч. конф. «Проблемы античной культуры». Ч. III. Симферополь, 1988. С. 215 сл.

Подобный подход к древним памятникам представляется недопустимым. На месте снесенных кварталов необходимо провести исчерпывающие археологические исследования без применения машинной техники. Проект благоустройства зоны следует выполнять поэтапно, следуя за раскопками, превращая наиболее интересные из вскрываемых археологических памятников в элементы эстетического и содержательного «оформления» архитектурного пространства, в объекты притяжения туристов.

В последние годы опасность грозит памятникам, находящимся на господствующей над Керчью горе Митридат, где начиная с VI в. до н. э. существовал акрополь и основное ядро города Пантикапея. Здесь уже много лет продолжаются раскопки и находится огражденный металлической сеткой законсервированный участок, на котором возвышается единственный реконструированный в СССР фрагмент античного здания дорического ордера (увы, он уже нуждается в укреплении). Совсем рядом вдоль хребта Митридата в 1987—1988 гг. продолжили теплотрассу, которая нарушила античный некрополь и вышла на жилую территорию. Теперь же на склонах горы расчищается место для нового жилого строительства (тепло-то уж есть!), в результате которого будет уничтожена террасная застройка XIX — начала XX в. Хотя генеральным планом развития г. Керчи предусмотрено устройство автостряды север — юг к западу от заповедной археологической зоны, городские власти намереваются устроить проезд прямо через гору Митридат. Это неминуемо приведет к гибели значительных участков заповедной зоны (принятие или отклонение проекта заповедника, разработанного объединением «Союзреставрация», целиком зависят от керченских властей) и нарушению целостного вида горы — этого важнейшего для городской панорамы природного ориентира и достопримечательности ландшафта.

Даже в тех случаях, когда нет прямой опасности разрушения крымских архитектурно-археологических памятников, официальные круги чаще всего не имеют представления о потенциальных возможностях использования уникальных античных и средневековых объектов как центров культурно-интеллектуального притяжения района или города. За редкими исключениями (Херсонес, Судакская крепость) раскопки не ограждены, никем не охраняются, руины не реставрируются и не обретают вид, способный привлечь местное население и приезжих. Наше культурное наследие не превращается в общественное достояние, не используется для сохранения нашей исторической памяти. Не используются античные архитектурно-археологические остатки и в качестве интереснейших туристских объектов, хотя туризм составляет в Крыму постоянную статью дохода (неизвестно только куда расходujemo). Яркий пример — комплекс «Чайка» в районе пионерлагерей в Евпатории, городище трех строительных периодов V в. до н. э. — II в. н. э. Для непосвященного взгляда — это немые руины, вызывающие недоумение случайных посетителей. А они могли бы явиться основой для создания центра юных историков, клуба по интересам, столь важного в современном городе вообще, а в районе пионерлагерей в особенности. Обнаруженные после полуторазековых поисков остатки античной Керкинитиды (прабабушки Евпатории) недоступны для обозрения. Дирекция санатория МО лишь снисходительно терпит осыпавшийся котлован раскопа, который мог бы служить украшением места, а при умелой постановке дела даже источником дохода для санатория.

Изложенная ситуация показывает, что необходимо принятие срочных общегосударственных мер по охране античных и прочих памятников культуры Крыма. Они имеют не только местное или всесоюзное, но и международное значение. С учетом этого следует разработать целостную программу действенных мероприятий, не полагаясь на некомпетентные в этой области местные органы. Необходимо ускорить разработку и узаконение проектов заповедных охранных зон для всех городов, населенных пунктов и территорий Крыма, где существуют археологические и архитектурные памятники, культурные слои, обещающие ценные находки.

Нужны немедленная организация и выделение ресурсов на ограждение и эффективную охрану памятников, на поддержание существующего на сегодняшний день их состояния. Памятники истории следует превратить в социально значимые, эстетически привлекательные градостроительные объекты, для чего, как показывает советский и зарубежный опыт, в архитектуре и дизайне существует ряд вполне конкретных приемов.

Программа охранных и реконструктивных мероприятий должна быть поддержана информативно-пропагандистской деятельностью, изданием массовой серии брошюр, предназначенных не только для туристов, но и для местного руководства, работников культуры и экскурсоводов туристических бюро и здравниц. К этой деятельности целесообразно привлечь общество «Знание».

Декларативные заявления об охране архитектурного наследия в Крыму должны быть законодательным образом оформлены и превращены в постоянно и активно действующую систему.

А. И. Опочинская.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ARTEMIDORI DALDIANI
ONEIROCRITICA

АРТЕМИДОР
СОННИК

Перевод с древнегреческого под общей редакцией
Я. М. Боровского

«СОННИК» АРТЕМИДОРА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

«Сонник» Артемидора — своеобразный, но, несомненно, ценный источник. Как и публиковавшиеся ранее «Дистихи» Дионисия Катона и «Сентенции» Публилия Сира, он дает нам представление о верованиях, чаяниях, быте народных масс, для которых в основном и предназначался труд Артемидора. Из него можно почерпнуть сведения об интерпретации низшими классами идей, имевших хождение в верхах (концепция Артемидора основана на вульгаризованном учении стоиков о мировой взаимосвязи явлений), об их отношении к религиозным верованиям и моральным нормам, о том, что представлялось различным слоям счастьем или несчастьем. Сопоставление текста Артемидора с другими источниками помогает установить, как распространялись по империи представления

возникшие в одной из ее частей. Наконец, его сочинение позволяет судить в известной мере об изменении отношения в эпоху Империи по сравнению с эпохой Республики к различным знамениям, в число которых входили и сны.

Греки и римляне на протяжении всей их истории придавали снам большое значение как в частной, так и в общественной жизни. Цицерон в трактате «О дивинации», выступая в первой книге от имени своего брата Квинта, защищавшего дивинацию, делит способы узнать волю богов и предсказать будущее на искусственные — наблюдение за полетом птиц, поведением предназначенных для этой цели священных кур, ударами молнии, внутренностями жертвенных животных — и естественные — пророчества, данные в состоянии экстаза, и сны, когда душа, как бы освобождаясь от затуманивающего ее видения, обременяющего ее тела, вступает в общение с другими душами, с богами, со всем царящим в мире законом и порядком, содержащим и прошлое, и будущее. Возможность дивинации, в частности, посредством снов (если человек видел их, не будучи отягощен вином и пищей, усиливавшими телесные узы души) признавали представители различных философских школ. Например, перипатетик Дикеарх считал истинными только предсказания, полученные во сне и в состоянии экстаза, отрицая иные виды дивинации. Но особенно уважительно к дивинации относились стоики, исходя из учения о всеобщей взаимосвязи в природе, а также о существовании богов, заботящихся о людях и посылающих им знамения. Так, Хрисипп и Антипатр, по словам Квинта, составили особые трактаты об оракулах и снах и собрали много примеров снов, в свое время интерпретированных знаменитым греческим толкователем снов Антифоном. Квинт приводит несколько примеров. Некто Аристолохий благодаря сну нашел помогающую от укусов змей траву, названную его именем. Мать тирана Дионисия, будучи беременной, видела во сне, что родила сатира: по словам толкователей, сон этот предвещал ее будущему ребенку исключительное счастье и величие. Софоклу Геракл открыл во сне, кто украл золотую чашу из его храма. Приводит Квинт и сны, предсказавшие важные события в истории Рима: сон весталки Илии, матерей Ромула и Рема, переданный Эннием; рассказанный Фабием Пиктором сон Энея о его судьбе; переданный в «Бруте» Атия сон Тарквиния Гордого, предвещавший изгнание того и великое будущее Рима; сон П. Деция, побудивший его обречь себя в жертву подземным богам ради победы римлян в войне с самнитами; сон Гая Гракха, которому еще до его трибуната явился во сне Тиберий Гракх, предрекший брату такую же смерть, какой умер он сам; сон самого Цицерона, которому приснился Марий, обещавший ему скорое возвращение из изгнания.

Некоторые толкования снов признавались важными для всей республики и наряду с другими предзнаменованиями учитывались сенатом. Так, знаменит был случай, который произошел в связи с вотивными играми в честь Юпитера во время войны с латинами. Перед началом игр по арене провели бичуемого раба. После этого во сне одному крестьянину явился Юпитер и велел передать сенату, что ему не понравился «первый плясун» на играх. Непонятливый простолудин пренебрег велением бога даже после повторного его явления, за что был наказан параличом и смертью сына. Тогда крестьянин приказал принести себя в сенат, изложил все дело и сразу же исцелился; сенат же, чтобы заслужить прощение Юпитера, устроил игры вторично. И уже «на нашей памяти», говорит Квинт, сенат поручил консулу Л. Юлию восстановить храм Юноны Соспиты, согласно сну Цецилии, дочери Метелла Балеарского. Некоторые

сны, по признанию Квинта, нуждаются в ученом истолковании, так же как оракулы и пророчества. Так, например, согласно такой интерпретации, если женщине снится, что она родила льва, то республика, в которой она живет, попадет под чужое господство. Вместе с тем Квинт согласен с Энием, презиравшим и ненавидевшим простонародных авгуров из племени марсов, сельских гаруспиков, промышлявших у цирка астрологов и толкователей снов, людей невежественных, суеверных пророков (*vates*) и бесстыдных прорицателей (*harioli*). Как известно, Катон строго запрещал рабам общение с такого рода людьми, что как раз свидетельствует об их популярности в низших классах.

Во второй книге Цицерон, отвечая Квинту и разоблачая, осмеивая все виды дивинации, не обходит своим вниманием и сны (*De divin.* II. 58—72). Много, говорит он, было приложено усилий, чтобы защитить сны как способ узнавать будущее. Платон и Пифагор советовали приготавливаться ко сну трезвостью и воздержанностью. Но почему, спрашивает Цицерон, если можно видеть ложное наяву, нельзя видеть ложное и во сне? Так как снов очень много, какие-то случайно могут сбыться, как при игре в кости может выпасть самый большой выигрыш (такой назывался «Венера»). Обычно же люди снами не руководствуются. Кормчий ведет судно согласно правилам навигации, а не согласно снам. Не могут музы научить нас искусствам во сне, и больному лучше искать помощи у врача, чем у Эскулапа или Минервы. Вообще в то, что боги подают знаки посредством снов, верят только старухи и невежды. Ведь многие сны ложны, а зачем бы богам посылать ложные сны? Хрисипп считал, что только человек с большим пониманием и эрудицией способен интерпретировать сны, но на самом деле толкователи снов — обычно люди очень невежественные. Снам следовало бы быть ясными и понятными, как понятны хорошие поэты, ибо зачем мне предупреждение, если я его не понимаю? То, что представляется душе во время сна, большей частью вызвано тем, о чем мы думали и что делали во время бодрствования. Нет никакой естественной связи между сном и находкой сокровища, получением наследства, почетной должности, победой и т. п. К тому же толкователи по-разному интерпретируют сны, о чем писали и Хрисипп, и Антипатр. Например, бегун видел во сне орла, и один толкователь сказал, что видевший сон победит в Олимпии, а Антифон — что он будет побежден. Таких примеров много. Говорят, что сны можно научиться толковать путем длительного наблюдения, но как можно его вести при таком разнообразии снов? Врач способен судить о болезни, кормчий — о состоянии моря, астрономы вычислили вечные движения планет, так как все это подчиняется законам природы; сны же им неподвластны; для них нет ни порядка, ни правил, по которым их можно интерпретировать. Суеверие распространено повсюду и, пользуясь глупостью людей, подчиняет себе их души. И полезно было бы его изгнать, бороться с ним даже и тогда, когда оно живет во мнении философов.

Плиний Старший, как и Цицерон, скептически относится к снам. Он признает, что это вопрос важный и сложный, к тому же спорный; что доводы «за» и «против» веры в сны примерно равноценны и не ясно, есть ли в сновидениях какой-то разумный смысл (*ratio*) или они случайны. Но сам Плиний склонен к последнему мнению, считая, что сон — это уход души внутрь самой себя (т. е. не общение с законами миропорядка), и ссылается на то, что сны видит не только человек, но и кони и собаки, овцы и козы, и даже другие, низшие животные (NH. X.98).

Однако в народе вера в сны, как и в пророчества, данные в состоянии

экстаза, была широко распространена. Так, в «Амфитрионе» Плавта (585 сл.) раб Сосий говорит, что после дурного сна следует призвать Юпитера, отвращающего знамения (*Iovi Prodigiali*), и умиловить его жертвенной лепешкой (*mola salsa*) и благовониями (*thure*). В комедии «Грубиян» (293) раб, предсказание которого сбылось, собирается отпустить длинные волосы и начать пророчествовать (*hariolari*). Рассказы о некоторых снах становились пережившим века фольклором, распространенным во всех слоях общества. Так, в «Привидении» Плавта (470 сл.) раб Транион, намереваясь отпугнуть Феопропида — отца своего молодого господина, рассказывает, что 60 лет назад прежний хозяин дома убил и ограбил своего гостя, а труп зарыл в доме. Мертвец явился во сне сыну Феопропида и рассказал, что живет в их доме, так как Ахеронт и Орк его не принимают, поскольку он преждевременно ушел из жизни, обманутый, убитый и оставленный без погребения, так что теперь это жилище нечисто (*impia habitatio*). Плиний Младший в письме к Суре (VII.27), спрашивая его мнение о природе привидений (имеют ли они собственный облик или порождены нашими страхами), передает, между прочим, слышанную им весьма похожую историю, происшедшую с философом Афенодором: тот, приехав в Афины, узнал о доме, в котором никто не может жить из-за пугающего жильцов привидения. Он, однако, решил там поселиться, и когда привидение явилось (на этот раз наяву), узнал от него, что это призрак человека, который некогда был убит в этом доме; следуя его указаниям, Афенодор в присутствии властей отыскал его кости и должным образом похоронил, после чего дом стал пригоден для жилья. В «Любителе лжи» Лукиана почти о том же самом рассказывает пифагореец Аригнот (31) уже как о случившемся с ним самим в Коринфе: он пошел ночевать в дом, где являлось привидение; принимая разные облики, оно пыталось его убить, но философ укротил его прочитанным по-египетски заговором. Аригнот нашел в том месте, где призрак скрылся под землю, кости убитого и похоронил их, после чего призрак мертвеца перестал являться. Упомянувшийся выше рассказ Цицерона о явлении во сне крестьянину Юпитера после бичевания раба на арене во время открытия вотивных игр был затем повторен другими писателями разных веков (Liv. II.36; Val. Max. I.7,4; Lact. Div. Instit. II.7).

Время жизни и деятельности Артемидора (вторая половина II в.) было особенно благоприятно для появления его книги, написанной им, по его словам, на основании как трудов его предшественников, так и многочисленных наблюдений и расспросов разных лиц о виденных ими снах и последовавших затем событиях.

То было время, когда, несмотря на прославление авторами, близкими ко двору, правящим классам и связанной с ними интеллигенции «золотого века» Антонинов, уже ощущались первые симптомы надвигающегося кризиса, до основания потрясшего империю в III в. Это был кризис основных институтов античного общества. В экономике наметился упадок рабовладельческого хозяйства и обусловленное им обеднение городов и муниципальных землевладельцев — сословия декурионов, основной опоры Ранней империи. В сфере социальной происходило фактическое разрушение порядков, некогда сложившихся в результате побед греческого демоса и римского плебса: исчезло бывшее равенство перед законом граждан, разделенных теперь на *honestiores* и *humiliores*, живших в строго иерархизированном обществе, где низший уже по самому своему положению был обязан высшему повиновением, лестью, услужливостью — *obsequium*; законы, дозволявшие самопродажу в рабство свободнорожден-

ного совершеннолетнего, достигшего 25 или даже 20 лет, подрывали одно из важнейших завоеваний плебса — безусловный запрет на обращение гражданина в раба. В сфере политической все больше разрастался некогда вообще отсутствовавший бюрократический аппарат и — как неизбежное следствие — коррупция, фаворитизм, интриги, притеснения простых людей. Во всех слоях общества росло чувство неуверенности в завтрашнем дне и зависимости, начиная от сенатора, зависевшего от каприза императора, и кончая колоном и ремесленником, зависевшими от землевладельца и его управителя или от патрона ремесленной коллегии и работодателя. Давящее ощущение несвободы, отчуждения усугублялось всеобщими подозрительностью и недоброжелательством к людям, как-то выделявшимся из общей массы. Император мог сослать или казнить сенатора за то, что тот богат, образован, деятелен, любим войском и народом, а значит, может стать его потенциальным соперником. Толковый, знающий раб подозревался господином в мятежных наклонностях; искусный ремесленник вызывал зависть собратьев по ремеслу. Подобные настроения обусловили столь часто встречающиеся в близких к народной идеологии баснях Федра и Авиена призывы жить незаметно, ничем не выделяясь, не навлекая на себя недоброжелательство. В городах соперничали за влияние и почести различные кланы, пытались погубить конкурентов с помощью наместника провинции или самого императора, что особенно наглядно демонстрирует судьба знаменитого Герода Аттика. В романе Филострата об Аполлонии Тианском упоминается человек, посаженный в тюрьму из-за того, что купил дом на уединенном острове, а это вызвало сомнение в его благонадежности. Если попавший в плен солдат был известен как человек, склонный к уединению, то делался вывод, что он попал в плен нарочно, с намерением дезертировать. Из переписки Плиния Младшего с Траяном мы знаем, какой мелочной опеке подвергались действия граждан провинциальных городов и как строго контролировались. А из ряда высказываний, вложенных Филостратом в уста Аполлония Тианского, якобы одобрявшего соперничество граждан в городах и осуждавшего практику «срезания высоких колосьев», т. е. преследования людей выдающихся, мы можем заключить, что подобная практика была в ходу.

В идеологической сфере обусловленное всеми упомянутыми явлениями разложение античных истоков проявлялось как разложение созданных античным обществом ценностей. Уже давно никого, кроме глашатаев официальной пропаганды, не привлекал и не вдохновлял «римский миф» об избранности римского народа, призванного править миром. Потускнели образы героев прошлого, служивших осуществлению миссии Рима. Для людей, причастных философии, примерами для подражания были уже не эти герои, а Сократ, Диоген, Кратет, умевшие довольствоваться абсолютным минимумом жизненных благ и потому сохранявшие духовную свободу, Пифагор, овладевший многими тайными знаниями и их развивший. Для свободных трудящихся и рабов такими примерами были Геракл, ставший богом за свои труды на пользу человечества, Сильван, также (по одной версии) ставший богом сын раба, помощник крестьянина, хранитель его участка, нерушимой межи и добрососедских отношений.

Известное разочарование стала вызывать и философия, некогда бывшая основным элементом культурной системы античности, источником знаний о наилучшей жизни как отдельного гражданина, так и гражданской общины, к которой он принадлежал. Из сочинений Лукриана и Секста Эмпирика мы видим, что многочисленность философских школ, по-

разному толковавших одни и те же проблемы мироздания, долга человека и гражданина, добродетели, счастья и путей его достижения, недоказуемость различных постулатов, лежавших в основе как научных, так и философских теорий, отчасти и недостойное поведение многих философов, явно противоречащее их учению о воздержанности и добродетели, подрывало авторитет философии как наставницы жизни. Несомненно, играло роль еще одно обстоятельство: если бы человек даже и достиг высшей добродетели, проповедовавшейся наиболее популярной школой стоиков, ее по существу не к чему было бы применить. По учению стоиков (что особенно полно отразилось в сочинении Марка Аврелия), в мире ничего нельзя изменить, и только глупец и невежда может бороться с царящей в мире установленной космическими, природными законами необходимостью. Люди всегда были, есть и будут порочны и несчастны; все всегда было и будет неизменно и одинаково; исправить что-либо невозможно; остается только самоусовершенствоваться, достичь добродетели, дабы иметь для себя какую-то опору среди этого всеобщего хаоса. Но подобная цель не могла быть особенно привлекательна для огромного большинства людей, иные же большие цели, как коллективные, так и индивидуальные, ради которых стоило бы жить и бороться, философия предложить уже не могла.

Не могла сделать это и официальная идеология с ее культом вечного Рима, непобедимого императора со всеми его добродетелями, «золотого века», якобы раз и навсегда осчастливившего жителей империи, так что все новое, лучшее становилось невозможным и даже немыслимым. Споры о наилучшем устройстве государства, или совокупности граждан, объединенных в античную гражданскую общину, некогда столь занимавшие умы греков и римлян и вдохновлявшие их на борьбу, заглохли. Не появлялись и новые утопии. Лукиан в «Правдивой истории» говорит о своем намерении подражать Ямбулу, но в удивительных странах на земле, луне и небе, куда попадают его герои, нет и намека на какое бы то ни было социальное устройство, что резко отличает Лукиана от Ямбула. В вечной, неизменной действительности можно было усовершенствовать лишь какие-нибудь частности: дать большую самостоятельность городам или, напротив, еще сильнее ее ограничить; требовать от богатых и знатных большей щедрости по отношению к родным городам или полностью освободить их от затрат на городские нужды; возвести на престол императора, избранного и одобренного сенатом, или передавать власть от отца к сыну, дабы последний, получив ее по наследству, был менее зависим от сената, и т. п. Да и эти частные проблемы занимали сравнительно узкие круги, мало волнующие широкие массы, стремившиеся скорее к тому, чтобы как можно меньше соприкасаться с миром знатных и богатых, с чиновниками, судьями, патронами, господами.

Таким образом, философия и политика, некогда игравшие в жизни античного общества ведущую роль, потеряли власть над умами.

Зато на передний план выдвинулась религия. Ранее выполнявшая в основном роль связующего элемента, цементирующего различные коллективы, от фамилии до города (коллективы, сами определявшие этические нормы для своих сочленов, каравшие их осуждением или награждавшие одобрением), теперь религия служит источником морали и за честную, добродетельную жизнь обещает награду богов, если не в этом, то, по крайней мере, в загробном мире. Вера в бессмертие души, в возможность апофеоза даже для самого простого человека, чуждая римлянам в эпоху расцвета их *civitas*, теперь становится всеобщей. На надгробиях покой-

ный изображается с атрибутами того или иного бога, возносящимся в небо, пирующим в загробном мире в кругу семьи и друзей; в эпитафиях выражается уверенность, что в награду за достойную жизнь умерший живет в Элизии в обществе богов и сам стал Дионисом или Аттисом, любовником Кибелы, водит хороводы нимф.

Соответственно с упадком стоицизма все большее значение приобретают платонизм и различные опиравшиеся на него философско-религиозные учения. Стоицизм включал бога в природу как ее разум, душу, вечный закон; платонизм римского времени выводил бога за пределы мира, противопоставлял его как высшее добро мира духовного массе зла подлунного материального мира, давая таким образом объяснение происхождению этого зла как порождения материи. Между благим богом и материальным космосом выстраивалась целая иерархия промежуточных сил: богов традиционной религии, часто связывавшихся с небесными светилами, демонов, гениев, душ умерших людей и душ, никогда не живших в теле. Целью адепта было, пройдя между демонами и богами планетных сфер, вырваться из царства царящей на земле необходимости, разобщенности, отчужденности в надзвездное царство истинной свободы и единения, приобщиться к верховному благу принципу. Помимо изучения философских систем, создававшихся платониками и их последователями, более легкому и непосредственному достижению той же цели служили посвящения в мистерии различных богов — Диониса, Исиды, Осириса, Митры и многих иных; знакомство с тайными, малопонятными магическими формулами, будто бы дававшими власть над демонами, различные магические обряды, амулеты и т. п.

Ощущение бесцельности существования, втиснутая в узкие рамки иерархического общества повседневность, порождающая чувство несвободы, отчужденности, униженности, вызывали почти болезненное стремление ко всему чудесному, из ряда вон выходящему. Рассказами о страшных злодеяниях, необычайных людях и животных, полусказочных странах, призраках, предзнаменованиях наполнены романы того времени, как предназначенные для людей малообразованных, так и претендующие на внимание более изысканной публики, как, например, роман Филострата об Аполлонии Тианском, а также другие сочинения для «легкого чтения» вроде «Пестрых рассказов» Элиана. Достаточно известно из «Любителя лжи» Лукиана и его же истории лжепророка Александра из Абонотиха и его бога Гликона, как рассказы о разных чудесных явлениях (призраках, оживших статуях, демонах) были распространены даже в самом «интеллигентном» обществе и как легко любой шарлатан мог возвыситься, пользуясь жаждой людей всех сословий обрести какие-то новые возможности приобщиться к божественным тайнам и узнать свое будущее. Тот же Лукиан в «Собрании богов» говорит, что теперь дает пророчества уже не только Аполлон, но всякий политый маслом и украшенный венком камень или алтарь, если находится действующий при них ловкий обманщик (12).

Лишь немногие, подобно Лукиану, не верили в чудеса и предзнаменования. Плиний Младший в упомянутом письме к Суре хотя и считает вопрос о привидениях спорным, все же рассказывает как нечто достоверное случай с Курцием Руфом, когда тот был еще ничем не выдающимся членом штата наместника Африки. Во время прогулки в портике ему явилась женщина сверхчеловеческой красоты и величия, назвалась Африкой и предсказала ему, что он достигнет в Риме самых высоких должностей и почестей, вернется управлять Африкой и там умрет, — и все испол-

нилось совершенно точно. Другой случай произошел в доме самого Плиния: привидение срезало клочок волос у младшего брата его отпущенника, а вскоре и другому мальчику показалось ночью, что ему остригли голову двое в белом, которые вошли в спальню детей рабов через окно. В обоих случаях с наступлением дня обнаружилось, что волосы действительно были сострижены. По мнению Плиния, это означало, что сам он избежал обвинения Домициана, которое имело бы место, если бы император прожил дольше, так как обвиняемые отращивают волосы. В письме к Светонию (I.18) он в ответ на просьбу отложить тяжбу (поскольку, напуганный сном, Светоний боится неблагоприятного исхода) советует тому выяснить, действительно ли сон был неблагоприятным. Сам Плиний, собираясь выступить в суде за Юлия Пастора, видел во сне свою тещу, умолявшую его не выступать, но тем не менее выступил, имел большой успех и прославился.

Среди простого народа было много прорицателей (*vates*), иногда при определенных богах (например при Гелиосе), иногда просто пророчествовавших в состоянии транса. Юристы даже разбирали вопрос, можно ли считать склонность раба в обществе других фанатиков или у алтаря впадать в экстаз и пророчествовать, а также в качестве оракула давать ответы на вопросы пороком, дающим покупателю такого раба право аннулировать³ покупку (*Dig. XXI.I,1,9—10*). В посвященных богам надписях мы постоянно читаем, что дар божеству был принесен вследствие видения или сна. Вещие сны обычно встречаются в романах. В «Метаморфозах» Апулея убитый соперником муж является жене во сне и открывает ей имя преступника (VIII.8). Во сне же Исида открыла Луцию, как он сможет из осла снова стать человеком, и предсказала ему будущее, а впоследствии во сне сообщила ему, в какой день он сможет принять посвящение в ее мистерии. Сон же дал ему знать о предстоящем посвящении в мистерии Осириса, о чем, также во сне, был предупрежден совершавший посвящения жрец (XI. 5—6; 22; 27).

Сны, как и другие предзнаменования, непременно упоминают Светоний и «*Scriptores Historiae Augustae*» в биографиях императоров. Цезарю власть над миром предвещал сон о совокуплении с матерью, так как мать — не что иное, как Земля, родительница всего живого; перед смертью же Цезарь видел сон, будто летит под облаками, и потом — как Юпитер пожимает его руку (*Suet. Div. Iul. 7; 81*). Август придавал большое значение снам. Его мать, заснув в храме Аполлона, видела, будто сочеталась со змеем, почему Августа считали сыном Аполлона. Перед его рождением его матери приснилось, что ее чрево вознеслось ввысь, заслонив небо и землю, а ее мужу — что из ее чрева исходит сияние солнца; позже тот увидел во сне сына с молнией и скипетром в руках в одежде Юпитера на колеснице, запряженной 12 конями. Кв. Катул видел во сне Августа ребенком на коленях у Юпитера, возвестившего, что из него вырастет хранитель римского народа (*Suet. Div. Aug. 94*). Тиберий в свой последний день рождения видел во сне статую Аполлона, привезенную им из Сиракуз: та произнесла, что не ему суждено ее освятить (*Suet. Tib. 74*). Многие знамения и сны предвещали падение Нерона (*Suet. Nero. 46*). Гальба в день совершеннолетия увидел во сне Фортуну, а проснувшись, нашел ее статую у своей двери. Жрецу же Юпитера Клунийского перед воцарением Гальбы снилось, что из Испании выйдет владыка мира (*Suet. Gal. 4. 9*). Когда Адриан хотел покончить с собой из-за мучивших его болезней, к нему пришла слепая женщина, которая сказала, будто во сне ей было дано указание сообщить Адриану, чтобы

он не делал этого, так как здоровье к нему вернется. Не выполнив этого указания, она ослепла; и тогда вторично во сне ей было дано повеление сказать о приснившемся сне Адриану. Исполнив это, женщина вновь обрела зрение (SHA. *Hadg.* 25). Предстоящую же смерть Адриану предрекали сны, в одном из которых он получил сонное питье от своего отца, а в другом был побежден львом (*ibid.* 26). Перед получением титула Цезаря Марку Аврелию снилось, что у него плечи и бедра из слоновой кости, а значит, могут нести тяжелое бремя (SHA. *M. Ant. Phil.* 5; Dio Cass. 72.36.1). Те же источники повествуют о разных предзнаменованиях, в том числе и о снах, предрекавших приход к власти Септимия Севера: во сне он видел, что его, как Ромула и Рема, кормит волчица; что он должен восстановить в Тарраконе разрушенный храм Августа; что некто отвел его на высокую гору, с вершины которой он видел все земли и моря римского мира, и когда он простер над ними руку, они все вместе зазвучали в унисон, как флейта или лира; когда же он был в Паннонии, жрец Юпитера увидел во сне гибель черного человека, прокладывавшего себе путь к лагерю Септимия Севера, чтобы его убить, — это предвещало победу последнего над Песценнием Нигером (SHA. *S. Sev.* 1; 3; Dio Cass. 75.3.3; 8.2).

Отношение к снам и другим знамениям стало иным, нежели в III—I вв. до н. э. Тогда, как мы знаем из многочисленных сообщений Тита Ливия о различных продигиях, о них докладывали сенату, и если он считал дело важным, то поручал ведавшим Сивиллиными книгами децимвирам посмотреть, что в книгах сказано о способах умиротворить богов и отвести от республики опасность, возведенную знамениями. Сны также могли иметь общее для всего гражданства значение. Например, как уже упоминалось, сон о рождении женщиной льва предвещал республике, в которой она жила, угрозу попасть под чужое господство (Cic. *De divin.* I.53). При империи государство настолько слилось с личностью принцепса, что неблагоприятные знамения могли в первую очередь быть отнесены к нему или самым близким к нему лицам. Так, комета, видимая в Риме в течение многих дней; появившийся из Везувия огонь, сопровождавшийся гулом, слышным даже в Капуе; вышедшее из моря огромное чудовище будто бы предшествовали падению Плавциана — всемогущего временщика Септимия Севера (Dio Cass. 76. 16. 5; 77. 2. 1). Видимо, поэтому продигии не афишировались, не предавались гласности, хотя, несомненно, о них ходили различные слухи и втайне делались соответствующие комментарии. Дион Кассий сообщает об ужасных знамениях, последовавших после смерти императора Макрина: молния ударила в амфитеатр Флавиев, и возник пожар, который невозможно было потушить; Тибр вышел из берегов; наблюдались затмение солнца и две кометы, причем хвост одной из них простирался по небу с запада на восток. Однако все эти события не стали предметом официального рассмотрения. По словам Диона Кассия, некоторые люди рассказывали, что видели огромную мрачную женщину, предрекавшую большие несчастья, и действительно, варвары стали побеждать римлян, а граждане — жестоко страдать от мятежей солдат (Dio Cass. 79.25.4—5; 26.1; 30.1). Лица, подозревавшиеся в том, что какие-то сны или предсказания предвещали им императорскую власть, подвергались большой опасности. Лукиан в «Алексаднре» рассказывает, что лжепророк держал в своих руках, пантажируя их, знатных римлян, обращавшихся к нему в письменном виде с соответствующими вопросами (32). Адриан, по словам его биографа, принудил к смерти Фуска, надеявшегося на основании предсказаний и знамений на императорскую власть (SHA. *Hadg.* 23). Септимия Севера, когда он был проконсулом в Сицилии, обвинили

в том, что он там советовался с прорицателями и халдеями о своих видах на престол. Он был оправдан префектом претория; но, став императором, сам казнил многих, гадавших о его судьбе, подозревая особенно того, кто, по его мнению, подходил для того, чтобы стать принцем, и о ком доносили, что тот гадал, действительно ли этого достигнет (SHA. Sept. Sev. 4.15). Каракалла казнил наместника Бетики Цецилия Эмилиана за то, что тот обратился к оракулу Геракла Гадитанского (Dio Cass. 78.18). Наместник Азии Апрониан при Септимии Севере был обвинен и осужден потому, что, по слухам, его кормилица видела во сне, будто он станет императором. Когда дело докладывалось в сенате, стало известно, что во время рассказа об этом сне в комнату заглядывал лысый сенатор. По словам Диона Кассия, все лысые сенаторы, даже не бывшие в доме Апрониана, чрезвычайно испугались, а пышноволосяные шептались между собой, называя то одного, то другого из лысых, пока не выяснилось, что то был Бебий Марпеллин, поплатившийся головой (Dio Cass. 77.8—9).

В то же время были изданы гораздо более суровые, чем прежде, законы против прорицателей и чародеев, причем если ранние законы против волшебства, например в XII Таблицах, имели общее для всего гражданского коллектива значение, равно защищая всех его сочленов, то теперь в них сказывалась явная социальная направленность. Прорицателей, претендовавших на то, что они исполнены божеством, после бичевания изгоняли или заточали в тюрьму, дабы они, пользуясь человеческим легковерием, не смущали души народа какими-нибудь надеждами и не портили тем самым нравы. Тех, кто вопрошал математиков, гаруспиков, гадателей о благе принцепса и республики, казнили вместе с теми, кто им ответил, причем рекомендовалось воздерживаться не только от гадания (*divinatione*), но даже от знания книг, которые ему учат. Рабов, гадавших о благе господина, распинали, а гадателей ссылали в рудники (Paul. Sent. V.21.1—3). И все же, как мы видели из приводившихся выше примеров, знатные лица не могли удержаться от того, чтобы не пытаться узнать различными способами — у астрологов, оракулов, прорицателей, толкователей снов, сколько времени проживет правящий император и каковы их собственные перспективы стать его преемником.

Простые люди мало интересовались судьбами императорского трона; они не имели, как правило, возможности принимать посвящение в наиболее, так сказать, эффективные мистерии, ибо, судя по тем же «Метаморфозам» Апулея, посвящение в высшие мистерии, например Осириса, стоило дорого и бедному человеку было не по средствам (XI.28). Но, как мы уже пытались показать, религия, воля богов и посылаемые ими знамения играли в их жизни не меньшую роль, чем в жизни высших классов. Только им приходилось довольствоваться более доступными и дешевыми средствами, обращаться к не требовавшим высокого гонорара выходцам из их же среды — астрологам прорицателям, толкователям снов и видений, тем более что если их гадание не было направлено против вышестоящего человека (например раба против господина), они не рисковали навлечь на себя такие кары, какие грозили приближенным принцепса. Известно, например, как много примитивных гороскопов было найдено на стенах домов Дура-Европос, а следовательно, ни заказчики, ни исполнители не боялись каких-либо репрессий. Доступен был и астрологический трактат — «Тетрабиблион» Птолемея, ставившего астрологию выше других способов дивинации.

Видимо, в основном для выходцев из этой же среды, хотя, возможно, и не только для них, был предназначен и «Сонник» Артемидора.

Этот источник интересен во многих отношениях, особенно потому, что он дополняет наши скудные сведения о живших в народной среде представлениях, чаяниях, а также о ряде бытовых подробностей (например о разных кушаниях, виденных во сне). Интересно, что в связи с иерархичностью общества Артемидор толкует сны, исходя, так сказать, из социального положения того, кто сон видел, причем дифференциация у него довольно дробная: различаются люди богатые и знатные, бедняки, солдаты, земледельцы, пастухи, ремесленники, купцы, мореплаватели, кредиторы и должники, философы, рабы греческие и римские, простые рабы и рабы-управляющие («пользующиеся доверием господина»), отпущенники и т. д. Для разных категорий людей один и тот же сон может быть благоприятным или неблагоприятным, причем предзнаменование, опять-таки в зависимости от личности сновидца, может иметь разные последствия, определяющиеся тем, на что могут претендовать люди, стоящие на различных ступенях социальной лестницы. Например, если женщина видит во сне, что родила орла, то она родит сына, и этот сын, если беден, то станет солдатом и будет стоять впереди войска, так как войску предшествует орел, а если он среднего достатка, то будет бороться со многими трудностями, но составит себе знаменитое имя. Если же сын богат, то он будет повелевать многими и, может быть, даже станет царем. Видеть во сне мертвого орла хорошо только для раба и для тех, кто чего-нибудь боится, так как этот сон предвещает смерть господина или того, кто угрожает (II.20). Если мужчине снится, что он родил, то для бедняка, должника, раба это к освобождению от неприятностей, для богатого и знатного — к потере того, что он имеет, для купца — к выгодному сбыту товаров (I.14). Сон об ударе молнии, согласно древним толкованиям, говорит Артемидор, означал для бедного обогащение, для богатого — потерю состояния. Позднейшие толкователи, продолжает он, принимают во внимание также рабов: пораженные молнией не имеют больше господина, и, так как их почтил Зевс, с ними обходятся как с отпущенниками, которых почтили их господа. По мнению самого Артемидора, этот сон предвещает свободу для рабов, не пользующихся доверием господина; те же, кого господин уважает и кто приобрел большое состояние, после такого сна лишаются доверия, почета и имущества (II.9). Мирно настроенный лев предвещает счастье и прибыль, которую солдат получит от царя, атлет — от своей силы, раб — от господина (II.12). Видеть себя во сне солдатом — к смерти и неприятностям для всех, кроме тех, кто не имеет работы: они получают работу и заработок, так как солдат имеет занятие и ни в чем не нуждается. Рабам этот сон предвещает почет, но не свободу: даже став отпущенниками, они останутся как бы рабами и подчиненными, поскольку солдат хотя и свободный человек, но подчиненный (II.31). Видеть во сне мертвого кредитора для всех — к освобождению от горя и забот. Для раба кредитор — это господин, требующий у него деньги, полученные за работу по найму. Для наемного работника кредитору соответствует наниматель (III.41). Видеть человеку во сне, что у него выросло много ушей, для раба плохо, ибо это означает, что он еще долго будет повиноваться, но для ремесленника хорошо, так как он услышит много заказов. Иметь ослиные уши во сне к добру для философов, поскольку ослы не поддаются чужим мнениям, для всех же других это означает рабство и плачевное существование (I.24). Иметь во сне много ног хорошо для купца, судовладельца и всякого, имеющего много наемных работников, так как они будут отдавать приказания большому числу людей. Потеря ног означает утрату рабов, но также и детей, ибо дети служат родителям так же, как рабы, и находятся под их

охраной и заботой (I.48). Белая одежда благоприятна тем, кто ее обычно носит, а также греческим рабам, остальным же сулит беспокойства, ибо в белом ходят кандидаты на должности. Для римских рабов, поскольку они одеваются так же, как их господа, этот сон не к свободе, как для греческих, но все же благоприятен им, если они хорошо себя ведут. Пурпурная одежда предвещает свободу рабам, поскольку им запрещено ее носить, богачам же — почетное положение. Потеря одежды — к беде для всех, кроме рабов, бедняков, заключенных и должников: для них это означает исчезновение зла, давящего на тело (II.3). Быть во сне продаваемым хорошо для того, кто хочет изменить свое положение (для бедняков и рабов), но плохо для богатых и уважаемых. Многие, видевшие такой сон, затем действительно были проданы (IV.15).

Как известно, в литературе велся спор о том, была ли в римском мире безработица. Артемидор часто упоминает об отсутствии работы, что представлялось большим бедствием. Несколько соответственно истолкованных снов уже упоминалось выше. Можно еще привести благоприятный для ремесленников сон, когда те видят, что имеют много рук, так как это означает, что они будут непрерывно обеспечены работой (I.42). И напротив, неблагоприятны были сны, если грамотный человек видел, что учится грамоте: это сулило безработицу, сопряженную с трудом и страхом (I.53). Также к отсутствию работы для ремесленника было видеть во сне, что его родила женщина (I.13). Сон об участии в упражнениях эфебов для рабов означал свободу, для ремесленников же и раторов — безработицу на год (I.54). Безработицу и нужду предвещал также сон о болезни (III.28). Видимо, для ремесленников речь в основном шла не столько о работе по найму, сколько об обилии или отсутствии заказов, что указывает на большую роль в экономике не только изготовления товаров на продажу, но и работы на заказ (достаточно известно, сколь много внимания заказам и подрядам уделяли юристы), что обычно мало учитывается при изучении ремесленного производства в римское время, так как основное внимание уделяется торговле.

Отношение к различным административным и муниципальным должностям ясно из толкования снов, в которых человек видит себя секретарем, что означало занятие делами, не касающимися его, мучения и труды (только для рабов этот сон сулил управление домом и доверие хозяина). К беспокойству и злословию было также видеть себя надзирателем за улицами, постройками, рынками, воспитанием юношества, нравами женщин, главой коллегии или жертвователем в пользу города. Такие сны могли быть хороши только для совершенно неимущих (II.30).

Узнаем мы о чаяниях и опасениях рабов. На первом месте стоят сны, относящиеся к свободе, примеры которых мы уже приводили выше. Свободу предвещал рабу сон о том, что он идет на войну (I.5), что он превратился в бронзу, так как отпущенники ставят в качестве посвященных даров бронзовые изображения (I.50), что он едет верхом на лошади, дует в трубу жреца и особенно, что он выступает как глашатай, ибо тогда он получит свободу не по милости господина, а потому, что кто-то начнет дело о его свободе (I.56). К свободе был и сон о том, что рабу отрубили голову, так как голова — повелитель тела, и, значит, раб останется без господина (I.35), а также о том, что у него выпали все зубы, ибо он не должен будет больше приносить господину то, что заработал, и получать пищу от другого (I.31); что он побеждает в беге, так как это значит достижение цели (I.58); что он носит подобающий только свободным венок из оливы, дуба, лавра (I.77); что он царь или полководец (II.30); что его приносят в жертву

божеству в общественном месте — это предвещало получение свободы особенно почетным и славным образом (II.51); такое же значение имел и увиденный во сне памятник (II.61).

Напротив, раб еще не скоро получит свободу, если видел во сне, что его голова стала большой или что он увенчивает статуи богов цветами, так как это велит повиноваться господину и угрожать ему (II.33). Некоторые сны предвещали рабу не свободу, но тоже желанное возвышение над своими сотоварищами. Так, если рабу снилось, что его родила женщина, это означало любовь к нему господина и прощение вины (I.13). Один раб видел во сне, что, стоя в пруду, дает почести лягушкам, и затем он стал надзирателем за другими рабами в доме господина (II.15). Почетное положение ожидало раба, если он видел себя во сне солдатом (II.31). Морское путешествие предвещало ему господство над своим господином (III.16). Очень сложно толковался сон о полете: если рабу снилось, что он летит лицом к небу, это означало, что он перейдет в более знатный, может быть, даже царский дом; если он летит по дому, это значило, что он у господина поднимется выше многих; если по двору — то после дней счастья покинет дом как мертвец; если он вылетит через дверь, то будет продан, если через окно, то убежит (II.63). Неблагоприятен был сон о лошадиной гриве, означавший для рабов оковы (I.20). Обезглавливание во сне означало для рабов потерю доверия господина (I.35). Сон о сборе маслин, вообще благоприятный, для рабов был к розгам; взбаламученная речная вода сулила недовольство судей для свободных и господ — для рабов (II.27). Грозный бык знаменовал для бедняка опасность от высшего начальника, для раба — от господина (II.12).

Для времени жизни Артемидора, когда уже стало возможно порабощение свободнорожденного, характерно, что некоторые сны толковались как предвещающие потерю свободы. Лошадиная грива для свободных сулила нужду и рабство (I.20). Облысение и слепота были благоприятны для опасавшегося, что его силой лишат свободы (I.21,26), а кораблекрушение — для того, кого удерживали в рабстве (II.23). Один грек был обращен в рабство после того, как ему приснилось, что он учит римскую азбуку (I.53). Рабство предвещал сон, в котором человек был запряжен в повозку (III.18), к рабству и подчинению снился гранат (I.73).

Данные Артемидора подтверждают и пополняют почерпнутые из других источников сведения о моральных и религиозных представлениях в народе, показывая тем самым степень их распространенности. Так, мы знаем, что строительные и плотничьи инструменты, особенно угломер, уровень и отвес, а также лопатка штукатура считались символами праведной жизни (Pseudoascon. Carm. III.15,2) и как таковые нередко изображались в Галлии и Италии на алтарях и надгробиях. По Артемидору же, сон о плотничьем ремесле приносит счастье всем, кто старается жить праведно. Он добавляет и сапожное ремесло, благоприятное, поскольку оно связано с шитьем, для тех, кто хочет вступить в брак или товарищество (I.51).

Очень подробно разбираются сны о богах: олимпийских богов хорошо видеть во сне влиятельным лицам, небесных — людям среднего достатка, земных — беднякам. Сны о подземных богах благоприятны для крестьян, о морских — для моряков и для всех, кто кормится от воды. К земным богам, которых идеологи высших классов презирали, именовали «чернью» за их связь с земным, т. е. материальным миром, но которых тем более почитали среди низших классов, Артемидор относит Гекату, Пана, Асклепия, Диоскуров, Геракла, Диониса, Гермеса, Немесиду, Афродиту, Тюхе, Гефеста, харит, нимф, Гестию, т. е. тех, которые или стали богами за свои

заслуги или были покровителями земледелия, ремесла, врачевания. Тюхе, т. е. Фортуна, и Немесида в это время пользовались особым почитанием среди простого народа и солдат как носительницы справедливости и подавательницы заслуженного счастья. Гестия-Веста вместе с римскими ларами была хранительницей домашнего очага.

К подземным богам Артемидор относит Плутона, Персефону, Деметру, Кору, Сараписа, Анубиса, Исиду, Эриний, подземную Гекату и их демонов (II.34). Геката — богиня волшебства — появляется у него и среди земных, и среди подземных богов. Как латинская Тривия, связанная с перекрестком дорог, она и в Италии, и в западных провинциях была близка другим божествам, отождествлявшимся с ларами перекрестков, блюстителями моральных норм в фамилии и добрососедских отношений. Посвящения Тривии часты на Рейне и в Галлии, где она сливалась с богинями-матронами или матерями, изображавшимися по трое (трехликой была и Геката) и выполнявшими отчасти схожие с ларами функции (преемницами этих богинь в христианские времена в странах кельтов и германцев были различные белые дамы и тому подобные духи, тоже являвшиеся обычно на перекрестках).

Перечисляет Артемидор и богов, видеть которых во сне было благоприятно в тех или иных случаях, что опять-таки показывает, какие в народе с ними связывались надежды или опасения. Так, Афина (т. е. Минерва) сулила добро для земледельцев и ремесленников (II.35). Диоскуры предвещали опасность, от которой они спасут. Видеть Геракла к добру для всех, живущих согласно законам и правилам морали, особенно если они терпят обиды, так как он, и живя среди людей, всегда был защитником угнетенных, но для поступающих плохо он губителен. Пан хорош для пастухов и охотников; для прочих он означает мятежи и ненадежность того, на что они полагаются. Дионис снится на благо виноградарям, трактирщикам, а также находящимся в затруднительном положении, ибо его имя означает прекращение неприятностей. Дионисова свита предвещает опасности и клевету. Участие в вакхическом шествии неблагоприятно для всех, кроме рабов, так как им такой сон сулит свободу. Немесида хороша для людей умеренных и повинующихся законам и враждебна нарушающим закон и стремящимся к высокому положению. Хариты и нимфы благоприятны для всех (II.37). Плутон и Персефона — к добру для бедных, для тех, кому что-то угрожает, для покупающих землю и для политиков, ибо эти боги правят многими. Сарапис, Осирис, Исида, Анубис и Гарпократ — спасители терпящих несчастья, поэтому сон о них предвещает бедствия, из которых, против ожидания, они выведут (II.39). Интересно, что сон о Гелиосе предвещал рабам свободу, поскольку люди называют свободу солнцем (II.36). Это толкование позволяет полагать, что несмотря на незначительное число упоминающих Гелиоса или Sol надписей какие-то реминисценции идей гелиополисов Аристоники продолжали жить и могли способствовать распространению солярных культов, которые, хотя и насаждались сверху, но могли получить свою интерпретацию в низах.

Всякие бедствия, неурожай, неудачи, бесстыдного и сильного врага предвещал кабан (II.12). И на изображениях Фракийского всадника последний часто поражает кабана, видимо, как символ злого начала. Возможно, с этими же изображениями, на которых всадника-охотника обычно сопровождают собаки, связано толкование сна об охотничьих собаках как знамения прибыли (II.11). Очень благоприятен — к богатству — был сон про дракона, который, по словам Артемидора, означал царя, правителя, хранителя сокровищ, а также время, так как он вечно обновляется.

Вместе с тем он персонифицировал тех богов, которым был посвящен, — Зевса, Сабасия, Гелиоса, Деметру, Кору, Гекату, Асклепия и героев (II.13). Между тем, хотя никакого официального культа Дракона не было, известно несколько надписей из Рима и дунайских провинций, посвященных Дракону или Драконам (CIL.VI.143, 30866; III.8238). В посвящении с Дуная, сделанном рабом, Дракон назван наряду с Юпитером, Юноной, Драценой и Александром, очевидно, пресловутым пророком из Абонотиха, поскольку на Дунае тот упоминается в нескольких надписях вместе со своим богом, змеем Гликоном (CIL. III.1021, 1022).

Таким образом, Артемидор, который, по его словам, разъезжал по всей империи, собирая сведения для своей книги, учел наиболее распространенные в различных ее областях поверья, что придает особый интерес его сведениям.

Сны Артемидор большей частью толкует по каким-то аналогиям, придавая объяснению видимость логичности. Так, например, колени для него означают отпущенников, ибо колени обязаны служить, как и ступни, но, находясь выше тех, они не рабы, а отпущенники (I.47). Петух, который будит людей на работу, в доме небогатого человека означает хозяина, в доме богатого — управителя (II.42). Вместе с тем Артемидор старается подвести и, так сказать, некую теоретическую базу под свои толкования, исходя из тесной взаимосвязи всего, в том числе и человека, с тем, чем он владеет. Так, рабы связаны с телом своего господина, и тот, кто увидит во сне, что заболели его рабы, заболает сам, ибо тело относится к душе так же, как рабы к тому, кто видел сон. Некто видел во сне, что его подковали, — пошел на войну и стал всадником: в данном случае безразлично, подковали ли его или его лошадь. Тот же принцип взаимозависимости относится и к кровным родственникам, единомышленникам, людям с одинаковыми именами (IV.30). На подобном основании толкуется случай, когда один хромой видел во сне, что захромал его раб, а затем поймал того у своей любовницы (III.51). Домашние собаки соответствовали жене, дому, состоянию: если во сне они были хорошо откормлены, это значило, что жена и рабы будут послушны, трудолюбивы, а состояние прочко (II.11). Зубы соответствовали членам фамилии: правые — мужчинам, левые — женщинам. Но если у землевладельца работали только мужчины, то все зубы означали мужчин. Сон о выпавшем зубе предвещал смерть того члена фамилии, которому этот зуб соответствовал (I.31). Такое представление о всеобщей взаимосвязи, очевидно, восходило к вульгаризированному учению стоиков, объяснявших, как упоминалось выше, возможность предзнаменований, в частности и во сне, единством мира, события или движения в одной части которого сказываются и на других входящих в его состав компонентах.

Давая толкования снов, Артемидор вместе с тем признает, что не всегда они могут сбываться. Так, Хризампел, искусный игрок на лире, во время процесса, начатого им из-за уведенного в рабство сына, видел во сне Пана, сидящего на рынке в римской одежде, предрекшего ему, что он выиграет дело, но он его проиграл (IV.72). Возможность ошибок во всех видах дивинации признавали и другие ее сторонники, но обычно ссылались на то, что допущенные в любом искусстве или науке ошибки не опровергают истинность этих искусств и наук, как, например, ошибка врача не ставит под сомнение самое существование и пользу медицины.

Мы ограничились лишь немногими примерами из книги Артемидора. Но и они показывают, что изучение ее в сопоставлении с другими источниками может дать немало интересного материала для характеристики быта и

социальной психологии античного общества в конце принципата и особенно низших классов этого общества. К сожалению, до нас не дошли другие аналогичные сборники, с которыми мы могли бы сопоставить сочинение Артемидора и проследить эволюцию соответствующих представлений, выяснить, что было заимствовано Артемидором у его предшественников, а что было навеяно его современностью. Но и сам по себе «Сонник» Артемидора представляет собой ценный исторический источник, еще очень мало использовавшийся в литературе по истории античного мира.

Е. М. Штаерман.

К АВТОРАМ «ВЕСТНИКА ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ»!

Редакционный Совет и редколлегия ВДИ приняли решение о максимальном объеме следующих материалов, присылаемых в редакцию: обзоры — до 20 машинописных страниц, рецензии — до 12, сообщения в раздел «Научная жизнь» — до 10.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВ — Византийский Временник
 ВИ — Вопросы истории
 ВНеф — Матве М. Э. Во времена Нефертити. Л.— М., 1965
 ВФ — Вопросы философии
 ДМ — Древний мир. Изборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима. Под ред. Б. А. Тураева и И. Н. Бороздина. Ч. 1. Восток. Изд. 3-е. М., 1917
 ИДВ — Тураев Б. А. История древнего Востока. Ч. 1. Курс, читанный в СПб. Университете. СПб., 1913
 ИДЕ — Матве М. Э. Искусство древнего Египта. М., 1958
 ИДЕг — Матве М. Э. Искусство древнего Египта. Л.— М., 1931
 ИНЦ — Матве М. Э. Искусство Нового царства XVI—XV веков. Л., 1947
 ИФЖ — Историко-филологический журнал
 КИДВ — Культура и искусство древнего Востока. [Набор открыток] Л., 1939
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 НАА — Народы Азии и Африки
 НДВШ — Научные доклады высшей школы
 ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
 ПС — Палестинский сборник
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 СЭ — Советская этнография
 ТГУ — Тбилисский государственный университет
 ЭВ — Эпиграфика Востока
 ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
 AA — Archäologischer Anzeiger
 AAA — Annals of Archaeology and Anthropology
 Aegy — Aegyptus. Milano
 AeISBM — Roeder G. Aegyptische Inschriften aus den Staatlichen Museen zu Berlin. Bd 2. Inschriften des Neuen Reichs. Lpz, 1924
 AeP — Ranke H. Die aegyptischen Personennamen. Bd 1. Verzeichnis der Namen. Glückstadt, 1935
 AJA — American Journal of Archaeology
 APAW — Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften
 ARK — Schafer H. Amarna in Religion und Kunst. Lpz, 1931
 ASAE — Annales du Service des Antiquités de l'Egypte. Le Caire
 BSA — Annual of the British School at Athens
 BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies
 CA — Peet T. E., Woolley C. L. The city of Akhenaten. Pt 1. Excavations of 1921 and 1922 at El-Amarnah. With chapters by B. Gunn and P. L. O. Guy and drawings and plans by F. G. Newton. L., 1923; Frankfort H., Pendlebury J. D. S. The city of Akhenaten. Pt 2. The North suburb and the desert altars. The excavations at Tell el Amarna during the seasons 1926—1932. With a chapter by H. W. Fairman. L., 1933; Pendlebury J. D. S. The city of Akhenaten. Pt 3. The central city and the official quarters. The excavations at Tell el-Amarna during the seasons 1926—1927 and 1931—1936. With chapters and contributions by J. Cerný, H. W. Fairman, H. Frankfort, Mrs. L. Murrey Thriepand, Mrs. Julia Samson. V. 1—2. L., 1951
 CIEFC — De Garis Davies N. A Corpus of inscribed egyptian funerary cones. Ed. by M. F. L. Macadam. Pt I. Oxford, 1957
 CMIEA — De Morgan J., Bouriant U., Legrain G., Jéquier G., Barsanti A. Catalogue des monuments et inscriptions de l'Egypte antique. Sér. 1. Haute Egypte. T. 1. De la frontière de Nubie à Kom Ombos. Vienne, 1894

- CMS — Corpus der Minoischen und Mykenischen Siegel
- DAeAe — *Lepsius R.* Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. 3. Abt. Denkmäler des Neuen Reiches. B., [circa 1850]
- EA — *De Garis Davies N.* The rock tombs of El Amarna. London; Pt 1. The tomb of Meryra, 1903; Pt 2. The tomb of Panehesy and Meryra II. 1905; Pt 3. The tombs of Huya and Ahmes. 1905; Pt. 4. Tombs of Penthu, Mahu, and others. 1906; Pt 5. Smaller tombs and boundary stelae. 1908; Pt 6. Tombs of Parennefer, Tutu, and Aÿ. 1908
- EW — *Stuart V.* Egypt after the war. L., 1893
- FTEQ — *Stuart V.* The funeral tent of an Egyptian queen. L., 1882
- GR — Greece and Rome
- HPKG — *Griffith F. Ll.* Hieratic papyri from Kahun and Gurob (principally of Middle kingdom). Text. Plates. L., 1898
- IG — Inscriptiones Graecae
- JA — Journal Asiatique
- JEA — Journal of Egyptian Archaeology
- JHS — Journal of Hellenic Studies
- JNES — Journal of Near Eastern Studies
- JSS — Journal of Semitic Studies
- KEA — *Schäfer H.* Kunstwerke aus El-Amarna. Bd 1—2. B., 1923
- MDIAAK — Mitteilungen des Deutschen Instituts für ägyptische Altertumskunde in Kairo
- MDIAK — Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts. Abteilung Kairo. Mainz am Rhein
- MDOGB — Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin
- MDREN — *Mariette-bey A.* Monuments divers recueillis en Egypte et en Nubie. P., 1872; *Mariette-pâcha A.* Monuments divers recueillis en Egypte et en Nubie. Texte par G. Maspero. P., 1889
- MMA EE — Metropolitan Museum of Art. Egyptian expedition
- MSECAE — *Bouriant U., Legrain G., Jéquier G.* Monuments pour servir à l'étude du culte d'Atonou en Egypte. T. 1. Les tombes de Khouitatonou. Le Caire, 1903
- RFM — *Clère J. J.* Rapport sur les fouilles de Médamoud (1927). Le Caire, 1928; *Cotté-vieille R.* Rapport sur les fouilles de Médamoud (1932). Les reliefs d'Aménophis IV Akhenaten. Le Caire, 1936]
- RKA — *Schäfer H.* Die Religion und Kunst von El-Amarna. B., 1923
- RSch — *Hering E.* Rätsel der Schrift. Lpz, 1962
- RTRPhAEA — Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. Paris
- SchNSch — *Hering E.* Schrieb Noah schon? Lpz, 1957
- SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften
- TEA — *Petrie W. M. Fl.* Tell el Amarna. With chapters by A. H. Sayce, F. Ll. Griffith and F. C. J. Spurrell. L., 1894
- TTA — *Sandman M.* Texts from the time of Akhenaten. Bruxelles, 1938
- TVR — *De Garis Davies N.* The tomb of the vizier Ramose. L., 1941
- U18D — *Helck W.* Urkunden der 18. Dynastie. Berlin. Heft 20. Historische Inschriften Amenophis' III. 1957; Heft 21. Inschriften von Zeitgenossen Amenophis' III. 1958; Heft 22. Inschriften der Könige von Amenophis' III. bis Haremheb und ihrer Zeitgenossen. 1958]
- VMPh — *Desroches-Noblecourt Ch.* Vie et mort d'un pharaon — Toutankhamon. [P.,] 1963
- ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Перепелкин Ю. Я.</i> — Жрец царя во главе государства	4
<i>Андреев Ю. В.</i> (Ленинград) — Мinoйский Дедал	29
<i>Шелов Д. Б.</i> (Москва) — Танаис — эллинистический город	47

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Гуляева Н. П.</i> (Ленинград) — Бронзовые кувшины из Помпей	55
<i>Зундерман В.</i> (Берлин) — Еще один фрагмент из «Книги гигантов» Мани	67
<i>Лившиц В. А., Никитин А. Б.</i> (Ленинград) — Парфянские надписи с Гебеклы-депе	80

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Большаков О. Г.</i> (Ленинград) — Общество, классы и государство: важность дискуссии	90
<i>Кузищин В. И.</i> (Москва) — О формировании государства в Риме	92
<i>Маяк И. Л.</i> (Москва) — К вопросу о социальной структуре и политической организации архаического Рима	94
<i>Николс К.</i> (Париж) — Римская республика и современные модели государства	97
<i>Смышляев А. Л.</i> (Москва) — Античная гражданская община: отсутствие или особый тип государственности	99

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Дарбанова Е. М.</i> (Улан-Удэ) — Древнемесопотамский сборник свотолкований (К вопросу о структуре построения текста)	102
<i>Вигасин А. А.</i> (Москва) — Наем в древней Индии	108
<i>Молчанов А. А.</i> (Москва) — Типология минойских сфрагистических формул	117
<i>Кузнецов В. Д.</i> (Москва) — Ремесленники Элевсина	127

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ, НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Новое о древней Южной Аравии (продолжение)

<i>Бретон Ж.-Ф.</i> (Париж) — Работа Французской археологической миссии в Южном Йемене	148
<i>Мегрэ де А.</i> (Неаполь) — Работы Итальянской археологической миссии в Северном Йемене	155
<i>Амирханов Х. А.</i> (Москва) — Древняя Аравия: проблемы заселения и протопристорический культурный субстрат	164

<i>Пилипко В. Н.</i> (Ашхабад) — Голова в шлеме из Старой Нисы	167
<i>Лордкипанидзе О. Д.</i> (Тбилиси) — Новая находка в Вани (Предварительное сообщение)	178

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Ростовцев М. И.</i> Глава VI. Государство и культура Боспорского царства	183
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Орел В. Э.</i> (Москва) — I. M. Diakonoff, S. A. Starostin. Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian Language. München, 1986	204
<i>Ярхо В. Н.</i> (Москва) — Новые литературные тексты из собрания оксиринхских папирусов (The Oxyrhynchus papyri. V. 53. L., 1986)	205
<i>Муравьев С. Н.</i> (Москва) — Об искусстве библиографа (Platon 1958—1975 par Luc Brisson // Lustrum. T. 20. 1977; Platon 1975—1980 par Luc Brisson, avec la collaboration d'Hélène Ioannidi. T. 25. 1983; T. 26. 1984; Platon 1981—1985 par Luc Brisson. T. 30. 1988)	215

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Виноградова Н. А.</i> (Москва) — Древнекитайская бронза в собрании музея Гугун (Пекин)	221
---	-----

PERSONALIA

75-летие Елены Михайловны Штаерман	227
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Гроссман Ю. М., Лисовой И. А. (Львов) — Чтения памяти профессора С. Я. Лурье	228
Памяти М. М. Кобылиной	232
Опочинская А. И. (Москва) — Античное архитектурное наследие в Крыму. Проблема его сохранения	233

ПРИЛОЖЕНИЕ

Штаерман Е. И. М. (Москва) — «Сонник» Артемидора как исторический источник	236
--	-----

CONTENTS

G. Ya. Perepelkin — The King's Priest at the Head of the State	4
Yu. V. Andreev (Leningrad) — Minoan Daedalus	29
D. B. Shelov (Moscow) — The Hellenistic City of Tanais	47

PUBLICATIONS

N. P. Gulyaeva (Leningrad) — Bronze Ewers from Pompeii	55
W. Sundermann (Berlin) — Another Fragment of Mani's Book of Giants'	67
V. A. Livchitz, A. B. Nikitin (Leningrad) — Parthian Inscriptions from Gyobekly-Depe	80

DISCUSSIONS

O. G. Bolshakov (Leningrad) — Society, Classes, and State: the Importance of the Discussion	90
V. I. Kuzishchin (Moscow) — The Formation of the State in Rome	92
I. L. Mayak (Moscow) — Concerning the Social Structure and the Political Organization of Archaic Rome	94
C. Nicolet (Paris) — The Roman Republic and Modern Models of the State	97
A. L. Smyshlyayev (Moscow) — Civil Communities in the Antiquity: Absence or a Special Type of State Structure	99

REPORTS AND COMMUNICATIONS

E. M. Darbanova (Ulan-Ude) — An Ancient Mesopotamian Dreambook (Observations on the Structure of a Text)	102
A. A. Vigin (Moscow) — Hire in Ancient India	102
A. A. Molchanov (Moscow) — The Typology of Minoan Sphragistic Formulae	117
V. D. Kuznetsov (Moscow) — Craftsmen of Eleusis	127

ANCIENT CIVILIZATIONS: NEW DISCOVERIES

J.-F. Breton (Paris) — The Work of the French Archaeological Mission in South Yemen	148
Maigret de A. (Naples) — The Work of the Italian Archaeological Mission in North Yemen	155

<i>Kh. A. Amirkhanov</i> (Moscow) — Ancient Arabia: Complete Settling and the Protohistorical Cultural Substratus	164
<i>V. N. Pilipko</i> (Ashkhabad) — Helmeted Head from Staraya Nisa	167
<i>O. D. Lordkipanidze</i> (Tbilisi) — A New Find in Vani (preliminary communication)	178

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>M. I. Rostovtsev</i> . Chapter VI. The State and Culture of Bosporan Kingdom . .	183
---	-----

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>V. E. Orel</i> (Moscow) — I. M. Diakonoff, S. A. Starostin. Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian Language. München, 1986	204
<i>V. N. Yarkho</i> (Moscow) — New Literary Texts from the Oxyrhynchus Papyri Collection (The Oxyrhynchus papyri. V. 53. L., 1986)	205
<i>S. N. Mouraviev</i> (Moscow) — On the Bibliographer's Art (Platon 1958—1975 par Luc Brisson // Lustrum. T. 20. 1977; Platon 1975—1980 par Luc Brisson, avec la collaboration d'Hélène Ioannidi. T. 25. 1983; T. 26. 1984; Platon 1981—1985 par Luc Brisson. T. 30. 1988)	215

IN WORLD MUSEUM COLLECTIONS

<i>N. A. Vinogradova</i> (Moscow) — Old Chinese Bronze in the Gugun Museum (Peking)	221
---	-----

PERSONALIA

The 75-th Birthday of Ye. M. Shtaerman	227
--	-----

SCIENTIFIC EVENTS

<i>Yu. M. Grossman, I. A. Lisovoy</i> (Lvov) — Session in Memory of Professor S. Ya. Lurye	228
In Memory of M. M. Kobylina	232
<i>A. I. Opochinskaya</i> (Moscow) — Classical Architectural Legacy in the Crimea and the Problems of Its Conservation	233

SUPPLEMENT

<i>Ye. M. Shtaerman</i> (Moscow) — Artemidorus «Oneirocritica» as a Historical Source	236
---	-----

Технический редактор *Н. П. Торчигина*

Сдано в набор 19.05.89 Подписано к печати 29.08.89 Формат бумаги 70×100^{1/16}
 Высокая печать Усл. печ. л. 20,8 + 2 вкл. Усл. кр. отт. 136,7 тыс. Уч.-изд. л. 24,5 Бум. л. 8,0
 Тираж 6423 экз. Зак. 2992 Цена 2 р. 50 к.

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237. Тел. 126-94-37
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6